

Факультет свободных искусств и наук
Санкт-Петербургского
государственного университета

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

UNDER THE ARCH

XII Международные
Студенческие Смольные
чтения

12–14 апреля, 2024

Оглавление

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА	3
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ	49
ИСТОРИЯ	80
КИНО И ВИДЕО	140
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	161
МУЗЫКА И ТЕАТР	210
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	224
СОЦИОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	290
ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА	346
ФИЛОСОФИЯ	404
GAME STUDIES	433

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА

Образ женщины на обложках журналов конца XIX — начала XX веков

Аксенова Анна Владиславовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

avaksenova_5@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Подледнов Денис Дмитриевич, НИУ ВШЭ — СПб*

The image of a woman on the covers of magazines of the late 19th — early 20th centuries

Aksenova Anna

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

Исследование посвящено выявлению художественных особенностей конструирования женского образа на обложках журналов конца XIX — начала XX веков (на примере *Jugend*, *Cocogico*, *Ver Sacrum* и *Collier's Weekly*). Такие хронологические рамки выбраны исходя из того, что именно в это время происходят глобальные изменения по отношению к художественной культуре: заметная усталость представителей художественной интеллигенции от исторических стилей XIX века, что сподвигает на создание и превалирование стиля «модерн» [1], а, с другой стороны, — уже функционирование такого хронотипологического этапа, как модернизм.

Актуальность исследования обусловлена тем, что образ женщины на обложках журналов является важной частью истории культуры и социальной истории, а также зеркалом общественных изменений и трансформаций в определенный период [2]. Изучение поставленного вопроса может помочь в понимании того, как менялись представления о роли и статусе женщин в обществе, а также как эти изменения отражались в культуре и массовой культуре. Так, посредством анализа изображений на журнальных обложках можно выявить эстетику трансформации женских образов и выделить особенности влияния эпохи модерна на восприятие образов женщин [3].

В связи с этим, можно поставить следующий исследовательский вопрос: «Как художественные направления конца XIX — начала XX веков повлияли на изображение женщин на обложках популярных журналов США и стран Европы?»

Цель исследования — выявить тенденции изображения женщин в конце XIX — начале XX веков. Задачами исследования являются: обозначение художественных концепций, с помощью маркеров которых конструировались женские образы на страницах журналов, соотношение женских образов на обложках журналов США и стран Европы, а также дальнейшее сопоставление особенностей образов с повседневными культурными стереотипами.

Исследование подразумевает обращение к системному, функциональному, формально стилистическому и семиотическому методам анализа, поскольку помимо исследования женских образов на обложках журналов как составных частей единого стиля модерн, работа предусматривает исследование функций женских образов и выявление их социального значения через взаимосвязь с культурными стереотипами. Объектом работы являются обложки журналов конца XIX — начала XX веков.

Прогнозируемыми результатами исследования является выявление определенного архетипа женщины, который будет отображать женское стремление к эмансипации на стыке веков. Вместе с этим автор предполагает, что художественные особенности конструирования женского образа на примерах анализа журналов США и Европы будет отличаться, исходя из географической принадлежности вариаций стиля «модерн» и особенностей культурного и социального развития.

Список источников:

1. Покидченко, И. М. (2019). Стиль «модерн» — изобразительное искусство европейского «декаданса» конца 19 века. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики, Познание*, 3(90), 16–19.
2. Сарабьянов, Д. В. (1989). *Стиль модерн: истоки, история, проблемы*. Москва, Искусство.
3. Графова, Е. О. (2020). Образы женщин-цветов, женщин-бабочек в художественном опыте искусства Италии и Франции эпохи модерна. *Вестник РГГУ, Философия. Социология. Искусствоведение*, 1(20), 139–154.

Визуализация греха в работе Иеронима Босха «Семь смертных грехов и четыре последние вещи»

Арсланова Камелия Руслановна

Казанский Федеральный (Приволжский) Университет

kameliyaa.arslanova@gmail.com

Научный руководитель: *Масалова Ольга Алексеевна, доцент кафедры всемирного культурного наследия, КФУ*

The visualization of sin in Hieronymus Bosch's work *The Seven Deadly Sins and the Four Last Things*

*Arslanova Cameliya
Kazan Federal University*

Иероним Босх является представителем художественного ремесла эпохи Северного Возрождения, и чуть ли не самой яркой его фигурой. Между современным человеком и художником пропасть в более чем 600 лет, однако его творчество является предметом живого интереса практически всех людей, хоть как-либо связанных с миром искусства. Его произведения и по сей день остаются одной из самых больших загадок для современных искусствоведов. Символы из религиозных текстов, метафоры политической повестки, отсылки к староголландскому фольклору, все эти вещи прекрасно считываемые современниками, для человека XXI века представляют собой некий квест-шараду, и именно этим и объясняется такая популярность художника.

В начале статьи подчеркивается значимое место Иеронима Босха в истории искусства. Он является одним из наиболее выдающихся представителей художественного ремесла своей эпохи. Информация о биографии художника остается ограниченной, и это способствует появлению слухов, легенд и мифов вокруг него. Однако, основные документальные данные, выявляющие главные причины, приведшие к феномену «босховского стиля» и становлению Иерона ван Акена, как художника, также перечислены в статье.

Статья затем обращается к анализу конкретного произведения Босха — «Семь смертных грехов и четыре последние вещи». Указывается, что это одна из наиболее известных и хрестоматийных работ художника, в которой он изображает семь смертных грехов — гордость, зависть, гнев, праздность, скупость, пьянство и похоть — и четыре последние вещи — смерть, суд, ад и рай. Данная работа рассматривается в контексте религиозных и культурных влияний и традиций эпохи.

Кроме того, статья освещает влияние Иеронима Босха на современное искусство и выделяет его предтечу-роль в формировании сюрреалистического направления. Работа представляет собой значимый вклад в изучение и понимание искусства Иеронима Босха, его влияния и его места в контексте истории искусства.

Список источников:

1. Подгорная, И. А. (2018). *Социокультурная динамика христианской семерницы грехов в экфрасисе текстов культуры*. Чита: ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет».

2. Райгородский, Л. Д. (2012). О некоторых символах картин Иеронима Босха. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, 2, 184–190.
3. Подгорная, И. А. (2015). Грех чревоугодия в художественной картине мира: образы винопития на картинах Иеронима Босха. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 146–150. Тамбов: Грамота.
4. Матирная, А. О. (2018). *Феномен творческого наследия Иеронима Босха*. Краснодар: Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО «КубГУ»).

Трансгуманизм в контексте виртуальной реальности: эксперименты и исследования медиа-художников

Бондарева Софья Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

bondarevasofa818@gmail.com

Научный руководитель: *Подледнов Денис Дмитриевич, НИУ ВШЭ*

Transhumanism in the context of virtual reality: experiments and research of media artists

Bondareva Sofia

National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg

Актуальность работы обусловлена тем, что исследование искусства в контексте виртуальной реальности представляет собой важный шаг в понимании современной творческой эволюции. Технологические инновации, такие как VR, оказывают значительное влияние на процессы творческого самовыражения, открывая новые пути и возможности для художников и аудитории. Так, виртуальная реальность (VR) представляет собой инновационный инструмент, который стал активно внедряться в мир искусства в последние десятилетия. Всё больше художников уходят в цифровое пространство: «их работы можно рассматривать как часть синтеза науки и искусств, а также, как ключ к пониманию того, каким будет искусство в двадцать первом веке» [2, р. 45]. Одновременно с этим возрастает интерес к идеям трансгуманизма, «рассматривающим влияние технологий на границы человеческого существования» [3, р. 14]. Философия трансгуманизма также стимулирует поиск жизни «за пределами ее нынешней человеческой формы с помощью науки и техники» [2, р. 23].

В настоящей работе ставится следующий исследовательский вопрос: «Как переход в виртуальное искусство расширяет возможности для рефлексии трансгуманистических идей и концепций?»

Автор предпринимает попытку проанализировать, какие тенденции и нарративы функционируют в поле VR-искусства в контексте идей трансгуманизма. Для выполнения поставленной цели необходимо: обозначить основные маркеры и идеи трансгуманизма в перспективе современного искусства; попытаться выявить те темы и сюжеты, на которые рефлексиируют художники. Для анализа были выбраны работы западных художников. Логика исследования предполагает применение методов формально-стилистического и семиотического анализа произведений, созданных с помощью технологий виртуальной реальности. Особое внимание будет уделено сопоставлению визуального ряда художников данного направления и теоретических наработок трансгуманизма для выявления основных тенденций и нарративов в контексте VR-искусства.

На основе анализа произведений различных художников будут установлены общие тематические и идейные аспекты, связанные с трансгуманизмом в контексте виртуальной реальности. Проведенный анализ также поможет выделить специфические черты творчества и определить влияние технологий на визуальное и концептуальное воплощение идей трансгуманизма. Будет проанализировано, как виртуальная реальность изменяет восприятие и взаимодействие зрителя с

произведениями и как это влияет на коммуникацию художника с потенциальной аудиторией.

Список источников:

1. Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Polity Press.
2. Grau, O. (2004). *Virtual Art: From Illusion to Immersion*. MIT Press.
3. More, M. (2013). *The Philosophy of Transhumanism*. Extropy.

Эпоха трех императриц в графике русских художников XIX века

Борисенко Ксения Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет

kseniabor-1@yandex.ru

The reign of the three empresses in the graphics of Russian artists of the

XIX century

Borisenko Ksenia

Saint Petersburg State University

В настоящем исследовании анализируются графические изображения императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II Алексеевны, а также сцены с их участием, созданные русскими художниками XIX века.

Тема восприятия исторического образа в визуальной ретроспективе XIX века в основном рассматривается через призму исторической живописи. Графика, отражающая сюжеты из отечественной истории, реже становится объектом исследовательского внимания [1]. Отдельные изображения упоминаются в контексте исследований, посвященных развитию искусства гравюры в России, оценке периодических изданий того времени.

Научного акцента на рассмотрение исследуемых персон в визуальной ретроспективе XIX века до настоящего момента сделано не было. В большинстве существующих работ исследовательским материалом становятся изображения, созданные при жизни или в период относительно недавний времени царствования императриц. Помимо обращения к проблеме изучения графики XIX века на тему правления Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II Алексеевны, поднят вопрос формирования историографических тенденций в оценке их деятельности.

Цель работы — определить специфику восприятия образов трех императриц в графике русских художников XIX века. В фокусе исследования — сюжеты, сформированные в изучаемый период, однако практика создания копий прижизненных портретов и сюжетных изображений также проанализирована с целью оценки влияния на формирование сюжетов нового типа. В работе применены методы исторического, стилистического, источниковедческого и компаративного анализа. Ключевыми источниками стали иллюстрированные издания исторического характера, периодические издания XIX века, а также сборники графики, включающие в себя произведения, созданные в этот период [2; 3; 4; 5].

Первая часть исследования представляет историографический обзор, вторая — анализ источников репрезентации в графике, в ходе которого выделяются различия в интерпретации изданий разного типа, третья — подробное рассмотрение изображений, в которых нашли отражение сюжеты, сформированные в изучаемый период. В работе выделены содержательные и художественные особенности отражения каждой исследуемой персоны в графике XIX века, сформулированы специфические составляющие сюжетов нового типа.

Список источников:

1. Чернышева, М. А. (2022). Формирование популярной исторической культуры в России. Иллюстрации на сюжеты из отечественной истории в изданиях середины XIX века. В сб. *Актуальные проблемы теории и истории искусства* (с. 351–364). СПб.
2. Верещагин, В. А. (1898). *Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий. 1720–1870*. СПб.: Типография В. Киршбаума.
3. Золотов, В. А. (1871). *История России в картинах. В 8 томах. Т. 8*. СПб.: типография товарищества «Общественная польза».
4. Строев, В. М. (1844). Т. 3. *Живописный Карамзин, или Русская история в картинах*. В 3 томах. СПб.: типография Х. Гинце и Э. Праца.
5. Ровинский, Д. А. (1887). *Подробный словарь русских гравированных портретов*. В 4 томах. Т. 2. СПб.: Имп. Акад. Наук.

Теория винтажа: производство эстетического между материальностью и временем

Валеева Надежда Борисовна

Тюменский государственный университет

n.valeeva.sas@gmail.com

Научный руководитель: *Wangert Devin, PhD in Visual Studies, University of Tyumen*

The theory of vintage: creation of the aesthetic between materiality and time

Valeeva Nadezhda

University of Tyumen

In “What is Philosophy?” Deleuze and Guattari identify percepts and affects as existing independently of subjective experience; the very duality of object and subject itself is erased, and the erasure comes from the definition of man. Man is defined as a compound of percepts and affects; art is defined the same, and both art and man exist in themselves as beings of sensation. [1] Affects, to Deleuze and Guattari, are “nonhuman becomings of man”; [1] at issue is, then, the possibility of a symmetrical becoming of a piece of art under the affects of man and the forms that this interpenetration may take.

What complicates this relationship is the limitedness of the physical form of an art piece; to put it simply, no art is materially eternal. Rhetorically, Deleuze and Guattari ask: “How could the sensation be preserved without a material capable of lasting?” [1] — and, to them, the sensation of art is not only preserved but is created by the material to an extent that renders any separation between the two impossible. The duration of material existence of a piece, regardless of the length of the duration, is enough for the sensation to come into existence and become preserved in itself “in the eternity that coexists with this short duration.” [1]

In Deleuze, a short duration can coexist with an eternity. Two modi of time meet in a single piece of art, and both, one on the level of percepts and one on the level of affects, are in an interpenetrative relationship with the body. Time is out of joint; and, to decipher its paradoxical temporal state, I will pertain to an object the existence of which is dictated by the interplay of material endurance and the accumulation of affects in relation to the human body: vintage clothing.

What clothes accumulate in the process of becoming in relation to the body is their historicity. As the material form of the clothing deteriorates in being worn, the pieces accumulate the sensations of the body in their material. Parasitizing on the affect of clothing, man also destroys its materiality, and there is only a thin line before the piece gives all its existence to the body and renders it worthless. This short time frame is what vintage feeds on: a vintage piece is the one that is full of the bodily affect of a certain epoch to an extent that has not yet destroyed the essential materiality of the piece that contains its sensation. The appeal here, then, is to get the affect of the body of the original owner to be projected on you, in a sense, to become them; not to simply refer to the timeframe of existence of the material piece, but to have the eternally accumulating image of the epoch reflected on you.

Список источников:

1. Deleuze, G., Guattari, F. (1994). *What Is Philosophy? European Perspectives*. NY: Columbia University Press.

От Екатерины I к Елизавете Петровне: иконография российских правительниц эпохи транзита (1725–1761 гг.)

Гуккина Полина Борисовна

Санкт-Петербургский государственный университет

pbgukkina@gmail.com

From Catherine I to Elizabeth Petrovna: iconography of russian monarchs in the age of transit (1725–1761)

Gukkina Polina

Saint Petersburg State University

Как было отмечено Евгением Анисимовым [1] еще в 1986 году, в изучении истории России XVIII века существует заметная диспропорция: период между царствованиями Петра I и Екатерины II исследован значительно меньше, нежели предыдущая и следующая за ним эпохи, т. н. «петровская» и «екатерининская». Это справедливо до сих пор и в отношении истории искусства. Куда реже исследователи затрагивают темы политической репрезентации предыдущих единоличных монархинь (Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и даже Анны Леопольдовны), тем более упуская постепенное формирование гендерного канона до вступления Екатерины II на престол.

Однако именно Екатерина I была одной из главных проводниц европеизированного и в том числе мужского и квазимужского дамского костюма в русскую аристократическую культуру. В мужских военных мундирах она встречала войсковые смотры, в амазонке — посещала мероприятия, требующие большей значительности, чем могло предложить самодержице обычное партикулярное платье [2, с. 213, 215]. Бывшая у власти следующее десятилетие Анна Иоанновна и ее племянница Анна Леопольдовна традиционно не включаются в список продолжательниц дел Петра, но в контексте художественного канона не отклоняются от екатерининской иконографии, но развивают ее. Елизавета Петровна, безусловно, во многом опиралась на легитимизирующую репрезентацию своей матери и даже нарекла невесту наследника ее именем.

Доклад предлагает рассмотреть иконографию правительниц от Екатерины I до Елизаветы Петровны в сравнительной перспективе, чтобы проследить становление парадной репрезентации российских самодержиц, достигшей апогея при Елизавете и начавшей существенно трансформироваться в середине правления Екатерины II. Так, язык самовыражения, которым пользуются самодержицы второй половины XVIII века, был заложен и введен в употребление ещё в 1720–30-е годы. Его поступательное развитие, не прерывавшееся со вступлением на престол новой государыни, свидетельствует об общности визуальной культуры и репрезентационных схем, отвечавших на общий для них вопрос о гендерной легитимности статуса самодержицы. Противопоставление Анны Иоанновны Екатерине I или Елизавете Петровне становится в таком случае гораздо менее выгодной позицией, подчеркивая сложность и неоднозначность вопросов о взаимоотношениях, наследовании и легитимности правительниц первой половины — середины XVIII века.

Список источников:

1. Анисимов, Е. В. (1986). *Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра*. М.: Мысль.
2. Шапиро, Б. Л. (2021). *Русский всадник в парадигме власти*. М.: Новое литературное обозрение.

Экспонирование уличных художников и художников уличной волны в г. Владивосток

Епифанова Ирина Геннадьевна

Дальневосточный федеральный университет

irina_petruk91@mail.ru

Научный руководитель: *Федоровская Наталья Александровна, доктор искусствоведения, ДВФУ*

Exhibition of street artists and street wave artists in Vladivostok

Epifanova Irina

Far Eastern Federal University

Тема исследования актуальна так как заметна тенденция интеграции различных видов уличного искусства в галерейные выставочные проекты в России вообще и во Владивостоке в частности. С 2014 г. во Владивостоке сотрудничеством с уличными художниками и художниками уличной волны занимаются такие крупные культурные организации как ЦСИ «Заря», ЦСИ «Артэтаж», галерея «Арка», где проводятся выставки и проходят проекты по созданию арт-объектов, но исследований этого явления практически не предпринималось.

В данной работе исследуются прошедшие выставки и проекты уличных художников и художников уличной волны в контексте выставочной деятельности культурных институций г. Владивосток. Демонстрируемые произведения художников анализируются, систематизируются, выявляются их особенности, темы, к которым обращаются художники и способы их самовыражения. В исследовании описывается специфика и проблемы экспонирования таких произведений в галерейном пространстве.

Источниками для исследования служат фото и видео работ художников, каталоги выставок, интервью с организаторами и художниками. Методологической основой работы являются методы искусствознания, а также историко-культурный и сравнительно-исторический анализ. Временные рамки исследования: 2014–2023 гг.

Проблематику институционализация уличного искусства исследовал И. Поносов в своей книге «Искусство и город» [1], С. Гырдымова в статье «Проблематика экспонирования стрит-арта» [2] и др.

В ходе данного исследования были проанализированы персональные и коллективные выставки во Владивостокских институциях местных и приглашенных уличных художников и художников уличной волны, таких как Кирилл Крючков, Nomerz, Павел Зюмкин, Слава ПТРК, Тимофей Радя, ostnaner, Захар Кулишов, Богдан Кондрашов, Ярослава Комиссарова, Саша Бухарина, Вова Биттов, tigerlover.

Были выявлены мета-темы — обращение к местному контексту, отражение чувства изоляции, создание фантасмагорических миров, повторение характерного личного изображения или тэга. Используемые медиумы — аэрозольная краска, акриловая краска, стикеры, пиксельная мозаика. Специфика экспонирования — перенос среды, т. к. уличное искусство часто контекстуально, но не всегда.

Потенциальными проблемами могут быть: изменение смысла и воздействия на зрителей из-за изменения контекста; коммерциализация, в галерее произведения

сталкиваются с риском потери своей оригинальной некоммерческой сущности; специфика зрителей, их реакция на произведения в галерее может отличаться от реакции на это искусство в контексте города.

Также, попадая в галерею, художник может потерять мотивацию работать на улице.

Результаты работы можно применить для комплексного изучения искусства в городском пространстве и пространстве галерей города, а также для изучения личного творчества различных художников Владивостока.

Список источников:

1. Поносов, И. (2021). *Искусство и город: граффити, уличное искусство, активизм*. М.: Игорь Поносов.
2. Гырдымова, С. (2021). Проблематика экспонирования стрит-арта. *Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 2(16), 1–12. [URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48320625_24159676.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48320625_24159676.pdf) (дата обращения: 08.01.2024).

Кураторская перспектива: между художественной практикой, отчуждением и апроприацией

Закураева Елизавета Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

elizabeth.zakuraeva@gmail.com

Научный руководитель: *Ноговицын Никита Олегович*, кандидат философских наук, СПбГУ

Curatorial perspective: between artistic practice, exclusion and appropriation

Zakuraeva Elizaveta

Saint Petersburg State University

В докладе предлагается рассмотрение механизмов взаимодействия куратора и художника в процессе создания выставочных проектов и концептуализации искусства. В зарубежных и, в меньшей степени, в отечественных исследованиях о кураторстве много внимания уделяется различным аспектам взаимодействия куратора и зрителя, определению позиции куратора как медиатора, и критически мало — взаимоотношениям куратора и художника в производстве выставочного проекта, определению их ролей и границ взаимовлияния.

С момента появления фигуры куратора на сцене современного искусства (1960-е годы на Западе) паттерны его взаимодействия с другими участниками художественного процесса и культурного производства проходили разные этапы от авторитаризма, мистификации [1] его роли до равенства с художником в формировании художественных нарративов. В данном исследовании с помощью анализа эволюции кураторского дискурса и трансформации кураторской профессии обсуждается характер взаимоотношений куратора и художника/ов в условиях, когда выставка из исторического и набора произведений стала представлять из себя целый визуально-содержательный комплекс, стала своего рода визуализированной философской концепцией куратора, где отдельные работы стремятся к Gesamtkunstwerk. Появление кураторства как дискурсивного и профессионального поля связано с новой культурной парадигмой постмодернизма, где концептуальные основы искусства заместили эстетические, и преимущество перед формой получили идеи и смыслы произведений. Куратор стал буквально требованием времени, он получил власть принимать непосредственное участие в концептуализации произведений (что было делегировано куратору самими художниками), занял транзитную позицию в цепочке коммуникации между художником и зрителем: «современные художники больше не казались творцами объектов и воплощателями идей; настал их черед претендовать на автономность от созданных ими объектов» [2]. Часто кураторы обвинялись в авторитаризме, в объективации художников и их работ, нарушении «художественного суверенитета» [3], в конце концов кураторский поворот в 1990-е годы [1] окончательно утвердил смысловое равенство кураторской и художественной практик и частичную апроприацию их методов, но идентичность куратора так и осталась размытой: он был объявлен и режиссером, и оператором [4]. Является ли работа куратора необходимой в рамках культурного производства и коммодификации

культуры [5], вспомогательной для художественного производства или междисциплинарной творческой практикой, которая, апроприруя и синтезируя методы художников, обновляет и обогащает смысловое поле современного искусства? Ответить на эти вопросы, зафиксировать последние трансформации кураторской позиции и выяснить является ли дистанция и отчуждение восприятия необходимыми условиями совместной работы кураторов и художников призвана данная научная работа.

В качестве источников исследования используются теоретические работы практикующих кураторов, а также приводится современная кураторская рефлексия относительно этических [2] аспектов профессии, коммуникативных стратегий взаимодействия с другими участниками художественного процесса.

Список источников:

1. О'Нил, П. (2015). *Культура кураторства и кураторство культур(ы)*. М.: Ад Маргинем Пресс.
2. Бурханова-Хабазе, А. (2017). Этика куратора как этика «не в полном смысле». *Художественный журнал*, 102. URL: <https://mam.garagemca.org/issue/60/article/1245> (дата обращения: 07.01.2024)
3. Vidokle, A. (2010). Art Without Artists? *E-flux journal*, 16. URL: <https://www.e-flux.com/journal/16/61285/art-without-artists/> (дата обращения: 19.01.2024)
4. Смолянская, Н. (2017). Эстетика после искусства: куратор как оператор. *Художественный журнал*, 101. URL: <https://mam.garagemca.org/issue/55/article/1118> (дата обращения: 07.01.2024)
5. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (2016). *Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Концептуальный конструкт и организация экспозиции кураторских проектов: «Нематериальное» Ж.-Ф. Лиотара и «Седьмой континент» Н. Буррио (к вечному вопросу об идеальном и материальном)

Иванова Елизавета Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

st120632@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Туркина Олеся Владимировна, кандидат искусствоведения, СПбГУ*

**Concept-construction and exhibition organization of curatorial projects:
Immaterial by J.-F. Lyotard and *The Seventh Continent* by N. Bourriaud (the eternal
question of the ideal and the material)**

Ivanova Elizaveta

Saint Petersburg State University

Две выставки «Нематериальное» Жана-Франсуа Лиотара и «Седьмой континент» Николя Буррио на первый взгляд повествуют о разном, но в действительности в них разворачивается дискурс о взаимодействии и коммуникации, о прошлом и будущем, о современности. При исследовании концепций прослеживаются актуальные общие темы, такие как антропогенное воздействие, вопрос коммуникации между людьми и не-людьми и другие важные аспекты бытия. Научный интерес представляет анализ концепций, попытка найти общие линии и различия в проблематике кураторов, определение статуса актуального искусства и роли зрителя в нем.

Целью исследования является выявление различий и сходств в посланиях кураторов. Задачи включают в себя анализ особенностей выставок и их воздействие на зрителей, определение перехода современного искусства из «автономного и приватного символического пространства» в «сферу человеческих взаимоотношений с ее социальным контекстом» [1, с. 15]. В работе использованы теоретические труды Ж.-Ф. Лиотара и Н. Буррио, а также тексты, анализирующие работы авторов и их выставки. Для сопоставления выставочных проектов был применен метод сравнительного анализа, с помощью которого было проведено сравнение концепций и экспозиций. В ходе исследования выявлены различия и сходства в проектах Ж.-Ф. Лиотара и Н. Буррио, определено отношение к категориям времени и пространства, к роли зрителя в современном искусстве, а также обнаружены общие тематические линии, послания, подходы.

Ж.-Ф. Лиотар в своем проекте отказывается от «оформления» объектов в пользу создания эстетического события и представления идеи: «Эта трансформация — от объекта искусства к его идее — отвечает одному из условий творчества в эпоху постмодерна, парадоксу «предшествующего будущего» [3]. Ж.-Ф. Лиотар видит зрителя носителем энергии, вовлекает его и наделяет функцией связующего звена между инсталляциями и разделами выставки, зритель становится частью концепции, представляя непредставимое, как пишет куратор: «Нам надлежит не поставлять реальность, но изобретать намеки на то мыслимое, которое не может быть представлено» [2, с. 32]. Экспозиция выставки становится маршрутом, в ходе которого объектный мир дематериализуется за счет детерриторизации пространства и

реконструированных образов, проявляя возвышенные нематериальные характеристики вещей.

Н. Буррио же наполняет экспозицию материальными объектами, повествующими истории цивилизации. Интерактивность тут в наличии различных площадок, во взаимодействии людей и художественных практик, которые, как пишет куратор, «поставили себе целью уже не создание воображаемых или утопических реальностей, а выработку способов существования или моделей действия внутри реальности наличной, на различных ее уровнях, избираемых художниками» [1, с. 14]. Н. Буррио доводит до кульминации свою теорию реляционного искусства, возводя его в реляционную антропологию. Куратор своим художественным высказыванием призывает все человечество к взаимодействию, к поиску новых путей решения глобальных проблем, нивелированию остатков жизнедеятельности, при этом сохраняя и уважая прекрасные образцы.

Оба проекта представляют собой выставки-манифестации авторских теорий, актуализирующие вопросы об изменении реальности и статуса искусства. В то время как Н. Буррио фокусируется на физических проявлениях реальности и артефактах, касающихся прошлого, влияющего на настоящее, Ж.-Ф. Лиотар стремится проявить нематериальное и показать воздействие будущего на прошлое. Ядро конструктов концепций представляет из себя «послание человечеству» с сообщением об изменении реальности и роли художественного высказывания, которое стремится расширить границы искусства. На площадках «Седьмого континента» зритель сталкивается с местами и предметами, отсылающими к новому материализовавшемуся континенту в Тихом океане; в экспозиции «Нематериального» погружается в идеальное, в Абсолют бытия, через инсталляции, проявляющие дематериализованные объекты и дезориентацию в пространстве.

Список источников:

1. Буррио, Н. (2016). *Реляционная эстетика. Постпродукция*. М.: Ад Маргинем Пресс.
2. Лиотар, Ж.-Ф. (2008). *Постмодерн в изложении для детей*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т.
3. Смолянская, Н. В. (2009). Возвышенное в интерпретациях искусства постмодерна: концепция Ж.-Ф. Лиотара для выставки «Нематериальное». *Философский журнал*, 1(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvyshennoe-v-interpretatsiyah-iskusstva-postmoderna-kontseptsiya-zh-f-liotara-dlya-vystavki-nematerialnoe> (дата обращения: 20.01.2024).
4. Балаш, А. Н. (2018) Реляционная эстетика в контексте современных культурных практик. *Вестник СПбГИК*, 4(37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/relyatsionnaya-estetika-v-kontekste-sovremennyh-kulturnyh-praktik>
5. Буррио, Н. (2004) Современное искусство и репрезентация. *Художественный журнал* 55. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/34/article/645>

6. Лиотар, Ж.-Ф. (2016) *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя
7. Смирнова, В. Д. (2016) Концепция выставки «Нематериальное» как выражение философских идей Жана-Франсуа Лиотара. *Альманах современной науки и образования*, 3, 109–112. URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2016/3/32.html>

Факторы главенствующего положения деисусного чина в иконостасе

Киреева Серафима Александровна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

nauralsima@gmail.com

Научный руководитель: *Захарова Анна Владимировна, кандидат искусствоведения,*

МГУ им. М. В. Ломоносова

The factors of the dominant position of the deesis tiers in the iconostasis

Kireeva Serafima

M. V. Lomonosov Moscow State University

История развития алтарной преграды и особенно деисусного чина в убранстве темплона исследовалась многими специалистами [2; 3; 4; 5], при этом целый ряд проблем до сих пор не решен [3]. Мы займемся проблемой выделения именно деисусного чина как главенствующего в позднейшей модификации алтарной преграды — иконостасе и, опираясь на исследования предшественников и формальный анализ памятников вкупе с элементами культурно-исторического и семиотического подходов, сформулируем предположения о факторах, повлиявших на этот процесс.

Сведения о развитии убранства византийской алтарной преграды мы имеем с VI века, к которому относится описание Павлом Силенциарием Софии Константинопольской [2], а начиная с IX–X вв. мы можем говорить уже о системе убранства. В этой системе образы могли находиться на архитраве, над архитравом и по сторонам от темплона [4]. Основными сюжетами были изображения святых, Праздников и Деисуса, причем роль последнего неуклонно возрастала [3].

К XIV веку Деисус стал важнейшей частью убранства темплона на территории Византии и стран ее круга, в том числе на Руси, где и развился высокий иконостас [2]. На протяжении предшествующего полутысячелетия в византийском искусстве он был единственным изображением, почти всегда так или иначе присутствовавшим в четырёх основных формах убранства темплона: в медальонах [5], эпистилиях, проскинетариях и рядах, составленных из отдельных иконных образов [3].

Для определения значения деисусного чина важно сочинение «Премудрость нашего спасения» свт. Симеона Солунского [1], где говорится о единстве Неба и земли в молитве святых за человечество. Хотя этот отрывок и не относится напрямую к деисусному чину, он подразумевает трактовку, предложенную К. Уолтером [5], согласно которой Деисус есть напоминание верующим о необходимости заступничества святых. Кроме того, отрывок сосредотачивает в себе ряд важнейших христианских догматов, в том числе, усилившийся в XIV веке эсхатологический компонент.

Таким образом, именно широкое распространение деисусного чина по территории Византии и стран ее круга вместе с важностью отражаемых в нем тем мы можем считать предпосылками для занятия главенствующей роли в иконостасе.

Список источников:

1. Солунский, С. *Премудрость нашего спасения. Что означают столбики, верхний космит и всё, окружающее его.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Solunskij/premudrost_nashego_spaseniia/4_35
2. Лазарев, В. Н. (1971). *Три фрагмента расписных элементов и византийский темплон. Византийская живопись.* М.: Наука, 110–136.
3. Образцова, К. Б. (2017). Деисус в системе убранства византийского темплона XII — начала XIII века. *Актуальные проблемы теории и истории искусства*, 7, 232–240.
4. Chatzidakis, M. (1979). L'évolution de l'icone aux 11e–13e siècles et la transformation du templon. *Actes du XVe Congrès International d'Études Byzantines, I*, 333–366.
5. Walter, C. (1993). *A New Look at the Byzantine Sanctuary Barrier. Prayer and power in Byzantine and papal imagery*, 243–269.

Реинкарнация памяти: «Арт-музей как форма постижения Кольского полуострова»

Коржева Ксения Николаевна

Мурманский арктический университет

zikevichrihard@gmail.com

Научный руководитель: *Желнина Зоя Юрьевна, кандидат философских наук, МАУ*

Art museum as a form of comprehension of the Kola North

Korzheva Ksenia

Murmansk Arctic University

Введение и актуальность. Мы привыкли к термину «арт» в комбинации с различными сферами нашей жизни, но категорическое большинство не может определить сущности «арта» и его происхождения. Это лишенное четкой формы направление самовыражения окружило нас, не являясь классическим искусством, но подходя под уровень его ответвления. «Арта» в повседневности стало так много, что пришло время задуматься, как его сохранять и зачем. Данные вопросы были рассмотрены в поле культурного кода Мурманской области.

Содержание работы. Доклад освещает с научной, технологической, культурологической и исторической точек зрения ряд аспектов и дилемм:

- В чем разница между «артом» и «искусством», музеем и арт-музеем?
- Почему человеку Новейшего времени, в особенности XXI века, нужен арт?
- Что представляет собой арт-продукт?
- Обязательно ли наличие «творца» в современном арт-искусстве?
- Какое место займет музей, хранящий арт-продукт? Только ли хранение его функция?
- Какие формы мы уже наблюдаем и хотим видеть в будущем в арт-музее?
- Каков прототип Арт-музея в Мурманской области?

Источники. Работа основывается на ряде исторических источников, научных статей, журнальных публикаций в сфере искусства и проведенном опросе среди жителей Мурманской области.

Методология. Способы исследования в данной работе зафиксированы в следующем списке:

- Диахронический. Рассмотрение возникновения и развития такой культурной формы как музей.
- Описание (объяснение). Обзор приобретающей все большее значение креативной экономики и индустрии.
- Моделирование. Представление прототипа арт-музея, отвечающего культурному запросу Мурманской области.
- Опрос. Исследование мнений жителей Мурманского региона в отношении создания новой для региона культурной формы — арт-музея.

Выводы исследования. Результатом работы является разведение смыслов, заложенных в заглавные понятия темы, выявление представления местных жителей об арт-музее как арт-драйвера региона, а также образ гипотетической модели такого рода, характерной для Мурманской области.

Список источников:

1. Складеревская, Г. Н. (2006). *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. М.: Эксмо.
2. Юренева, Т. Ю. (2003). *Музей в мировой культуре*. Русское слово.
3. Желнина, З. Ю., Сизова, И. А., Хорева, Л. В. Взаимодействие туризма и креативных индустрий на арктических территориях: сферы пересечения. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-turizma-i-kreativnyh-industriy-na-arkticheskikh-territoriyah-sfery-peresecheniya> (дата обращения: 10.12.2023).
4. Каверина, Е. А. (2022). Музей как субъект креативных индустрий: предыстория. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, 3(64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-subekt-kreativnyh-industriy-predystoriya> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Будущее креативных индустрий». *Blueprint*. URL: <https://theblueprint.ru/culture/art/tezisy-kreativnoy-nedeli> (дата обращения: 10.12.2023).
6. Старейшие музеи мира. *Дилетант*. URL: <https://diletant.media/excursions/27611068/> (дата обращения: 10.12.2023).
7. Что нужно знать о художниках-миллениалах. *Культура.РФ*. URL: <https://www.culture.ru/materials/256446/chto-nuzhno-znat-o-khudozhnikakh-millennialakh> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Тимошенко, Д. С. (2021). Брендинг арктических туристских дестинаций в России. *АИС*, 42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brending-arkticheskikh-turistskih-destinatsiy-v-rossii> (дата обращения: 10.12.2023).
9. Авторский опрос «Арт-музей как форма постижения Кольского севера» URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfq3_uGCldGUQ1MUMYNqXn9hhYcBHqn2a_Zyoq3suN2qX6aoQ/viewform?usp=sharing (дата обращения: 10.12.2023).

«Движение в искусстве»: истоки искусства новых медиа

Корнева Анна Антоновна

Санкт-Петербургский государственный университет

neva.anna21@gmail.com

Научный руководитель: *Туркина Олеся Владимировна, кандидат искусствоведения, СПбГУ*

«Movement in art»: the origins of the art of new media

Korneva Anna

Saint Petersburg State University

Свет, звук, динамика, видео — искусство XX века в поисках новых медиумов. Понтюс Хюльтен отмечал, что все практики XX века стремились выйти за пределы статики и покоя классического искусства. Его выставка «Rörelse i konsten» («Движение в искусстве») показала многообразие форм искусства, стремящихся отбросить формы неподвижного бытования, и стала одним из толчков развития нового направления, в том числе искусства новых медиа. Кинетические особенности произведений искусства — это попытка запечатлеть новую визуальную информацию и экспериментальные поиски создания новой реальности. Фактор времени, движение, звук, оптическое пространство — то, что связывает медиа-арт и кинетическое искусство.

Все генеалогии медиаискусства уходят корнями в историю о привидениях, как утверждает историк искусства Эрик де Брюин в статье «Ghost story: kinetic art and new media» [1]. Так конструкции Жана Тэнгли, обширно представленные на выставке, предопределяют медиаискусство. Как пишет Э. де Брюин в конструкциях Тэнгли заложена сверхъестественная природа машин, нечто призрачное. И в конечном счете отсылает к очередной смерти технологий. Постоянная смена технологий XX, а затем и XXI века, определила изменение медиума и постоянную «смерть» этого медиума.

Неотъемлемой частью как работ на выставке, так и медиа-арта, является технология, которая транслирует образы. От машин и мобиле через видео к цифровому искусству. Лев Манович, теоретик цифровой культуры, в книге «Язык новых медиа» («The Language of New Media») [2] разграничил компьютерные и изящные искусства, описав первые как «пространство Тьюринга», основанное на работах первопроходца компьютерного мира Алана Тьюринга, а последние — как «пространство Дюшана», берущее начало в творчестве художника Марселя Дюшана. Выставка представила этот переход через первый зал с работами Дюшана и второй: с кибернетической скульптура Cybernetic Spatiodynamic Sculpture Николаса Шеффера, которая может иллюстрировать переход от механики к кибернетическим экспериментам.

Понтюс Хюльтен в Moderna Museet начинает в отделе экспериментального кино. Важным было то, что он не делал выставку кинетического искусства как такового, не в этом проекте, не в ставшей культовой «Машина, как она видится в конце механической эры» (1968–1969), а пытался выделить то, что волнует художников в эпоху технической воспроизводимости. При этом выставка стала одновременно и знаком заката машинной эры и рассветом новых технологий. На выставке «Движение в искусстве» Понтюс Хюльтен как человек, глубоко увлекающиеся «движущимися картинками», конечно

использует работы Викинга Эггелинга и Ман Рэя. Экспериментальные поиски абсолютного кино также часть дискурса развития медиа-арта.

Технологии развиваются, вместе с ней изменяется и эстетическая среда. Сегодня идеи кинетического искусства середины XX века уже не актуальны в современной цифровой среде, но его эстетика повлияла на современные медиа-инсталляции.

Список источников:

1. De Bruyn, E. C. H. (2012). Ghost story: kinetic art and new media. *Artforum*, 51(1).
2. Манович, Л. (2018). *Язык новых медиа*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Образная система в иллюстрациях «Le Pater» Альфонса Мухи

Король Ангелина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

stells.141b@yandex.ru

Научный руководитель: Мартынова Дарья Олеговна, кандидат искусствоведения,

СПбГУ

Figurative system in illustrations *Le Pater* by Alphonse Mucha

Korol Angelina

Saint Petersburg State University

Выступление будет посвящено анализу генезиса и специфики образной системы иллюстраций книги «Le Pater» Альфонсы Мухи. В исследовании будут применены формально-стилистический, семантический и семиотический методы анализа. Необходимо отметить, что данная тема не освещена в российской историографии, а зарубежные исследователи обращались к произведению в основном в общих работах о творчестве Мухи.

«Le Pater» менее изучена, чем рекламные плакаты Альфонса Мухи, ее редко включают в альбомы и сборники по творчеству художника. Отчасти потому, что эта работа сильно отличается от привычного и более знакомого зрителю творчества художника. Она выбивается из ряда его работ и представляет собой комплексное произведение, своеобразный трактат, в котором Муха излагает свое отношение к образу женщины в собственном творчестве и современном ему искусстве в целом. Данное произведение включает в себе проблематику сочетания личных воззрений автора, христианских и масонских мотивов.

В своем выступлении докладчик уделит внимание семантике иллюстраций «Le Pater» и рассмотрит различные философские и религиозные учения, повлиявшие на выбор сюжетов и стилистику произведения.

В итоге автор заключает, что анализируемая работа является одной из ключевых и переломных творчестве Альфонса Мухи. Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы через анализ произведения вычленили мифопоэтические координаты творчества художника.

Список источников:

1. Dvořák, A. (1978). *Alphonse Mucha: Book Illustrations and Mural Paintings*. University of North Carolina at Chapel Hill.
2. Hale, M. (2016). *Alfons Mucha's The Lord's prayer: fin de siècle illustrations of gender and spirituality*. University of North Carolina at Chapel Hill.
3. Tomoko, S. (2015). *Alphonse Mucha*. Taschen.
4. Мартынова, Д. О. (2021). Дочери Евы в искусстве Франции второй половины XIX века. *Новое искусствознание*. 21(2), 60–69.
5. Муха, А. (2023). *Лекции по искусству: теория графики и композиции*. АСТ.

Проблема репрезентации в изобразительном искусстве. Взгляд Эрнста Гомбриха

Крончев Илья Александрович

Российский институт истории искусств

iliakronchev@gmail.com

Научный руководитель: *Саблин Иван Дмитриевич, кандидат искусствоведения, РИИИ*

The issue of representation in the visual arts. Ernst Gombrich's view

Kronchev Ili

Russian Institute for the History of the Arts

В 2023 году российские издательства Ad Marginem и Masters выпускают перевод сборника «Art, Perception, and Reality» [1], впервые опубликованного Университетом Джона Хопкинса в 1973 году и посвященного вопросу репрезентации в визуальном искусстве. Открывает сборник статья искусствоведа Эрнста Гомбриха, написанная по мотивам его книги «Искусство и иллюзия» [2], в которой он исследует психологию восприятия изображения и историю визуальной репрезентации в изобразительном искусстве.

Проблема репрезентации с давних времен является существенной и центральной для изучения искусств, однако большой интерес к ее исследованию отмечают в современной гуманитарной науке во второй половине XX века. Настоящий доклад исходит из предпосылки, что для искусствоведа Эрнста Гомбриха (1909–2001 гг.) эта проблема стала одной из центральных и сквозных в его междисциплинарных исследованиях на стыке искусствоведения, философии и психологии. Интерес к вопросу репрезентации замечен уже в его знаменитой книге «The Story of Art» [3], опубликованной в 1950 году, а в 1951 году Гомбрих напишет эссе «Meditations on a Hobby Horse or the Roots of Artistic Form» [4], в котором впервые достаточно глубоко погрузится в проблемы и вопросы, связанные с природой изображения.

Цель настоящего доклада — изучить как Гомбрих трактует проблему репрезентации, которая в контексте данного исследования рассматривается с точки зрения отношений между изображением (тем что, изображено) и изображаемым (тем, что изображается). Концептуальная трактовка этих отношений менялась на протяжении всего развития науки об искусстве и становилась опорой для анализа фундаментальных теоретических вопросов о природе изобразительного искусства. Существенный вклад в современное понимание этой проблемы и разработку современной модели искусствоведческой науки внес Эрнст Гомбрих. Особенно интересно соотношение исторического контекста в культуре и искусстве с исследованиями Гомбриха, так как становление и жизнь искусствоведа выпала на момент кризиса модернистского искусства и перехода к постмодернистскому, в которых вопрос репрезентации занимает существенное значение и влияет на понимание этого искусства.

Учитывая вышеперечисленное, задачами настоящего доклада являются: 1) постановка проблемы репрезентации в искусствоведении; 2) анализ положений и концептов Эрнста Гомбриха, связанных с проблемой репрезентации, на основе его теоретических трудов; 3) анализ соотношения концепции репрезентации Гомбриха с

искусством модернизма; 4) оценка результатов исследований Гомбриха относительно актуального искусства. При решении этих задач будут использованы историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, историко-системный методы исследования.

Список источников:

1. Gombrich, E. (1973). *Art, Perception, and Reality*. Johns Hopkins University Press.
2. Gombrich, E. (1960). *Art and Illusion: a Study in the Psychology of Pictorial Representation*. The A. W. Mellon Lectures in the Fine Arts, 1956. *Bollingen Series XXXV*. V. 5. New York; London.
3. Gombrich, E. (1950). *The Story of Art*. London: Phaidon Press.
4. Gombrich, E. (1951). *Meditations on a Hobby Horse or the Roots of Artistic Form*. In L. L. Whyte (Ed.), *Aspects of Form: A Symposium on Form in Nature and Art*. Published by Pellegrini & Cudahy, London.

Происхождение глаз на кратере с Одиссеем

Лаврик Ксения Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ksyushalavrik94@gmail.com

Научный руководитель: *Степанов Александр Викторович*, кандидат искусствоведения, СПбГУ

The function of the eyes image in the crater with Odyssey

Lavrik Ksenia

Saint Petersburg State University

Проходя по античным залам, посетители музеев вполне привыкли скользить взглядом по стройным рядам эллинской керамики. Однако как порой необычно и неожиданно осознание того, что ваза всматривается в вас в ответ. Что это, парейдорлическая иллюзия, в которой орнамент пальметты сложился в пару глаз, или же это два даже слишком реальных ока, глядящих с древней утвари. Образ глаза — нередкий гость в античной вазописи. Опираясь на исследование Надежды Налимовой [1], в древнегреческой вазописи можно выделить несколько функций, в которых действует образ глаза. Это защита, приобщение, игра и сакральное присутствие.

В этом исследовании проведена атрибуция функции глаз на кратере VI века до нашей эры из Музея Гетти. На нем изображен сюжет бегства Одиссея из пещеры Полифема. Герой привязан к животу барана и пытается выскользнуть из жилища Циклопа. Помимо фигурной композиции на этой стороне кратера расположилась пара глаз анфас, написанная белым пигментом и черным лаком. Эти глаза скорее круглой, схожей с птичьей формы.

В ходе исследования удалось выделить две гипотезы, согласно которым возможно трактовать значение глаз на вазе. Таким образом, в ходе доклада предстоит либо отвергнуть одну из гипотез, либо сформировать третью, объединяющую их.

Первая гипотеза: следование неведомого мастера за формой и назначением сосуда. Кратер — сосуд для смешивания вина, которое эллины распивали на симпозиях. На обратной стороне атрибутов симпосиев чаще всего встречаются и образы глаз, расположенных в анфас. В античной традиции вазописцы анфас применяли для демонстрации образа в состоянии аффекта или инаковости. Единственным из богов-олимпийцев, которого могли изобразить с лицом, повернутым к зрителю двумя глазами был Дионис, бог-чужак, с помощью своей силы и вина вводящий человека в аффективное состояние. Можно предположить тогда, что те пары глаз на кратере с их магнетической и нечеловеческой силой можно отнести к Дионису. Ведь к нему приобщались эллины в течении симпосий и пиров. Вино вводило в принятие на себя инаковости, принадлежности к чему-то другому, но оно действовало, опираясь на описанные выше сакральные образы на винных сосудах.

Вторая гипотеза заключается в том, что вазописец стремился к изображению взгляда другого, основанного на конкретном сюжете и мироощущении. Глаза внимательно следят с поверхности кратера и за Одиссеем, и за владельцами сосуда. Возможно, отход от «физиологии» в их виде связан с намерением автора не изображать конкретные глаза. Сфокусироваться на взгляде, наделенном неземной мощью. В этом

взгляде может скрываться и образ ослепленного Полифема, который, вглядываясь в слепую черноту, пытается завладеть образом и своих овец, и людей, чьей жизнью он в тот момент располагает. Конечно, в этой аналогии кроется некоторая условность, так как сам Полифем — циклоп, и физически он обладал лишь одним глазом, который к тому моменту уже не мог видеть, но силы взгляда его не мог лишить даже хитроумный Никто.

Список источников:

1. Налимова, Н. *Глазастые вазы: Под надзором божества*. Magisteria. URL: <https://magisteria.ru/art-of-ancient-greece/big-eyed-vases> (дата обращения: 19.01.2024)

Движущиеся образы: Аби Варбург и Ален Рене

Лекарева Мария Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

marialekareva@mail.ru

Moving images: Aby Warburg and Alain Resnais

Lekareva Maria

Saint Petersburg State University

Ранние документальные фильмы о живописи по большей части выглядели как фильмы-портреты художников, запечатленных в процессе работы. Регистрация творческого процесса кинокамерой служила, в первую очередь, «познавательным» целям [1]. Если в документальных фильмах 1930–1940-х годов на первый план были выдвинуты художники, воплощавшие важнейшие течения в послевоенной европейской живописи, то к концу 1940-х режиссеры стали предпринимать попытки переосмысления живописи конца XIX — начала XX веков и африканского искусства. Одним из пионеров послевоенного периода того, что в западных исследованиях называется «art documentary» был Ален Рене, создавший такие фильмы как «Ван Гог» (1948), «Герника» (1950), «Гоген» (1950), «Статуи тоже умирают» (1953), в которых происходит принципиально важный сдвиг в отношениях между кино и живописью. В докладе автор остановится на двух фильмах, наиболее репрезентативных в контексте проблемы взаимоотношений живописи и кино: «Ван Гоге» и «Гогене». В качестве методологической основы использована статья Андре Базена, в которой автор выделяет одну из главных визуальных стратегий, используемых Рене в своих фильмах — порождение «третьей сущности» путем устранения рамы картины. К сожалению, этот феномен не нашел осмысления в последующих работах о тексте Базена и фильмах Рене, поэтому целью настоящего доклада является теоретизация «отказа от рамы» в фильмах Рене и поиск корней его стратегии в западном «классическом» искусствознании.

Если кино или механическая запись становятся событием «объективности во времени» [2], то живопись навсегда фиксирует в пространстве субъективный взгляд художника с помощью рамы. В «правильном» проникновении киноаппарата в глубину картины Базен видел революционный способ переосмысления опыта восприятия живописи [3]. При рассмотрении работы кинематографического аппарата в фильмах Рене в качестве инстанции, обеспечивающей взаимосвязь образов во времени с помощью движения камеры, мы обнаруживаем в области кино те же идеи, которые использовал немецкий искусствовед Аби Варбург в поле теории изобразительного искусства, а именно в незавершенном проекте Атласа «Мнемозина».

Для Варбурга образ — не единичный экземпляр воплощения чего-либо в памятнике изобразительного искусства. По его мнению, образ возникает в движении, то есть не в сравнении, а во взаимодействии и сопоставлении двух и более отдаленных примеров, взятых из, казалось бы, весьма отдаленных эпох и сделанных из разных материалов, которые при столкновении друг с другом рожают объединяющую их новую идею [4]. Так же в фильмах Рене, намеренное избегание традиционного биографического подхода, подавление главенства закадрового комментария и усиление

обретения зрителем способности присваивания движущихся изображений, реализует центробежную силу экрана, о которой писал Базен.

Список источников:

1. Jacobs, S. (2011). *Framing pictures: film and the visual arts*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
2. Базен, А. (1972). *Что такое кино?* М.: Искусство.
3. Dalle, V. A. (2014). The Art Documentary in the Postwar Period. *Aniki: Revista Portuguesa da Imagem em Movimento*, 1(2), 292–313.
4. Michaud, P. A. (2004). *Aby Warburg and the Image in Motion*. New York: Zone Books.

Живопись и рисунок: античные образы в творчестве Макса Клингера

Мокк Лилия Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет

madam.mock2014@gmail.com

Научный руководитель: *Чечот Иван Дмитриевич, кандидат искусствоведения, СПбГУ*

Painting and drawing: ancient images in the works of Max Klinger

Mokk Liliia

Saint Petersburg State University

Работа направлена на выявление особенностей интерпретации и изображения античных сюжетов в графике немецкого художника второй половины XIX века Макса Клингера на примере офортов «Спасение жертв Овидия». Цикл графических работ рассматривается как наглядное подтверждение теории из трактата Клингера «Живопись и рисунок» [1], в котором он выделяет принципиальные отличия двух видов искусств. Художник переосмысливает место графики по отношению к живописи, исходя не только из ее функции, но и характера ее создания. Для Клингера рисунок и гравюра наиболее сильный и точный медиум, через который художник передает свои фантазийные образы. Идея и глубина раскрывается в нематериальном пространстве линии в то время, как в живописи главной задачей остается подражание природе — так разграничивает Клингер виды искусства.

Одной из задач работы также является попытка ответить на вопрос об особенностях графики в искусстве Клингера и мотивах, подтолкнувших художника к изображению античности именно в этом виде изобразительного искусства. Для этого в статье представлен подробный анализ вышеупомянутой серии офортов. К графическим циклам, посвященным греческим и римским мифам, М. Клингер подходит как к пространству синтеза, где древнее пересекается с современным, реальное с воображаемым, рисунок приобретает черты, свойственные музыке. В живописи такой размах оказывается недоступен художнику, что можно проследить в его больших полотнах на схожие темы. Этот контраст хорошо заметен и расходится с положениями Клингера, изложенными в его книге.

В современном искусствознании труд М. Клингера изучен не до конца, а научные работы представляют чаще всего попытку изложить его идеи, а также использовать их для рассмотрения других художников. Подобные рассуждения можно найти в статье И. Д. Чечота «Что такое рисование?» [2], а также в работах современной исследовательницы М. Мортон [3], посвященных изучению идеи М. Клингера в контексте исторической эпохи. Тем не менее, подобный анализ почти не применяется к его собственным работам, которые и являются самым удобным источником для рассуждения на эту тему.

Список источников:

1. Клингер, М. (1908). *Живопись и рисунок*. СПб.: В. Л-ва.
2. Чечот, И. Д. (2000). Что такое рисование? Метафизические исследования. *Искусство*, 13(1), 48–101.

3. Morton, M. (1995). «Malerei und Zeichnung»: The History and Context of Max Klinger's Guide to the Arts. *Zeitschrift für Kunstgeschichte*, 58(4), 542–569.

Рецепция образа и творчества Павла Филонова современниками

Озерова Екатерина Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

kate.ozeroval@icloud.com

Научный руководитель: *Плунгян Надежда Владимировна, кандидат искусствоведения, НИУ ВШЭ*

Perception of Pavel Filonov and his art by contemporaries

Ozerova Ekaterina

National Research University Higher School of Economics

Проблемное поле доклада — образ, оформившийся вокруг Павла Филонова в среде его современников. Объектами исследования служат письменные источники: воспоминания и упоминания современниками, критика, письма. В первой части доклада отражены аспекты восприятия личности Филонова, образы и определения, закрепившиеся за ним. Во второй — критика и реакции на его искусство.

В воспоминаниях о самых ранних годах жизни мастера уже оформляются характеристики образа, которые в дальнейшем станут образующими, когда мы говорим о восприятии его личности. Так выделяют дисциплину и самоконтроль, природную остроту зрения, наблюдательность и стремление к точной передаче деталей.

Следующий важный блок связан со временем обучения Филонова в Академии. Об этом периоде пишут Бучкин, Бубнова и Покаржевский. Уже на этом этапе как в среде учеников, так и преподавателей Филонова выделяют в первую очередь как талантливый рисовальщик. Так, мы заключаем, что еще на этапе обучения начинает оформляться образное поле, который в дальнейшем будет неразрывно связан с фигурой Филонова.

Филоновская мечта о мировом расцвете, революции в мировом искусстве влияет на складывание образа Филонова-пророка. С образом пророка неразрывно связан аскетизм мастера и его одержимость на службе у искусства и художественной революции.

Следующая важная плоскость размышления в отношении Филонова связана с парой определений исследователь и художник. Через эти понятия Филонов определяет себя и этапы своего творчества и также через эту пару пытаются усмотреть его внутреннее противоречие современники и критики.

Значительная часть исследования сосредоточена вокруг Филонова как учителя и феномена филоновской школы, которая в последние годы стала привлекать интерес кураторов. Этот аспект личности художника также крайне важен в связи с его деятельностью в области реформ художественного образования. Основываясь на воспоминаниях учеников, мы можем сделать выводы о методах работы, структуре школы и о жизнеспособности идеи пролетаризации искусства в той форме, в которой ее видел Филонов.

Говоря о критике произведений Филонова современниками, мы обращаемся к концепции аналитического искусства и рассматриваем в первую очередь реакцию общественности на воплощение категории «сделанности», которая становилась как камнем преткновения, так и доказательством высокого уровня мастерства художника.

Также будет представлена проблема индивидуального и общего в контексте творчества Павла Филонова, поскольку именно эта дихотомия во многом стала поводом для обвинений художника в формализме в 1930-е.

Заключительный блок доклада посвящен событиям 1929 и 1930 годов, когда в связи с так и не состоявшейся выставкой мастера в ГРМ оформляется восприятие искусства Филонова как формалистского, и наследие художника на несколько десятилетий выпадает из отечественного исследовательского поля.

Список источников:

1. Ершов, Г. Ю. (2015). *Художник мирового расцвета. Павел Филонов*. СПб.: Европ. ун-т в СПб.
2. *Павел Филонов: реальность и мифы*. (2008). Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л. Л. Правоверова. М.: Аграф.
3. Ракитин, П. (Ред.). (2006). *Филонов художник, исследователь, учитель*. М.: Агей Томеш.
4. *Мировой расцвет Павла Филонова*. (2023). Каталог выставки. Русский музей. СПб.
5. *Филоновцы. Мастера аналитического искусства*. (2023). Каталог выставки. Антикварная галерея Петербург. СПб.

It's giving me vibes: вернакулярная социальная эстетика

Семовских Ульяна Станиславовна

Московская высшая школа социальных и экономических наук

ulianasemovskikh@gmail.com

Научный руководитель: *Александров Иван Владимирович, MA in Sociology, МВШСЭН*

It's giving me vibes: folk social aesthetics

Semovskikh Ulyana

Moscow School of Social and Economic Sciences

«Vibes only», «Vibe check», «It's giving me vibes» — эти и ряд других, в целом, созвучных выражений своей актуальной расхожестью зарекомендовали слово «вайб», вокруг которого они построены, в качестве понятия, вхожего в повседневный словарный обиход. Вайб (vibe) является тем «удобным» словом, которым в ежедневных частных разговорах, в публичных дискуссиях, в заголовках СМИ и т. д. удается достаточно «емко» ухватить нечто, для чего более конвенциональных обозначений (напр., настроение) становится недостаточно. При этом суть англицизма остается крайне неясной. Предлагаю, однако, не верить авторке текста на слово, и предпринять попытку дать исчерпывающее определение вайбу самостоятельно. Рискну предположить, что результат этого мысленного эксперимента не будет удовлетворительным — перечисление ряда выражений сомнительной синонимичности или вынужденная тавтология по типу «вайб — это, ну, как бы, вайб», кажется, не справляются с этой задачей. Спешу, однако, огорчить, поиск подходящего определения не является обязательной задачей настоящего доклада; меня будет интересовать логика вайба. Поскольку единственный доступный мне объяснительный инструмент — это социальная теория, я опишу свою задачу как перевод вайба на соответствующий концептуальный язык. Я укажу на изменения в использовании понятия вайб, соотнося различные контексты его употребления с некоторыми теоретическими пропозициями, и представлю вайб в виде вернакулярной концепции, которая является декларативной «репрезентацией паттерна регулярного действия» [1, p. 303].

Я обращаюсь к ресурсам социальной теории, чтобы предложить наиболее подходящее концептуальное объяснение «работы» вайба. Предполагается, что с этой задачей справляется социальная эстетика Джона Леви Мартина. Суть социальной эстетики заключается в том, что актер, вступая в отношение с феноменологичными социальными объектами (другими людьми, группами, организациями, местами или вещами), извлекает из них качество. Качества — аффордансы или «ощущаемые императивы» [1, p. 270] объектов, побуждающие к определенному взаимодействию с ними в конкретных ситуациях. Регулярные паттерны такого взаимодействия и получают в быту именование «вайб».

В процессе развертывания повседневного действия вещи воспринимаются актерами так, как если бы они обладали качеством. В такой эстетике — «отношении между актером и качествами объектов» [1, p. 197] — перцепция и суждение сливаются в качественный опыт. Для осмысления лиминального вайба помещения нам не требуется измерять его просторность рулеткой, оценивать количество и градус освещения или проверять наличие смежных помещений, чтобы установить состояние

пространственной «переходности» — он просто кажется нам таковым. Дополнительная артикуляция вайба кажется излишней, you just get it. Именно это резонирует с теорией социальной эстетики. Вайб представляет собой феноменологичное схватывание качеств социальных объектов или чувство, которое с трудом подлежит декларативному формулированию.

Список источников:

1. Martin, J. L. (2011). *The explanation of social action*. OUP USA.

**Бытование «Городка чекистов» в современном Екатеринбурге:
символический капитал места и формы взаимодействия с ним**

Трунтаева Анна Александровна, Барабанова Анастасия Владимировна

Никитенко Анастасия Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Рочева Алина Сергеевна, Озерова Екатерина Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

truann25@gmail.com

**“Gorodok Chekistov” (Chekist Town) in modern Ekaterinburg: the symbolic
capital and forms of interaction**

Truntaeva Anna, Barabanova Anastasiia

Nikitenko Anastasiia

European University at St. Petersburg

Rocheva Alina, Ozerova Ekaterina

National Research University Higher School of Economics

«Городок чекистов», официальное название «Жилищный комбинат НКВД», — памятник конструктивизма в центре Екатеринбурга. Задумывался как самодостаточная замкнутая система, обеспечивающая все бытовые и досуговые нужды сотрудников НКВД.

Во время ВОВ туда стали заселять эвакуированных, состав жильцов стал более разнообразным. В эпоху Оттепели «городок» становится открытым, а к 90-м гг. приходит к плачевному состоянию.

Статьи о памятнике за 90-е гг. показывают безразличное/негативное восприятие как «городка», так и конструктивистского наследия города в целом, и равнодушие к судьбе памятников. В 2010-е гг. происходит переосмысление его роли в формировании культурной идентичности города и как платформы для актуальных арт-практик.

В настоящее время наблюдается повышение исследовательского интереса и развитие вокруг «городка» новых культурных практик. Так, памятник стал площадкой фестивалей уличного искусства «Стенография» и «Карт-бланш», одним из пространств Уральской биеннале. Вокруг городка был сформирован проект «Территория авангарда», изучающий уральский конструктивизм.

Как видно, архитектурный комплекс представляет особую ценность в том числе и как место пересечения интересов разных социальных слоев. В связи с этим в своей работе мы обратились к интердисциплинарным методам, таким как интервью, медиаанализ, социокультурный анализ. На базе источников и интервью был сформулирован символический капитал «городка», прослежена эволюция его образа, а также рассмотрены различные формы взаимодействия с символическим капиталом «городка» сегодня.

Было определено, что ключевыми составляющими символического капитала являются 3 аспекта: архитектурная ценность памятника, его история и мифологема, а также градостроительная роль (центр города, географический ориентир и символ Екатеринбурга).

К городку чекистов как к памятнику архитектуры в первую очередь обращаются исследователи. Они стремятся привлечь внимание к культурной ценности места как образца конструктивизма — стиля, вокруг которого во многом сформировалась идентичность Екатеринбурга. В рамках исследования мы брали интервью у создателей проекта «Территория авангарда», обсудив научное изучение памятника и стремление поднять заинтересованность жителей с помощью экскурсий и выставочных проектов.

Другая форма взаимодействия — включение в практики современного искусства. Толчок в этом направлении дала Уральская биеннале, кураторы которой выбрали площадкой для основного проекта гостиницу Исеть, центральную доминанту «городка», как символ города, требующий реактуализации.

Нами выдвигалась гипотеза, что уличные художники, создающие работы на политические и остросоциальные темы в пространстве «городка», используют памятник, ориентируясь на исторический контекст и мифологему вокруг места. Однако интервью с художниками, основателями упомянутых фестивалей Костей Самое и Ильей Мозги, показали, что стрит-артисты обращаются к памятнику прежде всего из-за его выгодного расположения, а также из-за визуальной составляющей (обветшавшая архитектура — стены с историей, которые можно преобразить посредством арт-практик). И несмотря на то, что художники могут не принимать во внимание контекст, благодаря их деятельности памятник продолжает быть видной частью культуры современного Екатеринбурга.

Список источников:

1. *The 3rd Ural Industrial Biennial of Contemporary Art. Catalogue.* Publishing and printing center of the UrFU.
2. Еремеев, В. Е. (2001). Функциональное устройство комплекса зданий «городка чекистов» в г. Екатеринбурге. *Архитектура и строительство России*, 2, 91–96.
3. Курашов, Ю. Ю., Долгов, А. В. (2018). Современное состояние жилых комплексов конструктивизма в Екатеринбурге и возможности их реабилитации. *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*, 3, 96–99.
4. Пискунова, Л. П. (2015). «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки*, 4(146), 40–52.
5. Пискунова, Л. П., Старостова, Л. Э., Янков, И. В. (2015). Повседневность «закрытых» городских локусов: случай свердловского «городка чекистов». *Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия*, 297–304.

Культурная арка: проблема апроприации в модной индустрии

Шамрай Григорий Андреевич, Растенкова Эльмира Григорьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

grigsham@mail.ru; raselm@yandex.ru

Научный руководитель: *Степанов Александр Викторович, кандидат искусствоведения, СПбГУ*

Cultural arch: the problem of appropriation in the fashion industry

Shamrai Gregorii, Rastenkova Elmira

Saint Petersburg State University

В современной культуре тема наследия играет особую роль, напоминая о колониальном прошлом различных стран. Однако, если во многих аспектах международных отношений государства формально могут считаться равноценными, то высокая мода остается контекстом, где до сих пор существуют «нездоровые» [1], на современный взгляд, взаимодействия, сводящиеся к простой апроприации элементов традиционного или ритуального костюма жителей бывших колоний современными дизайнерами и модными брендами из «метрополий».

В основе данного исследования лежит изучение различий между феноменами апроприации и цитирования в модной сфере. Пока цитирование предполагает уважительное отношение к первоисточнику, указание автора и погружение зрителя или покупателя в исторический и культурный контекст того или иного модного образа, заимствование направлено на эксплуатацию наследия больших и малых народов в качестве элемента китча. Результатом этого действия является утрата сакрального смысла традиционной одежды, прически или украшения определенного общества из-за крупного, глобального бренда, превращающего изначальный артефакт в необычный модный аксессуар, чья задача заключается в «оживлении» привычного образа.

В процессе изучения темы было рассмотрено несколько коллекций, а также сформулированы основные отличия стратегий цитирования и апроприации. В числе произведений, имеющих особенности негативного культурного заимствования, можно назвать модный ансамбль с показа Victoria's Secret 2012 года, состоящего из комплекта нижнего белья и роуча, головного убора вождей коренных народов Америки, а также коллекцию Дома Gucci сезона Осень — Зима 2018 года, в которой использовались различные аксессуары ближневосточных народов. Примечательно, что в этих модных произведениях атрибуты, представляющие культурную ценность для определенных обществ, применяются для подчеркивания эпатажа, экзотичности, чужеродности, усиливаются стереотипы, и привилегированная культура использует пласт культуры, за которой сама же ранее стыдила и дискриминировала [2].

Итогом проанализированных коллекций стало определение требований для создания позитивного межкультурного диалога в модной индустрии. Во многом они пересекаются с алгоритмом действий участников подобного социального взаимодействия, упомянутого в статье Н. Ф. Герман «Оппозиция «Свое — Чужое» и проблемы взаимопонимания в межкультурном диалоге», и включают [3, с. 48] в себя такие условия, как знакомство с иными культурными ценностями и нормами, интерпретацию и понимание этих явлений, а также демонстрацию уместного

поведения, необходимого для стимуляции развития межкультурного взаимодействия. В дополнении к ним, модная индустрия накладывает еще несколько важных условий: избежание использования культурных знаков в сугубо коммерческих целях, просвещение широкой общественности в вопросах истории бывших колониальных народов, а также поиск альтернативных способов интеграции традиционных элементов костюма в новые коллекции.

Список источников:

1. Allaire, C. (2023). Is Fashion Finally Turning the Page on Cultural Appropriation? *Vogue*. URL: <https://www.vogue.com/article/cultural-appropriation-appreciation-fashion-september-2023> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Расизм в модной индустрии: от «белого» кастинга до культурной апроприации. (2020). *Афиша. Daily*. URL: <https://daily.afisha.ru/beauty/17810-rasizm-v-modnoy-industrii-ot-belogo-kastinga-do-kulturnoy-apropriacii/> (дата обращения: 20.01.2024).
3. Герман, Н. Ф. (2012). Оппозиция «Свое — чужое» и проблемы взаимопонимания в межкультурном диалоге. *Вестник культуры и искусств*, 32(4), 45–49.

Конструирование образов прошлого в искусстве переходных эпох: роль женских персонажей в ретроспективных мирах В. Э.

Борисова-Мусатова

Шевцова Вероника Эдуардовна

Московский государственный академический художественный институт им. В. И.

Сурикова

20veronika.vs@gmail.com

Научный руководитель: *Замятина Ирина Юрьевна, МГАХИ им. В. И. Сурикова*

Constructing images of the past in the visual arts of the transitional period: the role of female characters in V. Borisov-Musatov's retrospective spaces

Shevtsova Veronika

Moscow State Academic Art Institute named after V. I. Surikov

В момент разворачивания переходной эпохи в культуре особенно актуальным становится изучение и анализ предыдущих переходных периодов, уже отделенных от нас временной дистанцией.

Такой переходной эпохой является и рубеж XIX–XX веков, охарактеризованный культурологической наукой даже как момент «бифуркации». В это кризисное время в русской живописи эпохи символизма, в частности, в произведениях В. Э. Борисова-Мусатова начинают появляться совершенно особенные образы прошлого, очень отличные от тех, что были, например, в исторических полотнах передвижников.

В «Призраках», «Гобелене», «Романсе», «Сне божества» и других произведениях Борисова-Мусатова прошлое теряет связь с конкретным историческим моментом, отделяется от него, переходя в разряд почти мифологического. На полотнах живописца, время не просто замирает, но как будто переходит в другую форму существования: здесь нет ни «до», ни «после» — нет прерванного движения. Время перестает быть линейным, становясь, как и в космогонической мифе «функциональным состоянием, но не движением» [1].

Представляется, что появление таких образов прошлого здесь объясняется не только художественными приемами конкретного живописца, но также и особенностями мировоззренческого пространства русского символизма, а главное, во многом формирующими их, закономерностями культуры момента перехода.

Действительно, если применить культурологический подход к проблеме вместе с искусствоведческими методами исследования (формально-стилистический и семиотический анализ), то такое обращение к прошлому, какое мы видим у В. Э. Борисова-Мусатова, можно объяснить актуализирующимся в переходные эпохи интересом к прошлому, к «логике вечного возвращения» [2]; а его «мифологизацию» вкуче с устремлением к преобразованию пространства и времени в художественном произведении можно отнести к другой культурологической закономерности таких периодов — «исключительному интересу к мифу и архетипу» [2].

Действительно, произведения В. Э. Борисова-Мусатова буквально пронизаны символистской мифологичностью. Здесь и стремление к синкретизму, выразившееся в особенной «музыкальности» полотен художника, вновь отсылающее нас как к философским штудиям теоретиков русского символизма, так и к именуемой

«ренессансом эстетических теорий синтеза» [3] культурологической закономерности эпохи перехода. Мистическую природу в себе обнаруживают и героини ретроспективных миров живописца. Эти девушки почти сливаются с этим призрачным, скрывающимся в дымке прошлого пространстве. Однако их силуэты, как бы «высвечиваются» из монохромных пейзажей с заросшими садами и старинными усадьбами, колористически и композиционно, концентрируя в себе всю мистичность и пронзительную тоскливость этого пространства неопределенного прошлого. О чем эта тоска? О том, что было безвозвратно потеряно в призрачном «золотом веке» или о том, что предстоит теперь?

Кажется, мистическим, в духе символистской «Вечной женственности», героиням Борисова-Мусатова, известно нечто большее, чем человеческим нам.

Список источников:

1. Григорьев, Н. В. (1984). Соотношение мифа и искусства в культуре (историко-теоретическое исследование). Л.
2. Хренов, Н. А. (2002). Опыт культурологической интерпретации переходных процессов. Отв. ред. Н. А. Хренов. *Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах*. Москва: Наука.
3. Хренов, Н. А. (2002). *Культура в эпоху социального хаоса*. Москва: Едиториал УРСС.
4. Хлопонина, О. О. (2019). *Динамика женской образности в русской художественной культуре 1890-х–1930-х*. Москва.
5. Андреева, О. А. (2004). *Интерпретация понятия времени в художественной теории и практике русского символизма*. Москва.

Тема музицирования в искусстве Данте Габриэля Россетти

Шипицына Анастасия Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

shipitsyna.anastasia219@yandex.ru

Научный руководитель: *Степанов Александр Викторович*, кандидат искусствоведения, СПбГУ

The theme of music-making in the art of Dante Gabriel Rossetti

Shipitsyna Anastasia

Saint Petersburg State University

Взаимодействие разных искусств всегда интересовало художников и заставляло их экспериментировать в направлении синтеза. Живопись и музыка являются одними из самых древних видов искусства, а традиция их «сотрудничества» — одной из самых интересных. Одним из любимых визуальных мотивов музыка стала и для художников викторианской эпохи, когда Уолтер Пейтер [1] провозгласил ее идеально завершенным искусством, к принципам которого стремятся все остальные. Прерафаэлит Данте Габриэль Россетти, также стоящий у истоков эстетического движения, является центральной фигурой моего исследования.

Интерес к изображению музицирования на картинах Россетти вызван определенными художественными видоизменениями музыкальных инструментов в сравнении с их реальными прототипами на таких картинах, как «Морские чары», «Рождественская песнь», «Ла Гирландата» и других. Несмотря на множество свидетельств современников живописца о его преданности поэтическому искусству и о безразличии к музыке, специалисты [2; 3; 4] склонны рационализировать особенности его изображения процесса музицирования. Другим аспектом, волнующим искусствоведов, является факт тесного сотрудничества Данте Габриэля со своим патроном, крупным судовладельцем того времени, Фредериком Лейландом. Именно в данном тандеме создается большинство картин музыкальной тематики. Пенелопа Эплин настаивает на том, что пристрастия заказчика значительно повлияли на живописца: исследовательница прослеживает связь между началом сотрудничества и началом использования музыкальных инструментов на картинах Россетти [5].

Цель моего исследования — определить значимость музыкальной тематики в осуществлении художественного замысла Россетти. Задачами исследования являются изучение исторического контекста творчества художника, выявление мотивации Россетти при выборе музыкальной темы для своих полотен, оценка степени влияния заказчика на разработку данных сюжетов. Также, в задачи входит анализ ряда произведений на музыкальную тематику и определение их концепции, обозначение смыслового диапазона музыкальных картин Россетти и ответ на вопрос о степени интенциональности отклонений в написании инструментов и принципов игры на них.

В результате проведенного исследования, основанного на методе исторического, компаративного и стилистического анализа, можно сделать вывод о первостепенности декоративной функции музыки на картинах и рисунках Россетти. Жертвуя достоверностью, художник создает образы, наполненные большой эстетической силой, которые раскрывают как идею любви и соблазна, так и восприятие музыки, как

идеального искусства. Также, сложно оспорить влияние патрона на творчество Данте Габриэля. Однако Лейланд скорее направил его в определенное русло, но никак не притеснил оригинальное видение Россетти, ведь предпосылки к формированию «музыкальной» картины можно найти и в раннем творчестве художника.

Список источников:

1. Pater, W. (1873). *The Renaissance*. NY.: The Modern Library.
2. Davison, A. (2012). Woven songs and musical mirrors: Dante Gabriel Rossetti's 'symbolic physiognomy' of music. *The British Art Journal*, 13(3), 89–94.
3. Wood, L. (2013). Filling in the Blanks: Music and Performance in Dante Gabriel Rossetti. *Victorian Poetry*, 51(4), 533–560.
4. Yuen, K. (2008). Bound by sound: music, Victorian masculinity and Dante Gabriel Rossetti. *Critical Survey*, 20(3), 79–96.
5. Esplin, P. (2016). *The Musical Imagery in Dante Gabriel Rossetti's paintings for his patron, Frederick Leyland*. Master's Thesis, University of Otago. Otago University Research Archive.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Между сионистской идеей и художественным впечатлением: что повлияло на творчество первых израильских художников

Абраамян Диана Вагаршаковна

Санкт-Петербургский государственный университет

st085568@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Каменецкая Анна Борисовна, СПбГУ*

Between the Zionist idea and artistic impression: what influenced the work of the first Israeli artists

Abraamian Diana

Saint Petersburg State University

Восприятие и представление окружающего мира несомненно связано с культурным, политическим контекстом жизни художника. В случае с израильскими художниками, переселившимися в Палестину в основном из стран Восточной Европы на рубеже XIX–XX веков, необходимо рассматривать влияние художественных школ того времени и влияние сионизма. Произведения художников отражают «родной» пейзаж, одновременно раскрывая парадокс формирующейся израильской культуры, которая стремится быть одновременно и «новой», и «родной».

Данный вопрос будет рассмотрен на примерах двух художников: Нахума Гутмана (1898–1980) и Реувена Рубина (1893–1974). Оба относятся к тому поколению художников, которые росли в Подмандатной Палестине, обучались в академии искусств «Бецалель», а в 1920–1930-е годы были участниками движения стиля «эрецисраэли», идейно противостоящей академии. Тем не менее, влияние идей «Бецалеля» сыграло значительную роль в формировании мировоззрения студентов. Основатель академии Борис Шац и его последователи стремились установить связь между библейской древностью и современным Ближним Востоком и создать восточно-еврейскую идентичность [1]. Несмотря на то что их произведения были созданы в Палестине, они продолжали представлять эту землю как идиллическую библейскую страну былых времен. Под влиянием взглядов европейских востоковедов [3] евреи считали, что бедуины продолжают жить в соответствии с многовековыми традициями и, следовательно, являются живыми представителями своих библейских предков [4].

В 1920-е годы новые художники сформировали свои собственные художественные группы, они отвернулись от идеалов искусства «Бецалеля» [1, с. 56]. Реувен Рубин, Пинхас Литвиновский, Нахум Гутман и Арье Эль-Ханани изображали арабов, восточных евреев в разных стилях, включая импрессионизм и кубизм. Эти произведения, в отличие от работ Шаца, не несут в себе явного националистического посыла, в то же самое время они играют важную роль в формировании самобытного художественного стиля.

В данном докладе рассматривается именно этот политически-культурный аспект данного художественного периода, более того, задачей этого доклада является поиск ответа на следующий вопрос: стремились ли художники придать сионизму эстетический облик, или это было неосознанное намерение, связанное лишь с желанием запечатлеть окружающую их реальность [2]?

Список источников:

1. Manor, D. (2001). Biblical Zionism in Bezalel Art. *Israel Studies*, 6(1), 55–75.
2. Rabinovitch, S. J. (2012). Europeans of the Orient. *Haaretz*, 1–3.
3. Said, E. W. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books.
4. Zerubavel, Y. (2008). Memory, the Rebirth of the Native, and the “Hebrew Bedouin” Identity. *Social Research*, 75(1), 315–352.

Сеул: «места памяти» в государственной стратегии Республики Кореи

Алиуллова Динара Ринадовна

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

nasib567890@gmail.com

Научный руководитель: *Гавристова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Seoul: “sites of memory” in the state strategy of the Republic of Korea

Aliullova Dinara

Yaroslavl State University

Проблема исторической и культурной, индивидуальной и коллективной памяти в настоящее время является одной из самых актуальных и привлекает внимание ученых разных специальностей. В условиях глобализации происходит «обретение памяти» в обществах, которые имели травматический опыт. В Корее купирование посттравматического синдрома происходит путем забвения.

Обретение памяти через коммеморативные практики развивается параллельно забвению. На уровне смещения акцентов происходит замена символов японского правления на альтернативные — аутентичные — «места памяти» [1, с. 17].

История Сеула вместила в себя императорский период, японскую оккупацию, суверенное развитие. В XX в. трансформация государственной стратегии Кореи сделала очевидным палимпсест. На месте синтоистского храма на горе Намсан был возведен мемориал Ан Джунгыну.

В процессе восстановления памятников, пострадавших в колониальный период, выделяются три этапа, связанные с именами южнокорейских политиков: Пак Чонхи, Ким Ёнсам и Ли Мён Бак. Они использовали памятники как дополнительный символ, отражающий основной вектор в развитии страны.

Культурная память о японском управлении связана с попытками предать его забвению [2, с. 41] ради процветания независимой Кореи. Восстановленные «места памяти» апеллируют к «золотому веку» Корейского полуострова, корректируют последствия колониального времени. «Забвение» осуществляется путем реставрации памятников эпохи Чосон и их заменой новыми памятниками.

Обычной практикой японцев была десакрализация культурно-исторических памятников путем нарушения их целостности и изменения назначения, превращение их в публичные пространства [3, р. 114]. «Места памяти», пострадавшие в колониальный период, получили новое применение в государственной стратегии Южной Кореи. Если оккупационные власти использовали уничтожение памятников как средство давления на общество, власти независимой Республики Корея видели в них инструмент упрочения суверенной государственности.

Список источников:

1. Нора, П. (1999). Между памятью и историей: проблематика мест памяти. В кн. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок, *Франция-память*. СПб: Издательство СПбГУ, 17–50.

2. Ассман, А. (2023). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Aso, N. (2014). *Public properties. Museum in Imperial Japan*. Durham: Duke University Press.

Communists struggle against Thai military governments (1958–1976)

Анискевич Ксения Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ankenma9@gmail.com

Научный руководитель: *Колотов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, СПбГУ*

Aniskevich Kseniia

Saint Petersburg State University

In Thailand, XX century is full of political controversies, with the student uprisings of 1973 and 1976 influencing Thai society the most. The movement of 1973 changed the military regime to democracy, but in 1976 that “democratic experiment” ceased. What is interesting, in both of the events, the menace to stability was ascribed to the same phenomenon, namely communism.

Until the mid-1960s, communism in Thailand had never been called a real threat to society [1] due to a wide range of reasons. Nevertheless, the militaries were always afraid of the red menace and were suppressing the movement in the Kingdom, sometimes even more than needed. In Thailand, anticommunism as a phenomenon emerged even before the actual communists [2]. It should be remembered that communism in Thailand did not have that huge impact as in other Southeast Asian countries; this phenomenon is still not fully researched.

As it is known, the uprisings of 1973 and 1976 were led by students, but the word “communism” is usually used when describing the protests’ sentiments, so does it mean to a certain extent that the communists influenced the political situation in Thailand during the ages of the military governments?

The author aims to assess how exactly the communists in Thailand struggled against the military governments of Sarit and Thanom and how the militaries were affected by it. The research question is whether the communist movement in Thailand contributed to the overthrow of the antidemocratic regime in Thailand (1958–1976).

In order to analyze the development of CPT and its impact on Thai politics as well as the military government, the author makes a comparative analysis of the communist movement in Thailand in two periods: the Sarit-Thanom era (1957–1973) and the Phibun era (1938–1957). The phenomenon of communism in Thailand is defined, as this is what is often missed in many works on communists. The work also utilizes intelligence data found on the CIA website. The study does not only focus on the development of CPT; since the communist movement is closely associated with changes in Thai political life and the domestic politics of Sarit and Thanom, hence the communists in this research act as a factor in the change in the vector of policy in 1976.

In conclusion, the author suggests that communism for the authorities in Thailand remained being just a name for a leftist radical, as it was before 1958. Association with communists allowed the government to suppress student uprisings harshly. In fact, the party aroused some disturbance only on the outskirts [3], where people, often not ethnically Thai, struggled against the militaries. Even though CPT existed in Thailand and had activities, the impact was not huge.

That is why it is strictly complicated to claim that the communists truly participated in the overthrow of the dictatorship regimes.

Список источников:

1. Bunbongkarn, S. (1996). *State of the Nation: Thailand*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
2. Poonkham, J. (2021). *A Genealogy of Bamboo Diplomacy: The Politics of Détente with Russia and China*. Canberra: Australian National University Press.
3. Cui, F. (2017). *The fall of the Communist Party of Thailand from the Chinese perspective*. Bangkok: Chulalongkorn University.

Ближневосточные мотивы в ковроткаческих работах Уильяма Морриса

Артюшина Мария Львовна

readytogoout12@gmail.com

Научный руководитель: Малозёмова Елена Игоревна, кандидат исторических наук, СПбГУ

Middle Eastern motifs in William Morris' carpets

Artiushina Maria

Saint Petersburg State University

В данном исследовании осуществляется анализ ближневосточных мотивов в ковроткачестве Уильяма Морриса. Актуальность темы обусловлена, прежде всего, недостаточным количеством исследований в русскоязычной области, а также традиционным восприятием Морриса исключительно как представителя прерафаэлитского движения, вдохновлявшегося средневековой Европой. Методология исследования включает в себя анализ и наблюдение, проведенные на основе сопоставления схем ковров Морриса с аналогичными схемами ближневосточных ковров, преимущественно времен Сефевидов и Аббасидов. В рамках данного исследования предполагается, что ковроткаческие работы Морриса не только адаптируют художественные методы ближневосточных ткачей, но и осмыслиют их философию, а также что Моррис находил вдохновение в персидских коврах эпохи Сефевидов.

Выделены ключевые принципы схем сефевидских ковров, характерные для творчества Морриса, такие как: 1) преобладание сине-зеленых или бледно-красных цветов и яркое выделение цветочных узоров; 2) основной узор дизайна медальона повторяется по одному разу в каждом направлении; 3) ковер симметричен по горизонтали или вертикали в центре; 4) центральная часть окружена одной/двумя каймами; 5) особые схемы орнамента, которые Моррис заимствует [1, р. 104].

Анализ ковра «Холланд-парк» подчеркивает его связь с классическими схемами иранских медальонных ковров. Строгая геометрическая структура, симметричность по вертикали и горизонтали и наличие каймы говорят о влиянии ближневосточных традиций [1, р. 103]. Отмечаются плоскостность, «боязнь пустоты» и использование традиционных растительных орнаментов — ислими и виноградной лозы на багряном фоне, которая заключена в два узких орнамента [4, с. 238], что характерно для персидских ковров. Подчеркивается, что хотя ковер изображает английский парк Холланд, схема его построения больше соответствует медальонному ковру, а передача сада осуществляется через его ощущение, а не картографичность.

В работе также рассматривается ковер «Павлин и Птицы», симметричный по вертикали и двумерный. Отмечается, что двумерность ковра обусловлена сюжетом: через подчеркнутую плоскостность изображения передается *другой* мир. Особое внимание уделяется выбору павлина, символа «шахской власти и царского величия» [4, с. 177], что объясняет его использование в ковре, созданном для влиятельной семьи Вандербильтов. Также предполагается, что ковер может служить изображением рая, учитывая обилие цветов и райских образов, главный из которых — белый лотос,

который может отсылать к Сидрат аль-мунтаха (пер. Лотос крайнего предела) [5, с. 525].

В итоге на основе схожести орнаментальных схем, цветовых решений и узоров, можно утверждать, что Моррис в своих ковроткаческих работах действительно находил вдохновение в ближневосточных коврах, вероятно, эпохи Сефевидов. Тем не менее, важно подчеркнуть, что его работы представляют собой не просто слепое подражание, а творческую интерпретацию ближневосточных образов, осуществленную через призму его собственных взглядов на искусство, красоту и дизайн.

Список источников:

1. Bier, C. (1987). *Woven from the Soul, Spun from the Heart: Textile Arts of Safavid and Qatar Iran 18th–19th Centuries*. Washington : The Textile Museum.
2. Morris, W., & Naylor, G. (Eds.) (2000). *William Morris by Himself : Designs and Writings*. Little, Brown & Company.
3. Hejazi, B. M. (2006). Persian Carpet as a Media of Communication between Iranian and European Artists: A Semiotic Approach to William Morris' Tapestries. *Humanities*, 13(3), 63–81.
4. Сархганьги, И. (2019). *Персидский ковер*. М.: САМ-полиграфист.
5. *Коран* (Т. Гусейнова, У. Озджан, Ред.; 2-е изд. (2008)). Издания Турецкого религиозного фонда.

Журналистская этика в КНР: взгляд профессионалов

Ван Хайян

Санкт-Петербургский государственный университет

why2571234381@qq.com

Научный руководитель: *Корконосенко Сергей Григорьевич, доктор политических наук, СПбГУ*

Journalistic ethics in China: the view of professionals

Wang Haiyang

Saint Petersburg State University

В Китае свобода прессы ограничена, и это обстоятельство оказывает влияние на профессиональную этику журналистов [1]. В КНР существует строгий контроль над СМИ со стороны правительства, они часто являются органами пропаганды. Журналисты должны следовать партийной линии и не должны распространять информацию, которая может нанести ущерб единству государства или породить социальную нестабильность. В этой ситуации основным этическим принципом является подчинение интересам государства и обеспечение социальной гармонии. Журналисты должны избегать публикации информации, которая может вызвать негативную реакцию общества или противоречить официальной политике [2].

Исследование этики журналистов в КНР и нарушений общепризнанных принципов профессии представляет особую актуальность. В последние годы в Китайской Народной Республике отмечается все больше случаев нарушений принципов журналистской этики. Отклонение от этических норм и ценностей со стороны журналистов может привести к серьезным последствиям, таким как искажение информации, манипуляция общественным мнением и подрыв доверия к профессии журналиста. Цель исследования заключается в изучении отношения профессионалов в Китае к этике журналистов.

Для достижения поставленной цели были использованы различные методы исследования, включая анализ содержания научных статей и публикаций в китайских СМИ, а также опрос журналистов. Опрос включает в себя вопросы о взглядах респондентов на профессиональную этику, соблюдении ими этических принципов в работе, а также об их мнении о распространенных нарушениях и предлагаемых мерах для их предотвращения. Также рассмотрены национальные законы и предписания, касающиеся ответственности журналистов в КНР, чтобы установить соответствие между законом и этикой.

Конкретные задачи исследования включают в себя: 1) изучение основных принципов профессиональной этики, которые считаются важными для журналистов в Китае; 2) определение степени соблюдения респондентами этических принципов в своей работе в качестве журналистов; 3) идентификация самых распространенных нарушений профессиональной этики среди респондентов; 4) оценка мнения респондентов о мерах, которые следует предпринять для предотвращения нарушений этических принципов.

Данные, полученные в результате исследования, будут обработаны и проанализированы для выявления общих тенденций и заметных различий в отношении

к профессиональной этике журналистов в Китае. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и реализации программы обучения и повышения осведомленности о профессиональной этике среди журналистов, а также для предложения рекомендаций и мер для предотвращения нарушений.

Список источников:

1. Нун, Ц. (2010). *Сравнительное исследование саморегулирования журналистики в Китае и за рубежом* [магистер. дис. (на кит. яз.), Китайский университет политических наук и права].
2. Ван, В. (2013). Моральная аномия новых медиакоммуникаций и контрмеры (на кит. я *Новости мира*, 8, 34–39).

Востоковедческий комментарий к периодическому изданию Gaya Celebes (выпуск № 12, 1999, Макаassar, коллекция Тома Беллстроффа)

Высоковских Мария Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

mvysokovskikh@gmail.com

Научный руководитель: *Банит Светлана Викторовна, СПбГУ*

Notes on periodical *Gaya Celebes* from Asian Studies perspective (Issue #12, 1999, Makassar, Tom Boellstroff's collection)

Vysokovskikh Mariia

Saint Petersburg State University

Периодическое издание *Gaya Celebes* («Манеры Целебес») является региональным южносулавесийским ответвлением действующего до сих пор общеиндонезийского некоммерческого и неподцензурного издательства под названием *Gaya Nusantara*. Данный формат малотиражных изданий получил особое распространение в Индонезии 1980–1990-х гг., в период относительной стабильности, поддерживаемой авторитарной властью Нового Порядка, сменившейся затем экономическим и политическим кризисом [1]. Повышение общего уровня грамотности среди населения и развитие технологий, облегчающих процесс распространения информации, также способствовали развитию культуры некоммерческих изданий данного типа [2].

За редким исключением в виде публикаций политического и активистского характера, эти издания были результатом осознания группами гендерных и сексуальных меньшинств своей субъектности и явились способом коммуникации и организации внутри данных групп [3; 4]. Часто эти журналы (*majalah*), бюллетени (*buletin*), как их называли сами индонезийцы, имели развлекательный характер. В них практически отсутствовала дистанция между читателями и редакцией: читатели присылали вопросы, анкеты для знакомств, короткие рассказы (*serpen*) для публикации в сборниках и тем самым создавали материал для издания. Редакция, в свою очередь, публиковала объявления и информационные статьи на темы здоровья и отношений. Сборники распространялись в маленьких кругах, зачастую бесплатно [3; 4].

Издание *Gaya Celebes* выходило с 1994 по 2002 гг., причем первые три выпуска были выпущены под названием *Parai-katte*, что в макаassarском языке имеет значение инклюзивного местоимения [4]. Название сборника *Gaya Celebes* указывает на место распространения и производства журнала: Целебес — колониальное название острова Сулавеси. Редакция издания находилась в Макаассаре, столице и самом развитом городе провинции Южный Сулавеси, месте проживания макаassarов, бугийцев и тораджей. Макаassarский сборник не был единственным региональным ответвлением *Gaya Celebes*, однако именно он кажется показательным примером положения автохтонных культурных практик внутри общеиндонезийского контекста и способов их взаимодействия [5].

Данное исследование ставит перед собой задачу рассмотреть 12-й выпуск сборника *Gaya Celebes* с востоковедческой точки зрения для выявления особенностей существования данного издания на Южном Сулавеси. Отдельное внимание

планируется уделить взаимодействию администрации провинции с уязвленными группами в рамках политики борьбы с эпидемией СПИДа.

Список источников:

1. Ricklefs, M. C. (2001). *A history of modern Indonesia since c. 1200*. Palgrave.
2. Rodgers, S. (1995). *Telling Lives, Telling History: Autobiography and Historical Imagination in Modern Indonesia*. Berkeley: University of California Press.
3. Oetomo, D. (2001). *Memberi Suara pada yang Bisu*. Yogyakarta: Galang Press.
4. Boellstorff, T. (2007). *A coincidence of desires: anthropology, queer studies, Indonesia*. Duke University Press.
5. Graham, S. G. (2007). *Challenging Gender Norms: Five Genders among Bugis in Indonesia*. Thomson Wadsworth.

«Дай опьянение сердцу своему каждый день»: алкоголь в досуговом времяпрепровождении египтян эпохи Нового царства

Золотухина Софья Романовна

Санкт-Петербургский государственный университет

zolutuhinasofiaa@gmail.com

Научный руководитель: *Демидчик Аркадий Евгеньевич, доктор исторических наук, СПбГУ*

“Give intoxication to your heart every day”: alcohol in the leisure time of the Egyptians of the New Kingdom

Zolotukhina Sofia

Saint Petersburg State University

В древнеегипетских источниках Нового царства (XVI–XI вв. до н. э.), описывающих домашние празднества (*hrw nfr*, дословно «хороший день»), помимо прочих удовольствий часто упоминается алкоголь; присутствие на празднике опьяняющих напитков даже особенно подчеркивается. Цель доклада — выявить культурные особенности употребления спиртных напитков при досуговом времяпрепровождении египтян Нового царства. Эти вопросы рассматриваются на материале письменных источников (главным образом — литературных и учебных текстов на папирусах д’Орбини (Британский музей 10183); Харрис 500 (Британский музей 10060); Честер Битти I, и др.), которые сопоставляются с изображениями в гробницах.

Чаще всего упоминаются вина *igr* и *SdH*, пиво разных сортов. Поводом к их распитию служили как торжественные события (рождение царского сына), так и более будничные мероприятия (свидание влюбленных, примирение враждующих сторон, и т. Употребление алкоголя тесно связано с социализацией и общением в близком кругу семьи, друзей и коллег. Помимо собственного дома местом встречи нередко выступает так называемая «пивная комната» (*a.t-Hnq.t*). И хотя алкоголь высоко ценился и позволял достигать радостного состояния (в древнеегипетской любовной поэзии сильное любовное переживание сравнивается с опьянением), чрезмерное употребление алкоголя осуждается [1]. «Поучение Ани» (пап. Булак IV) и наставления школьникам (пап. Анастаси IV; Британский музей 10249) призывают знать меру, напоминают о вредных последствиях для здоровья и социальных проблемах, к которым может привести пагубное пристрастие.

Список источников:

1. Fox, M. V. (1985). *The Song of Songs and the Ancient Egyptian Love-Songs*. Madison: University of Wisconsin Press.

Сравнение технологий машинного перевода и перевода с помощью больших языковых моделей на примере бенефактивных конструкций в японском языке

Карачаров Григорий Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

kgv01kgv@gmail.com

Научный руководитель: *Ибрахим Инга Самировна*, кандидат филологических наук, СПбГУ

Comparison of machine translation and large language model translation technologies on the example of benefactive constructions in Japanese

Karacharov Grigorii

Saint Petersburg State University

В данном исследовании анализируется способность технологий нейронного машинного перевода и генеративных больших языковых моделей (нейросетей) корректно определять и переводить грамматические и прагматические нюансы в предложениях с бенефактивными конструкциями (далее по тексту БК) в японском языке. БК осуществляют направленность действия от агенса к бенефактиву через оппозицию «давать — получать» и реализуются за счет соответствующих вспомогательных глаголов в силу невозможности без них использовать дитранзитивные глаголы при наличии в клаузе бенефактивного участника [1]. За счет широкого спектра возможных употреблений они крайне распространены в речи [2]. Всего в составе БК выделяют семь возможных вспомогательных глаголов: два со значением «получать» (морау もらう и итадаку いただく) и пять со значением «давать» (агэру あげる, курэру くれる, яру やる, сасиагэру さしあげる и кудасару くださる). БК осуществляют функцию личного и социального видов дейксиса за счет самого факта направленности действия от агенса к бенефактиву, а также динамической перспективы и прагматики, что в свою очередь и определяет выбор вспомогательного глагола [3]. В связи с этим существуют сложности для не-носителей как при употреблении, так и при переводе БК, в том числе с помощью упомянутых технологий перевода. Важно отметить, что большие языковые модели стали активно использоваться в работе с языками последнее время [4]. Так, при попытках перевести с японского языка предложения, включающие в себя БК, с помощью нейросетей (в частности, ChatGPT) или нейронного машинного перевода наблюдаются неточности и ошибки, вызванные некорректным восприятием контекста или правил языка системой. В частности, грамматические ошибки в выражении потенциальности или определении семантических ролей, а также в переводе знаменательных и служебных слов при введении БК в предложение. Если говорить о прагматике, встречается неточный перевод вежливых форм в составе БК (несмотря на способность нейросети описать прагматические нюансы японского языка). В практической части исследования рассматриваются и сравниваются ответы, данные большой языковой моделью и нейронным машинным переводом, на предмет анализа перевода и выявления ошибок. Полученные данные могут послужить для последующего улучшения этих технологий

перевода. Это, в свою очередь, важно с точки зрения методологии преподавания, поскольку нейросети также активно используются при изучении языков.

Список источников:

1. Otani, A., Steedman, M. (2010). A Multi-Dimensional Analysis of Japanese Benefactives: The Case of the Yaru-Construction. In *Proceedings of the 24th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation*, Tohoku University, Sendai, Japan (pp. 503–510). Institute of Digital Enhancement of Cognitive Processing, Waseda University.
2. Медюлянова, В. А. (2021). Бенефактив как косвенное средство персонального дейксиса в японском языке. В сб. П. Глазко (Ред.), *Вопросы востоковедения* (с. 68–72). Минский государственный лингвистический университет.
3. Соломкина, Н. А. (2022). Семантика японских бенефактивных конструкций: корпусное исследование. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*, 14(3), 469–487.
4. Manning, C. D. (2022). Human Language Understanding & Reasoning. *Daedalus*, 151(2), 127–138.

Эволюция монгольских местоимений третьего лица на материале письменных памятников

Клементьева Анна Андреевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

anna_klem@inbox.ru

Научный руководитель: *Грунтов Илья Александрович*, кандидат филологических наук, НИУ ВШЭ

Evolution of 3rd person pronouns in Mongolian written sources

Klementyeva Anna

National Research University Higher School of Economics

Центральным объектом данного исследования являются некогда активно функционировавшие в монгольском языке местоимения третьего лица единственного и множественного числа. Большинство ученых условно обозначают восстановленные корни как: *i для местоимения 3 лица единственного числа и *a — для множественного соответственно (здесь ‘*’ — условное обозначение того, что корни восстановлены; ‘i’/‘a’ — непосредственно корень). Стоит отметить, что, согласно большинству грамматик, изучаемые местоимения начали утрачивать свои позиции в языке уже ко времени появления первых монгольских памятников — в период существования среднемонгольского языка (XIII–XVI вв.) [1; 2]. Однако ранее не было выпущено исследовательских работ, посвященных утрате позиций данных местоимений в языке. Известно также, что в современном монгольском языке активно функционирует притяжательная энклитика ‘нь’, которую многие исследователи связывают с изучаемым местоимением. Таким образом, главной исследовательской задачей данной работы являлось поэтапное рассмотрение эволюции среднемонгольских местоимений третьего лица в современную энклитику с опорой на контексты письменных памятников разных эпох.

В ходе работы активно использовалась работа И. де Рахевильца «Сокровенное сказание монголов» [3], ряд грамматик и статей, посвященных монгольским местоимениям [1; 2; 4], а также некоторые письменные памятники (прим. «Алтан тобчи») непосредственно.

В ходе работы была собрана большая выборка употреблений и контекстов местоимений 3 лица из двух письменных памятников разных этапов существования монгольского языка: среднемонгольского «Сокровенного сказания» и классического «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, а также их современных переводов; был проведен их сравнительный анализ.

В ходе этого исследования было обнаружено также нижеследующее: несмотря на то, что многие работы практически единогласно утверждают, что к периоду классического монгольского языка в текстах встречаются личные монгольские местоимения 3 лица только в родительном падеже, в действительности в более поздних письменных памятниках (и даже в современных уйгурографических текстах) могут присутствовать и другие падежные формы исследуемых местоимений. Было зафиксировано и изучено употребление вышеупомянутых местоимений в текстах монгольского языка вплоть до XVII века, а также в более поздних грамматиках.

Список источников:

1. Ramstedt, G. J. (1906). *Über mongolische pronomina JSFOu 23:3*. Helsingfors.
2. Төмөрготоо, Д. (2008). Монгол хэлний биеийн төлөөний нэрийн гарал, бүтэц, тогтолцоо. *МУШУА-Хэл зохиолын хүрээлэн*. Улаанбаатар.
3. de Rachewiltz, I. (2004–2006). *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden-Boston: Brill's Inner Asian Library, Vol.1–2.
4. Street, J. Ch. (1957). *The Language of The Secret History of the Mongols*. *American Oriental Society*. New Haven; Connecticut.

Особенности описания Преисподней в романе У Чэньэня

«Путешествие на Запад»

Матусихис Римма Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

ingver508@gmail.com

Научный руководитель: *Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, СПбГУ*

Features of the description of the Underworld in Wu Cheng'en's novel

Journey to the West

Matusihis Rimma

Saint Petersburg State University

В результате увеличения интереса к китайской культуре и литературе рассмотрение особенностей описания культурных феноменов в одном из четырех великих классических романов «Путешествие на Запад», написанном в эпоху Мин У Чэньэнем, герои которого упоминаются и в книгах современных китайских писателей, становится все более актуальным. В данной работе была подробно рассмотрена одиннадцатая глава романа, описывающая путешествие императора Тай-цзуна в Преисподнюю и возвращение в мир живых, и проведено сравнение описания китайской Преисподней У Чэньэнем с традиционными представлениями китайцев о загробном мире. Рассмотрением данного вопроса занимались такие ученые, как Сторожук А. Г., Корнильева Т. И., Завидовская Е. А. [1] Как утверждают Сторожук А. Г., Корнильева Т. И., Завидовская Е. А., в книге «Духи и божества китайской преисподней» [1, с. 37] при описании вариантов разделения адов также была рассмотрена схема адов в романе «Путешествие на Запад». В романе, как и в «Сутре о восемнадцати адах нарайа», адов восемнадцать, но в романе упоминается иное их разделение. В ходе исследования было выяснено, что, во-первых, У Чэньэню были известны традиционные представления о загробном мире, поскольку он достаточно подробно описывает, какие мучения ждут грешников в различных адах, а также приводит описание таких демонов, как Нью-тоу и Ма-мянь. Он перечисляет имена всех десяти Ямараджей; называет и описывает такие места в аду, как река Найхэ, пруд кровавой жижи, город Вансычэн. Во-вторых, было выяснено, что ады, которые У Чэньэнь живописует на страницах своего романа, не соотносятся ни с одним из представлений, приведенных в канонических текстах. Со схемой, созданной при попытке нивелировать противоречия между идеей о совмещении восемнадцати адов и десяти залов Ямараджей, ады в романе «Путешествие на Запад» соотносятся лишь частично, когда перечисляются их названия. Но в романе присутствует разделение адов на группы по три в зависимости от того, как и за что в этих адах страдают грешные души, однако система десяти залов, которые должна пройти душа, чтобы получить возможность переродиться, вовсе отсутствует в описании адов.

Список источников:

1. Сторожук, А. Г., Корнильева, Т. И., Завидовская, Е. А. (2012). *Духи и божества китайской преисподней*. СПб: Каро

Проект «Cool Japan» в рамках японской политики мягкой силы: основные направления и механизмы реализации проекта (2015–2022 гг.)

Петроченко Мария Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

mariachess30@list.ru

Научный руководитель: *Чиждова Ксения Андреевна, НИУ ВШЭ — СПб*

"Cool Japan" Project as a Part of Japan's "Soft Power" Policy: Main Areas and Mechanisms of the Project Realization (2015-2022)

Petrochenko Maria

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

В настоящее время актуальной является концепция политики «мягкой силы», разработанная американским политологом Джозефом Наем и состоящая из трех элементов: культура, политические ценности, внешняя политика [1, р. 11]. Посредством ее применения страны, ограниченные в ресурсах «жесткой силы», основанной на силовых механизмах воздействия (армия, экономическое давление и принуждение) [2, р. 160], смогли достичь своих целей с помощью создания положительного образа и убеждения других стран в своей привлекательности.

Япония, которую Най считал возможным конкурентом США в аспекте распространения элементов мягкой силы [1, р. 85], продолжает применять инструменты в рамках этой концепции, делая упор на один из ее элементов — культуру, и остается на высоких позициях в международных индексах мягкой силы. Поэтому представляется интересным с научной точки зрения анализ одного из ключевых инструментов политики мягкой силы Японии — проекта государственно-частного партнерства «Cool Japan», запущенного в 2011 году [3, с. 3].

Актуальность темы исследования заключается в возрастающей значимости деятельности данного проекта, обусловленной ее эффективностью, расширением сферы влияния и дифференциацией направлений и механизмов экспорта продукции креативных индустрий Японии, начиная с 2015 года (года принятия новой стратегии проекта) [3, сс. 3–4]. Новизна работы определяется подробным исследованием основных направлений и механизмов реализации проекта к 2022 г., проведенном на основе систематизации данных и анализа собранных отчетов, официальных сайтов и нормативно-правовых документов.

Для проведения исследования был поставлен следующий исследовательский вопрос: «Какие направления и механизмы реализации проекта «Cool Japan» являются наиболее приоритетными и успешными и почему?».

В аспекте методологии автор работал в рамках концепции политики мягкой силы Дж. Нае. Для проведения систематизирующего анализа и ответа на обозначенный вопрос автор использовал следующие методы: метод кейсов — для анализа деятельности проекта «Cool Japan»; анализ нормативно-правовых документов и официальных сайтов агентств и проекта «Cool Japan»; сопоставительный анализ — для сравнения количественных показателей, текстовых данных о стратегиях проекта и его

направлениях и механизмах.

По итогам исследования было выявлено, что, обладая вариативным инструментарием продвижения элементов культуры, деятельность проекта «Cool Japan» сосредоточена в Азии и нацелена на работу с наиболее прибыльными направлениями и механизмами, к которым относятся: медиаконтент, туризм, гастрономия и мода [4].

Причинами выбора указанных направлений являются: их прибыльность для национального бизнеса страны и популярность за рубежом. К тому же под влиянием COVID-19 произошел переход на работу в онлайн-формате, что усилило позиции направления «медиаконтент», так как распространение информации через видеоматериалы, сайты и соцсети оказалось удобнее и быстрее.

Список источников:

1. Nye, J. (2004). *The Means to Success in World Politics: Soft Power*. New York: Public Affairs Group.
2. Nye, J. (2009). Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*, 88(4), 160–163.
3. Ку:ру дзяпан сэнряку「クールジャパン戦略」. [Стратегия Cool Japan] (2019). *Титэки дзайсан сэнряку хон бу* 知的財産戦略本部. [Главное управление по продвижению стратегии в области интеллектуальной собственности].
4. Ку:ру дзяпан кико:-но токутё:-то якувари Кールジャパン機構の特徴と役割. [Особенности фонда Cool Japan и его роль]. Cool Japan Fund. URL: <https://www.cj-fund.co.jp/investment/purpose.html> (дата обращения: 25.02.2022)

Сюжетные арки японских аниме в преломлении общественной дискуссии о кризисе идентичности 1990-х гг. (на примере аниме «Эксперименты Лэйн»)

Серебряков Кирилл Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

serebryakovkirill35@gmail.com

Научный руководитель: *Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, СПбГУ*

The narrative arcs of Japanese anime as seen through monitoring of the identity crisis at the end of the last century (case of the anime «Lane's Experiments»)

Serebryakov Kirill

Saint Petersburg State University

Японская экономика по итогам т. н. «экономического чуда» с 1990 г. пребывает в дефляционном кризисе, который некоторые экономисты называют «Великой рецессией». Указанные события актуализировали общественную дискуссию о социально-демографических проблемах японского общества (типы воспроизводства населения не соответствуют выбранным экономическим стимулам). Более того, изменения в уровне жизни в 1970–80-х гг. и особенности демонстративного потребления сказались на ценностных установках граждан.

В ходе исследования автор проанализировал картину базовых ценностей в системе координат японского общества в рамках международного проекта Р. Инглхарта «Всемирный обзор ценностей» (использовался метод динамических рядов) [1]. По итогам анализа удалось выявить трансформации в сторону западной ценностной модели. Также был рассмотрен комплекс программ японского правительства 1970–1980-х гг., обозначаемый как «нихондзирон» (политика памяти), который продемонстрировал свою неэффективность в условиях глобализации японского общества образца 1990-х годов.

В это время развернулась еще одна публичная дискуссия, но уже о соотношении новаций и традиций в жизни людей: насколько можно перенять западную модель поведения и потребления, сохранив свои исторические корни. Это нашло отклик в массовой японской культуре. Автором было рассмотрено культовое аниме 1998 г. в жанре киберпанк «Эксперименты Лэйн», основа сюжета которого связана с вопросами ценностных приоритетов и глубины этносетевой идентичности. Режиссер Рютаро Накамура для поиска глубинных оснований трансформации ценностных установок обратился к восьмиуровневой модели сознания Т. Лири. [2]

Аниме изобилует обращением к церковной догматике с целью обличения ложных богов, среди которых угадывается образ навязываемой модели жизни, предложенной США. В целом рефлексия по поводу эффектов американской военной оккупации после Второй мировой войны часто поднимается в японских аниме, поскольку затрагивает важные компоненты японской идентичности, в частности акцент на ее исключительности, которая «вымывается» агрессивным принятием новых ценностей.

Героиня аниме Лэйн Ивакура символизирует японское общество, попавшее под влияние фальшивого Бога, который может предложить технологии (Сеть, на эстетике

которой завязан сюжет) и вынашивает идеи создания своего самостоятельного, исключительного и единственно верного мира, который, однако, при этом теряет свою идентичность и свое «тело», что показывает боязнь формирования из целой страны и даже мира симулякра (популярной сопоставительной модели с западным либеральным проектом в 1990-х годах, основанной на эксплуатации теоретического наследия Ж. Бодрийяра). Ее осознание и борьба составляют тот пафос заложенных в повествование антиномий, которые определили успех и тематическую близость аниме для массового потребителя.

Список источников:

1. Welzel, C. (2011). The Asian Values Thesis Revisited: Evidence from the World Values Surveys. *Japanese Journal of Political Science*, 12, 1–31.
2. Leary, T. (1977). *Exo-psychology: a manual on the use of the human nervous system according to the instructions of the manufacturers*. LA: Peace Press.

Об особенностях инкорпорации числительных в китайском жестовом языке

Холявина Алена Ивановна

Московский городской педагогический университет

lwittsa@yandex.ru

Научный руководитель: *Банкова Людмила Львовна, кандидат филологических наук, МГПУ*

On special features of numerals' incorporation in Chinese sign language

Kholiavina Alyona

Moscow City University

Настоящее исследование представляет собой анализ особенностей инкорпорации числительных в словосочетания в китайском жестовом языке и является актуальным как в свете экстралингвистических обстоятельств (разворот интересов внешней политики на Восток и необходимость обозначения чисел в коммуникации незлышащих людей), так и собственно лингвистических причин в связи с неразработанностью проблем китайского жестового языка в отечественном китаеведении.

Исследование подтвердило, что семьи жестовых языков имеют незначительную связь с языковыми семьями разговорных языков: несмотря на то, что в Тайване говорят на китайском языке, тайваньский жестовый язык входит в семью японского жестового языка [1, с. 86]. В связи с этим объектом исследования являлся китайский жестовый язык, используемый на материке.

В результате анализа двадцати двух парадигм был сделан вывод о том, что инкорпорация числительных в словосочетания и слова возможна в шестнадцати категориях: деньги, секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы, время в течение дня, этажи, номер игрока, очки в игре, курс обучения в университете, местоимения, дни недели, наименование месяцев. Основными классами включения числительных в состав словосочетаний являются единицы времени. В дополнение к особенностям включения числительных в ограниченное количество парадигм следует отметить, что инкорпорация наиболее часто применяется при использовании числительных первого десятка. Это обусловлено тем, что жесты для обозначения этих чисел не требуют движений. Помимо этого, выявлено, что некоторые счетные слова, такие как 个, 口, могут опускаться, а сами слова, обозначающие парадигму, могут не произноситься, если из контекста ясно, что имеется в виду обозначаемая категория.

Кроме того, были изучены и описаны правила образования количественных (согласно их функциональной, структурной и функционально-структурной классификациям в китайском звучащем языке [2]) и порядковых числительных в китайском жестовом языке; особенности инкорпорации числительных в словосочетания и слова [3]. Важно отметить наличие специфических китайских парадигм инкорпорации — название месяцев и дней недели. Инкорпорация числительного в состав жеста происходит за счет использования его конфигурации, которая включается в движение, ориентацию, локализацию основного лексического знака, образуя единый жест.

В качестве перспективы настоящего исследования представляется расширенное

рассмотрение инкорпорации других парадигм числительных (десятков, сотен, тысяч, десятков тысяч) в уже представленные категории с целью изучения возможности инкорпорации и ее особенностей. Также для категорий «место в очереди», «место на соревновании/конкурсе», «школьные классы» необходимо провести дополнительное изучение с целью выявления возможности инкорпорации числительных первого десятка.

Список источников:

1. Банкова, Л. Л. (2022). Сходства и различия в обозначении чисел первого десятка в китайской и японской жестовых языковых семьях. *В Межкультурном пространстве жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции, Москва, 16–17 декабря 2021 года* (с. 85–89). М.: Московский государственный лингвистический университет.
2. Банкова, Л. Л. (2021). Функциональная, структурная и функционально-структурная классификация количественных числительных в китайском языке. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 163(4–5), 175–193.
3. Банкова, Л. Л., Холявина, А. И. (2023). К вопросу об обозначении количественных числительных в китайском жестовом языке. *В Китайской цивилизации в диалоге культур: VI Международная научно-практическая конференция, Москва, 17 февраля 2023 года* (Т. 4, с. 21–25). Москва: Издательство «Знание-М».

Путь война в осетинском нартовском эпосе

Цховребова Диана Эдуардовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

eduardovnadiana@mail.ru

Научный руководитель: *Пахомова Александра Сергеевна, PhD, НИУ ВШЭ*

The way of the warrior in the ossetian nart epic

Tskhovrebova Diana

National Research University Higher School of Economics

Нартовский эпос включает в себя множество сказаний, главными героями которых, как правило, становятся богатыри-нарты. Большинство из них обладают классическими воинскими атрибутами: конем, оружием, страстью к подвигам. Однако в эпосе есть и такие персонажи, которые выходят за рамки привычного образа героя.

Один из таких — это Безымянный сын Урызмага. Мертвый мальчик, сказания о котором образуют мини-цикл. Первые два, связанные общим сюжетом, — самые известные и повествуют об убийстве ребёнка, а затем его чудесном возвращении в мир живых для совершения военного похода со своим отцом. Остальные сказания показывают героя в роли духа-предка, главная задача которого — защищать свою семью.

Цель работы — проанализировать сказания о Безымянном сыне Урызмага и доказать, что его образ выходит за рамки привычных сюжетов о привидениях и является отражением гораздо более древних представлений о смысле жизни человека и война.

Актуальность обусловлена тем, что, несмотря на обилие работ, посвященных славе и принципам героической жизни, отраженных в осетинском нартовском эпосе, никто не пытался проанализировать сказания о Безымянном сыне как цикл, содержащий описание посмертного пути война и его задач как в мире людей, так и в потустороннем мире.

Во время работы над исследованием были использованы такие методы исследования, как компаративный анализ, обобщение и классификация. В ходе работы мы пришли к выводу, что безымянность героя — следствие того, что он не успел при жизни совершить подвиги, так как отсутствие имени в осетинской и более ранней иранской кочевой традиции означает отсутствие славы. Согласно же работам Б. Мысыккаты, К. К. Кочиева [2, с. 25–76], а также В. И. Абаева [1, с. 212], бесславная смерть — худшее, что может постичь воинов, ведь их жизненная цель — совершить достаточное количество подвигов, чтобы достойно упокоиться в потустороннем мире. Именно этот эпический подтекст [3, с. 177] мотивирует мальчика на однодневное возвращение в мир живых в сказании «Путешествие Урызмага с его безымянным сыном» [4, с. 294–302] и участие в военном походе. Только после герой получает возможность стать духом-предком своей семьи.

Таким образом, в сказаниях о Безымянном сыне Урызмага отражена воинская философия как кочевого, так и оседлого периода истории осетинского народа, главная идея которой заключается, с одной стороны, в завоевании славы и совершении подвигов, а с другой — в привязанности к своему клану и защите потомков.

Список источников:

1. Абаев, В. И. (1990). *Избранные труды: религия, фольклор, литература*. Владикавказ: Издательство «Ир».
2. Мысыккаты, Б., Кочиев К. К. (2022). Чаша славы осетинской Нартиады: скифские и другие индоевропейские параллели. *NARTAMONGæ*, 17(1, 2), 25–76.
3. Путилов, Б. Н. (1988). *Героический эпос и действительность*. Л.: Наука.
4. Либединский, Ю. Н. (ed.) (1981). *Сказания о нартах: Осетинский эпос*. Цхинвали: Ирыстон.

Система наследования в городе Ниппур (Южная Месопотамия) по клинописным документам первой половины второго тысячелетия до н.э.

Ченковская Виктория Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

viktoriya13102002@yandex.ru

Научный руководитель: *Немировская Адель Владимировна*, кандидат филологических наук, СПбГУ

The inheritance system in the city of Nippur (Southern Mesopotamia) according to cuneiform documents of the first half of the second millennium BC

Chenkovskaya Viktoriya

Saint Petersburg State University

Ниппур (современный Нуффар, расположенный на юге Ирака) являлся главным культовым центром с начала III тыс. до н.э. и важным хозяйственным центром Южной Месопотамии. Представление об устройстве города и жизни его граждан формируют данные по изучению археологии, керамики, различных найденных предметов из жилых районах, и в первую очередь многочисленные тексты. В общей сложности в Ниппуре сохранилось более 2000 клинописных табличек, составленный на смеси шумерского и аккадского языков [1, 2].

В первой половине второго тысячелетия до н. э. в Ниппуре имущество после смерти владельца передавалось по мужской линии. Если у умершего было несколько наследников, то имущество оказывалось в совместном владении. Совместное управление и распределение прибыли могло повлечь за собой разногласия; как говорится в одном латинском высказывании: «Communio est mater rixarum» — «Общая собственность — мать раздоров». Раздел полученного в совместное владение имущества был наиболее оптимальным решением. Для этого производился подсчет и замер имущества, раздел его на равные доли, что оформлялось на заключительном этапе в договоре о разделе имущества. Каждый наследник получал свою долю (шум. ha-la, акк. zittum), которая могла включать поля, сады, дома, предметы домашнего обихода, домашний скот и рабов [3].

Наследниками были в основном сыновья. Старший брат в большинстве случаев получал дополнительную долю (шум. sib-ta tu-nam-šeš-gal-la-še) наследства в виде 10 % имущества, предположительно, за дополнительные обязанности, такие как: координация раздела наследства, забота о своей оставшейся в живых матери, погашение долгов отца, женитьба младших братьев, замужество сестер или поддержание культа предков. Остальное имущество делилось поровну между всеми братьями, нередко подбрасыванием жребия. Каждый из них получал свою копию таблички, где были описаны доли всех наследников. Она хранилась в семейном архиве и гарантировала ему и его потомкам право на эту собственности в случае судебного разбирательства. Дочери вместо доли наследства, судя по всему, получали приданое [3]. Это имущество должно было быть унаследовано их сыновьями, в противном случае оно возвращалось в семью женщины: к ее отцу или братьям. Наследницами были и дочери-надиту, которые, пройдя посвящение, становились жрицами какого-либо

бога. Они получали часть имущества от отца и активно участвовали в экономической жизни города. Собственность надитум должна была вернуться в семью после ее смерти [4].

Имущество не всегда переходило к кровным родственникам владельца, так как им могли быть заключены определенные соглашения, касающиеся прав на его собственность: например, контракты по усыновлению или брачные контракты. В таком случае усыновленные или дети от нового брака становились полноправными наследниками и имели гарантии на получение всей собственности владельца или ее части.

Список источников:

1. Козырева, Н. В. (2016). *Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.)*. СПб: Контраст
2. Stone, E. C. (1987). Nippur Neighborhoods. *Studies in Ancient Oriental Civilization*, 44. Chicago, Oriental Institute.
3. Meinhold, W. (2023). Different cities, different customs: the division of inheritance in the old Babylonian period. *In Dieux, Rois et Capitales Dans Le Proche-Orient Ancien: Compte Rendu de La LXVe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–12 Juillet 2019)*, 987–1000.
4. Stone, E. C. (1982). The Social Role of the Naditu Women in Old Babylonian Nippur. *Journal of The Economic and Social History of The Orient*, 25, 50–70.

Аборигенный фактор в культуре Тайваня (конец XX — начало XXI веков)

Шабанова Дарья Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

dss_da_sha@mail.ru

Научный руководитель: *Каимова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова*

The aboriginal factor in Taiwanese culture (late 20th — early 21st centuries)

Shabanova Daria

M. V. Lomonosov Moscow State University

В конце прошлого века, когда на острове наметились тенденции к демократизации, в обществе стал подниматься «аборигенный вопрос». Более того, с конца XX века на Тайване стал активно возрастать интерес к аборигенной культуре и истории коренных народов.

Особую роль в привлечении интереса к аборигенам сыграла государственная политика. Некоторые представители высшей власти Тайваня стали распространять и даже в какой-то степени популяризировать аборигенную историю и культуру, в частности, через поддержку ряда проектов, направленных на изучение «истинных» корней тайваньцев.

1 августа 2016 года президент Китайской Республики Цай Инвэнь принесла извинения коренным народам от имени правительства. Кроме того, в тот же день президент объявила о создании «Комитета исторической справедливости и правосудия переходного периода аборигенов при администрации президента», который выступал в качестве платформы для диалога между правительством и представителями коренных народов для решения несправедливости в отношении аборигенов [1]. Все упомянутые выше изменения повлияли и на культурную сферу: аборигенные художники стали выставляться на крупнейших выставках, коллекции тайваньских музеев начали пополняться предметами аборигенного искусства.

Актуальность темы настоящего исследования связана с возрастающим интересом к теме аборигенов в современном обществе. В последнее время в научных исследованиях как на самом Тайване, так и по всему миру все чаще поднимаются вопросы, связанные с коренными народами, их культурой, традициями. На острове также наметился интерес к «аборигенности», в результате чего многие художники в своем творчестве стали внедрять элементы, так или иначе отсылающие к жизни аборигенов и их обычаям, затрагивать такую тему, как прошлое аборигенов и т. д.

Ввиду обозначенного выше мы увидели возможность и необходимость исследовать степень проникновения «аборигенности» в культурную сферу Тайваня, сформулировав гипотезу, что «аборигенность» в значительной степени продвигалась и поддерживалась правительственной политикой, которой, однако, не удалось добиться доминирующего и даже конкурирующего с китайской культурой положения «аборигенности». Теоретико-методологической базой исследования выступил комплексный подход к изучаемой проблеме, включающий в себя общеисторические,

культурологические и искусствоведческие методы исследования.

Что касается исследований, на которые мы опирались, то здесь стоит выделить работу ученого Ши Чжэнфэна, которая посвящена исследованию политики президента Чэнь Шуйбяня [2], в которой он приходит к выводу, что благодаря этому политическому деятелю Тайвань перешел к еще большей «индигенизации» («аборигенизации») в культуре. Стоит сказать, что под «индигенизацией» мы понимаем тенденции к возвращению к собственным культурам (в нашем случае — к культурам коренных народов Тайваня). Кроме того, мы также обращались к работам по изучению культурной политики на Тайване — к исследованиям Сюй Гомина [3] и Дун Сюланя [4].

Список источников:

1. Цуцзинь чжуаньсин чжэнъи цзицзинь [Фонд содействия по продвижению политики «правосудия переходного периода», 促進轉型正義基金]. Гоцзя фачжань вэйюаньхуэй данъань гуаньлицзюй [Национальное управление архивами при Совете национального развития, 國家發展委員會檔案管理局]. URL: <https://www.archives.gov.tw/Publish.aspx?cnid=104224&p=4445> (дата обращения: 15.06.2022).
2. Ши, Ч. 施正鋒. Чэнь Шуйбянь чжэнфу дэ юаньчжу миньцзу чжэн цэ [Политика правительства Чэнь Шуйбяня в отношении коренных народов, 陳水扁政府的原住民族政策]. Даньцзян дасюэ гунгун синчжэн сюэси [Факультет государственно административного управления Тамкангского университета, 淡江大學公共行政學系]. URL: <https://mail.tku.edu.tw/cfshih/def6-4-020519.htm>. (2002.05.19)
3. Сюй, Г. 徐國明. Дан шэньхуа бяньчэн лэ лиши — 1990 няньдай Тайвань юаньчжу миньцзу лиши цзяньгоу юй вэньхуа чжэнчжи. [Когда миф стал историей — исторические конструкции и культурная политика коренных народов Тайваня в 1990-е годы, 當神話變成了歷史——1990年代台灣原住民族歷史建構與文化政治] (2014). Тайвань вэньсюэ яньцзю сюэбао ди ши цзю ци 2014 нянь 10 юэ, е 89–13 голи Тайвань вэньсюэ гуань [Журнал тайваньских литературных исследований, (19) Национальный тайваньский литературный музей, 台灣文學研究學報第十九期 2014 年 10 月, 國立台灣文學館], 89–113].
4. Дун, С. 董秀蘭. «Наньдао шибао» юаньчжу миньцзу вэньхуа гунминьцюань цзяньгоу чжи тупань луньшу фэньси [Критический анализ построения культурных и гражданских прав коренных народов от «Наньдао шибао», «南島時報»原住民族文化公民權建構之批判論述分析]. Голи Тайвань шифань дасюэ [Национальный педагогический университет Тайваня, 國立臺灣師範大學], Чжунхуа миньго 105 нянь 6 юэ (105.06., 中華民國105年6月). URL: <https://9lib.co/article/> 相關研究成果文獻探討南島時報原住民族文化公民權建構之批判論述.dy4gj30y.

ИСТОРИЯ

Медиа о «призрачной деревне»: актуализация культурной памяти

Аксенова Анжела Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

anzhelaaksenovajournalist@mail.ru

Научный руководитель: *Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, СПбГУ*

Media about the “ghost village”: actualization of cultural memory

Axenova Anzhela

Saint Petersburg State University

Память зачастую воспринимается как исключительно характеристика внутренних особенностей индивида. На самом деле, рамки нашей памяти ограничиваются внешними и социальными рамками [1]. Так, каждому важно идентифицировать себя со своей культурой, включать свое «я» в «мы». Особенно это актуально во времена сложных исторических ситуаций, когда необходимо вернуть значимость своего прошлого. Инструментом служит культурная память, которая формирует символический смысл времени и характеризует его. Культурная память — это рассказ общества о самом себе [1]. Общественные настроения актуализируют воспоминания, которые отражают важные вопросы, волнующие сообщество.

Настоящее исследование посвящено концепту «призрачных деревень» в культурной памяти социума. Исчезновение деревень — значимая проблема российского общества. С 2011 по 2015 годы из города в села переехало от 90 до 174 тыс. человек. По данным Росстата, сельское население сейчас составляет всего 26% [5]. Но «призрачные деревни» актуализируются в культурной памяти не по экономическим причинам. Концепт отсылает к определенному значимому смыслу и отражает социально-психологические переживания.

Процессы раскретывания, происходившие в XX веке (раскулачивание, коллективизация, советский аграрный проект 1960–80-х) привели к травме крестьянского сообщества. Трудное прошлое в виде потери связи с деревней воспринимается с чувством тяжелой ностальгии и скорби, потому что российская культура во многом носит домодерновый характер, деревенский уклад жизни, которые вели 80% населения страны и который сформировал российскую ментальность в целом.

Отсюда и причина актуализации воспоминаний — исчезновение деревень переносит российскую культуру в новую фазу, что заставляет переоценивать свою историю, вспоминая значимое. Так, в медиaprостранстве заметны многочисленные коллективные практики сохранения памяти о деревнях. Исследование направлено на изучение того, как и каким образом воспоминания о «призрачных деревнях» актуализируются в медиа.

Концентрация памяти о «призрачных деревнях» создает особое «место памяти» [4], которое в процессе медиатизации приобретает коммеморативные практики.

Было проанализировано 100 постов в «Живом Журнале» с упоминанием заброшенных деревень. Выяснилось, что основной коммеморативной практикой сохранения концепта «призрачных деревень» является фотография. Основные

визуальные нарративы — внешнее состояние дома, интерьеры, кладбища, природы, артефакты жизни человека.

Популярность практики фотографирования можно объяснить следующими предположениями: во-первых, фотография — зримое отражение тенденций общества [3], во-вторых, средство переживания утраты [2], в-третьих, сегодня наиболее доступная в техническом отношении практика. Так, концепт «призрачные деревни» наполнен болезненными переживаниями, потому что утрата происходит за непосредственным наблюдением сообщества, а создание воспоминаний является средством контроля ускользающей истории.

Список источников:

1. Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* (пер. с нем. Сокольской М. М.). М.: Языки славянской культуры.
2. Барт, Р. (2021). *Camera lucida. Комментарий к фотографии* (пер. с франц). М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж».
3. Круткин, В. Л. (2006). Пьер Бурдьё: фотография как средство и индекс социальной интеграции. *Вестник Удмуртского университета*, (3), 40–55.
4. Леонов, И. В., Кириллов, И. В. (2021). «Призрачные деревни» в культурной памяти России. *Человек. Культура. Образование*, 4, 90–108.
5. Макаревич, М. Л., Ермолаева, Е. В., Сцибаровская, Е. О. (2023). Проблема возрождения забытых деревень на территории Российской Федерации. *Национальные приоритеты России*, 3(50), 70–77.

Творчество А. Е. Архипова в оценках советских и зарубежных зрителей

Бакарягин Степан Сергеевич

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
stepan280694@yandex.ru

Научный руководитель: *Урадова Анна Владимировна, доктор исторических наук, ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

The work of A. E. Arkhipov in the assessments of Soviet and foreign viewers

Bakaryagin Stepan

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Имя выдающегося русского художника Абрама Ефимовича Архипова (1862–1930) стало известно публике еще на рубеже XIX–XX столетий. Выходец из крестьянской среды, который получил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, успел поучиться в Императорской Академии художеств, и в 1898 г. стал академиком. Его произведения приобретал лично П. М. Третьяков.

На протяжении всего творческого пути Абрам Ефимович оставался верен сюжетам из народной жизни. Между тем, в бурный и динамичный XX век появился целый ряд художественных направлений, пропагандирующих новые идеалы и формы выражения. Кто-то в этом увидел конец изобразительного искусства в его прежних традиционных формах. А. Е. Архипов как в творчестве, так и в преподавании, продолжал следовать принципам классической школы живописи. В связи с этим мы задались вопросом, изменилось ли отношение к творчеству мастера в Советской России и за рубежом в 1920-е гг. с учетом иного социокультурного контекста.

Методология основана на базовых методах исторической науки. Использование историко-генетического метода позволило проследить путь художника от бытовых сюжетов в сдержанном колорите к созданию ярких образов русских крестьянок, где темперамент и виртуозное мастерство А. Е. Архипова объединились в мощном цветовом звучании. Обращение к историко-сравнительному методу во многом было спровоцировано еще современниками художника, которые нередко проводили параллель с творчеством другого выдающегося мастера — Ф. А. Малявина. Подобное сравнение осталось жизнеспособным и по сей день. Проект Третьяковской галереи, который планируется осенью 2024 года, объединит художников в одном выставочном пространстве. Применение биографического метода способствовало изучению личных качеств и жизненного пути А. Е. Архипова, которые сформировали его мировоззрение.

Источники по изучаемой проблеме достаточно хорошо представлены в материалах Российского государственного архива литературы и искусства. Документы РГАЛИ содержат сведения о реакции советских и зарубежных зрителей на творчество А. Е. Архипова, представленное на крупных выставках 1920-х гг. в нашей стране [1] и выставках советского искусства за рубежом в 1930 году [2]. Имеющуюся картину дополняют опубликованные воспоминания коллег и учеников художника [3; 4].

Исходя из рассмотренных материалов, можно заключить, что творчество Абрама Ефимовича Архипова пользовалось неизменным успехом публики в Советской России

и за рубежом. Его работы восхищали зрителей как мастерством исполнения, так и цельностью художественных образов. Искреннее отношение художника к своему делу и верность сформировавшимся еще в молодости принципам вызвали живой отклик вне зависимости от национальности, идеологической и политической ориентации.

Список источников:

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), 2941, 33.
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), 2941, 115–117.
3. Гронский, И. М., Перельман, В. Н. (1973). АХРР. *Ассоциация художников революционной России. Сборник воспоминаний, статей, документов* М.: Изобразительное искусство.
4. Богородский, Ф. С. (1959) *Воспоминания художника*. М.: Советский художник.

«Черная смерть» и Covid-19 — человеческий страх сквозь века

Богданова Ирина Михайловна

bogdanova.irina.2002@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: *Варустина Елена Львовна, кандидат исторических наук,*

СПбГУ

The Black Death and Covid-19: human fear through the ages

Bogdanova Irina

Saint Petersburg State University

Страшными и пугающими отрезками времени в истории человечества были войны и эпидемии. Если во время кровопролитных побоищ существовали видимые враги, то эпидемии во все времена представляли собой внезапное и непредсказуемое явление, обладавшее мощной разрушительной силой и приводящее к огромному количеству смертей.

Исследование посвящено изучению поведения людей во время крупнейших в истории пандемий — средневековой «Черной смерти» XIV в. и COVID-19 XXI в. Цель исследования — провести сравнительный анализ представлений и восприятия людьми разных эпох о постигших их бедствиях. Актуальность проблемы заключается в том, что за прошедшие со времен чумы столетия, мир продолжает сталкиваться с эпидемиями и как следствие, возникающим в обществе страхом перед смертельной болезнью. По этой причине важно помнить и изучать опыт прошлых крупных эпидемий, в частности, помнить, к каким последствиям приводило поведение людей во время эпидемий прошлого.

Историк медицины Ф. Сноуден, в книге «Эпидемии и общество: от черной смерти до новейших вирусов», писал о необходимости изучать не только влияние самой чумы, но и уроков борьбы с ней [4]. Одним из важнейших факторов риска для человека во время эпидемии бывает не сама болезнь, а страх перед ней, реальный или воображаемый. Именно страх способен побудить заболевшего или здорового человека во время эпидемии пойти на бессознательные поступки, угрожающие как самому человеку, так и окружающим. К примеру, саботаж карантинных мер, нарушение самоизоляции или сокрытие зараженного родственника.

«Смертоносная чума, которая, под влиянием ли небесных светил или по нашим грехам посланная праведным гневом Божиим на смертных», как писал великий итальянский писатель и поэт Дж. Боккаччо, запечатлена не только в его выдающемся произведении «Декамерон» [3], но и в записях обычных горожан, очевидцев тех трагических событий. Собранные воедино, переведенные с латинского на английский язык и изданные в нескольких томах Дж. Абертом и Р. Хоррокс [1; 2] тексты дают яркую картину переживаний, страхов и отчаяния во время чумы.

Сопоставив крупнейшую средневековую эпидемию чумы и современную пандемию COVID-19, можно уверенно сделать вывод, что страх перед заражением и смертью по прежнему приводит к массовым паникам и социальной изоляции, что только усиливает эпидемию и осложняет борьбу с ней, о чем свидетельствуют сегодня многочисленные печатные и электронные средства массовой информации. Российский

исследователь М. В. Супотницкий, проведя подробный анализ всех известных вспышек чумы в истории человечества в «Очерках истории чумы» [5], подтверждает еще один наш вывод о том, что недостаток информированности населения и несвоевременность оповещения об опасности заражения способствует быстрому распространению слухов, приводит к нарастанию страхов и отчаяний в обществе.

Список источников:

1. Aberth, J. (1963). *The Black Death: The Great Mortality of 1348–1350: a brief history with documents*.
2. Ногрох, Р (1994). *The Black Death*. Manchester. University Press.
3. Боккаччо, Дж. (1955). *Декамерон*. М.: Художественная литература.
4. Сноуден, Ф. (2023). *Эпидемии и общество (от Черной смерти до новейших вирусов)*. М.: Альпина-нон-фикшн.
5. Супотницкий М. В., Супотницкая, Н. С. *Очерки истории чумы*. Электронная библиотека URL:
https://royallib.com/read/supotnitskiy_mihail/ocherki_istorii_chumi_kniga_i.html#58526

Ассоциация художников революционной России: идеология и творчество (1920-е гг.)

Бронникова Александра Юрьевна

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
brnkvsasha@gmail.com

Научный руководитель: Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук,
УрФУ

Association of the artists of revolutionary Russia: ideology and art (1920s)

Bronnikova Alexandra

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

События начала XX века в России стали переломным моментом в сознании современников этих событий. Появляются новые интересы, меняются ценности, основы культуры, нравственные ориентиры, одним словом, формируется «новый» советский человек.

С одной стороны, в революционное время искусство начинает играть роль способа выражения личной позиции, с другой стороны, массовая культура становится «рычагом» влияния правительства на широкие круги общества. Все эти характеристики творчества прослеживаются в деятельности самой многочисленной художественной организации 1920-х гг. — Ассоциации художников революционной России (АХРР), которая стала «мостом» между имперским Товариществом передвижных художественных выставок (ТПХВ), и Союзом художников СССР.

Изучение деятельности Ассоциации художников революционной России позволяет более полно раскрыть процесс формирования концепта «новый» человек в раннем советском обществе, рассмотреть широту его практической направленности в культуре. Также, через изучение творческих образов в работах ахрровцев, становится возможным проследить изменения в сознании русского общества, связанные с качественными преобразованиями в государстве.

Самыми крупными исследователями деятельности Ассоциации художников революционной России остаются Валентина Павловна Князева [1], опубликовавшая в 1967 году книгу «АХРР. Ассоциация художников революционной России» и Борис Игоревич Иогансон [2], издавший в 2016 году книгу с одноименным названием. Однако и В. П. Князева и Б. И. Иогансон являются искусствоведами, анализировавшими деятельность организации с позиции вклада ахрровцев в развитие советской культуры. Также Ассоциацией интересуются историки-регионоведы, изучающие деятельность местных ячеек АХРР, однако работы существуют в виде небольших статей. Крупных работ историков по теме АХРР на данный момент нет.

Недолгий период существования организации обрек исследователей на сравнительно небольшую источниковую базу. Тем не менее для изучения процесса изменения общественной мысли и культурных практик в контексте исторических кризисных моментов России, по нашему мнению, рассмотрение деятельности АХРР оказывается очень важным элементом.

Проблема исследования заключается в анализе реакции русской интеллигенции на события 1920-х гг. в России, нашедшую выражение в художественном творчестве

Ассоциации художников революционной России. Работа пополняет сравнительно небольшую исследовательскую литературу, расширяет представление об АХРР в первую очередь как об историческом феномене. В работе используются историко-генетический, идеографический методы исторического исследования, а также феноменологический и аксиологический методы культурологического исследования.

Список источников:

1. Knyazeva, V. P. (1967). *Association of the artists of revolutionary Russia*. Leningrad: Publishing house Artist of the RSFSR.
2. Joganson, B. I. (2016). *AHRR. Association of the artists of revolutionary Russia*. Moscow: Booksmart Press.

Образы Московии в текстах Уильяма Шекспира

Гайдышев Никита Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

nagaydyshev@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ*

The Images of Muscovy in the texts of William Shakespeare

Gaidyshev Nikita

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

В исследовании рассматривается проблематика появления упоминаний Московии в текстах У. Шекспира. Автор доклада считает, что на формирование образа России в произведениях драматурга оказал влияние контекст англо-русских отношений XVI–XVII веков. По моему мнению, активная деятельность Московской торговой компании создала два пути, при помощи которых Московское государство обрело свое место на ментальной карте англичан. Это публикация *россики* и последующее издание Ричарда Гаклюйта и Самуэля Перчаса, а также бытовой способ формирования знания о России — когда знание о ней появлялось благодаря использованию товаров из Московии, а также при помощи личных контактов с побывавшими в этой стране англичанами и прибытию посольских миссий из России в Лондон. При помощи контекстуализации и дискурс анализа в тексте доклада предпринимается попытка понять происхождение образов Московии у Шекспира.

В исследовании рассматривается проблематика появления образов Московии в текстах Шекспира. Несмотря на наличие около десяти таких образов, существующая на сегодняшний день научная литература практически не освещает проблематику образов Московии в текстах Шекспира. Работы таких авторов, как М. П. Алексеев, Д. Б. Брадер и Р. В. Десай носят скорее формальный характер. Эти исследования предоставляют недостаточно детальную контекстуализацию, из-за чего проследить в них историю формирования образов Московии в творчестве Шекспира достаточно сложно.

Моя исследовательская работа выглядит актуальной и своевременной, так как она должна исправить сложившуюся в современной историографии ситуацию. Для наиболее полного ответа на поставленный мной вопрос я буду использовать подход, совмещающий как привычные текстологические и источниковедческие методы, так и методы глобальной, интеллектуальной и новой культуральной историй. Стоит отметить исследовательский вопрос работы: какие контексты в рамках англо-русских отношений второй половины XVI — начала XVII вв. оказали влияние на появление русских образов в произведениях Уильяма Шекспира.

Переходя к вопросу о контекстах. В 1550-е годы в Англии начинает свою работу Московская торговая компания. Ее деятельность не только обеспечивает торговый и политический обмен между странами, но и создает возможность кросс-культурного обмена между Россией и Англией. Благодаря этому процессу на Туманном Альбионе начинают появляться сведения о Московском государстве, закладывающие основу

будущих стереотипов о России в Англии.

Не исключением становятся и многие литераторы. Среди них и Уильям Шекспир, в текстах которого содержится около десяти образов Московии. В связке со словами «Russia», «Russian» и «Muscovy» в произведениях автора можно встретить упоминания правителя России (Emperor of Russia), русских медведей (Russian bear), а также образ полярной ночи (This will last out a night in Russia / When nights are longest there) и сравнение необычной одежды с внешним видом москвитов (Like Muscovites or Russians, as I guess). Несмотря на то, что причина появления этих упоминаний — англо-русские отношения XVI–XVII веков, стоит отметить, что появление этих образов было обусловлено разными контекстами в рамках этого большого феномена.

Упоминания «emperor of Russia» в «Зимней сказке» связано с особенностями дипломатической переписки между Россией и Англией, в которой царь Московии непременно назывался императором России. Я считаю, что это дискурсивная практика перекочевала к Шекспиру именно из официальных документов. Что же касается метафоры московитской одежды как необычной и незаурядной, то этот образ я объясняю следующей причиной, а именно — встречей посольств и дипломатических миссий из России в Англии, прием которых в XVI веке привлекал внимание зрителей за счет своей пышности и богатства.

Предварительные выводы: образы Московии у У. Шекспира появились благодаря феномену англо-русских отношений XVI–XVII вв., сформировавшему интерес к этой стране. В рамках этого процесса существовало несколько контекстов, оказавших серьезное влияние на восприятие Московии в глазах Шекспира: активная деятельность Московской торговой компании, публикация ее участниками россики и дальнейшее издание Ричарда Гаклюйта, продажа товаров из Московии на английском рынке, контакты с англичанами, побывавшими в Московии, а также прибытие дипломатических миссий из России в Англию.

Список источников:

1. Anderson, M. S. (1958). *Britain's Discovery of Russia 1553–1815*. London: Macmillan & Co.
2. Desai, R. W. (1996). “What means Sicilia? He something seems unsettled”: Sicily, Russia, and Bohemia in *The Winter's Tale*. *Comparative Drama*, 30(3).
3. Draber, J. B. (1954). Shakespeare and Muscovy. *The Slavonic and Eastern European Review*, 33(80).
4. Geraldine, M. P., & Merrick, J. (1983). *English Merchant-Diplomat in Seventeenth Century Russia*. Newtonville: Oriental Research Partners.
5. Gerson, A. (1912). *Studies in the History of English Commerce in the Tudor period*. New York: University of Pennsylvania.
6. Willan, T. S. (1956). *The Early History of the Russia Company*. Manchester: Manchester University Press.
7. Алексеев, М. П. (2019). *Русская тема в европейской литературе*. СПб: Нестор-История.

8. Гамель, И. (1865). *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*, СПб: типография императорской академии наук.
9. Готье, Ю. В. (1986). *Английские путешественники в Московском государстве XVI веке*.
10. Лимонов, Ю. А. (1986). *Россия XV–XVII века глазами иностранцев*. Ленинград.: Лениздат.
11. Любименко, И. (1916). *Торговые сношения России с Англией при первых Романовых*. Петроград: Сенатская типография.
12. *Посольская книга по связям России и Англии 1614–1617 гг.* (2006). М.: ИРИ РАН.
13. Толстой, Ю. В. (1875). *Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593*. СПб.

Миграционный вопрос в Конгрессе США: идеологическая основа политического противостояния (1890–1920-е гг.)

Гречишкина София Андреевна

Южный федеральный университет

sgf@sfedu.ru

Научный руководитель: *Айриян Радмила Сергеевна*, кандидат исторических наук, ЮФУ

The migration issue in the US Congress: the ideological basis of political confrontation (1890s–1920s)

*Grechishkina Sophia
Southern Federal University*

Миграционное законодательство США в конце XIX–XX вв. рассматривалось в контексте традиционных американских постулатов, продиктованных отцами-основателями, о законности и необходимости изменений. Однако этот подход отразил вариативность трактовок «священных» для американцев идей. С одной стороны, отстаивание традиционной политики с принятием в страну всех нуждающихся, свобода для представителей всех конфессий. С другой стороны, сильная пуританская традиция, особенно концентрированно представленная в северо-восточных штатах (Новой Англии), которая допускала «избранность» определенных этнических групп, включающих представителей северной и западной Европы. Однако с 1880-х гг. миграционная ситуация стала стремительно меняться. В страну прибыло небывалое ранее количество представителей южной и восточной Европы, а также азиатских стран, что обострило расовые и этнические противоречия. В условиях меняющейся социальной структуры американского общества, а также кризисной экономической ситуации проявилась дихотомия в правящих кругах. Политическое общество разделилось на сторонников традиционной политики, поддерживающих «открытость дверей» США для мигрантов, к этой группе поначалу относились президенты страны. И на сторонников сохранения и защиты преимущественно западноевропейского состава населения. Определение основных направлений интеллектуальных исканий представителей власти, а также отражение аргументов, звучащих по вопросу регулирования миграционных потоков в период сессий Конгресса, является целью работы.

Первоначально отношение президентов США к вопросу о возможном регулировании миграционных процессов было резко негативным. Обращения к Конгрессу Г. Кливленда, письма У. Г. Тафта, а также В. Вильсона позволяют определить, что позиция «против» ограничения заключалась в нежелании лидеров государства поступаться основными принципами, заложенными еще во время Войны за независимость [1; 2]. Однако к середине 1920 г. американская экономика пережила свой первый серьезный спад с 1890-х гг. Экономическая ситуация в стране стала катализатором переосмысления традиционной политики миграционной открытости. И уже следующего президента — У. Г. Гардинга приветствовали как первого подлинного «ограничителя» Белого дома. А его преемник К. Кулидж и вовсе в ежегодном послании Конгрессу высказался о необходимости продолжения политики миграционного

ограничения для сохранения безопасности Америки [3].

Позиции в Сенате и Палате представителей также менялись на протяжении XX в. Защитники мигрантов в Конгрессе руководствовались в первую очередь экономическими показателями, а также желанием расширить свой электорат. Когда в периодической печати их стали массово подозревать в связи с монополистами и лоббированием их интересов, мнение «за» открытую миграцию стало меняться на «против» [4]. Сторонники ограничения в Конгрессе были связаны с академическими организациями. В их полемике прослеживается отчетливое влияние распространившегося в XX в. научного расизма. Аргументы в пользу полного прекращения неконтролируемой миграции строились в ключе понимания американского гражданства, как привилегии, доступной только «достойным» [5].

Изменившееся соотношение сил на международной арене, усиление отдельных стран, вместе с существующими противоречиями по отношению к ним, давали рациональный повод для изменения иммиграционной политики. Внутреннее колебание рынка труда предоставляло понятное каждому американцу обоснование ограничения миграции.

Трактовка политическими лидерами США традиционных ценностей оказалась достаточно гибкой и моделируемой в зависимости от контекста социально-экономических изменений. Открытость к миграции так или иначе заставляла бы страну формировать механизмы адаптации мигрантов или бороться с негативными последствиями, формированием этнически замкнутых кварталов, расширением негативного восприятия мигрантов среди граждан страны. Принятие ограничительной политики, включающей закон с квотами по национальному происхождению, напротив предоставил США возможность проецировать ограничительный характер политики в страны происхождения, формируя прецедент «дистанционного управления». Речь идет об организации строгого визового контроля, своевременного обновления данных о свободных квотах, увеличении посольств и количества служащих в них, а также расширении их полномочий.

Список источников:

1. Woodrow, W. (2017). Message from the President of the United States Vetoing H.R. (Washington, 1915). *The Papers of Woodrow Wilson Digital Edition*, Charlottesville, University of Virginia Press, Rotunda, 32(1).
2. Regulation of the immigration of aliens: message from the president of the United States, transmitting, without approval, the bill (S. 3175) entitled “An act to regulate the immigration of aliens to and the residence of aliens in the United States” (1913), 1087.
3. Coolidge. C., *First Annual Message to the Congress December 6, 1923*, The American Presidency Project.
4. The evening world 21 Feb., 1921. *Chronicling America: Historic American Newspapers*. Lib. of Congress.
5. Congressional Record (Bound Edition), 59, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.

Подход Советского Союза к торговле с Японией во 2-ой пол. 1950-х гг. (на примере торговых переговоров В/О «Судоимпорт» с фирмой «Хитачи»)

Громов Роман Алексеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

roma_gromov_99@list.ru

Научный руководитель: *Попов Алексей Алексеевич*, кандидат исторических наук, НИУ ВШЭ

The Soviet Union's approach to trade with Japan in the 2nd half of the 1950s (using the example of trade negotiations between Sudoimport and Hitachi)

Roman Gromov

National Research University Higher School of Economics

В современных реалиях торговля с Азией приобретает особенную актуальность [1, p. 490]. Решается задача по развитию Дальнего Востока России, для торговли с Азией, которая бы лишила необходимости торговых отношений с Европой [2]. Но будут ли работать подходы ведения торговли с Азией, которые работали в Европой? Как вести торговлю с Азией и получать от нее пользу думали и в Советском Союзе. Несколько эффективных практик было выработано в период становления торговых отношений с Японией во 2-ой пол. 1950-х гг. Целью статьи выступила характеристика подхода к торговле с азиатской страной в период становления советско-японских торговых отношений во 2-ой пол. 1950 гг.

Во 2-ой пол.1950-х гг. советская внешняя торговля была ориентирована на всевозможное расширение. Запад не был настроен на плодотворное торговое сотрудничество, ограничивая доступ к определенным группам промышленных товаров. Советский Союз искал новых торговых партнеров. Основания для развития торговли с Японией были как в экономическом, так и в политическом аспекте [3, p. 19].

При знакомстве с японскими деловыми кругами в 1950-е гг. акцент делался на востребованности Советского Союза как торгового партнера по всему миру, большом количестве долгосрочных торговых договоров и соглашений. Предоставлялись гарантии торговли — механизм против отрицательного сальдо в пользу той или иной стороны. Учитывая то, как японцы имели дефицитную торговлю с США, этот аргумент был действенным. Создавался образ советских внешнеторговых объединений как солидных и деловых партнеров, которые проводили огромные экспортно-импортные операции, а заключаемые ими контракты зачастую достигали миллионов долларов [4, pp. 56–60].

На торговых переговорах Японцы чаще всего, ссылаясь на ограниченный ресурс времени, торопили процесс заключения контрактов, чтобы советская сторона соглашалась на цены выше рынка, но такой метод не работал, так как представители советский внешнеторговых объединений сбивали завешенные японские предложения аналитикой цен на мировом рынке и японской практикой с другими странами. Если переговоры затягивались, то японские фирмы, боясь за свой авторитет среди деловых кругов Японии, шли на уступки. Также у японцев была распространенная практика ультиматумов: «если сейчас цена не принимается, то переговоры прекращаются», на

что советский опыт показал — такое поведение можно смело игнорировать и продолжать переговоры в своих интересах. Тем не менее на переговорах японцы были готовы выслушивать рациональные предложения и соглашаться на компромиссы [5, pp. 9–23].

Итак, подход к торговле с азиатской страной, это демонстрация своей востребованности и профессионализма, неуступчивость в переговорах и долговременная линия поведения.

Список источников:

1. Savchenko, A. E. (2023). *Long turn to the East. Russia and China: history and prospects of cooperation*, 488–491.
2. Джалилов, Т. А., Пивоваров, Н. Ю. (2019). От И. В. Сталина к Н. С. Хрущеву: тенденции развития советской внешней торговли во второй половине 1950-х годов. *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019*.
3. Results of the EEF 2023 URL: <https://secretmag.ru/news/vostochnyi-ekonomicheskii-forum-2023-itogi-15-09>
4. Documents, memoranda, comparison of draft agreements, references on the development of agreements on trade and navigation between the USSR and Japan, *RGAE*. 413(13).
5. Documents (records of conversations, references, letters) on trade and economic relations of the USSR with Japan. *RGAE*, 413(13).

«Бешеные Финансы» против «Системы» монополий Дж. Рокфеллера и Г. Роджерса: роль журналистского расследования в борьбе с монополиями в США в начале XX в.

Грузков Михаил Максимович

Санкт-Петербургский государственный университет

ml-m-gr@outlook.com

Научный руководитель: *Борисенко Виктор Николаевич*, кандидат исторических наук, СПбГУ

“Frenzied Finance” against the “System” of monopolies of J. Rockefeller and G. Rogers: the role of investigative journalism in the fight against monopolies in the United States at the beginning of the 20th century.

Gruzkov Mikhail

Saint Petersburg State University

На рубеже XIX и XX столетий в США наблюдается сращивание торгово-экономических структур с политическими институтами ввиду активных финансовых вложений бизнесменов, которые после Гражданской войны стали занимать все возможное пространство для экономической экспансии. Таких влиятельных монополистов отечественный американист В. В. Согрин называл «боссами» [1, с. 171–173], которые в 1890-е гг. формировали американский истеблишмент.

В таких промышленных центрах как штат Монтана фермерские хозяйства активно разорялись из-за экономической экспансии монополистов, и они активно требовали от государства ликвидации монополий. Демонополизация и финансовая поддержка разорившихся фермеров стала одним из пунктов предвыборной платформы Демократов в Монтане в 1889 г. [2]. Однако, как показывают результаты выборов в 1890-х гг., Демократы не могли одолеть монополистов на выборах. Поэтому в данном исследовании мною была выдвинута гипотеза, что одним из рычагов давления на монополии на рубеже XIX и XX вв. стало общественное мнение состоятельного слоя населения, лидерами которого были представители профессиональной финансовой общественности, имевшие возможность транслировать свои идеи через прессу.

В случае штата Монтана одним из наиболее ярких монополистов был Дж. Рокфеллер, который занимался добычей местной меди, и из-за его деятельности свои дивиденды не получали местные вкладчики, т. к. подконтрольные Рокфеллеру инвестиционные банки и предприятия массового скупали акции производства, что позволяло забрать магнату контрольный пакет акций и манипулировать ценами на бирже [3, pp. 262–265]. Именно такую схему описал в своем труде «Бешеные финансы» бостонский брокер Томас Лоусон, который с 1898 по 1904 гг. работал на Дж. Рокфеллера и Г. Роджерса. Серия статей Т. Лоусона была опубликована в 1904–1905 гг. в журнале *Everybody's magazine*, тираж которого после публикации статей о деятельности компании Дж. Рокфеллера *Standard Oil* вырос до 750 тыс. экземпляров, а цена рекламных объявлений выросла с \$300 до \$500 [4, pp. 72–81]. Данные о тираже журнала показывают большой общественный интерес к теме монополий и взгляду к их работе «изнутри»

Такой резонанс может быть объясним тем фактом, Томас Лоусон не раз

подчеркивает, что несмотря на свое сотрудничество с «Системой», он стал такой же жертвой, как и все вкладчики, что дает ему возможность стать одним из символов борьбы с монополиями [5]. После публикации серии статей Т. Лоусон стал часто давать профессиональные комментарии по вопросам ситуаций на бирже, а в 1906 г. с подачи президента Т. Рузвельта начинаются судебные дела против Дж. Рокфеллера, что говорит о влиянии расследований авторитетного брокера на вектор социально-экономического развития страны.

Список источников:

1. Согрин, В. В. (2001). Политическая история США. XVII–XX вв., М.: «Весь мир».
2. Democrats of Montana. *The Anaconda standard*. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84036012/1889-09-19/ed-1/seq-3/>
3. Lawson, T. W. (1905). *Frenzied Finance, the Crime of Amalgamated*. New York.
4. Mott, F. L. (1968). *A History of American Magazines: 1905–1930*, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
5. The Sun Magazine. *A Statement by the Publishers of Everybody's Magazine, 18 June 1904*. *Chronicling America: Historic American Newspapers*. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83030272/1904-06-18/ed-1/seq-7/>

Образ рабства в исторической памяти Юга США во второй половине XIX — начале XX вв.

Дунавецкий Константин Михайлович

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П.

Королёва

kdunavetsky@gmail.com

Научный руководитель: *Голубинов Ярослав Анатольевич, кандидат исторических наук, Самарский университет*

The image of slavery in collective memory of the US South in the second half of the XIX — early XX century

Dunavetskiy Konstantin

Samara National Research University

На фоне протестов Black Lives Matter в 2020 году споры об исторической памяти захлестнули США. Эти дебаты коснулись и периода Гражданской войны. На фоне массовых протестов чернокожих особенно остро встала проблема роли рабства в Гражданской войне и его места в американской исторической памяти. Тот образ рабства, который был сформирован на Юге США еще в конце XIX в., продолжает влиять на представления современных американцев о роли этого института в те времена. История происхождения этого образа может помочь нам понять мотивацию тех, кто сносит памятники и требует ревизии истории.

Доклад посвящен проблеме формирования образа рабства в исторической памяти Юга США во второй половине XIX — начале XX вв. Методологической основой данного исследования является теория исторической памяти, согласно которой память — это способ конструирования людьми своего прошлого через медиа памяти — книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д. [1, с. 15].

В работе в качестве источников использована американская литература и пресса рассматриваемого периода, а также художественные фильмы первой половины XX в.

К концу Гражданской войны у южан, сторонников Конфедерации, в США сложилась скверная репутация изменников-рабовладельцев, пытавшихся в ходе войны развалить страну. Самым «больным» местом в подобном нарративе являлась тема рабства. Это касалось как сущности этого института, так и его роли в начале конфликта.

Южане понимали, что если они не смогут исключить рабство из истории своего восстания, то они будут навечно опозорены в глазах потомков, они проиграют «войну идей», к которой в 1866 г. призывали бывшие конфедераты [2, р. 750]. По этой причине они стали использовать доктрину «прав штатов» в качестве главной предпосылки начала конфликта. Конфедераты воевали не за сохранение рабства, а за сохранение принципов конституционной свободы [3, р. 207].

Значительное место в южном восприятии конфликта занимал образ довоенного рабства, которое представлялось благом как для хозяина, так и для раба. Утверждалось, что рабство «делало его [раба — прим. автора] в целом самым ярким образцом жизнерадостности и довольства в мире» [2, р. 49]. В этом нарративе играл важную роль образ «верного раба». Так, с середины 1890-х до конца 1930 г. в журнале «Ветеран

Конфедерации» публиковались сотни воспоминаний о верных рабах, часто написанных бывшими хозяевами [4, p. 286]. Данные образы переключались и в кино, самые яркие примеры — это танцующие от счастья рабы из «Рождения нации» (1915) и персонаж «мамочки» — популярный образ чернокожей женщины, ухаживающей за детьми своих господ, — из «Унесенных ветром» (1939). Южное рабовладельческое общество виделось идеалом, местом, где жили «благородные люди ... подобных которым мы больше не увидим» [5, p. 148].

Таким образом южане, формируя послевоенный нарратив о рабстве, преследовали две цели: свести на нет роль этого института в начале войны, и одновременно представить рабство как высшую ценность, как социальный строй, при котором процветали белая и негроидная расы.

Список источников:

1. Сафронова, Ю. А. (2019). *Историческая память: введение: учебное пособие*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
2. Pollard, E. A. (1866). *The Lost Cause; A New Southern History of the War of the Confederates*. New York: E. B. Treat & Co., Publishers.
3. Gallagher, G. W., & Nolan, A. T. (2000). *The Myth of the Lost Cause and Civil War History*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
4. Blight, D. W. (2001). *Race and Reunion: The Civil War in American Memory*. Cambridge and London: The Belknap Press of Harvard University Press.
5. Wilson, C. R. (1980). *Baptized in Blood: The Religion of the Lost Cause, 1865–1920*. Athens: The University of Georgia Press.

Факторы единения русской диаспоры во Франции (на примере региона Прованс — Альпы — Лазурный берег)

Егорова Елизавета Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет

beth13@mail.ru

Научный руководитель: *Костюк Руслан Васильевич, доктор исторических наук, СПбГУ*

Factors of unity of the Russian diaspora in France (the case of the Provence — Alpes — Côte d'Azur region)

Egorova Elizaveta

Saint Petersburg State University

В Концепции внешней политики РФ от 31.03.2023 г., созданной в контексте современной геополитической ситуации, особое значение уделяется понятию «русский мир» и роли России как ядра этого феномена. Одной из актуальных задач в документе является «развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказание им поддержки в <...> сохранении общероссийской культурной идентичности» [1]. Целью этого исследования является изучение способов единения представителей «русского мира» с начала формирования русской колонии в Ницце во второй половине XIX — первой половине XX вв., с тем, чтобы определить наиболее перспективные варианты решения поставленной в Концепции внешней политики РФ задачи.

Методологической основой исследования является цивилизационная концепция, а также специально-исторический метод — ретроспективный.

В отечественной научной литературе отмечается, что принципиальная суть феномена «русский мир» заключается в «объединении — мировоззренческом и структурном — мировой русской диаспоры и метрополии» [2]. Подобное объединение строится на трех компонентах «русского мира», а именно, изучении русского языка, погружении в русскую культуру и следовании православным традициям.

По мнению В. А. Тишкова, религиозный компонент первостепенен в консолидации «русского мира» [3], что прослеживается в процессе становления русской диаспоры в регионе Прованс — Альпы — Лазурный берег. Едва прибыв в Ниццу, императрица Александра Федоровна, осознавая нужды русской колонии, выступает в 1856 г. с инициативой строительства Церкви святителя Николая и мученицы Александры. В 1903–1912 гг. в Ницце будет возведен еще более масштабный Свято-Николаевский собор на месте виллы Бермон, где скончался наследник Николай Александрович. Эти храмы стали центром единения русской диаспоры в регионе, местом помощи для эмигрантов четырех волн; они действуют до сих пор, удовлетворяя религиозные нужды современных представителей «русского мира».

Сохранять русский язык и содействовать его изучению в Ницце была призвана библиотека, основанная известным русским поэтом князем П. А. Вяземским при Церкви святителя Николая и мученицы Александры. В послереволюционный период в Ницце открывается школа «Александрино», ставившая перед собой задачу не только сохранять русский язык и культуру у детей эмигрантов, но и воспитать молодое поколение так, чтобы они смогли внести значительный вклад в возрождение России [4].

Погружение в русскую культуру в регионе происходило в рамках музыкальных вечеров в замке Вальроз барона П. фон Девиза, в оперных театрах Ниццы и Монте-Карло. Благодаря интересу к русской культуре Рауля Гансбурга в Opéra de Monte Carlo был поставлен балет «Снегурка» по мотивам сказки А. Островского, опера «Иван Грозный», приглашены именитые деятели русского искусства (Ф. Шаляпин, М. Кшесинская, А. Павлова и др.) [5].

Таким образом, эффективные способы единения русской диаспоры были заложены уже в XIX–XX вв.; задача России как ядра «русского мира» в XXI в. заключается в их поддержке и развитии.

Список источников:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.
2. Герра, Р. (2015). *О русских — по-русски*. СПб.: Русская культура.
3. Тишков, В. А. (2014). О русских. *Вестник Российской нации*, 6(38), 30–46.
4. Дом русского зарубежья. Фонд 301. Русская школа «Александрино» (Ницца, 1925–1934).
5. *Revue de la Riviera illustrée: revue hebdomadaire publiant les comptes rendus photographiques de toutes les fêtes et réunions mondaines. 1907–1911.*

Нюрнбергское дело врачей: о невозможности оправдания нацизма (на основе анализа заключительной речи адвоката Карла Брандта)

Калачева Мария Надырхановна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

mashakot678@gmail.com

Научный руководитель: *Голубинов Ярослав Анатольевич, кандидат исторических наук, Самарский университет*

The Nuremberg Doctors' Trial: on the impossibility of justifying nazism (based on analysis of Karl Brandt's attorney's final speech)

Maria Kalacheva

Samara National Research University

После вынесения приговоров главным нацистским преступникам была инициирована серия «малых» процессов. Первым из таких стал суд над медиками. Официально этот процесс носит имя главного из подсудимых — «США против Карла Брандта». Брандт — один из двадцати трех обвиняемых по медицинскому кейсу, но именно против него было выдвинуто наибольшее количество существенных обвинений и доказательств, которые трудно оспорить [1].

«Медицинский кейс» породил тысячи документов, опубликованных на сайте библиотеки Гарвардской школы права. Исследование посвящено выявлению риторической стратегии, избранной Брандтом и его адвокатом, чтобы оправдаться в глазах суда. В результате анализа заключительной речи адвоката было выявлено несколько групп тезисов [2].

Первая группа включает в себя тезисы, касающиеся юридического аспекта дела. Адвокат стремился сосредоточить внимание суда на излишнем доверии к словам свидетелей, говоря, что это не является существенным доказательством в делопроизводстве по столь серьезному обвинению. Еще один аргумент в рамках юридического дискурса — ссылки на то, что Брандт не мог совершить преступление, потому как в нацистской Германии это было законно [3]. Перекладывая ответственность за совершенные нацистами преступления на принятые государственные нормы, адвокат стремился лишить подсудимого субъектности, способности совершить личностный поступок и принять самостоятельные решения.

Вторая группа тезисов затрагивает вопросы научного характера. В словах Роберта Сервациуса, адвоката Брандта, проявляется сложная моральная дилемма — проблема этической допустимости экспериментов над человеком. Утверждение также противоречит словам адвоката о непричастности Брандта к медицинским преступлениям; он предпринимает попытку оправдать эксперименты над людьми требованиями научного прогресса.

Третья и последняя группа тезисов была обозначена как «аргумент в пользу биополитики». Так же, как и до этого, адвокат прибегает к лишению подсудимого субъектности: оправдывая необходимость экспериментов над людьми, он утверждает, что принудительное умерщвление недееспособных граждан есть благо для всего общества. В этих словах отчетливо видится оправдание жестоких методов

биополитики, о которых Мишель Фуко напишет несколько десятков лет спустя [4]. Сервациус оправдывает безраздельный контроль государственной власти над телами своих граждан якобы во имя блага всех остальных, на деле же преследуя цель построить наиболее эффективно работающую военную машину.

Помимо всего прочего, удалось выявить не только три самостоятельных дискурса, но и явные противоречия внутри каждого из них. Таким образом, прослеживается главная проблема, с которой столкнулся адвокат Брандта в своей работе — невозможность адекватно, доходчиво, а главное, обоснованно аргументировать мотивацию действий своего подзащитного.

Список источников:

1. *Closing brief against Karl Brandt. 16 June 1947.* HLS NUREMBERG TRIALS PROJECT. URL: <https://nuremberg.law.harvard.edu/documents/567-brief-closing-brief-against?q=medical+case#p.1>
2. *Closing argument for Karl Brandt. 14 July 1947.* HLS NUREMBERG PROJECT. URL: <https://nuremberg.law.harvard.edu/documents/2658-argument-closing-argument-for-karl?q=medical+case#p.1>
3. Борозняк, А. (2023). *Жестокая память: Как Германия преодолевает нацистское прошлое.* М.: Альпина Паблишер.
4. Фуко, М. (2023). *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы.* М.: Новое литературное обозрение.

Влияние корпусных традиций на процесс обучения в русских зарубежных кадетских корпусах в Югославии

Канцевич Мария Владимировна

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

mari.kancevich@bk.ru

Научный руководитель: *свящ. Постернак Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, ПСТГУ*

The influence of corps traditions on the learning process in Russian foreign cadet corps in Yugoslavia

Kancevich Maria

St. Tikhon's Orthodox University

После создания кадетских корпусов за рубежом, начальство учебных заведений столкнулось с проблемой формирования кадетских группировок по принадлежности к тому или иному дореволюционному кадетскому корпусу. Данная ситуация негативно влияла на учебный процесс и внутренний микроклимат в корпусах. Автор статьи ставит перед собой цель исследовать причину появления подобных внутрикорпусных объединений. Также в статье выделяются методы, с помощью которых начальство корпуса способствовало возникновению нового зарубежного кадетского братства на основе традиций дореволюционных корпусов.

Данная тема актуальна в рамках исследования корпоративной культуры, а также феномена кадетской эмигрантской среды. Кадетские объединения просуществовали вплоть до начала XX в.

Основным источником исследования стал журнал «Кадетская переключка» [3] — периодический источник русского зарубежья, издаваемый «Объединением кадет российских кадетских корпусов» в Нью-Йорке с 1971 г. по 2009 г.

В процессе изучения темы эмигрантских учебных заведений исследователи не выделяли единого перечня изучаемых проблем, связанных с корпусами. В. А. Гурковский [2] сделал попытку написать целостную историю корпусов, однако в исследовании фактически отсутствует критическая оценка процесса обучения и воспитания кадет. Такой же подход прослеживается и в исследовании Н. Кнорринга [4]. Другие исследователи такие как В. М. Коровин [5] и Т. А. Григорьева [1] исследуют отдельные аспекты кадетской жизни, уделяя внимание традиционной составляющей учебного процесса в кадетских учебных заведениях. Тем не менее сам процесс формирования новых и поддержание старых кадетских традиций в эмигрантский корпусов остался во многих исследованиях без должного внимания.

В исследовании используется комплексный анализ источниковой базы, показаны связь между мировоззрением и традиционным воспитанием кадет в зарубежных учебных заведениях.

Список источников:

1. Григорьева, Т. А. (2006). *«Дворец конгрессов» и возрождение традиций русского военного образования Константиновский Дворцово-парковый ансамбль в Стрельне: история и современность*. СПб.

2. Гурковский, В. А. (2003). *Российские кадетские корпуса за рубежом*. М.
3. *Кадетская переключка*. Нью-Йорк: Издательство объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов. 1971–2009, 1–80.
4. Кнорринг, Н. (2003). *Крымский Корпус в Югославии Кадеты и Юнкера в белой борьбе*. М.
5. Коровин, В. М. (2009) *Военное образование в Российской Империи (середина XIX — нач. XX в.)*. Воронеж.

«Любовь» в дневниках подростков сталинской эпохи

Ким Кристина Никитична

Санкт-Петербургский государственный университет

vosпой.afina.vosпой@gmail.com

Научный руководитель: *Танис Кристина Александровна*, кандидат культурологии,
НИУ ВШЭ

“Love” in the teenager's diaries from Stalin's era

Kim Kristina

Saint Petersburg State Univeristy

Работа посвящена дневникам, которые вели молодые люди (14–20-ти лет) в 30-е годы. Мне было интересно исследовать, как первое поколение людей, родившихся при советской власти, говорит о любви. Я выбираю дневники, написанные подростками 30-х, поскольку это поколение существует в рамках нового языка, в котором не всегда найдутся слова для скрупулезного описания чувств — более того, многословные разговоры о любви принято называть «мещанскими», концентрация на личном в ущерб частному осуждается [1].

На восприятие любви накладываются радикальные представления о равенстве и свободных отношениях, сформированные в 20-е годы, однако, эти представления меняются с консервативным поворотом 30-х, случившимся с приходом к власти Сталина [2]. Насколько восприимчивы были молодые люди к этим поворотам? Как официальный язык влиял на их собственный, когда речь заходила о частном, а не личном? Где проходит грань между романтической любовью, любовью к подруге и товарищу, к семье и стране? Как выстраивается в голове эта иерархия ценностей?

Простой пример: в дневнике молодой комсомолки Нины Костериной есть яркая запись, сделанная в начале июня сорок первого года — Нина влюбляется в мальчика и пишет, что теперь хочет провести с ним всю оставшуюся жизнь, что хотела бы от него ребенка. Но проходит пара недель, начинается война — и все ее мысли о любви к мальчику забываются. Она пишет, что хочет воевать и защищать страну, отказывается уехать в тыл и уходит в партизанский отряд, даже не попрощавшись со своим возлюбленным [3].

Такие истории стали главным источником этой работы. Существует множество исследований, посвященных дневникам советских людей, тем более — гендерной политике и отношениям между людьми в тридцатые годы (в своей заявке я привожу лишь немногие, на самом деле, список гораздо длиннее). Поэтому, вместо общих концепций, мне бы хотелось услышать отдельные голоса подростков, посмотреть, как действуют тезисы в границах конкретной судьбы.

Итогом моего исследования не стала стройная теория, изучив которую можно получить полное представление о восприятии любви молодыми людьми в 30-е годы. Напротив, я старалась избежать подобных обобщений. Я вижу свой доклад как комментарий к записям конкретных людей, затерянных в большой истории: в первую очередь, звучат их голоса, потом — мои размышления о природе этих высказываний и предположения о том, что могло породить те или иные записи.

Для своей работы я использовала дневники, выложенные на сайте Европейского

Университета «Прожито» [4]. Это интернет-архив документов, полученных из частных собраний. Дневники проходят проверку, позже выгружаются на сайт волонтерами. Записи некоторых героев моей работы опубликованы в отдельные книги: так, например, случилось с дневниками Нины Луговской и Нины Костериной.

Список источников:

1. Бернстейн, С. (2018). *Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма*. М.: РОССПЭН.
2. Делалой, М. (2018). *Усы и юбки. Гендерные отношения внутри кремлевского круга в сталинскую эпоху (1928–1953)*. М.: РОССПЭН,
3. Паперно, И. (2021). *Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения*. М.: Новое Литературное Обозрение.
4. Фицпатрик, Ш. (2011). *Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века* (Пер. с англ. Пантиной Л. Ю.). М.: РОССПЭН.
5. Хелльбек, Й. (2021). *Революция от первого лица. Дневники Сталинской эпохи*. (Пер. с англ. Чачко. С). М.: Новое Литературное Обозрение,
6. Центр «Прожито» ЕУСПб. URL: <https://prozhito.org/>

Тактики сибирских крестьян в борьбе за свои интересы в волостных судах начала XX в.

Кононов Андрей Александрович

Новосибирский государственный университет

a.kononov3@g.nsu.ru

Научный руководитель: *Кириллов Алексей Константинович*, кандидат исторических наук, НГУ

Tactics of Siberian peasants in the struggle for their interests in the volost courts of the early XX century

Kononov Andrey

Novosibirsk State University

Работа посвящена изучению действий крестьян по отстаиванию интересов на волостном суде — органе, где разбирались споры крестьян. Крестьян дореволюционной России можно считать теми, кого историки относят к «безмолвному большинству» и мы знаем о них преимущественно из рассказов других социальных групп.

В начале XX в., несмотря на разработанность судебной системы, была некая вариативность каждого отдельного судебного процесса, было пространство для тактик на суде. Крестьяне начала XX в. не полностью представляли себе закон, путая его с обычаем, но выигрывали суды и даже обжалования. Поэтому интересно понять, какие у них были способы отстаивания своих интересов в разрешении повседневных конфликтов на суде.

О волостном суде пишут историки-правоведы в вопросе соотношения закона и обычая [1]. Историки также изучают на материале суда работу местного самоуправления [2]. Но действия самих крестьян часто обозначаются кратко или остаются в стороне.

Актуальность темы можно обосновать тем интересом к человеку, который обозначился во второй половине XX в. в рамках таких направлений, как историческая антропология, микроистория, история повседневности. Эти направления показали, что проблемы, связанные с «безмолвным большинством» могут изучаться и быть интересными. Поэтому интересно разобраться в крестьянском правосудии с позиции самих крестьян, а не судебной системы. В работе уделяется внимание межличностному взаимодействию крестьян с крестьянами и крестьян с должностными лицами, а также проблемы рассматриваются с позиции непосредственных участников.

Методологическая основа исследования — метод case-study для подробного изучения отдельного волостного суда и судебных дел, и показаний отдельных свидетелей в них. Также применяется метод контент-анализа для анализа ключевых слов и тем жалоб, установления частоты упоминаний, например, свидетелей в жалобах.

Источником настоящего исследования являются книги решений волостных судов, в которые волостной писарь записывал все судебные разбирательства за один год, а также апелляционные жалобы крестьян на судебные решения.

Крестьянам приходилось самостоятельно доказывать свои позиции на судебных

заседаниях. К возможности доказательства своей правоты относилось высказывание своей позиции, привлечение свидетельских показаний, предоставление письменных документов. Но об этом надо было позаботиться предварительно.

В качестве свидетелей также крестьяне приглашали должностных лиц самоуправления. Апелляционные жалобы были вынужденной мерой для многих крестьян, недовольных решением волостного суда. Такие обращения показывают способных отстаивать свои интересы крестьян, а также то, что все же волостной суд не мог окончательно разрешить ряд конфликтов.

Можно сделать вывод об особенностях крестьянской правовой культуры. Крестьяне адаптировались к системе и привлекали в борьбе за свои интересы свидетелей, должностных лиц местного самоуправления, документы.

Список источников:

1. Безгин, В. Б. (2017). *Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян*. Москва: Common place.
2. Почервин, Е. В. (2013) *Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX — 1917 г.)*. Бийск.

Влияние второго конгресса Коминтерна на раскол в Итальянской Социалистической партии

Корец Даниил Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет

ddanielkorets@gmail.com

Научный руководитель: *Смолин Анатолий Васильевич, доктор исторических наук, СПбГУ*

The influence of the Second Congress of the Comintern on the split in the Italian Socialist Party

Korets Daniel

Saint Petersburg State University

История мирового левого движения немыслима без расколов. Многие влиятельные социалистические организации на пике своего могущества приходили к внутреннему кризису, следствием которого было либо усиление, либо упадок. Судьба Интернационалов ясно показывает, что расколы являются характерной чертой левого движения. Внутренняя борьба и сейчас происходит в сильных социалистических организациях: Die Linke в Германии, Лейбористская партия в Великобритании, коалиция NUPES во Франции.

Тем не менее богатый опыт кризисов организаций не был в должной мере проанализирован, что вызвано политизированностью темы. В особенности осложняется изучение расколов, произошедших после начала Первой Мировой войны. Левое движение не имеет единого взгляда на события тех лет, выдвигая различные объяснения. Несмотря на слабую изученность вопроса, существует устойчивое мнение, что в разрыве реформистов и максималистов огромную роль играли большевики, используя Коммунистический Интернационал [1, с. 280].

Цель нашего исследования — определить роль второго конгресса Коминтерна на раскол Итальянской Социалистической партии, произошедший в Ливорно в январе 1921 года, на основе, в том числе, анализа стенографического отчета и статей членов ИСП в журнале «Коминтерн».

Нами предполагается, что к моменту конгресса партия уже находилась в кризисном состоянии. В действительности организация была расколота с начала Ливийской войны 1911–1912 годов [2]. Первая Мировая война подтвердила пацифистские воззрения партии, которая и в этот раз исключила сторонников войны. Разрывы с интервенционистами показывали внешнее единство партии, скрывая глубинный раскол между течениями реформистов и максималистов.

С окончанием войны замороженные процессы пришли в движение. Вмиг на базе максималистов были организованы коммунистические фракции: «Ордине Нуово» и коммунисты-абстенционисты. Само же течение с радикальных позиций перешло на центристские, став звеном, временно удерживающим организацию от окончательного разрыва.

Лидеры абстенционистов ожидали от конгресса поддержки в деле обновления партии. Максималисты, в свою очередь, хотели сохранить единство, доказывая на конгрессе, что реформисты, их недавние противники, не вредят партии [3]. Тем не

менее, обе фракции потерпели поражение. Неформальным бенефициаром на конгрессе стала малочисленная «Ордине Нуово» [4, с. 447–448], которая имела влияние только на туринскую секцию партии.

Таким образом, результатом исследования является теория, что Коминтерн сыграл второстепенную роль в расколе ИСП.

Список источников:

1. Балабанова, А. (2007). *Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938*. М.: Центрполиграф.
2. Бомбаччи, Н. (1920). *Оппозиция реформистов коммунистической революции в Италии. Коммунистический Интернационал*, (12).
3. Серрати, Д. (1920). *Социалистическое движение в Италии. Коммунистический Интернационал*, (12).
4. Второй конгресс Коммунистического Интернационала. (1934). М.: Партийное Издательство.

Распространение римского влияния на Парфянскую державу на примере Музы Парфянской

Коротков Андрей Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

kleshtrak@gmail.com

Научный руководитель: Васильев Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, СПбГУ

The spread of Roman influence on Parthian empire through the example of the Muse Parthian

Korotkov Andrey

Saint Petersburg State University

С помощью детального анализа имеющихся исторических источников и изучения максимально широкого спектра научной литературы как отечественной, так и зарубежной я постараюсь доказать несколько тезисов:

1. Октавиан Август стремился к мирному решению восточного конфликта, который был спровоцирован неудачными военными походами Марка Красса и Марка Антония. Такого рода политика была выбрана, поскольку военным путем было невозможно решить данный конфликт, подобную мысль высказывали многие антиковеды, например: В. Н. Парфенов, А. Г. Бокщанин, Дэвид Бивар [1; 2; 3].
2. Династические кризисы, возникающие в Парфянской державе на постоянной основе, стали основой для римского влияния на Востоке и дали возможность Августу применить политику мягкой силы, схожую мысль высказывал также американский историк Нельсон Дибвойз [4].
3. Политика умиротворения Августа имела временный успех, который, однако, привел к возникновению парфянской оппозиции римскому доминированию в регионе и вызвал в дальнейшем серьезные конфликты, пошатнувшие стабильность Римской Империи. Как утверждал А. Г. Бокщанин [2, с. 169–170], после катастрофы в Тевтобургском лесу у империи не осталось сил на активную внешнюю политику на Востоке.
4. Беспрецедентный в Парфянской истории случай правления царя Фраата V, рожденного от римской рабыни Музы, подаренной Августом Фраату IV, дал возможность империи иметь прямое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Парфии, однако, вместе с тем, стал основой для дальнейших конфликтов между двумя крупнейшими державами.

Список источников:

1. Парфенов, В. Н. (2001). *Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика*. СПб.: Алетейя.
2. Бокщанин, А. Г. (1960–1966). *Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии*. (Ч. I—II).
3. Bivar, A. D. H. (1983). The Political History of Iran Under the Arsacids ". In Yarshater, Ehsan (ed.). *The Cambridge History of Iran*, 3(1), 21–99. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge: Cambridge University Press.

4. Debevoise, N. (1983). *A Political History of Parthia*. Chicago.

Экономическое развитие немецких крестьян Петроградской и Новгородской губерний (Ленинградской области) в условиях советской модернизации (1918–1941 гг.)

Ломанов Владислав Андреевич

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

vladislav.lomanov@yandex.ru

Научный руководитель: *Шайдунов Владимир Николаевич*, доктор исторических наук,
ЛГУ им. А. С. Пушкина

Economic development of German peasants of Petrograd and Novgorod provinces (Leningrad region) in the context of Soviet modernization (1918–1941)

Lomanov Vladislav

Leningrad State University named after A. S. Pushkin

Методологический базис исследования составляет теория модернизации. В ее основе лежит упорядоченная система положений, суждений и взглядов о трансформации социально-экономической, политической и культурной сфер жизни в российском государстве при переходе от аграрного общества к индустриальному, а также, сопровождающих данный процесс преобразованиях и прогрессивных изменениях, меняющих сознание и поведение людей. В ходе исследования применялись общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение) и специальные методы (историко-описательный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный).

В ходе исследования мы пришли к выводу, что экономическое положение немецкого крестьянства в межвоенный период прошло несколько этапов и подвергалось постоянным изменениям в зависимости от экономической и политической ситуации в стране.

В период революционных потрясений 1918–1922 гг. немецкая деревня оказалась в условиях экстремальной экономической повседневности и общей дезориентации в силу ломки старых, привычных порядков регулирования экономических отношений и колоссальной реквизиционной нагрузки [1; 2].

Период проведения Новой экономической политики предоставил немецкому крестьянству, с одной стороны, возможность вести хозяйства и регулировать экономические взаимоотношения традиционными, дореволюционными методами и механизмами [3], с другой, вынудил приспосабливаться к новым экономическим условиям, которые побуждали многих его представителей в вынужденном порядке создавать коллективные крестьянские объединения [2]. Кроме того, некоторые немцы были вынуждены параллельно с сельскохозяйственной работой заниматься другими, несельскохозяйственными видами трудовой деятельности, тем самым размывая свою крестьянскую социальную принадлежность [4].

С началом коллективизации немецкое сельское население было вновь поставлено в условия близкие к экстремальным, но благодаря своей высокой приспособляемости к динамично изменяющимся повседневным экономическим реалиям немецкие крестьяне, совмещая традиционные и инновационные способы самоорганизации и реализации хозяйственной активности смогли достичь высокого уровня экономического развития. Таким образом, немецкое сельское население стало,

возможно, самым результативным и высокопроизводительным элементом экономического функционирования Ленинградской области и внесло значительный вклад в хозяйственную модернизацию региона [5].

Список источников:

1. Shaidurov, V. N., Lomanov, V. A. (2023). German colonists of the North-West of Russia in the conditions of post-revolutionary reality. *Scientific dialogue*, 12(6), 488–503.
2. Schrader, T. A. (1999). The socio-economic situation of the German colonists of the Petrograd province (Leningrad region) in the 1920s–1930s. *The Germans of Russia in the context of national history: general problems and regional features: materials of the international scientific conference*, (Moscow Gothic, 156–173). Moscow, September 17–20, 1998.
3. Fedoruk, N. S. (2019). Economic activity and daily life of German settlers in the Novgorod land 1821–1941. *German colonies Novgorod and Chudovsky districts of the Leningrad region (1927–1941): collection of documents* (pp. 9–73). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
4. Andriainen, S. V. (2017). National minorities of the Leningrad region in the 1920s: settlement and economic activities. *High intellectual technologies in science and education: materials of the I International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg (Information publishing educational and Scientific Center Strategy of the Future, 9–14).
5. Lomanov, V. A. (2023). Features of the functioning of German collective farms in the North-West of the RSFSR in the 1930s. *Historical Courier*, 1(27), 197–207.

Историография историко-климатических исследований России в XIX–XXI вв.

Маленьких Кирилл Олегович

Уральский Федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
kirill.malenkix@gmail.com

Научный руководитель: *Хамзин Ильдар Рашидович, кандидат исторических наук, УрФУ*

The historiography of historical climate research in Russia in the XIX–XXI centuries *Malenkikh Kirill*

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

В современных междисциплинарных гуманитарных исследованиях, основанных на синергии теоретических наработок, исторических и естественно-научных методов, климат рассматривается как важный абиотический фактор, напрямую влияющий на человека и его жизнь.

Актуальность исследования обусловлена тем, что до сих пор не было написано отечественной историографической работы, которая в полной мере рассматривала бы развитие исследовательских методов изучения климата, становление исторической климатологии как научного направления.

Цель исследования — изучение отечественной историографии историко-климатических исследований с позиции совершенствования методологии, выявление значимых этапов на пути становления российской исторической климатологии как научного направления.

Было выявлено, что в Российской империи интерес к проблеме географического фактора и его влияния на историко-культурное развитие страны, с одной стороны, складывался из интереса к идеям западноевропейских гео-социологов, влияния позитивистских концепций второй половины XIX в. С другой, в России всегда существовали геософские умунастроения среди правящей элиты и среди интеллигенции, составившие традицию в отечественной мысли. Главными трудами дореволюционных авторов необходимо выделить книгу Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» и курс лекций «Общее землеведение» А. А. Крубера. Эти работы наметили опорные тезисы для дальнейшего диалога о влиянии климата на социально-экономические исторические процессы.

В советское время социально-экономическое значение климата ушло на второй план в связи с социально-экономическим подходом марксизма в исторической науке, а в переломную эпоху климатический фактор под влиянием усиления междисциплинарных связей в гуманитарных науках стал активнее использоваться исследователями для объяснения социально-экономических процессов и для поисков «новой идентичности». Этот процесс был изучен на примере постсоветских исследованиях по геополитике: «Великорусском пахарь и особенностях российского исторического процесса» Л. В. Милова и трудах В. Л. Цымбурского.

Современная российская историческая климатология продолжает тенденции объяснения социально-экономических процессов влиянием климатического фактора.

Возрастает значение междисциплинарности в историко-климатологических исследованиях. Создаются лаборатории, занимающиеся изучением закономерностей годичного радиального прироста древесных растений. Для историко-климатологических исследований они создают древесно-кольцевые хронологии, с помощью которых можно датировать катастрофические события, исторические и археологические памятники. Примером статьи, которая базируется на историко-климатологическом методе и методе дендрохронологии, является работа Р. Т. Ганиева «Климатические экстремумы и их влияние на исторические процессы в Западной Сибири и Центральной Азии в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. (по данным дендрохронологии полуострова Ямал)».

Список источников:

1. Ганиев, Р. Т. (2013). Климатические экстремумы и их влияние на исторические процессы в Западной Сибири и Центральной Азии в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. (по данным дендрохронологии полуострова Ямал). *Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи : материалы Всероссийской научно-археологической конференции*, Сургут, (с. 309–313). Сургут: Магеллан.
2. Крубер, А. А. (1914). *Общее землеведение: курс лекций*.
3. Мечников, Л. И. (1838–1888). *Цивилизация и великие исторические реки : (Геогр. теория прогресса и социального развития)*. (с. 255). Н. К. Лебедева (Ред.). (1924). М.: Голос труда.
4. Милов, Л. В. (1998). *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН.
5. Цымбурский, В. Л. (2000). *Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. М.: Эдиториал УРСС.

Черненко К. У.: репрезентация образа генерального секретаря ЦК КПСС СССР по материалам британской прессы 1984–1985 гг.

Мартынова Анастасия Ильинична

Российский государственный гуманитарный университет

anastasia.martynova2004@mail.ru

Научный руководитель: *Киличенков Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, РГГУ*

Chernenko K. U.: representation of the image of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU of the USSR based on the materials of the British press 1984–1985

Martynova Anastasia

Russian State University for the Humanities

Константин Устинович Черненко стал одним из самых возрастных лидеров СССР, который продержался на посту генерального секретаря меньше всех своих предшественников. Период его нахождения у власти пришелся на промежуток между руководством Ю. В. Андропова и М. С. Горбачева, почему нередко он «оттенен» этими крупными фигурами.

После новости о смерти Ю. В. Андропова британские периодические издания стали не только освещать детально деятельность умершего главы СССР, но и осуществлять прогнозы по ключевым вопросам: кто станет следующим лидером страны и какой стиль управления привнесет новый руководитель. В особенности зарубежных обозревателей волновали проблемные аспекты советской внешней политики.

Скорая кончина К. У. Черненко и его похороны стали крупным информационным поводом, в контексте которого сама фигура Константина Устиновича была забыта на контрасте с молодым М. С. Горбачевым, который своим приходом положил конец геронтократии в Кремле.

Актуальность работы заключается в том, что рассмотрение репрезентации смерти Черненко К. У. и его образа в британской периодической печати позволит определить реакцию на окончание «пятилетки пышных похорон» и связанные с ней прогнозы на последующую советскую политику, в том числе на деятельность М. С. Горбачева.

Тематика обращений к изучению образов советских политиков представлена коллективной статьей Сулова И. В., Артамонова Д. С., Файзлиева А. Р. [5].

Целью работы — выявить, как британские периодические издания конструировали образ Черненко К. У. Исходя из цели, мы определяем следующие задачи: 1) выяснить динамику оценок Черненко К. У. за период его нахождения у власти; 2) охарактеризовать освещение смерти генерального секретаря и информационные каналы, по которым британские журналисты получали информацию.

Методы исследования ограничиваются имагологическим подходом.

Источниковой базой работы стали следующие материалы периодической британской печати: *The Times*, *The Guardian Weekly*, *The Daily Mail* и *The Daily Telegraph* [1; 2; 3; 4].

Пришедший к власти Черненко К. У., будучи уже обладателем ряда хронических заболеваний, вызвал сперва недоумение прессы, однако, на первых порах его фигуру еще не ассоциировали с глубоко больным и пожилым человеком. Любопытно рассмотреть материалы ближе к смерти Черненко К. У., которые изобилуют информацией и предположениями, по каким причинам лидер СССР так часто отсутствует на публике. Уже тогда начал выделяться Горбачев М. С. среди членов Политбюро.

Изучение образов советских политиков, а в особенности исследование реакции зарубежных СМИ на их смерть, причины пристального внимания к указанным событиям и прогнозирование политики при новом руководителе, исходя зачастую из его личностных характеристик, является перспективными направлениями работы.

Список источников:

1. The Daily Mail (1984–1985).
2. The Daily Telegraph (1985).
3. The Guardian Weekly (1984–1985).
4. The Times (London) (1984–1985).
5. Суслов, И. В., Артамонов, Д. С., Файзлиев, А. Р. (2022). Советские вожди в западном медиапространстве. *Научный диалог*, 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-vozhdi-v-zapadnom-mediaprostranstve>.

Трансформация Тамвортской речи Р. Пиль в манифест консерватизма в 1834–1835 гг.

Рахманова Александра Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

st096606@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Борисенко Виктор Николаевич*, кандидат исторических наук, СПбГУ

Transformation of the Tamworth address by Sir R. Peel into a manifesto of conservatism in 1834–1835

Rakhmanova Alexandra

Saint Petersburg State University

В докладе рассмотрены проблема превращения Тамвортской речи Р. Пиль 1834 г. в программный документ британских консерваторов и аспекты, повлиявшие на утверждение заявленных принципов как основополагающих для идеологии современной Консервативной партии Великобритании. Автором использован сравнительно-исторический метод при сопоставлении идей Тамвортского манифеста с их дальнейшим воспроизведением и дискурс-аналитический подход к проблеме формулировок Р. Пиль. Акт о парламентской реформе 1832 г. изменил законодательную систему Великобритании. Британский историк Р. Блейк писал, что он в какой-то мере спас монархию от революции [1, р. 16]. Теперь избиратели ожидали от депутатов конкретных действий, а партии агитировали за своих кандидатов [2, с. 261]. В духе нового порядка сэр Р. Пиль, приглашенный Вильгельмом IV на пост первого министра, в декабре 1834 г. обратился к избирателям местечка Тамворт с манифестом, ставшим программой для первого пореформенного кабинета тори. Крупные газеты (как The Times) оперативно распространили текст этой речи, кроме того, Пиль повторил ее на ужине-представлении в Тамворте [3, с. 151; 4, р. 16]. Исследователи считают это первым в истории страны случаем обращения главы кабинета к общественному мнению [2, с. 305].

В этой декларации министр проявил свой педантичный характер, стремясь завоевать доверие избирателей «искренним и четким провозглашением принципов» [4, р. 3]. Он осознавал необходимость действий в духе Акта о реформе 1832 г., который понимался как «улучшение древних институций без кардинального изменения» [4, р. 4]. На примере диссентеров Пиль заявил о важности уравнивания всех подданных Короля в гражданских привилегиях [4, р. 6]. Уделял внимание значимости продолжения государственного кредита, учета интересов сельского хозяйства, промышленности и торговли в экономике [4, р. 8].

После 1832 г. возросла зависимость кабинета и Палаты Общин от мнения избирателей, проявившаяся во время «ста дней» первого министерства Пиль [5, с. 397]. Политическая новизна «рационального консерватизма», как называют эту политику в историографии [2, с. 305; 5, с. 405; 3, с. 152], привлекла современников, но меньшинство тори в нижней палате не позволило кабинету проработать долго. Однако именно в это время консерваторы осознали потребность в объединении вокруг популярного лидера с четкой программой, каким и стал Р. Пиль. После отставки он еще

раз заявил публике, что продолжает придерживаться «тамвортских» тезисов: действие в духе реформы 1832 г. [4, р. 291–292], поддержание незыблемости монархии, парламента, церкви [4, р. 295], торговли и умеренной дипломатии [4, р. 298]. Сам министр назвал именно это «консервативными принципами» в мае 1835 г. [4, р. 296].

Автор приходит к выводу о значении Тамвортского манифеста как одного из первых примеров политической пропаганды в британской прессе, успех которого обусловила обстановка, созданная Реформой 1832 г. Он стал отражением произошедшего транзита от полного неприятия Р. Пилем реформы к выработке ее собственной консервативной трактовки.

Список источников:

1. Blake, R. (1970). *The Conservative party from Peel to Churchill*. L.: Eyre & Spottiswoode.
2. Айзенштат, М. П. (2009). *Власть и общество Британии 1750–1850 гг.* М.: ИВИ.
3. Барышников, В. Н., Борисенко, В. Н., Кузнецова, Ю. И. (2015). Тамвортские манифесты Роберта Пили и процесс консолидации консерваторов в первой половине 1830-х годов. *Управленческое консультирование*, 9, 149–158.
4. Peel, R. (1815). *Speeches by The Right Honourable Sir Robert Peel, Bart. During his administration, 1834–1835. His Address to the Electors of the Borough of Tamworth*. L.: Roake and Varty.
5. Клочков, В. В. (2017). *Партия тори-консерваторов и «конституционная революция» 1822–1835 гг. В Великобритании*. Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Роль Ги д'Эврё в формировании *sermo modernus*

Романовская Елизавета Вадимовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

evromanovskaya_1@edu.hse.ru

Научный руководитель: Яцык Светлана Александровна, кандидат исторических наук, НИУ ВШЭ

The role of Guy d'Évreux in the creation of *Sermo Modernus*

Romanovskaya Elizaveta

National Research University Higher School of Economics

Summa Guiotina — сборник образцовых проповедей, разработанный монахом Ги д'Эврё в период 1290–1293 гг. Его уникальность заключается в том, что, помимо примеров уже готовых проповедей, читатели Суммы получали доступ к разнообразным материалам, позволяющим каждому проповеднику составить самостоятельную проповедь. Этим объясняется и популярность работы Ги д'Эврё: *Summa* сохранилась в более чем восьмидесяти списках [1]. Как пишет Мишо-Кантен [2], работа Ги д'Эврё была настолько популярна, что ее копии приобретали практически все значимые интеллектуальные и духовные центры Европы XIV в.

За основу данного исследования взята рукопись Paris, BnF, Lat. 15966 [3]. Выбор этого списка обусловлен следующими причинами: 1) Paris, BnF, Lat. 15966 является одной из самых ранних из дошедших до нас в хорошем состоянии рукописей Суммы (датируется 1319 г.); 2) этот список еще не изучался другими исследователями; 3) как следует из самой рукописи, она происходит из колледжа Сорбонны и служила учебным пособием для его студентов, что значительно расширяет рамки нашего исследования.

Наше исследование направлено на изучение жанра *distinctiones* на примере *Summa Guiotina*. Каждая из ее образцовых проповедей содержит четырехчастные *distinctiones* на слово из библейской цитаты-темы. Под *distinctiones* понимается толкование слов из Священного Писания. Чаще всего использовалось тройное или четвертное толкование: буквальное (историческое), аллегорическое, моральное и аналогическое [4]. *Distinctiones* стали одной из составных частей *sermo modernus*, а их сборники, призванные помочь проповедникам подобрать нужное толкование, были крайне популярны в XII–XIII вв. [5].

Данное исследование ставит перед собой следующие задачи: 1) транскрибирование *distinctiones* на слово *prope* из рукописи Paris, BnF, Lat. 15966; 2) комментированный перевод транскрибированного текста; 3) выявление на примере переведенного и прокомментированного текста жанровых особенностей *distinctiones* Ги д'Эврё и их функций в обучении студентов колледжа Сорбонны.

Новизна настоящей работы обусловлена тем, что жанр *distinctiones* продолжает быть мало изученным, особенно в отечественной медиевистике. Кроме того, выбранный нами источник, *Summa Guiotina*, ранее не издавался и не переводился, а существующие исследования за исключением статьи Мишо-Кантена [2] (в которой используются иные списки), ограничиваются единичными упоминаниями Суммы [5].

Актуальность объясняется тем, что, несмотря на все еще небольшую изученность, в последние несколько лет жанр *distinctiones* все чаще привлекает интерес

исследователей. Например, в 2020 году была проведена онлайн-конференция *Distinctions and medieval Preaching*, организованная Люси Долежаловой (Карлов университет, Прага) и Марджори Бургхарт (НЦНИ, Франция). Также в 2020 бельгийским изданием *Vrepols* было подготовлено первое современное критическое издание сборника *distinctiones* Петра Кантора.

Целью нашего исследования видится определение вклада Ги д'Эврё в развитие *sermo modernus* и жанра *distinctiones*.

Список источников:

1. База данных Distinguo. URL: <http://distinguo.huma-num.fr/index.php> (дата обращения: 05.01.2024).
2. Michaud-Quantin, P. (1950). Guy d'Evreux OP technicien du sermonnaire medieval. *Archivum fratrum praedicatorum*, 20, 213–223.
3. Paris, Bibliothèque Nationale de France, Lat. 15966. (2010–2021). URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b9067185k/f18.item.zoom> (дата обращения 11.01.2024).
4. Гуревич, А. Я. (1984). *Категории Средневековой культуры*. М.: «Искусство».
5. D'Avray, D. L. (1985). *The preaching of the friars : sermons diffused from Paris before 1300*. Oxford; N.Y: Oxford University Press.

“For eradication of evil”: responses of emigration agents to government regulations in the West of the late Russian Empire

Рулева Галина Евгеньевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург

galinaruliova@yandex.ru

Научный руководитель: *Борисова Татьяна Юрьевна*, кандидат исторических наук,
НИУ ВШЭ

Ruleva Halina

National Research University Higher School of Economics

At the beginning of the 20th century, peasant out-migration from Western provinces of the Russian empire rapidly increased in scale and scope, thus posing a significant challenge for bureaucrats and police authorities. While tolerating Jewish emigration, government officials aimed at preventing “core” population from leaving the empire [1, p. 93]. Although peasant migration abroad was a temporary and in many cases profitable endeavour, the imperial government prosecuted both migrants and those who facilitated crossing the state border. Local authorities blamed emigration agents for inducing, assisting and occasionally deceiving poor labourers on their way to America.

Recent studies of European and transatlantic mobility have emphasised a complex character of government regulations aimed at restricting migration in general and travel agents activity in particular. State-imposed “barriers to mobility” [2, p. 172–173] could become a cause of emigration agents' proliferation in Austria-Hungary as well as in the Russian empire. In their turn, travel and steamship agents, whether legal or not, usually became “the scapegoat” for the authors of anti-emigration publications in media [3, p. 354] and for provincial bureaucrats [4, p. 75]. However, predominance of superimposed discourses developed by journalists and state authorities leaves little room for understanding whether emigration agents were able to confront imperial techniques of control. In case a dialogue, whatever unequal, between agents and officials was possible, what (il)legal practices and instruments did both sides use in order to justify their actions?

Close reading of administrative documents, police reports, emigration agents' denunciations and petitions reveals how the absence of a unified emigration law in the Russian empire limited imperial officials and provided new opportunities for travel agents. While governors of Western provinces could use only art. 32–34 of the Statute of State Security (*Polozhenie o gosudarstvennoi okhrane*) for “eradication of evil” (i.e. clandestine emigration agents) [5, l. 8], their counterparts not only adapted government decisions to their needs but also appropriated paternalistic rhetoric practice of imperial discourse to reach their goals. Thus, emigration agents banished from Grodno province chose a new place of abode in the neighbouring Minsk or Vitebsk provinces, which could not prevent them from secretly returning to their town or village where they resumed their activity. Regarding useful rhetorical devices, travel agents appealed to the wisdom and mercy of the Emperor and local governors, as well as referred to the state and public “order” when writing denunciations of their “colleagues” and police officers.

Список источников:

1. Lohr, E. (2012). *Russian Citizenship from Empire to Soviet Union*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Zahra, T. (2014). Travel agents on trial: policing mobility in East Central Europe, 1889–1989. *Past & Present*, 223, 161–193.
3. Stráner, K. (2016). Emigration Agents and the Agency of the Urban Press: Approaches to Transatlantic Migration in Hungary, 1880s–1914. *Journal of Migration History*, 2, 352–374.
4. Kukushkin, V. (2007). *From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. URL: <https://niab-grodno.by>

Феномен «обожания» в Смольном институте (на материале эго-документов)

Савчук Виолетта Сергеевна

Уральский Федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
savchuk-20@inbox.ru

Научный руководитель: *Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, УрФУ*

The phenomenon of “adoration” at the Smolny Institute (based on the material of ego documents)

Savchuk Viloetta

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Темой наших тезисов является феномен «обожания», широко распространенный в Смольном институте и женских учебных заведениях в Российской Империи XIX — начала XX века. Актуальность выбранной темы заключается в анализе мало изученных эго-документов, таких, как «Записки» Г. Алымовой, «На заре жизни» Е. Водовозовой, «Воспоминания воспитанницы сороковых годов» М. Угличаниновой и введении их в научный оборот. Кроме того, «обожание», являясь важной чертой эмоциональной культуры институток, часто игнорируется исследователями при изучении специфики их субкультурного сознания. Более-менее подробно этой теме касались Н. А. Мицюк и Ю. М. Лотман [1; 2]. В качестве основных методов анализа нами используются культурно-исторический, гендерный и контент-анализ.

«Обожание» как феномен зародилось в Смольном институте во второй половине XVIII века, распространяясь изначально на образ С. де Лафон, начальницы этого института, о чем пишет Г. Алымова. Начиная с первой четверти XIX века упоминания об «обожании» встречаются в мемуарных текстах намного чаще.

Суть обожания заключалась в преклонении воспитанницы перед тем, кто был ее старше по статусу. Объект обожания называли *objet*. Чтобы выразить восхищение, существовали определенные действия в отношении каждой из возможной категорий. Если предметом обожания была старшая ученица, ее обожательница, называемая «адоратрисой» (от фр. *adore* — обожать, любить), дарила ей маленькие подарки, могла приложиться к плечу, иногда знакомила с родителями, иногда страдала за нее, например, если ее наказывали, когда она выкрикивала комплиментарные слова, нарушая дисциплину. Для любимого учителя всегда качественно готовилось домашнее задание по предмету, который он преподавал, покупались особые тетради для конспектов. Иногда воспитанницы обливали духами шляпы или пальто педагогов в знак обожания. Императорская семья пользовалась огромным почтением у «смолянок». «Обожательницы» императора и его семьи старались заслужить внимание, быть более почтительными, чем остальные, однако, поскольку в девушках изначально воспитывали любовь к императорской чете и ее детям, то нетрудно предположить, что «адоратрис» у императора (в основном это касается Николая I) было больше всего.

Как считает Н. А. Мицюк, «эпизоды обожательских отношений представлены практически во всех девичьих дневниках, посвященных годам, проведенным в женских учебных заведениях» [1, р. 231]. Это значит, что «обожание» было не просто

необходимым, но и очень значимым моментом в жизни девушек. Однако Ю. М. Лотман пишет о том, что «девочки должны были выбрать себе предмет любви» [2, р. 83]. Следовательно, речь идет о ритуале, обязательном для исполнения. Хотя иногда «обожание» было вследствие реально возникнувшей симпатии или ассоциации, например, у М. Угличаниновой, поскольку имя ее обожательницы «напоминало <...> далекое родное» [3, р. 123].

Таким образом, феномен «обожания» был неотъемлемой частью субкультуры Смольного института на протяжении всего существования учебного заведения, а его составляющая наполнялась ритуальными действиями, за соблюдением которых строго следили сами воспитанницы, а его формы могли меняться в течение XIX века.

Список источников:

1. Пушкарева, Н. Л., Белова, А. В., Мицюк, Н. А. (2021). *Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры*. Москва: Новое литературное обозрение.
2. Лотман, Ю. М. (1994). *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. Санкт-Петербург: Искусство СПб.
3. Мигуновой, Е. О. (Ред.). (2017). *Смольный институт. Дневники воспитанниц*. М.: Алгоритм.

Судьба усадеб Мологского уезда Ярославской губернии в XX веке по материалам ГКУ ЯО ГАЯО и архивных отделов Некоузского и Брейтовского муниципальных районов

Солоницына Лада Игоревна

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

ladasolonicyna@gmail.com

Научный руководитель: *Обнорская Нина Владимировна, кандидат исторических наук, ЯрГУ*

The fate of the estates of the Mologsky district of the Yaroslavl province in the XX century based on the materials of the GKU YAO GAYAO and the archival departments of the Nekouz and Breitovsky municipal districts

Solonitsina Lada

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

Усадьба — это уникальная «модель мира», которая демонстрирует собой эпоху конкретной местности [1]. В XX веке на их месте появлялись организации, которые оставались центрами сельской округи.

Актуальность исследования заключается в повышенном интересе к месту и роли усадьбы как феномена русской культуры, а архивные источники дают возможность проанализировать развитие усадебной культуры.

Цель работы — это изучить развитие территорий дворянских усадеб Мологского уезда в XX веке.

К задачам работы относится выявление изменений развития усадебной территории по архивным документам, а также описание сохранившихся материалов.

Методами при проведении исследования стали: анализ (изучение материалов архивов), обобщение (формирование представления об усадебной территории Мологского уезда в 20 веке) и конкретизация (исследование документов по конкретной усадьбе).

Изучая материалы Государственного Архива Ярославской области, МКУ, Комплексный центр, муниципальный архив администрации Некоузского муниципального района и Архивного отдела администрации Брейтовского муниципального района, мы пришли к следующим выводам.

На территории современного Брейтовского района располагались усадьбы: Горинское, Ивановское-Жушиково, Касково, Михалево, Мусино и Сутка, а в Некоузском: Ажерово, Андреевское, Борок, Быково, Воскресенское, Мурзино, Задняя Река, Колегаево, Мольково, Нескучное, Малая Себла, Турабцево [2].

В усадьбах размещали правления колхозов. Из 6 усадеб Брейтовской волости в 4 они были (в Горинском образован колхоз им. Горького, в Сутке «Путь к коммунизму», Касково и Мусино объединял «Путь Ильича»). В архиве сохранились документы по личному составу, финансово-хозяйственной деятельности, протоколы заседаний. В усадьбе Воскресенское Некоузского района был открыт колхоз «Верный путь», где занимались мясным животноводством и разведением льна. Преимущественно разводили коров. Кроме этого, велась активная селекционная работа, например, в колхозе им. Горького с 1932 года.

На территории бывших усадеб открывались заводы. В Нескучном крестьянин Беляков предложил постройку кожевенного завода, и получил разрешение, а в Мольково был открыт с немецким оборудованием Харинский льнозавод. В ряде случаев в усадебных комплексах появлялись детские дома и трудовые колонии. Так, в Михалево был открыт детский дом «Свобода», позже он стал детской трудовой колонией им. Луначарского. Детский дом был открыт в Нескучном.

Таким образом, усадьбы Мологского уезда в XX веке продолжали существовать в качестве центров общественной жизни. На территории бывших имений появлялись колхозы, которые объединяли села и деревни, принадлежавшие раньше конкретному дворянину. Одни усадьбы преобразовывались в центральные усадьбы колхозов или заводы, в других открывались детские дома и колонии. Это говорит о том, что усадебные постройки продолжали служить обществу.

Список источников:

1. *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России в XVI–XX веке.* (2001). М.: Эдиториал УРСС.
2. Стерлина, В. В. (2016). *Ярославские усадьбы.* М.: НП «Русская усадьба».
3. *Государственный архив Ярославской области.* URL: <https://www.yararchive.ru>

Влияние реформ и личности Фридриха II на правление Петра III

Сурмелева Ксения Владимировна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

calamaria2004@gmail.com

Научный руководитель: *Попова Елена Анатольевна, кандидат исторических наук,*

РУДН

The impact of Frederick II and his reforms on the reign of Peter III

Surmeleva Kseniia

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

Когда мы говорим о просвещенном абсолютизме, многие сразу же вспоминают о такой личности, как Фридрих Великий. Его реформы, вдохновленные философией, стали примером для многих правителей Европы, в число которых входил и Петр III. Актуальность темы заключается в том, что в историографии слабо освещено влияние Фридриха Великого на Петра. Стоит сказать о том, что на данный момент существует лишь несколько книг, посвященных правлению Петра, то есть его правление в исторической науке рассмотрено слабо. В основном описание влияния Фридриха на Петра ограничивается косвенными упоминаниями и ограничивается только описанием «слепого» подражания Фридриху. Только российский историк Н. И. Павленко выделил небольшую главу про влияние Фридриха на личность Петра, однако, данная глава полностью уничижает Фридриха и, соответственно, Петра, а любая резкая критика должна вызывать у историка настороженность. Также о влиянии Фридриха на личность Петра писал А. С. Мыльников, историк, который пытался рассмотреть правление Петра с новой точки зрения. Мыльников уже кратко упоминает о влиянии реформ веротерпимости Фридриха на реформы Петра в этой же сфере, но не более. Однако в историографии все ограничивается только на влиянии Фридриха на саму личность Петра. Автор данной статьи же ставит перед собой цель рассмотреть влияние реформ Фридриха в Пруссии на реформы Петра. В задачи входило сначала кратко охарактеризовать правление Фридриха, а после сравнить их с реформами Петра и найти взаимосвязь.

Автором данной статьи было выявлено влияние реформ Фридриха Великого (который, в целом, predetermined реформы других просвещенных монархов) на реформы Петра. Автором статьи был также выдвинут тезис о том, что конкретно в случае Петра стоит говорить только о влиянии реформ Фридриха, ведь Петр не черпал идеи для реформ из философии (ведь ей Петр не интересовался), как это делали другие просвещенные монархи. Также автором статьи был выдвинут тезис о том, что если рассматривать реформы Петра, то их можно назвать столь же просвещенными, как и реформы Екатерины II, а также, тезис о том, что он в большей части задал своими реформами вектор правления Екатерины. Также автор сделал вывод о том, что Петр проводил реформы наподобие в Пруссии не из-за «слепого обожания» Фридриха (хоть этот фактор тоже стоит учитывать), ведь тогда Пруссия — одно из самых влиятельных и четко структурированных государств, и в центрально-восточной части Европы монархи также следовали политике Фридриха, хоть и не показывали это так явно, как Петр.

Список источников:

1. Калашников, Г. В. (2004). Заметки о образовании будущего императора Петра III. *Археографический ежегодник*, 131–148.
2. Мыльников, А. С. (2002). *Петр III*. М.: Молодая гвардия.
3. Павленко, Н. И. (2023). *Петр III*. М.: Проспект.
4. Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермиера. (1878). *Русская старина*, 9. URL: <https://mikv1.narod.ru/text/Favie.htm>
5. Томсинов, В. А. (2011). *Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы; Законодательство императрицы Екатерины II, 1762–1782 годы. Комментарии*. М.: Зерцало.

Проблема женского равноправия в период Первой мировой войны: публично-правовой аспект

Тарабара Дмитрий Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет

tarabara@list.ru

Научный руководитель: *Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук,
СПбГУ*

The problem of women's equality during the First World War: a public law aspect

Tarabara Dmitry

Saint Petersburg State University

После первой русской революции российское правительство демонстрировало двойственное отношение к «женскому вопросу». С одной стороны, по его инициативе был проведен в жизнь ряд мер по эмансипации женщин в областях гражданской дееспособности, наследственных прав, образования и трудоустройства, с другой, большая их часть носила половинчатый характер и не предполагала установления полного равноправия. Отношение же к женскому избирательному праву оставалось подчеркнуто отрицательным [1, с. 308]. Указанная амбивалентность сохранялась и после начала Первой Мировой войны. Перемены правительственного курса наметились только к 1916 г. после мобилизации более 4 млн. мужчин в 1914–1915 гг. [2, С. 18].

Дефицит рабочих рук подталкивал ведомства к отмене законодательных ограничений на использование женского труда в тех или иных сферах [3, с. 205–206]. В частности был принят пакета законов о допущении женщин на штатные должности государственной службы в центральных и (или) местных органах большинства министерств с предоставлением им равных с мужчинами служебных и пенсионных прав (за исключением производства в чины). Несмотря на умеренное экономическое значение данной меры (речь, как правило, шла о должностях до VIII класса включительно, имевших сугубо канцелярский характер), она имела далеко идущие последствия. По мере изменения социального положения женщин и все более активного их включения в работу государственного аппарата прежние аргументы против предоставления им политических прав постепенно утрачивали релевантность.

В этом отношении весьма показательна эволюция позиции правительства по поводу участия женщин в работе органов волостного самоуправления: от сомнений в его принципиальной допустимости в начале 1916 г. до однозначного признания за женщинами как избирательных прав, так и права на занятия муниципальных должностей (за исключением административных и исполнительно-полицейских) в его конце. Еще больший интерес представляет проект нового Городового Положения, разработанный в 1914–1916 гг. и предполагавшийся как общее расширение избирательных прав горожан, так и наделение женщин «правом личного участия в выборах гласных» (хотя избираться по-прежнему могли только мужчины). Появление данной нормы стало безусловным прогрессом по сравнению с довоенным временем. Более того, в логике построения дореволюционной системы законодательства это

косвенно означало признание приемлемости женского активного избирательного права и для остальных форм местного самоуправления.

Таким образом, Первая Мировая война стала важным фактором, побудившим правительство к проведению более активной и последовательной политики в области обеспечения гендерного равноправия. Несмотря на то, что законодательное закрепление последнего произошло только после революционных событий 1917 г., едва ли имеются веские основания сомневаться в том, что и эволюционное развитие российского государства осуществлялось бы в этом же направлении.

Список источников:

1. Стайтс, Р. (2004). *Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930*. М.: Политическая энциклопедия.
2. *Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах)*. (1925). М.
3. Петров, Ю. А. (Ред.). (2014). *Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис*. М.: Политическая энциклопедия.

Герои обороны Царицына 1918 г. Образы большевистских лидеров в советской живописи

Шумаков Михаил Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

mishumakov@mail.ru

Научный руководитель: *Ратьковский Илья Сергеевич*, кандидат исторических наук, СПбГУ

Heroes of Tsaritsyn's defence 1918. Images of Bolshevik leaders in Soviet painting

Shumakov Mikhail

Saint Petersburg State University

Оборона Царицына в 1918 г. стала важной страницей истории Гражданской войны в России. Важна эта оборона оказалась и в советской идеологии последующих лет. В первую очередь это было связано с тем, что в обороне Царицына приняли участие ключевые политические деятели, такие, как И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и др. Контекст событий 1918 г. стал одной из основ создания их героического образа.

Целью представленного исследования является проследить, как складывался образ ключевых героев царицынской обороны: кто стал центральным героем, а кто оказался вычеркнут из контекста событий. Это позволит сделать важные выводы о том, какое значение приобрела оборона Царицына в репрезентациях ключевых политических деятелях СССР, как расставлялись акценты на роли тех или иных персонажей, а эти выводы, в свою очередь, позволят приблизиться к пониманию советской политической системы и роли искусства в ней. В этом заключается актуальность работы. Актуальность определяется и тем, что данная тема мало исследована. Есть работы, затрагивающие схожие вопросы [1], исследования, посвященные типологии и периодизации советского искусства, в целом [2], [3] а также, исследования, в том числе показывающие развитие образа конкретного деятеля [4] или биографии отдельных художников, затрагивающие создания ими образов исследуемых героев [5].

Основными методами исследования стали: историко-генетический метод (с опорой на него прослежено изменение образа участников обороны Царицына в разных периодах советской истории), историко-сравнительный метод (в сопоставлении образов различных персонажей), историко-типологический метод (в области определения устойчивых типов образов персонажей), кроме того, в работе с изобразительными источниками применены методы описания и формального анализа.

В конце 20 — начале 30 гг. формируется устойчивая группа ключевых героев обороны Царицына, которая будет сохраняться до середины 1950-х гг. Ее главными персонажами стали И. В. Сталин, фактически возглавлявший оборону Царицына летом-осенью 1918 г., и К. Е. Ворошилов, командовавший войсками под Царицыным. С развитием сюжета их образ менялся. Если в начале 1930 гг. Сталин и Ворошилов на полотнах практически не выделяются из окружения, то к концу десятилетия их образы показываются более монументально. К устойчивой группе положительных персонажей относятся и такие соратники Сталина и Ворошилова, как Е. А. Щаденко, А. Я.

Пархоменко и Н. А. Руднев. Меньше повезло представителям местной (царицынской) власти — Я. З. Ерману и С. К. Минину. Если образ Ермана нашел эпизодическое отражение, то Минин, в 30 гг. выступивший против Сталина, не только не был изображен художниками, а даже был удален с ряда фотографий.

Сыграв роль в создании героического образа Сталину, Ворошилову и др., во второй половине 50 гг. сюжет «Оборона Царицына» теряет прежнее значение. Однако полотна на этот сюжет создавались и позднее и одним из их главных героев остался Н. А. Руднев.

Список источников:

1. Тюменцев, И. О. (2023). Герои революции и обороны Царицына в 1917–1918 гг. По версии Сталинградского истпарта. *Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения*, 28(2), 172–190.
2. Голомшток, И. Н. (1994). *Тоталитарное искусство*. М. : Галарт.
3. Янковская, Г. А. (2008). *Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономические аспекты*.
4. Лапунова, Н. Ф. (1982). *Митрофан Борисович Греков*. М.: Изобр. ис-во.
5. Воробьев, Е. П. (2022). Коммеморация событий революции 1917 г. и Гражданской войны в Царицыне — Сталинграде в 1920–1930-х гг. *Локус: люди, общества, культуры, смыслы*, 13(4).

Фенианские набеги в материалах газеты *The British Colonist*

Юдин Никита Антонович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

nikyudin2003@yandex.ru

Научный руководитель: *Хрулева Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова*

Fenian raids in materials of the newspaper *The British Colonist*

Yudin Nikita

M. V. Lomonosov Moscow State University

Движение фениев, появившееся в 1858 г. в среде американцев ирландского происхождения на базе тайных организаций Ирландского республиканского братства, крайне активно проявляло себя в США и Ирландии в конце XIX — начале XX вв. Его деятельность стала важной вехой в борьбе ирландских националистов против британского владычества на острове. Одним из наиболее известных эпизодов деятельности базировавшихся в США фениев были их военные операции против англичан в соседней Канаде, которая тогда находилась под властью Британской империи.

Несмотря на важность фенианских набегов как яркого проявления деятельности ирландских республиканцев, после нескольких классических исследований по проблеме [1, 2] в XX веке эта тема долгое время оставалась неисследованной в академической науке и лишь в последнее время стала привлекать внимание историков [3; 4]. Таким образом, проблема продолжает оставаться актуальной как в науке, так и в современной политической жизни и культуре, ведь интерес к британо-ирландскому конфликту в обществе по-прежнему велик. При всем этом в исследованиях на тему фенианских набегов недостаточно внимания уделено реакции канадской прессы на фенианские набеги.

Цель исследования — определить восприятия фенианских набегов в газете *The British Colonist*. Метод состоял в анализе публикаций канадской газеты *The British Colonist* на тему фенианских набегов в период 1866–1871 гг.

Из анализа публикаций газеты можно сделать вывод, что канадское население было сильно взволновано за судьбу Канады, опасаясь даже захвата страны немногочисленной группировкой фениев. Редакция *The British Colonist*, порой выбирая надменный тон в отношении фениев, все же уделяет большое внимание деятельности ирландских обществ, в особенности подробным образом освещая вторжения фениев со стороны американской границы. Таким образом, фенианские набеги серьезно встревожили канадское общество, а публикации *The British Colonist* хорошо отражают как общественное настроение в Канаде соответствующего периода, так и реакцию властей.

Список источников:

1. Cumberland, B. (1911). *The Fenian Raid of 1866 and Events on the Frontier Ottawa: Royal Society of Canada*. Brock University Library Digital Repository.

2. Senior, H. (1996). *The last invasion of Canada: The Fenian raids, 1866–1870*. Toronto: Dundurn Press.
3. Ó Cathaoir, B. (2015). The Fenian raids on Canada: a postscript to Irish involvement in the American Civil War. *Studia Hibernica*, 41, 109–132.
4. Vronsky, P. (2011). *Ridgeway: The American Fenian Invasion and the 1866 Battle That Made Canada*. Toronto: Penguin Canada-Allen Lane.

Роберт Саути — английский историк эпохи романтизма

Языкова Екатерина Андреевна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

yazykova64@yandex.ru

Научный руководитель: *Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, СГУ*

Robert Southey is an English historian of the Romantic era

Yazykova Ekaterina

Saratov State University

Роберт Саути — английский мыслитель, философ, историк и поэт эпохи романтизма, оттененный блестящей плеядой своих современников, он больше известен современному читателю, как один из представителей «Озерной школы». Роберт Саути по праву считается одной из самых противоречивых фигур в истории английской литературы. Как и многие его современники, Р. Саути издавал объемные исторические работы, в которых затрагивал острые политические, экономические, социальные и религиозные вопросы, касающиеся как Англии, так и других стран, например, Бразилии, Испании, Португалии.

Обширный корпус исторических трудов Р. Саути связан с его посещением Пиренейского полуострова. Неугасающий интерес Р. Саути к испанской культуре побудил его перевести на английский язык «Амадиса Гальского» и издать «Хронику о Сиде» — переложение испанских романсов о Сиде.

События на Пиренейском полуострове начала XIX в. стали средством, при помощи которого Р. Саути мог дать оценку военным и революционным событиям в Европе, а также энергично комментировать происходящие события. Современные исследования показывают, что конфликт на Пиренейском полуострове и его репрезентации помогли сформировать образ Великобритании, как просвещенной страны, отстаивающей принципы свободы [1; 2; 3; 4]. Р. Саути внес свой вклад в этот процесс. В 1823–1832 гг. Р. Саути опубликовал еще один фундаментальный исторический труд «История войны на полуострове».

Путь Р. Саути, как историка, не ограничивалась только военной историей. Ряд его работ был посвящен истории церкви и роли религии в жизни современного общества. «Книга Церкви» Р. Саути (1824 г.) была вкладом в церковную историю, а также полемикой в защиту англиканской церкви, в то время как «Сэр Томас Мор, или беседы о прогрессе и перспективах общества», который был опубликован в 1829 г., стал трудом Р. Саути, где он использовал исторические параллели для оправдания собственного пессимистического взгляда на социальные тенденции.

Р. Саути искренне верил, что именно история обеспечивает лучшее понимание настоящего. Гордясь своим творчеством, он утверждал, что придерживается трех правил: быть пронизательным, кратким и впечатляющим. Современники так отзывались об исторических работах Р. Саути: «...как писатель, он неизменно подчинял свои таланты интересам человечества...», «...даже больше, чем его поэзия, его истории и эссе будут одобрены потомками» [5, p. 70].

Какова бы ни была истинность этих утверждений, они намекают на важность оценки места Р. Саути в культуре первой трети XIX в. Опыт обращения Р. Саути к жанру «истории» показал, что в Великобритании в эпоху романтизма наблюдалось существенное сближение исторической науки и художественного творчества. Исторические труды Р. Саути свидетельствуют о том, что мыслитель, обладая мастерством красноречия, соединял в своих исторических исследованиях талант историка и писателя эпохи романтизма.

Список источников:

1. Colley, L. (1992). *Britons: Forging the Nation 1707–1837*. New Haven and London: Yale University Press.
2. Saglia, D. (1998). «O My Mother Spain!»: The Peninsular War, Family Matters, and the Practice of Romantic Nation–Writing. *English Literary History*, (2), 363–393.
3. Daly, G. A. (2009). Dirty, Indolent, Priest–Ridden City: British Soldiers in Lisbon during the Peninsular War, 1808–1813. *History*, 4(316), 461–482.
4. Chittick, K. (2015). *The Language of Whiggism: Liberty and Patriotism, 1802–1830*. United Kingdom, Taylor & Francis.
5. Coleridge, S. T. (1817). *Biographia Literaria or Biographical Sketches of My Literary Life and Opinions: In 2 vols.*

КИНО И ВИДЕО

Инстанция взгляда в кинематографе Р. В. Фассбиндера

Берестова Елизавета Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

berestova7liza29@gmail.com

Научный руководитель: *Давыдова Ольга Сергеевна, кандидат культурологии, СПбГУ*

The instance of look in the films of Rainer Werner Fassbinder

Elizaveta Berestova

Saint Petersburg State University

В работах немецкого режиссера Райнера Вернера Фассбиндера часто встречаются точки съемки, предлагающие зрителю такие точки взгляда (points-of-view), как если бы смотрящий являлся невидимым персонажем фильма. В то же время главные герои у Фассбиндера, как правило, уязвимы и зависят от признания их идентичности или социального статуса другими. В качестве тезиса доклада предположу, что структура фильмов режиссера выстраивается за счет инстанции взгляда, определяющей отношения между персонажами и зрителем. Опорой для анализа станет психоаналитическая оптика.

Французский психоаналитик Жак Лакан характеризует взгляд как ускользающий и неуловимый, указывающий на присутствие другого как такового [1]. Речь у него идет о «пристальном взгляде» (так с английского часто переводится термин gaze). Субъект не может обладать пристальным взглядом, который «располагается на стороне вещей» (например, картины) [1]. Так, взгляд вуайериста, хоть и является властным, не равен тому, о котором говорит Лакан.

И «пристальный», и вуайеристский взгляд имеют место в фильмах Фассбиндера. Взгляд, предлагаемый камерой, с одной стороны, «указывает на присутствие Другого как такового» [1], аккумулируя взгляды, «устремленные отовсюду» [1]. В этой функции зритель становится «двойником» обладающих «пристальным» взглядом образов, размещенных на плакатах, картинах (можно вспомнить постер с Кларком Гейблом в «Американском солдате»).

С другой стороны, последовательность монтажа указывает на взгляд зрителя как на сходный вуайеристскому, которым часто обладают второстепенные персонажи. Например, в фильме «Страх съедает душу» зритель обнаруживает себя смотрящим из точек, сходных (но не совпадающих) с теми, из которых за протагонистами подглядывают иные герои.

После завершения аналитической части предлагаются две конструкции, позволяющие интерпретировать функции взгляда в кино Фассбиндера. Первая из них завязана на термине «зрелище»: фильмы режиссера существуют как спектакль, существующий для зрителя; однако тот не обладает властным взглядом, так как его позиция также вплетена в разыгрываемое действие [2]. Вторая конструкция основывается на психоаналитическом понятии «фантазм» [3]. Присутствие зрителя утверждает разыгрываемый персонажами фантазм, а вовлеченность в кинематографическую иллюзию подменяется для смотрящего занимаемой им позицией контроля.

Представленная методология может иметь ценность при анализе и иных работ, в которых зрителю явлен факт намеренного несовпадения точки съемки (т. е. взгляда зрителя) с points-of-view персонажей.

Список источников:

1. Lacan, J. (2004). The gaze as objet a. The four fundamental concepts of psychoanalysis. *Seminars: Book XI* (pp. 75–132). Moscow: Gnosis.
2. Mayne, J. (1977). Fassbinder and spectatorship. *New German Critique*, (12), 61–74. Durham: Duke University Press
3. Laplanche, J., Pontalis, J.-B. (1996). *Dictionary of psychoanalysis*. Moscow: Higher School, 623 p.

Логика ремедиации как способ артикуляции памяти: фильм «Блокадный дневник» (2020)

Жуков Евгений Евгеньевич

Томский государственный университет

nenoob1828@mail.ru

Научный руководитель: *Трубникова Наталья Валерьевна, доктор исторических наук, ТГУ*

The logic of remediation as a way of articulating memory: the film *A Siege Diary* (2020)

Evgeniy Zhukov

Tomsk State University

XX век — время испытаний как для всего мира, так и, в частности, для нашей страны, на судьбу которой пришлось решение тяжелых проблем. Одним из таких испытаний стала блокада Ленинграда, которая длилась 872 дня и унесла около миллиона жизней. Память о данном событии до сих пор остается живой, доказательством этому могут стать скандалы вокруг освещения блокады в медиа-пространстве [1]. Наиболее подробно вопрос вокруг практик и форм памяти о блокаде Ленинграда рассмотрен историком Сарой Грушкой [2].

Стоит отметить, что с развитием медиа-инструментов интенсифицировались процессы (пере)осмысления истории, так и живой памяти. В этой связи стоит определить методологическую основу исследования, которой является работа Джея Болтера и Ричарда Грусина «Remediation: Understanding New Media» [3].

Цель доклада — проследить работу ремедиации, установить ее основной инструментарий и определить моральную составляющую в случае артикуляции памяти о травматическом событии на примере фильма «Блокадный дневник» (2020).

К рассмотрению данного фильма можно подойти с двух позиций, которые были изложены в работе Дэвида Вертхайма [4]. Первая позиция, которую критикует Д. Вертхайм, изложенная Синтией Озик, гласит, что, в случае дневника Анны Франк, дальнейшая ремедиация того или иного источника влечет к искажению изначального смысла, уродуя первоисточник. Вторая же позиция принадлежит самому Д. Вертхайму, согласно которой ремедиация помимо передачи изначального смысла выполняет и другие функции, связанные с тем, что из-за постоянно меняющегося мира рождается необходимость в переконфигурации источника для освещения перед широкой публикой, поскольку прежние инструменты передачи в тот или иной момент времени перестают быть актуальными.

В основу фильма Андрей Зайцев, режиссер данной картины, положил мемуары поэтессы Ольги Берггольц, которая была известна как «ленинградская Мадонна». В связи с этим будет необходимо проанализировать основные интенции режиссера, которые будут почерпнуты из интервью по поводу фильма. Помимо этого, главной составляющей является рассмотрение первоисточника и его изменений в связи с режиссерской интерпретацией и дальнейшей ремедиацией.

На основе анализа интервью режиссера, первоисточника фильма и реакций публики на картину будет предпринята попытка с опорой на исследования медиа

определить инструментарий процесса ремедиации в случае артикуляции травматического опыта и установить моральную составляющую данного процесса.

Список источников:

1. Прокуратура начала проверку «Дождя» после опроса о блокаде Ленинграда. *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20140130/992152684.html> (дата обращения: 16.12.2023)
2. Грушка, С. (2019) Память о блокаде Ленинграда между стагнацией и динамизмом: мемориальные практики. *Неприкосновенный запас*, 6, 119–141.
3. Bolter, J. D., Grusin, R. (1999). *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge MIT Press
4. Wertheim, D. (2009) Remediation as a Moral Obligation: Authenticity, Memory, and Morality in Representations of Anne Frank. *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* (pp. 157–172). Berlin, New York: De Gruyter.

Призрак Танжера: формирование внутреннего ландшафта в лиминальных пространствах кинематографа

Кальнинг Алёна Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

kalningaluona@gmail.com

The ghost of Tangier: the formation of the inner landscape in the liminal spaces of cinema

Alena Kalning

Saint Petersburg State University

Эстетика лиминальных пространств приобрела очередной виток популярности во время эпидемии Covid-19, когда в сети стали появляться фотографии опустевших зон транзита — коридоров, аэропортов, переулков и т. д. Многие пользователи отмечали жуткие и дискомфортные ощущения при взгляде на такие работы. Переходные зоны изображались в искусстве еще со времен сюрреалистов и стали излюбленной темой многих кинорежиссеров. Антропологическое изначально понятие перенималось со временем другими сферами исследований, в том числе нарратологическими.

Виктор Тернер, развивая мысль Арнольда ван Геннепа [1], выделяет три ступени ритуала перехода: разделение (separation), грань (margo, или limen, лат. «порог») и восстановление (reaggregation). Лиминальность — «межструктурная организация» [2], пороговое состояние амбивалентности субъекта, выражающееся множеством символов. Переходные состояния — рождение, смерть, сексуальность, пространства — зоны транзита. Однако границы кажутся зыбкими и изменяющимися со временем.

В этом исследовании будет предпринята попытка концептуализация лиминального пространства в кинематографе на примере репрезентации Танжера как детерриторизированного гладкого [3] пространства с неустойчивыми границами внутреннего и внешнего ландшафтов. Вступая в лиминальную зону меняется как сам субъект, так и окружающий мир, внутреннее вырывается во внешнее. Основная гипотеза состоит в том, что условное пространство интерзоны используется для репрезентации внутреннего ландшафта фильма. Будут сопоставлены структуры переходного пространства и бессознательного на основе провалов присутствия и отсутствия; рассмотрено формирование нейро-образа [4] при столкновении с лиминальностью.

В ходе работы использованы сравнительный анализ и психоаналитические теории. Лиминальные пространства сопоставляются с «зонами неразличимости», где возникают интенсивные состояния становления. Возникновение «жуткого» объясняется с опорой на концепцию Марка Фишера [5] конфликтом с культурными и символическими ожиданиями, отсутствием присутствия, населяющего пространство призраками: «Ощущение жуткого возникает либо тогда, когда присутствует что-то там, где не должно быть ничего, либо когда ничего нет там, где должно быть что-то». Неудавшийся побег от культуры неизбежно заканчивается рифлением и ретерриторизацией.

Список источников:

1. Геннеп, А. (1999). *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Москва: Восточная литература РАН.
2. Turner, V. (1991). *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. 1969. Reprint, Ithaca: Cornell University Press.
3. Делез, Ж. (2010). *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.
4. Pisters, P. (2012). *The Neuro-Image: A Deleuzian Film-Philosophy of Digital Screen Culture*. Stanford: Stanford University Press.
5. Fisher, M. (2012). What Is Hauntology? *Film Quarterly*, 66(1), 16–24.
6. Fisher, M. (2016). *The Weird and the Eerie*. London: Repeater Books.

Реэнактмент в неигровом кино. Фикциональность vs фактуальность: переосмысление природы мимесиса

Краснова Елизавета Павловна

Санкт-Петербургский Государственный Университет

basketbassgirl@ya.ru

Научный руководитель: *Давыдова Ольга Сергеевна, кандидат культурологии, СПбГУ*

Reenactment in non-fiction cinema. Fictionality vs factuality: rethinking the nature of mimesis

Elizaveta Krasnova

Saint Petersburg State University

Реэнактмент — это прием в документальном кино, при котором события, произошедшие в реальности, но по каким-либо причинам не запечатленные камерой, намеренно воспроизводятся перед ней и таким образом включаются в фильм.

Поскольку реэнактмент представляет собой постановочную сцену и при просмотре считывается именно в таком качестве, это позволяет отнести его к категории фикциональности [1] и считать, что изображаемое в реэнактменте обладает статусом вымысла. Иными словами, сама постановочная сцена, взятая изолированно, в формальном плане практически не отличается от игрового кино: персонажи воспроизводят заранее продуманную ситуацию, мизансцена тщательно выстроена, используются приемы усиленной драматизации. В таком случае, зрительское восприятие реэнактмента существует внутри присущей игровому кино логики изображения вымышленной ситуации.

С другой стороны, вышесказанное охватывает только одну сторону рассматриваемого явления, поскольку реэнактмент непременно удерживает связь с реально произошедшими событиями. Это означает, что его фиктивные единицы (ситуации, персонажи, действия [1]) указывают на реальные внефильмические объекты, находящиеся за пределами фиктивного мира. Следовательно, он в такой же степени относится к категории фактуальности [1], которая и позволяет ему располагаться в поле неигрового кино.

Таким образом, реэнактмент совмещает в себе и фикциональную, и фактуальную основу. За счет вторжения вымысла на территорию, которая постоянно претендует на достоверность, реэнактмент ставит под вопрос привычное понимание мимесиса как вымысла, удваивающего реальность. Согласно Аристотелю [2], мимесис направлен не на точное изображение действительности, а на аффект зрителя. Реэнактмент в неигровом кино, несмотря на свою фикциональную природу, не подрывает, а напротив даже усиливает ощущение достоверности образа.

Наиболее заметным это становится на примере фильмов, сосредоточенных вокруг таких категорий опыта, которые принято считать недоступными для репрезентации, например, травмы. Реэнактмент создает визуальный образ событий, которые нам уже не доступны, представая в качестве нарочито сконструированного, вымышленного элемента. Такой принципиальный отказ от стремления к объективной передаче реальности в пользу усиления зрительского аффекта указывает на возможность сделать травму доступной в опыте просмотра.

Изложенные утверждения подтверждаются в исследовании, проведенном на основе неигровых фильмов с явно маркированным реэнактментом: «Тонкая голубая линия» (реж. Эррол Моррис, 1988), «Самозванец» (реж. Барт Лэйтон, 2012), «Акт убийства» (реж. Джошуа Оппенхаймер, 2012) и др. Анализ опирается на представления Аристотеля о природе мимесиса, а также на предложенное Вольфом Шмидом разделение между фикциональным и фактуальным текстами. Результатом исследования должно стать выявление механизмов, позволяющих переосмыслить природу мимесиса при помощи приема реэнактмента.

Список источников:

1. Шмид, В. (2003). *Нарратология*. М.: Языки славянской культуры.
2. Аристотель. (2000). *Риторика*. Поэтика. М.: Лабиринт.

Сбой зрительской идентификации в кинематографе греческой «странной волны»

Лакишина Алиса Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

alisa.lakshina@yandex.ru

Научный руководитель: *Поликарпова Дарина Александровна, кандидат философских наук, СПбГУ*

The failure of identification in the Greek weird wave cinema

Alisa Lakshina

Saint Petersburg State University

Бертольд Брехт писал [1]: «Произвести очуждение события или характера — значит прежде всего просто лишить событие или характер всего, что само собой разумеется, знакомо, очевидно, и вызвать по поводу этого события удивление и любопытство». Именно так устроена греческая «странная волна», всячески противящаяся зрительской идентификации. «Странная волна» — течение в греческом кинематографе 2010-х годов, ставшее реакцией на сильнейший экономический кризис. К режиссерам «странной волны» относятся Йоргос Лантимос, Афина Рахель Цангари, Экторас Лигизос, Бабис Макридис и другие. Актер «странной волны» наследует системе Брехта, сопротивляется полному совпадению с персонажем или ситуацией через дистанцирование. Но зазор возникает не только между актером и персонажем, но и между зрителем и героем фильма. Герои «странной волны» замкнуты, неэмпатичны и зачастую жестоки как по отношению к себе, так и по отношению к своим близким. Идентификация с таким персонажем крайне затруднительна, поэтому зритель вынужден занимать по отношению к ним критическую дистанцию.

Очуждение является оборотной стороной идентификации — «процесса, через который зритель распознает сходство между собой и персонажем или собой и ситуацией в фильме» [2, р. 9]. Кристиан Метц разделит зрительскую идентификацию на первичную и вторичную. В первом случае отсутствующий на экране зритель идентифицируется со взглядом кинокамеры «которая до него смотрела на то, что он видит сейчас» [3]. Во втором случае зритель идентифицируется уже не со взглядом как таковым, а с тем, что на экране изображено: речь идет об идентификации с персонажем или ситуацией. Дальнейшие исследования этого процесса показали [2; 4; 5], что концепция идентификации гораздо шире и богаче, чем ее описывал Метц: они раздвигают представления об идентификации, усложняют и дифференцируют ее работу, учитывая «беспорядочное многообразие психических, социальных и эстетических процедур» [5]. Именно такого представления об идентификации я буду придерживаться в своем докладе.

Я буду утверждать, что греческая «странная волна» ломает механизмы зрительской идентификации, характерные для игрового кино, усиливая таким образом дистанцию между зрителем и фильмом. В качестве авторского концепта я предлагаю рассматривать специфику идентификации в кинематографе «странной волны» через понятие «сбоя», выделяя в нем три основных вектора: сбой идентификации с телом актера, сбой социальной идентификации (семья, рабочий или дружеский коллектив) и

сбой идентификации с камерой. В докладе будет подробно разобрано, как перечисленные сбои трансформируют типичное взаимодействие между зрителем и фильмом в случае кинематографа греческой «странной волны».

Список источников:

1. Брехт, Б. (1965). *Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания*. (Т. 5/2). М.: Искусство.
2. Branigan, E. (2012). *Point of view in the cinema: A theory of narration and subjectivity in classical film*. Walter de Gruyter.
3. Метц, К. (2013). *Воображаемое означающее. Психоанализ и кино*. СПб.: Издательство Европейского университета.
4. Малви, Л. (2000). *Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф*. Гапова Е., Усманова А. (Ред.) Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 280–297.
5. Reich, E., Richmond, S. (2014). Introduction: cinematic identifications. *Film Criticism*, 39(2), 5.

«Дом» в фильмах Элиа Сулеймана

Павлюкова Анна Александровна

Государственный академический университет гуманитарных наук

adenatbt@yandex.ru

Научный руководитель: *Матросов Валерий Анатольевич, НИУ ВШЭ*

“House” in Elia Suleiman's films

Anna Pavliukova

State Academic University for the Humanities

В одном из фильмов Элиа Сулеймана его персонаж сказал: «Для меня не существует родины. Единственная родина — память, а память прежде всего в теле» [1]. Однако тема родины и дома отражается в каждом его фильме — будь это дом родителей Сулеймана в Назарете или зарешеченные окна иерусалимской квартиры, через которые режиссер смотрит на внешний мир.

Сложно дать конкретное определение слову «дом», ведь оно существует в разных семантических полях. Это и родина, и семья, и здание, и очаг. Поэтому дом — не понятие, не категория, а скорее концепт. К тому же современное социально-гуманитарное знание признает, что «не понятия, а именно концепты лучше всего подходят для описания современного мира (эпохи постмодерна)» [2].

С течением времени человек начинает осознавать себя через призму обустроенного места, которое может становиться для него домом в общем (дом как обитаемый и осознанный мир, место в мире) и частном (дом как жилище) смысле [3].

Для палестинцев понятие «дома» последние 100 лет является ключевой темой в силу самой истории народа. Некоторые фильмы Сулеймана (как, например, «Оставшееся время») являются воплощением исторических событий, происходивших в Палестине, а в большинстве фильмов снимался он сам.

Цель исследования, проводимого при подготовке доклада, состоит в выявлении того, каким в фильмах Сулеймана «Оставшееся время» (2009) и «Должно быть, это рай» (2019) был изображен дом, менялся ли этот концепт с течением времени и как на образ дома влияли исторические события. Методологической базой данной работы послужат анализ и типология фильмов Сулеймана «Оставшееся время» и «Должно быть, это рай», а также сравнение образов дома в этих фильмах.

«Оставшееся время» — полуавтобиографический фильм, в основе которого лежат воспоминания отца Элиа, борца сопротивления во время создания Израиля, и письма его матери. Сулейман также добавляет свои воспоминания, в которых показывает, каково это — всю жизнь быть палестинским арабом в Израиле, жить в месте, которое называешь своим домом — а потом стать этническим меньшинством, «израильским арабом».

В фильме «Должно быть, это рай» главный герой, в роли которого снялся сам Элиа Сулейман, покидает свой дом в Палестине и отправляется в Париж и Нью-Йорк. Он задается вопросом: есть ли на этой планете место, которое человек может назвать своим домом.

Данное исследование методологически опирается на работу Нурит Герц и Джорджа Хлейфи «Palestinian cinema: landscape, trauma and memory» [4], а именно на

главу №7, в которой анализируются два фильма Сулеймана: «Хроника исчезновения» и «Божественное вмешательство» и то, каким изображен в них дом.

Список источников:

1. Сулейман, Э. (Режиссер). (1998) *Al Hilm Al-Arabi*.
2. Гречко, П. К. (2012). Историческая реверсивность мышления: от понятия к концепту. *Личность. Культура. Общество*, 14(2).
3. Мороз, В. В., Рымарович, С. Н. (2014). Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 2(30), 59-68.
4. Gertz, N., Khleif, G. (2008). *Palestinian cinema: landscape, trauma and memory*. Edinburgh University Press.

Десемантизация советского в фильме Петра Луцика «Окраина»

Полушкин Андрей Степанович

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П.

Королёва

polushkin.andrew1@yandex.ru

Научный руководитель: *Жердева Юлия Александровна, кандидат исторических наук, Самарский университет*

Desemanticisation of the Soviet in the film *Okraina* by Peter Lutsik

Andrew Polushkin

Samara National Research University

Общим местом в неутраченных дискуссиях о социальной роли кино является утверждение о том, что фильм, с одной стороны, формирует общественную повестку, а, с другой, ее отражает. В этом смысле кинематограф является социальным агентом, обладающим самостоятельной акторной силой, независимо от того, как ответить на вопрос о том, воспроизводит ли кинематограф стереотипы в восприятии общества или способствует их критическому осмыслению [1, с. 5]. Особый интерес для историка представляет российский кинематограф 1990-х годов — периода «исторического разрыва» и поиска новых оснований для «пересборки» общества, его базисных ценностей.

Исследование посвящено проблеме десемантизации советского в фильме Петра Луцика «Окраина» (1998). Под «десемантизацией» понимается размывание смысловых границ советских знаков и символов, визуальных метафор и идей, на которых построен фильм. Методология работы опирается на подходы новой культурной истории, семиологии и социальной истории искусства, которые дают возможность проанализировать семантику «большого стиля» в фильме [1], произвести деконструкцию его социального послания [2] и вписать в исторический контекст [3].

«Окраина», наряду с такими лентами, как «Брат» (1997), «Не послать ли нам... гонца?» (1998) и «Ворошиловский стрелок» (1999), предложила актуальную для постсоветского общества 1990-х повестку: в основе их сюжетов лежала тема социальной справедливости, а персонажи имели образы народных мстителей. При этом Петр Луцик применил своеобразный «ресайклинг» [4] советских архетипов в кино. По стилистике «Окраина» — образец социалистического реализма 1930–1940-х гг.: ее герои — типизированные, мифологизированные представители «народа», а повествование — пафосное и эпическое [5]. Луцик предлагает зрителю визуальную репрезентацию сталинской эпохи, но лишь для того, чтобы спрятать под видимым слоем постмодернистское «двойное дно»: автор полностью обезоруживает сталинский пропагандистский нарратив. Луцик указывает на ресентимент хуторских крестьян по отношению к «бурильщикам», обертывая последний в конфликт провинции и столицы, заканчивающийся эпическим бунтом, «бессмысленным и беспощадным». Встав на путь мести, протагонисты фильма уподобляются своим антагонистам. Все повествование пропитано юмором, но это отнюдь не язвительный сарказм, а печальный гротеск: через абсурдные диалоги и невообразимые «околотарантиновские» сцены насилия режиссер декодирует и разоблачает обе стороны конфликта. Луцик показывает,

что в конфликте не существует «доброй» или «злой» стороны. Есть только столкновение двух групп архетипов — «советских», в лице уральских крестьян, и «новорусских», в лице «бурильщиков». Такая архетипизация позволила перевести конфликт фильма из плоскости исторической в эпическую и, в конечном счете, произвела десемантизацию кинематографического языка «большого стиля» и советского нарратива о справедливости.

Список источников:

1. Якобидзе-Гитман, А. (2015). *Восстание фантазмов: Сталинская эпоха в постсоветском кино*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Левченко, Я. (2013). Вечная молодость. Еще раз о советском прошлом в постсоветском кино. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 3(89), 302–316.
3. Бойм, С. (2002). *Общие места. Мифология повседневной жизни*. М.: Новое литературное обозрение.
4. Бугаева, Л. Д. (2022). Советское прошлое на постсоветском телеэкране. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*, 12(2), 243–258.
5. Манцов, И. В. (1998). Геополитическая комедия: «Окраина» Петра Луцика как пример чистоты киноязыка. *Искусство кино*, 12, 27–32.

Опыт кинематографической тишины: призрачное присутствие зрителя

Саганенко Анастасия Гарриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

nastya.saganenko@mail.ru

Научный руководитель: Давыдова Ольга Сергеевна, кандидат культурологии, СПбГУ

Experience of cinematographic silence: the spectators' ghost presence

Anastasiia Saganenko

Saint Petersburg State University

Кинематографическая тишина в полной мере начинает проявлять себя после рождения звукового кино и «эстетической революции», которую оно за собой приносит. Неразрывная связь тишины и звука, обеспечивающая им взаимосуществование в кинематографе, основывает себя на двойственной природе тишины. Деление на техническую и звучащую тишину, которое я буду приводить далее, невозможно без рассмотрения понятия отсутствия.

Техническая тишина определяется через очень простое явление — отсутствие звуковой дорожки. Иными словами, я называю ее «технической», потому что она создается благодаря «техническому» вырезанию звука из материала фильма. В свою очередь, звучащая тишина более многогранна нежели техническая и может проявляться по-разному. Основывается она на парадоксальном наличии звука: если техническая тишина подразумевает «вырезание» любого звучания, то звучащая тишина, наоборот, привлекает к использованию звука, чтобы подчеркнуть свое наличие.

Подобное разделение подчеркивает не только разные способы существования тишины в кино, но и различные способы воздействия тишины на зрительское восприятие. Все подвиды звучащей тишины так или иначе функционируют как комментарий к изображению и либо усиливают впечатление от репрезентируемого материала, либо возвращают зрителю способность рефлексии. Воздействие технической тишины иное. Выведенная из материала фильма напрямую, она с наибольшей вероятностью заостряет внимание на медиум-специфичности кинематографа, посему переживание, созданное такой тишиной, неразрывно связано с восприятием зрителем «технического».

Так или иначе, кинематографическая тишина, разделенная на два вида, выполняет свою основную функцию — предоставляет место для зрителя, заполняющего тишину своим призрачным присутствием. Данный тезис связан с идеей зрительского опыта, в котором тишина проявляется как лакуна воспринимаемого, сопряженная с воображением и памятью зрителя.

Список источников:

1. Agamben, G. (1982). *Language and Death. The Place of Negativity*. Minneapolis, University of Minnesota Press.
2. Chion, M. (1990). *Audio-vision: sound on screen*. New York: Columbia University Press.

3. Hansen, M. (2012). *Cinema and experience*. Los Angeles: University of California Press.
4. Деррида, Ж. (2006). *Призраки Маркса*. М.: Ессе homo.
5. Гумбрехт, Х. (2006). *Производство присутствия. Чего не может передать значение*. М.: Новое Литературное Обозрение.

«Трэшуя» культуриндустрию: переоценка кино как политический проект

Сорокин Борис Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет

boris.sorokin2001@yandex.ru

Научный руководитель: *Радеев Артём Евгеньевич, доктор философских наук, СПбГУ*

“Trashing” the cultural industry: revaluation of cinema as a political project

Boris Sorokin

Saint Petersburg State University

Проблемы хорошего вкуса и культурных иерархий в кино активно разрабатываются в академическом поле по меньшей мере 30 лет. Важнейшей работой определившей исследования в области «плохого кино» на многие годы вперед, стала статья историка медиа и кинематографа Джеффри Сконса «„Трэшуя“ академия: вкус, эксцесс и возникновение политики кинематографического стиля». В ней для обозначения объектов новой стратегии зрительского восприятия вводится понятие паракинематографа, определяемого через «набор специфических правил, контрэстетика в виде субкультурной чувствительности, приложенной к разнообразным культурным осколкам».

Цитата не случайно приведена в таком коротком, обобщенном виде. В сущности, культурные практики, описанные Сконсом, легко могут выходить за рамки непосредственной реабилитации «киномусора», описанной им в статье. Например, с активностью зрительских сообществ напрямую связана категория культового кино, а также всевозможные пограничные явления в соотношении паракинематографа с мейнстримным кино (понятие парапаракинематографа, введенное Мэтом Хиллсом) и с артхаусом, в не меньшей степени озабоченным эстетикой крайностей. И это не говоря о культурной апроприации, которая точно также подразумевает перед собой радикальную переоценку исходного произведения.

О субъекте, вовлеченном во все эти вкусовые и эстетические манипуляции при помощи иронии и/или отстранения можно с уверенностью сказать, что он занимает активную зрительскую позицию. Подобная постановка вопроса неизбежно подразумевает разговор о проекте политического модернизма, к которому, собственно, отсылает и сам Сконс. Он проводит параллели между плохим кино, настолько технически несовершенным, что зритель вынужден задумываться о контексте его производства, и сегментом кино-авангарда, намеренно созданным с этой целью и призванным политизировать зрителя, продемонстрировав ему репрессивность кинематографа как идеологического аппарата, включенного в систему капиталистического производства.

Полемическое допущение о том, что стратегии переоценки могут иметь более прогрессивный и революционный характер, нежели фильмы группы «Дзига Вертов» в действительности достойно более серьезного обсуждения. Хотя бы потому, что сегодня не приходится сомневаться в историческом поражении авангарда в борьбе с

культуриндустрией, стоит обратить внимание на другую стратегию, еще не проявившую себя в полной мере.

Анализ различных просмотровых практик в этом ключе позволит рассмотреть их как своего рода (коллективное) творчество, альтернативу «культурному потреблению», а также с необходимостью расширит представление о кинематографическом опыте, утвердив рефлексию над контекстом кинопроизводства как его значимую составную часть. Такое раскрытие механизмов зрительского восприятия поможет составить более детальное представление о том, как формируется и меняется актуальный ландшафт культурных иерархий и канонов.

Список источников:

1. Sconce, J. (1995). 'Trashing' the Academy: Taste, Excess and an Emerging Politics of Cinematic Style. *Screen*, 36(4), 71–393.
2. Хиллс, М. (2014). По ту сторону паракинематографа «Пятница, 13-е» как Иное трэша и легитимной кинокультуры. *Логос*, 101(5), 27–50.
3. Hawkins, J. (2000). *Cutting edge: art-horror and the horrific avant-garde*. The University of Minnesota Press.

Мокбастер как паракинематографический феномен

Лукина Александра Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

candy.pop@mail.ru

Научный руководитель: *Давыдова Ольга Сергеевна, кандидат культурологии, СПбГУ*

Mockbuster as a paracinematic phenomenon

Aleksandra Lukina

Saint Petersburg State University

Подходы к изучению и концептуализации маргинального кинематографа за более чем 30 лет нахождения в академическом дискурсе редко выходят за рамки противопоставления или оппозиции онтологической кинокультуре. Однако, некоторые исследователи кино, в частности Мэтт Хиллс, отмечают, что безграничные концепты трэша или паракинематографа также способствуют дискриминации определенных типов низкопробного кино [1]. Хиллс обращает внимание на вытеснение как из академического, так и из фанатского дискурсов фильма «Пятница 13-е» — слишком мейнстримного для того, чтобы быть признанным трэшем, и слишком «плохого», чтобы представлять академический интерес.

Хиллс апеллирует в том числе к концепту «вторичности», хотя основным аргументом для исключения фильма из корпуса трэша остается его коммерческая успешность. В то же время мне кажется, что именно вторичность многих низкопробных фильмов становится основной причиной их непризнанности. Я обращаюсь к феномену мокбастера, то есть к фильмам определяемым собственной вторичностью и абсолютно несправедливо оставшимся за пределами видимости и трэша, и академии долгое время.

Мокбастер — это низкобюджетный фильм, созданный и продвигаемый таким образом, чтобы симитировать более дорогой и популярный студийный фильм и получить как можно больше выгоды от шумихи вокруг его выхода в прокат. Одной из наиболее заметных кинокомпаний, делающих ставку на производство мокбастеров, хотя и не единственной в своем роде, была и остается американская The Asylum. Студия выпустила в мир такие фильмы как «Трансморферы», «Титаник 2», «Змеиный экспресс» и множество других малоизвестных фильмов, чья концепция полностью построена на эксплуатации выхода в прокат более ожидаемых картин.

Откровенно плохое качество фильмов The Asylum не является ни случайной ошибкой авторов, как это было характерно для так называемого «плохого кино», ни намеренной стилизацией под таковые [2]. Случай этой студии показывает то как отказ от качества становится демонстративным жестом и отличительной чертой фильмов. Низкопробность вкупе со вторичностью фильмов и их агрессивным паразитарным маркетингом укореняет мокбастера в статусе подделки. В противовес этому я всерьез рассматриваю идею о том, что мокбастеры как тип фильмов представляют собой пародийный жанр, направленный не на конкретное произведение, а на тип фильмов «высокого концепта».

Обобщающим основанием для концептуализации способа существования мокбастера в ландшафте современной кинокультуры становится понятие «мимикрии»

из теории игр Роже Кайуа [3]. Вопреки обвинениям мокбастер не ставит себе цель обмануть зрителей и в действительности заставить их принять себя за фильм, которым он не является. Он скорее подыгрывает зрительскому желанию удивляться, повторять и множить уже полюбившееся кино. Как и многие другие представители маргинальных жанров, мокбастеры требуют к себе иного, более легкого и даже почти ироничного отношения зрителя. Зритель становится соучастником игры, в которую играет само кино.

Список источников:

1. Хиллс, М. (2014). По ту сторону паракинематографа: «Пятница, 13-е» как иное трэша и легитимной кинокультуры. *Философско-литературный журнал «Логос»*, 5(101), 27–50.
2. Bartlett, В. (2021). *Badfilm: Incompetence, Intention and Failure*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
3. Кайуа, Р. (2007). Игры и люди. В С. Зенкин (Ред.), *Игры и люди* (с. 33–207). *Статьи и эссе по социологии культуры*. М.: ОГИ.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эффект называемости у детей 6–9 лет на материале искусственных названий

Афонин Матвей Дмитриевич, Семенова Екатерина Александровна, Котов Алексей Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

capybarism@gmail.com, easemenova_10@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Котов Алексей Александрович*, кандидат психологических наук, НИУ ВШЭ

Nameability effect in children aged 6–9 on the basis of artificial names

Afonin Matvei, Semenova Ekaterina, Kotov Aleksei

National Research University Higher School of Economics

Умение создавать новые категории — базовая способность не только взрослых, но и детей. Недавно исследователями был обнаружен эффект называемости, при котором более эффективное научение происходит на материале с легкими названиями его частей, чем с трудными [1; 2]. Эффект изначально был описан у взрослых участников в задаче на категориальное научение; позже было показано, что у детей он выражен слабо. В некоторых исследованиях он появлялся у детей с 9 лет [3], в других — с 4–6 [4]. Дети хуже взрослых полагаются на вербализацию как средство научения и у них нет достаточного опыта вербализации материала (например, цвета или формы). Эти факторы могут объяснять слабую выраженность эффекта.

Чтобы надежно обнаружить эффект называемости у детей, нами было принято решение создать стимулы с искусственно сформированными вербальными и невербальными ассоциациями. Были созданы две группы участников (6–9 лет; все являются носителями русского языка), которые во время тренировочного периода запоминали ассоциации к шести искусственным фигурам. Одна группа запоминала ассоции в виде искусственных слов (вербальное условие), другая — в виде визуальных символов (символьное условие). Обе группы выполняли идентичное задание на категориальное научение. В этом задании исходные фигуры из ассоциаций становились частями более крупных структур-узоров, которые были примерами двух категорий. Задачей было найти релевантную для каждой категории часть.

Согласно гипотезе, успешность научения новым категориям должна быть выше на материале с вербальными ассоциациями, чем с невербальными. Мы измеряли как успешность научения, так и успешность запоминания ассоциаций до и после категориального научения: это позволило нам не только контролировать уровень запоминания ассоциаций в двух группах, но и дополнительно проверить гипотезу как в разных условиях и возрастах выученные ассоциации забываются.

Мы использовали дисперсионный анализ для анализа успешности научения. Не было обнаружено различий в успешности научения в зависимости от предполагаемых факторов. Однако уровень успешности ответов был выше уровня случайных ответов в вербальном условии. Наша гипотеза подтвердилась: успешность научения была выше в вербальном условии.

Уровень успешности запоминания ассоциаций не различался между символьной и вербальной группами. При этом в 1 классе дети лучше запоминали символьные

обозначения, чем вербальные, а в третьем — наоборот. Мы показали, что с возрастом дети действительно становятся более успешными в запоминании самих вербальных ассоциаций по сравнению с невербальными, что косвенно подтверждает их важность для научения.

Гипотеза исследования подтвердилась, но различия между условиями в научении очень малы: из-за сложности задачи категориального научения и недостаточно прочного формирования ассоциаций. Мы планируем обсудить на конференции упрощение решаемой детьми задачи и создание новых, более экологичных условий формирования ассоциаций.

Список источников:

1. Zettersten, M., & Lupyan, G. (2020). Finding categories through words: More nameable features improve category learning. *Cognition*, 196, Article 104135.
2. Абалтусов, Е. Д., Афонин, М. Д., Котова, Т. Н., Котов, А. А. (2023). Эффект называемости и его значение для категориального научения. *Современная зарубежная психология*, 12(1), 119–128.
3. Жердева, М. П., Котова, Т. Н., Котов, А. А. (2019). Nameability of Spatial Locations and Category Learning in Children. *Российский журнал когнитивной науки*, 6(3), 23–30.
4. Zettersten, M., Bredemann, C., Kaul, M., Ellis, K., Vlach, H. A., Kirkorian, H., & Lupyan, G. (2024). Nameability supports rule-based category learning in children and adults. *Child Development*, 95(2), 497–514.

Зрительное восприятие и хронический стресс: изучение параметров контрастной чувствительности и микротремора глаз при наличии профессионального выгорания

Бганцева Ника Леонидовна, Шошина Ирина Ивановна

Санкт-Петербургский государственный университет

nikabgantseva@gmail.com

Научный руководитель: *Шошина Ирина Ивановна, доктор биологических наук, СПбГУ*

Visual perception and chronic stress: a study of contrast sensitivity and ocular microtremor parameters in professional burnout

Bgantseva Nika

Saint Petersburg State University

Одной из форм хронического стресса является синдром профессионального выгорания. Это функциональное состояние выражается в возникновении физического и эмоционального истощения, потере мотивации, усталости, снижению эффективности [1]. В. В. Бойко охарактеризовывает профессиональное выгорание как защитный механизм психики в ответ на воздействие стресса, деструктивно влияющий на рабочую деятельность и саму личность [1]. По данным исследований, профессиональное выгорание чаще формируется у специалистов, чья деятельность связана с ежедневным взаимодействием с людьми, высоким уровнем стресса и ответственности. Согласно опроснику выгорания Маслач, степень выраженности синдрома определяется уровнем следующих показателей: эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений. Актуальность изучения синдрома заключается в необходимости выявления параметров его диагностики, мониторинга текущего состояния сотрудников, обеспечения профилактических мер и улучшения рабочих условий.

Профессиональное выгорание влияет на параметры зрительной обработки информации [2]. Биологическими показателями, с помощью которых можно отслеживать данные изменения являются контрастная чувствительность и окулярный микротремор. Контрастная чувствительность — это зрительный параметр, позволяющий оценивать и дифференцировать яркость и освещенность двух соседних областей [3]. В рамках исследований изменения пространственной контрастной чувствительности была обнаружена ее корреляционная связь с различными функциональными состояниями и нарушениями, в том числе с синдромом профессионального выгорания.

Глазной микротремор относится к категории микродвижений, представляет собой частые межсаккадические колебания глаза. Снижение амплитуды микротремора свидетельствует о конкретном функциональном состоянии (усталость, наркоз, неврологическими заболеваниями и т. д.) [4]. В предыдущих исследованиях, посвященных зрительному восприятию при профессиональном выгорании одновременно методики измерения контрастной чувствительности и микротремора не применялись. Таким образом, цель данного исследования — изучение изменения параметров зрительной системы у лиц с выявленным и формирующимся синдромом профессионального выгорания.

Исследование находится на этапе формирования выборки и сбора данных. Гипотеза эксперимента заключается в том, что при наличии профессионального выгорания будут зафиксированы изменения в зрительной фильтрации и глазном микротреморе. Предметом исследования является изменение контрастной чувствительности и параметров окулярного микротремора при наличии признаков профессионального выгорания. В задачи исследования входят: 1) отбор участников по уровню выраженности компонентов и индексу профессионального выгорания с помощью опросника Маслач (МБИ), 2) измерение параметров контрастной чувствительности у участников с помощью метода визоконтрастометрии, 3) фиксация частоты и амплитуды окулярного микротремора с применением оптической системы, 4) обработка и анализ полученных данных.

Список источников:

1. Чутко, Л. С., Козина, Н. В. (2013). *Синдром эмоционального выгорания*. М.: МЕДпресс-информ.
2. Шошина, И. И. (2019). Нейрофизиологические корреляты нейрофизиологические корреляты профессионального выгорания. *XXI Давиденковские Чтения* (с. 368–369).
3. Муравьева, С. В., Пронин, С. В., Шелепин, Ю. Е. (2010). Контрастная чувствительность зрительной системы человека. *Экспериментальная психология*, 3(3), 5–20.
4. Shoshina, I., Kosikova, A., Karlova, A., Lyapunov, I., Guseinova, Z., Ivanov, M., & Lyapunov, S. (2023). Optical registration of eye microtremor: results and potential use. *Procedia Computer Science*, 225, 3832–3838.

Иконическая сатиация: распознавание иконических изображений

Беланова Екатерина Дмитриевна, Мишина Арина Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

belanova.ed@gmail.com, mishhhago@gmail.com

Научный руководитель: *Морошкина Надежда Владимировна, кандидат психологических наук, СПбГУ*

Iconic satiation: recognition of iconic images

Belanova Ekaterina, Mishina Arina

Saint Petersburg State University

Согласно концепции психологии В. М. Аллахвердова, одним из законов работы сознания является закон Джеймса, согласно которому «все неизменное исчезает из сознания, т. е. перестает осознаваться» [1]. Подтверждающим примером такой особенности работы сознания служат эксперименты, направленные на проверку феномена перцептивной сатиации, то есть утраты значения стимула при его чрезмерном и многократном повторении. Было обнаружено, что семантическое насыщение происходит при длительном повторении слова, что в свою очередь приводит к субъективному ощущению потери смысла или смыслового насыщения [2]. В более поздних исследованиях была предпринята попытка предположить, что эффект распространяется на изображения лиц [3]. Мы предположили, что подобный эффект можно обнаружить при многократном повторении иконических обозначений объектов, а именно смайликов каомодзи, составленных из символов. Была выдвинута гипотеза, согласно которой при многократном повторении иконического изображения его значение будет постепенно исчезать с поверхности сознания, за счет чего усложнится идентификация стимула. В свою очередь время опознания стимулов предъявляемых многократно будет значимо больше, чем время опознания стимулов, предъявляемых однократно.

Для проверки гипотез мы разработали эксперимент с использованием смайликов и случайных наборов символов, который проходит в два этапа. В нем приняло участие 40 человек ($M=21$, $SD=2.21$). На первом этапе участники запомнили предъявляемые изображения, где некоторые смайлики и псевдосмайлики показывались по 10 раз, остальные по 1. На втором этапе каждому участнику в случайном порядке также предъявлялись однократно те же изображения, что были на первом этапе, но вперемешку с филлерами. Задача испытуемого — определить, является ли изображение смайликом или случайным набором символов.

При анализе точности в зависимости от группы и типа стимула (смайлик или набор символов) различий не было обнаружено ($\chi^2(3)=25.18$, $p=0.07$).

При анализе времени ответа с использованием смешанных линейных регрессионных моделей различия между типами стимулов были обнаружены, но только в случае смайликов ($\beta=-0.187$, $p=0.048$), когда при наборе символов не было получено такого же эффекта ($\beta=-0.153$, $p=0.115$).

Закон Джеймса распространяется не только на семантическую, но и иконическую сатиацию, когда условному обозначению приписывается смысл, который может распасться при его многократном повторении. Это требует больших усилий и времени

при обработке стимулов. Интересно, что эффект распространяется только на смайлики, а не на случайный набор символов, что может также говорить о том, что важно наличие смыслового компонента. Однако стоит также отметить, что, поскольку результаты χ^2 Пирсона показали не точное определение псевдосмайликов, в качестве дальнейших исследований их набор должен быть изменен для более однозначных результатов. Увеличение выборки также необходимо для большей точности исследования.

Список источников:

1. Аллаhverдов, В. М. (2000). Сознание как парадокс. М.: Владимир Даль.
2. Smith, L., & Klein, R. (1990). Evidence for semantic satiation: Repeating a category slows subsequent semantic processing. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 16(5), 852.
3. Lewis, M. B., & Ellis, H. D. (2000). Satiation in name and face recognition. *Memory & Cognition*, 28, 783–788.

Распознавание когнитивных ошибок другого человека больными шизофренией

Белоусова Анна Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

a.yu.belousova@gmail.com

Научный руководитель: *Зотова Наталия Евгеньевна, кандидат психологических наук, СПбГУ*

Recognition of cognitive errors of another person by patients with schizophrenia

Belousova Anna

Saint Petersburg State University

У больных шизофренией наблюдаются трудности понимания социальных ситуаций, что часто объясняется утратой способности пациентов приписывать другим людям их содержание сознания (мысли, намерения, т. н. «теории психического»). Данные нарушения многократно подтверждаются исследованиями [1; 2], однако когнитивные механизмы этих нарушений в повседневной коммуникации мало изучены. Потому проведенное исследование было направлено на анализ коммуникации между больными шизофренией и здоровыми людьми при решении задачи по распознаванию когнитивных ошибок персонажей видеороликов. Для этого участникам исследования было необходимо делать предположения о содержании сознания наблюдаемых персонажей [3].

В исследовании приняло участие 100 человек, разделенных на экспериментальную группу (30 диад: больной шизофренией — здоровый индивид) и контрольную группу (20 диад: здоровый — здоровый). Диада состояла из Зрителя и Сортировщика. Эксперимент представлял собой модификационную процедуру референциальной коммуникации Роберта Краусса [4] и заключался в том, что испытуемые в роли Зрителей просматривали видеоролики, в которых как минимум один из персонажей допускал когнитивную ошибку. Во время просмотра регистрировались движения глаз Зрителя. Затем Зритель должен был пересказать видеоролик и указать на когнитивную ошибку персонажа, а Сортировщик, второй участник диады, должен был воссоздать исходную последовательность из карточек с ключевыми кадрами. Были проанализированы движения глаз участников, их вербальные объяснения видеороликов, а также динамика успешности распознавания когнитивных ошибок у пациентов с разной степенью выраженности дефицитарной симптоматики.

В результате анализа полученных данных было обнаружено, что больные шизофренией показывают снижение эффективности распознавания когнитивных ошибок по сравнению со здоровыми людьми. Это снижение усиливается с увеличением степени выраженности дефицитарных расстройств. Однако пациенты с легкими дефицитными расстройствами показали повышение эффективности распознавания когнитивных ошибок и достигали показателей здоровых участников из контрольной группы. Данное наблюдение может свидетельствовать о наличии «порога» дефицитарной симптоматики, опосредующего эффективность психокоррекционных вмешательств. Также было обнаружено, что больные шизофренией с выраженной

степенью дефицитарной симптоматики испытывают трудности в подборе языковых обозначений при описании персонажей видеороликов: они не учитывают точку зрения и уровень осведомленности собеседника, и их языковые обозначения не позволяют однозначно понять, о каком персонаже идет речь. И наконец, больные шизофренией имеют трудности в распознавании когнитивных ошибок наблюдаемых людей из-за (1) нарушений в выделении объектов, важных для задачи персонажа, (2) восприятия того, как персонажи воспринимают эти объекты и их изменения, а также (3) отсутствия сопоставления собственного восприятия с восприятием персонажей.

Список источников:

1. Васильева, Т. М., Петрова, Г. В., Литвинова, В. В. (2023). Тренинг по развитию «модели психического» у пациентов, страдающих шизофренией, состоящих под активным диспансерным наблюдением. В сб. И. А. Бариляк, Е. С. Ребрилова, П. А. Ярилина (Ред.), *Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований* (с. 241–245). М.: Тверь: Издательство Тверского государственного университета,
2. Савушкина, А. И., Рощина, И. Ф., Солохина, Т. А. (2022). Особенности модели психического и психосоциальная реабилитация больных шизофренией. *Общественно-ориентированная психиатрия: научно-практические аспекты и векторы развития* (с. 116–118).
3. Charernboon, T., & Patumanond, J. (2017). Social cognition in schizophrenia. *Mental illness*, 9(1), 16–19.
4. Krauss, R. M., & Weinheimer, S. (1966). Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication. *Journal of personality and social psychology*, 4(3), 343–346.

Влияние игрового опыта на возникновение феномена внезапных находок при зрительном поиске

Бирдина Анастасия Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет

birdina@bk.ru

Научный руководитель: *Костина Дарья Игоревна, СПбГУ*

The influence of gaming experience on the occurrence of the phenomenon of incidental findings in visual search

Birdina Anastasiya

Saint Petersburg State University

Когда игроки в видеоигры ищут конкретную цель (например, аптечку), они также должны обращать внимание на другие предметы, имеющие значение для продвижения по сюжету. Поэтому разработчикам необходимо учитывать особенности внимания и стратегий зрительного поиска, размещая важные элементы так, чтобы игроки не упускали их.

Результаты предыдущих исследований говорят о том, что игроки способны находить цели среди отвлекающих факторов (на нейтральных сценах) более точно, чем люди, не имеющие игровой опыт [1]. Причем, игроки имеют более высокие показатели поиска (скорость реакции, точность), чем не игроки [2]. Однако исследований влияния игрового опыта на возникновение феномена внезапных находок в настоящее время нет.

Внезапные находки — объекты, которые не являются изначальной целью зрительного поиска, но считаются потенциально важными [3]. Классическая задача зрительного поиска представляет собой поиск одного стимула среди дистракторов (отвлекающих факторов). Для исследования феномена внезапных находок используется ее модификация — смешанный гибридный поиск, при котором необходимо удерживать в памяти несколько объектов, которые могут присутствовать на экране, после чего выполнять одновременный поиск конкретных объектов (специфических целей) и объектов, относящихся к определенной категории [3].

Целью данного исследования является изучение влияния игрового опыта на возникновение феномена внезапных находок во время выполнения задач на смешанный гибридный поиск. Предполагается, что игровой опыт поможет более эффективному поиску целей каждого типа в релевантном контексте, но не в нейтральном, так как игроки заведомо знают, где искать цели в игре, благодаря приобретенным стратегиям поиска [4].

Процедура исследования заключается в том, что участникам сначала предъявляются 3 специфические и 3 категориальные цели, которые необходимо запомнить. Далее в каждой пробе на экране появляются дистракторы, среди которых в половине случаев присутствует одна из предъявленных ранее целей (80% — специфические, 20% — категориальные). Нужно ответить, присутствовали ли на экране цели или нет, если да — выбрать, какие именно. Процедура включает два блока по 300 проб: в одном блоке стимулы предъявляются в нейтральном контексте, в другом — в игровом.

Предполагается, что при зрительном поиске на изображениях с игровым контекстом участники с игровым опытом будут чаще обнаруживать как специфические, так и категориальные цели, а в условиях с нейтральным контекстом таких различий наблюдаться не будет. Если гипотеза подтвердится, то полученные данные помогут для балансирования визуального оформления в играх, поскольку геймдизайнеры иногда усложняют видимость важных элементов, что может вызывать трудности у игроков.

Список источников:

1. Bavelier, D., & Green, C. S. (2004). Effects of video game playing on visual functions. *Journal of Vision*, 4(11), 23–23.
2. Hubert-Wallander, B., Green, C. S., Sugarman, M., & Bavelier, D. (2011). Changes in search rate but not in the dynamics of exogenous attention in action videogame players. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 73, 2399–2412.
3. Горбунова, Е. С. (2020). Перспективы использования задач зрительного поиска в современной когнитивной психологии. *Современная зарубежная психология*, 9(2), 107–116.
4. Azizi, E., Abel, L. A., & Stainer, M. J. (2017). The influence of action video game playing on eye movement behaviour during visual search in abstract, in-game and natural scenes. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 79, 484–497.

Количество опций и выбор партнера: критика теории конфликта полов

Болдыгин Даниил Дмитриевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
daniel03061999@gmail.com

Научный руководитель: *Ключарёв Василий Андреевич*, кандидат биологических наук,
НИУ ВШЭ

Number of options and mating choice: a critique of sexual conflict theory

Boldygin Daniil

National Research University Higher School of Economics

В данный момент исследователи мало знают о том как люди выбирают партнеров. Одна из наиболее популярных теорий — теория конфликта полов [1], постулирует разные критерии успеха выбора партнера между полами. Из этого следует различие в стратегиях выбора партнера между полами. Однако на данный момент существует достаточно много доказательств того, что стратегии выбора партнера одинаковы для обоих полов и могут зависеть от количества доступных в данный момент потенциальных партнеров [2; 3]. На уровне мозга, решение о выборе партнера можно предсказать по активации вентромедиальной префронтальной коры и вентрального стриатума, активация которых коррелирует с субъективной оценкой привлекательности потенциального партнера [4; 5].

Мы предполагаем, что при увеличении количества опций стратегия принятия решений будет смещаться в сторону увеличения требований к потенциальным партнерам. Это может выражаться в снижении оценок привлекательности и желания встретиться. Аналогично, активность в выше описанных зонах должна изменяться, в среднем снижаясь с увеличением количества доступных опций.

Поведенческий этап. Планируется набрать выборку из 100 мужчин и женщин в возрасте от 18 до 24 лет, не состоящих в длительных отношениях. Участники предоставляют свое фото и информацию: пол, возраст, самоотчет привлекательности (шкала Ликерта 1–10).

В эксперименте участники будут выполнять задачу первого впечатления (first impression task), схожую с предыдущими исследованиями [4; 5]. В каждой пробе участнику демонстрируется фото потенциального партнера, после чего ему необходимо оценить привлекательность (шкала Ликерта 1–10) и желание встретиться (шкала Ликерта 1–5). Каждый участник проходит 2 блока из 20 и 80 проб, порядок предъявления случайный. Для анализа будут использоваться только первые 20 проб, в которые в качестве стимулов войдут фотографии 40 человек со средней по результатам претеста привлекательностью. Для проверки влияния количества опций на привлекательность планируется произвести ANOVA анализ. Также планируется построить регрессионную модель для желания встретиться, где в качестве предикторов будут выступать привлекательность, количество опций и предоставленная респондентом информация. В обоих случаях мы рассчитываем получить значимый негативный эффект количества опций на желание встретиться и оценку привлекательности.

фМРТ этап. После планируется провести фМРТ этап. В выборку войдут 35 человек. Во время сканирования участники будут выполнять аналогичное с поведенческим этапом задание. В результате ROI анализа мы планируем увидеть значимую разницу в активации вентромедиальной префронтальной коры и вентрального стриатума между условиями с разным набором опций.

Данное исследование не только внесет вклад в современное понимание выбора партнера и влияющих на него факторов, но и дополнит принцип работы этого механизма на уровне мозга.

Список источников:

1. Candolin, U. (2022). Sexual conflict theory. In *The Cambridge Handbook of Evolutionary Perspectives on Sexual Psychology*, (pp. 264–279). Cambridge University Press.
2. Lenton, A. P., & Stewart, A. (2008). Changing her ways: The number of options and mate-standard strength impact mate choice strategy and satisfaction. *Judgment and Decision Making*, 3(7), 501–511.
3. Thomas, M. F., Binder, A., & Matthes, J. (2022). The agony of partner choice: The effect of excessive partner availability on fear of being single, self-esteem, and partner choice overload. *Computers in Human Behavior*, 126, 106977.
4. Cooper, J. C., Dunne, S., Furey, T., & O'Doherty, J. P. (2012). Dorsomedial prefrontal cortex mediates rapid evaluations predicting the outcome of romantic interactions. *Journal of Neuroscience*, 32(45), 15647–15656.
5. Ito, A., Yoshida, K., Takeda, K., Sawamura, D., Murakami, Y., Hasegawa, A., & Izuma, K. (2020). The role of the ventromedial prefrontal cortex in automatic formation of impression and reflected impression. *Human brain mapping*, 41(11), 3045–3058.

Исследование пользовательского опыта российских систем управления обучением для школьников старших классов

Бусаргин Даниил Дмитриевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
busargindd@gmail.com

Научный руководитель: *Образцов Игорь Владимирович, доктор социологических наук, МГЛУ*

UX study of Russian learning management systems for high-school students

Busargin Daniil

National Research University Higher School of Economics

Доклад посвящен исследованию пользовательского опыта российских систем управления обучением для старшеклассников. Его целью является сравнение восприятия пользовательского опыта при использовании негосударственных систем управления обучением (далее — LMS-система) и государственных, на примере Электронного дневника, с определением различий в их оценках. Согласно зарубежным исследованиям [1], качество пользовательского опыта напрямую влияет на успешность обучения старшеклассниками, однако в России подобного рода исследования не проводились. Научный вклад данного исследования заключается в возможности положительного влияния на развитие государственных образовательных технологий в России. Результаты могут быть использованы для разработки более эффективных образовательных решений.

Исследовательский вопрос формулируется как вопрос о восприятии старшеклассниками пользовательского опыта при использовании различных LMS-систем, а также о существующих различиях в их оценках. Предполагается, что старшеклассники будут оценивать пользовательский опыт взаимодействия с негосударственными системами выше, чем с государственными из-за более интерактивной и инновационной природы EdTech решений.

В рамках исследования были использованы опросный метод, а также эвристическая оценка. Опросник QUIS (Questionnaire for User Interaction Satisfaction) позволил измерить уровень удовлетворенности пользователей интерфейсами. Эвристическая оценка, которая крайне важна при изучении образовательных технологий [2], была использована для оценки качества пользовательского опыта путем анализа интерфейсов LMS-систем на предмет соответствия принципам юзабилити, разработанные Я. Нильсеном [3]. Статистический анализ результатов был произведен с помощью тестов Шапиро — Уилка, Манна — Уитни и парной корреляции, чтобы определить наличие статистически значимых различий в оценках пользовательского опыта.

Было обнаружено, что старшеклассники, действительно, оценивают пользовательский опыт взаимодействия с негосударственными системами выше, чем с государственными. Опросник QUIS показал, что пользователи высоко оценивают удобство использования и навигацию негосударственных систем, в то время как взаимодействие с Электронным дневником получило более низкие оценки.

Эвристическая оценка также подтвердила преимущества негосударственных систем по ряду критериев.

Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают важность развития и внедрения современных EdTech решений в образовательный процесс. Улучшение пользовательского опыта при использовании образовательных технологий может значительно повысить эффективность обучения старшеклассников.

Список источников:

1. Nasruddin, Z. A., Ariffin, N. H. M., Norwawi, N. M., Ismail, R., Abidin, A. W. Z., & Nor, F. N. S. M. (2022). Evaluating user experience (UX) factors and emotions of open distance learning (ODL) during the pandemic COVID-19 among secondary school students. *International Journal of Information and Education Technology (IJJET)*.
2. Erenler, T., & Hale, H. (2018). Heuristic evaluation of e-learning. *International Journal of Organizational Leadership*, 7, 195–210.
3. Nielsen, J. (1999). *Designing Web Usability*. New Riders Pub.

Расслабиться или посидеть в телефоне? Влияние типа прерывающей активности и функциональной фиксированности на решение творческих задач

Виксна Вероника, Морошкина Надежда Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

veronika.viksna@gmail.com

Научный руководитель: *Морошкина Надежда Владимировна, кандидат психологических наук, СПбГУ*

To relax or scroll through the phone? The impact of interruptive task's type and functional fixedness on creative problem solving.

Viksna Veronika, Moroshkina Nadezhda

Saint Petersburg State University

В повседневной жизни, когда человек сталкивается с трудными задачами, когда первоначальные попытки решения могут привести к затруднениям и к тупику в поиске ответа. В таких случаях люди часто переключаются на другие занятия, откладывая решение на потом. С одной стороны, в исследованиях творческого решения откладывание рассматривается как отдельный этап — инкубация, которая может привести к спонтанному и внезапному озарению или инсайту как новому решению [1]. С другой стороны, существует прокрастинация, механизмы которой в поиске творческого решения остаются неизвестными и противоречивыми [2], хотя часто она воспринимается как нечто непродуктивное. Если прокрастинация и инкубация содержат в себе акт откладывания, являются ли они одним и тем же или же разными явлениями? Мы предполагаем, что различия существуют и заключаются в деятельности, которой человек занят во время откладывания, а именно явления различаются по степени загрузки внимания и его фокуса, которые влияют на когнитивные и метакогнитивные компоненты решения. Прокрастинация чаще связана с развлекательной активностью, например, просмотр сериалов, социальных сетей и так далее, которые полностью загружают внимание. Инкубация в данном контексте может быть связана с блужданием ума, например, при прогулке, когда человек погружается в свои мысли и не фокусируется на физическом мире [3]. Мы также предполагаем, что наличие функциональной фиксированности или тупика, связанного с тем, что человек не может избавиться от неверной идеи [4], тоже может привести к еще большим различиям двух явлений.

Для проверки гипотез нами был разработан эксперимент с выборкой из 120 человек, случайным образом распределенных в одну из четырех групп (2×2, с высокой/частичной загрузкой внимания, с наличием/отсутствием фиксированности). Фактор фиксации варьируется наличием или отсутствием этапа прочтения устойчивых выражений, которые связаны с последующими задачами, но правильным ответом не являются. Основная часть эксперимента состоит в решении 40 задач на поиск отдаленных ассоциаций [5] в два этапа: первичная попытка решения (ограничена 20 секундами), повторная попытка решения нерешенных ранее задач (ограничена 40 секундами). К каждой задаче фиксируется точность ответа, стратегия решения, наличие тупика и его тип, время решения. Между этапами для отвлечения от решения

участнику предъявляется либо расслабляющее видео, провоцирующее блуждание ума, либо развлекательные видеоролики, вызывающие загрузку внимания. Показ видео ограничено 5 минутами.

Мы ожидаем, что просмотр развлекательного видео с высокой загрузкой внимания окажет более положительный эффект на поиск решения задач за счет забывания фиксации. Напротив, расслабляющее видео с блужданием ума окажется более полезным в ситуации без предварительной фиксации за счет повышения метакогнитивной чувствительности и генерации новых идей.

Список источников:

1. Sio, U. N., & Ormerod, T. C. (2009). Does incubation enhance problem solving? A meta-analytic review. *Psychological bulletin*, 135(1), 94–120.
2. Shin, J., & Grant, A. M. (2021). When putting work off pays off: The curvilinear relationship between procrastination and creativity. *Academy of Management Journal*, 64(3), 772–798.
3. Baird, B., Smallwood, J., Mrazek, M. D., Kam, J. W., Franklin, M. S., & Schooler, J. W. (2012). Inspired by distraction: Mind wandering facilitates creative incubation. *Psychological science*, 23(10), 1117–1122.
4. Smith, S. M. 1995. *Getting into and out of mental ruts: A theory of fixation, incubation, and insight*. R. Sternberg, J. Davidson (eds.). MA: MIT Press.
5. Moroshkina, N. V., Savina, A. I., Ammalainen, A. V., Gershkovich, V. A., Zverev, I. V., & Lvova, O. V. (2022). How difficult was it? Metacognitive judgments about problems and their solutions after the Aha moment. *Frontiers in Psychology*, 13, Article 911904.

Утконос или бобр: исследование законов последействия в процессе категоризации в зрительном поиске

Гасилова Софья Сергеевна, Глушанина Мария Евгеньевна, Разумнов Артемий Сергеевич, Садовая Елизавета Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет

sofiagasilova@gmail.com

Научный руководитель: *Морошкина Надежда Владимировна, кандидат психологических наук, СПбГУ*

Platypus or beaver: studying the laws of aftereffect in the categorization process in visual search

*Gasilova Sofia, Glushanina Maria, Razumnov Artemy, Sadovaia Elizaveta
Saint Petersburg State University*

Мы представляем исследование, посвященное экспериментальной проверке следствий законов последействия позитивного и негативного выбора. Последействие выбора — это тенденция механизма сознания повторять однажды сделанный выбор — выбор как того, что именно из воспринятой и переработанной информации осознается (последействие позитивного выбора), так и того, что не осознается (последействие негативного выбора) [1]. Исследование посвящено влиянию последействия выбора на процесс категоризации. Категоризация в эксперименте представлена в задаче зрительного поиска. Мы предполагаем, что эффект последействия негативного/позитивного выбора будет влиять на скорость поиска целевого изображения участником.

Исследование состоит из двух экспериментов. В одном эксперименте исследуется последействие позитивного выбора, в другом последействие негативного выбора. Участникам предъявляются двойственные изображения животных и с помощью стрелок предлагается выбрать, в какую сторону ориентировано животное. Чтобы это определить, участнику необходимо интерпретировать изображение, как принадлежащее определенному классу, так как в двойственном стимуле одно животное направлено влево, а другое вправо. То есть выбранное животное интерпретируется нами как позитивный выбор, а альтернативное животное считается негативным выбором. Затем участникам необходимо найти изображение целевого животного среди 29 дистракторов (других животных, обладающих некими схожими признаками с целевым). Например, нужно найти льва среди гималайских таров (оба вида обладают гривой). В эксперименте с последействием позитивного выбора целевым изображением является животное, которое участник выбрал на предыдущем этапе. В эксперименте с последействием негативного выбора целевым изображением является животное, которое участник не выбрал на предыдущем этапе. В качестве контрольного условия на первом этапе используются однозначные изображения, таким образом внутрисубъектно варьируется наличие ситуации выбора. Всего в эксперименте используются 16 двойственных изображений.

В качестве зависимой переменной замеряется время от предъявления экрана зрительного поиска до нажатия участником клавиши мыши в зоне целевого изображения. Данные будут проанализированы с помощью метода смешанных

линейных моделей, мы предполагаем, что в условиях последствия позитивного выбора, время поиска целевого изображения будет меньше по сравнению с контрольным условием, а в случае последствия негативного выбора время поиска будет больше.

Список источников:

1. Филиппова, М. Г., Чернов, Р. В. (2013). Психологические и психофизиологические корреляты восприятия двойственных изображений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, (2), 21–33.
2. Аллахвердов, В. М. (2000). *Сознание как парадокс. Экспериментальная психология, Т. 1*. СПб: «Издательство ДНК».

Навыки фонологической обработки как предикторы чтения у русскоговорящих детей 5–6 лет

Еремичева Татьяна Андреевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
eremichevat22@gmail.com

Научный руководитель: *Дорофеева Светлана Валентиновна*, кандидат филологических наук, НИУ ВШЭ

Phonological processing skills as predictors for reading in Russian-speaking 5-to-6-year-old children

Eremicheva Tatiana

National Research University Higher School of Economics

Введение. Чтение является сложным когнитивным процессом, и в его реализацию включены различные навыки и когнитивные функции. Доказано, что навыки фонологической обработки особенно важны для успешного освоения чтения [1]. При недостаточном развитии таких навыков у детей могут возникнуть трудности с обработкой информации и, впоследствии, с обучением в школе. Опыт коллег доказал необходимость в ранней оценке навыков фонологической обработки у детей, так как это позволит своевременно компенсировать возможные трудности [2]. Соответственно, для проведения такой оценки необходимо разрабатывать и подбирать инструменты, эффективные для детей дошкольного возраста. В данном исследовании были поставлены следующие цели: оценить навыки чтения и навыки фонологической обработки у русскоговорящих детей 5–6 лет; выяснить, являются ли навыки фонологической обработки предикторами чтения у детей этого возраста; подобрать наиболее эффективные инструменты для оценки навыков фонологической обработки у детей 5–6 лет.

Участники. В исследовании приняли участие 69 монолингвальных, русскоговорящих детей (в возрасте от 5 лет 4 месяцев до 7 лет), которые посещали один дошкольный комплекс в г. Москва. Мы исключили данные 19 детей, в выборку для анализа вошли результаты 50 типично развивающихся детей (22 девочки, $Mage=6.33$, $SD=0.38$, разброс 5.42–7.00).

Материалы и процедура. Сначала, мы оценивали навыки фонологической обработки с помощью стандартизированной батареи фонологических тестов «ЗАРЯ» (Звуковой Анализ Русского Языка) [3]. Далее, мы оценивали уровень невербального интеллекта с помощью цветных прогрессивных матриц Равена [4]. В завершении, у тех детей, кто умел читать, мы оценивали навыки чтения на уровне слов с помощью стандартизированного теста STARS [5].

Анализ данных. Анализ проводился в среде R. Мы определили средние показатели по каждому фонологическому тесту и каждому тесту на чтение. После чего был проведен регрессионный анализ с отдельными моделями для каждого фонологического теста.

Результаты. Проведенный анализ показал, что значимыми предикторами скорости чтения слов и скорости чтения псевдослов являются фонологический тест «Количество звуков в слове» ($p<0.001$) и фонологический индекс — среднее по всем

фонологическим тестам ($p < 0.001$). Значимым предиктором правильности чтения псевдослов является фонологический тест «Наличие звука в слове» ($p < 0.001$). Значимых предикторов правильности чтения слов не обнаружено.

Обсуждение. Нам удалось оценить навыки чтения и навыки фонологической обработки у детей 5–6 лет, после чего мы составили первые нормативные показатели для этого возраста. Кроме того, нам удалось доказать, что результаты фонологических тестов являются предикторами тестов на чтение слов и псевдослов у детей 5–6 лет. Согласно проведенному анализу, в качестве отдельных инструментов можно использовать фонологические тесты «Количество звуков в слове» и «Наличие звука в слове». Однако для более детальной и комплексной оценки подойдет вся батарея тестов.

Список источников:

1. Torgesen, J. K., Wagner, R. K., & Rashotte, C. A. (1994). Longitudinal studies of phonological processing and reading. *Journal of learning disabilities*, 27(5), 276–286.
2. Lovett, M. W., Frijters, J. C., Wolf, M., Steinbach, K. A., Sevcik, R. A., & Morris, R. D. (2017). Early intervention for children at risk for reading disabilities: The impact of grade at intervention and individual differences on intervention outcomes. *Journal of Educational Psychology*, 109(7), 889–914.
3. Dorofeeva, S. V., Laurinavichyute, A., Reshetnikova, V., Akhutina, T. V., Tops, W., & Dragoy, O. (2020). Complex phonological tasks predict reading in 7 to 11 years of age typically developing Russian children. *Journal of Research in Reading*, 43(4), 516–535.
4. Равен, Д. К., Стайл, И., Равен, М. (2004). Цветные прогрессивные матрицы (классическая форма, серии А, Ab, В). Изд. 2-е, стереотип. М.: Когито Центр.
5. Дорофеева, С. В., Гринько, И. Ю., Перевощикова, Т. Д., Драгой, О. В. (2021). Разработка тестов на чтение слов и псевдослов для оценки навыков чтения у русскоговорящих детей. В сб. Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман, А. Я. Койфман (Ред.), *Когнитивная наука в Москве: новые исследования* (с. 502–507). ООО «Буки Веди».

Взаимодействие эффектов называемости и разнообразия в категориальном научении

Зверева Елизавета Юрьевна, Котов Алексей Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
eyuzvereva@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Котов Алексей Александрович, кандидат психологических наук, НИУ ВШЭ*

The interaction of the variability and nameability effects in category learning

Zvereva Elizaveta

National Research University Higher School of Economics

В рамках нашего исследования мы изучали взаимодействие двух основных эффектов категориального научения: эффекта разнообразия и эффекта называемости.

Эффект разнообразия заключается в том, что использование разнообразных примеров в процессе обучения приводит к более успешным результатам, чем использование схожих примеров [1]. Недавно показанный эффект называемости [2] заключается в том, что чем легче вербализуются части объектов, тем успешнее научение новым категориальным правилам. Основным объяснением эффекта называемости является то, что высокая называемость позволяет легче формулировать и проверять гипотезы в процессе поиска правила категоризации.

Ранее эти эффекты рассматривались отдельно: эффект разнообразия чаще на трудно называемых примерах, а эффект называемости — на высоко разнообразных. В недавних работах был поставлен вопрос о связи между вербализацией и эффектом разнообразия. Так, в исследовании [3] авторы обнаружили, что высокое разнообразие полезнее низкого для научения как эксплицитным (вербальным) правилам, так и имплицитным.

Мы предположили, что в условиях легкой называемости частей поиск разницы между объектами упрощается за счет использования вербальных ярлыков, человек становится более чувствительным к разнообразию и может воспринимать даже перцептивно схожие объекты как разные. Вербальные ярлыки сами создают оптимальную степень разнообразия. Согласно нашей гипотезе, высокая называемость будет нивелировать эффект разнообразия; он будет проявляться только при низкой называемости частей.

Для проверки гипотезы мы провели факторный эксперимент (2×2) с межсубъектным планом на выборке из 97 человек в возрасте от 24 до 54 лет ($M=39$, $SD=8$). Независимыми переменными были называемость частей примеров (легко или трудно называемые) и разнообразие последовательности примеров категорий (высокое или низкое). Стимулами были фигуры, каждая из которых состояла из четырех частей, соединенных линиями. В каждой части располагалась танграм-фигура. Уровень называемости задавался ориентацией танграм-фигур: в условии с низкой называемостью они были повернуты на угол, кратный 45° , в условии с высокой называемостью имели нормальную ориентацию. Уровень разнообразия задавался последовательностью предъявления стимулов: условия с высоким разнообразием вероятность переключения между двумя категориями в последовательности составляла

75%, в условии с низким — 25%. Зависимой переменной была доля верных ответов. Эксперимент состоял из 4 этапов научения и теста.

Анализ результатов с использованием дисперсионного анализа ANOVA показал взаимодействие на этапе обучения, но не в тестовой части. Наша гипотеза подтвердилась для научения. Возможное объяснение отсутствия взаимодействия в тесте — высокая сложность задачи: почти треть участников не нашли правила категоризации в ходе научения. Возможно, что при упрощении задачи найденное взаимодействие будет наблюдаться как при научении, так и переносе правила.

Список источников:

1. Raviv, L., Lupyan, G., & Green, S. C. (2022). How variability shapes learning and generalization. *Trends in cognitive sciences*, 26(6), 462–483.
2. Zettersten, M., & Lupyan, G. (2020). Finding categories through words: More nameable features improve category learning. *Cognition*, 196, Article 104135.
3. Do, L. A., & Thomas, A. K. (2023). The Underappreciated Benefits of Interleaving for Category Learning. *Journal of Intelligence*, 11(8), Article 153.

Влияние степени перцептивной загрузки на возникновение феномена баннерной слепоты

Клименков Никита Вадимович, Сигнаевская Ксения Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

klimenkovnkt@gmail.com, sgnvskaya@gmail.com

Научный руководитель: Горбунова Елена Сергеевна, кандидат психологических наук, НИУ ВШЭ

Influence of the level of perceptual load on the occurrence of the banner blindness

Klimenkov Nikita, Signaevskaya Kseniya

National Research University Higher School of Economics

Баннерная слепота (БС) — феномен, при котором пользователям свойственно не замечать рекламные баннеры или похожие на них элементы интерфейса. Часть исследователей предполагает, что БС является лишь проявлением другого феномена — слепоты по невниманию, который проявляется в игнорировании заметного объекта во время выполнения другой задачи, требующей внимания [1].

Также существует теория перцептивной загрузки (ПЗ), которая предполагает, что обработка нерелевантной информации зависит от уровня ПЗ [2]. В случае, когда уровень ПЗ высокий, нерелевантная информация скорее не будет обработана. В условии же низкой ПЗ вся информация будет обрабатываться одновременно и с небольшой разницей в эффективности.

В данной же работе изучается влияние разной степени ПЗ на возникновение БС. В качестве уровней ПЗ и выступают два параметра: количество стимулов и их перцептивное сходство.

Теоретическая гипотеза: большое сходство и количество стимулов будет увеличивать уровень ПЗ, тем самым снижая ресурсы внимания на обработку баннера, что будет снижать вероятность его заметить.

Эмпирические гипотезы: (1) респонденты в условии с 15 футболками будут замечать баннер чаще, чем в условии с 9; (2) респонденты в условии с футболками разных цветов будут замечать баннеры чаще, чем в условии с футболками одинаковых цветов

Участникам исследования была представлена веб-страница магазина одежды. Испытуемые выполняли стандартную задачу визуального поиска. Эксперимент состоял из 6 испытаний — баннер отсутствовал в испытаниях кроме последнего. Перед каждым испытанием участникам показывали футболку с принтом и давали инструкцию найти такую футболку. После инструкции им предъявлялась веб-страница с 9 или 15 различными или схожими по цвету футболками. Как только футболка найдена, участники кликали по ней мышкой. Далее они заполняли опросник — заметили ли они баннер и что на нем было изображено.

В исследовании приняло участие 136 человек. Статистические различия по фактору пола по показателю доли верных ответов в пробах обнаружены не были ($U=1878.5$, $p=0.91$). Аналогично не было обнаружено различий по фактору возраста ($H(25)=22.90$, $p=0.58$). Значимые различия между четырьмя группами ($\chi^2(3, N=136)=13.43$; $p=0.003$; $V=0.32$). Также были обнаружены значимые различия между

условиями с 15 футболками похожих и разных цветов ($\chi^2(1, N=68)=8.26$; $p=0.004$; $V=0.34$), но не были обнаружены между условиями с 9 футболками ($\chi^2(1, N=68)=2.60$; $p=0.11$).

Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что схожесть стимулов связана с проявлением феномена БС. Учитывая результаты полученные в исследовании [3], можно предположить, что при высокой схожести стимулов лучше дифференцируется высокая и низкая ПЗ. При большом количестве стимулов в качестве фактора проявления феномена БС будет выступать гомогенность стимулов. Из результатов следует, что более эффективным будет размещение баннера с рекламой на странице с товарами, где не установлен фильтр цвета товара.

Список источников:

1. Mack, A., Rock, I. (1998). *Inattention blindness*. The MIT Press.
2. Lavie, N. (2010). Attention, distraction, and cognitive control under load. *Current directions in psychological science*, 19(3), 143–148.
3. Gorbatoва, К., Anufriev, G., & Gorbunova, E. (2023). Banner blindness as the suppression process: No perceptual load effect on web advertising detection. *Visual Cognition*, 31(3), 256–276.

Влияние формата предъявления материала на выраженность семантической иллюзии памяти

Князева Диана Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

diane.dominique712@gmail.com

Научный руководитель: *Гершкович Валерия Александровна*, кандидат психологических наук, СПбГУ

The influence of material presentation format on the manifestation of semantic memory illusion

Kniazeva Diana

Saint Petersburg State University

Введение:

Семантическая иллюзия памяти, или ДРМ-иллюзия [1], проявляется в узнавании или воспроизведении не названного критического слова (например, сон) при предъявлении списка сильных ассоциаций к этому слову (ночь, кровать, одеяло). Иллюзия устойчиво проявляется в задачах с различными инструкциями, уровнями обработки и не исчезает даже при воздействии на процессы мониторинга, которые за счет обращения к эпизодической памяти снижают вероятность иллюзорных узнаваний [2]. Однако из других исследовательских областей известно, что информация при кодировании делится на эпизоды, границы которых могут определяться как семантикой или выполняемой задачей, так и перцептивными признаками [3]. Сегментация, происходящая в результате деления опыта на события, влияет на интеграционные процессы: например, информация лучше воспроизводится внутри границ события, чем при их пересечении [4].

Возникает вопрос, может ли установление границ при предъявлении списка ассоциативно связанных слов разорвать семантическую связь между эпизодами и снизить вероятность формирования семантической иллюзии. Мы предполагали, что при несовпадении границ эпизодов с границами списков будет меньше ложных узнаваний критических слов, чем при совпадении границ.

Для проверки этого предположения был разработан межгрупповой дизайн эксперимента с одной независимой переменной: варьировалось совпадение или несовпадение семантических границ с перцептивными. Границы эпизодов обозначались с помощью цвета рамки вокруг слова по аналогии с предыдущими исследованиями [5]. В условии совпадения границ смена цвета происходила синхронно с началом каждого списка, в условии несовпадения цвет менялся в середине списков. Зависимой переменной была вероятность ложного вспоминания критического слова, измеренная с помощью теста на узнавание.

Выборка: 80 носителей русского языка без дальтонизма.

Стимулы: 8 ДРМ-списков по 8 слов в каждом и 8 списков слов, не связанных семантически.

Процедура:

Эксперимент состоит из двух этапов. На первом этапе людям предъявляется 16 списков по 8 слов. ДРМ-списки и списки несвязанных слов чередуются. Каждое слово

окружено рамкой, цвет которой меняется через каждые 8 проб синхронно или асинхронно с началом списка (в зависимости от условия). Задача участников: оценивать приятность сочетания слова с цветом. На втором этапе происходит тест на узнавание из 128 слов: 64 предъявленных ранее и 64 новых (критических слов и филлеров). Для каждого узнанного слова появляется вопрос об источнике воспоминаний и о цвете рамки вокруг слова на первом этапе. Измеряется вероятность узнавания критического слова для ДРМ-списков.

Ожидаемые результаты:

В условии несовпадения семантических и перцептивных границ (1 группа) вероятность узнавания критического слова будет ниже, чем в условии совпадения (2 группа), поскольку асинхронное дробление на эпизоды может помешать семантической интеграции, участвующей в формировании иллюзии.

Список источников:

1. Roediger, H. L., & McDermott, K. B. (1995). Creating false memories: Remembering words not presented in lists. *Journal of experimental psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 21(4), 803–814.
2. Gallo, D. (2013). *Associative illusions of memory: False memory research in DRM and related tasks*. Psychology Press.
3. Brunec, I. K., Moscovitch, M., & Barense, M. D. (2018). Boundaries shape cognitive representations of spaces and events. *Trends in cognitive sciences*, 22(7), 637–650.
4. DuBrow, S., & Davachi, L. (2016). Temporal binding within and across events. *Neurobiology of learning and memory*, 134, 107–114.
5. Heusser, A. C., Ezzyat, Y., Shiff, I., & Davachi, L. (2018). Perceptual boundaries cause mnemonic trade-offs between local boundary processing and across-trial associative binding. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 44(7), 1075–1090.

Лечение генерализованного тревожного расстройства: транскраниальная магнитная стимуляция и технологии виртуальной реальности

Котикова Ирина Александровна

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И.

Пирогова

kotikova.ia@mail.ru

Научный руководитель: *Шмилович Андрей Аркадьевич, доктор медицинских наук,*

РНИМУ им. Н. И. Пирогова

Treatment of generalized anxiety disorder: transcranial magnetic stimulation and virtual reality technologies

Kotikova Irina

Pirogov Russian National Research Medical University

Введение. Распространенность тревожных расстройств составляет около 4% от общей популяции, согласно данным Всемирной организации здравоохранения [1]. При этом от генерализованного тревожного расстройства (ГТР) страдают примерно 3.1% населения [2]. На сегодняшний день актуальными становятся немедикаментозные неинвазивные технологии, к которым относятся транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС) и технологии виртуальной реальности (ВР).

Цель исследования. Оценить эффективность комплексной терапии, включающей психофармакотерапию (ПФТ), ТМС и технологий ВР, по сравнению с психофармакотерапией при ГТР.

Материалы и методы. Представлены промежуточные результаты исследования. К концу 2023 г. выборка составила 40 пациентов и была разделена на 4 статистически однородные группы: группа 1 (ТМС+ВР+ПФТ); группа 2 (ТМС+ПФТ); группа 3 (ВР+ПФТ); контрольная группа (ПФТ). Психометрическая оценка осуществлялась до и после терапии при помощи шкал Гамильтона и Спилберга — Ханина для оценки тревоги. Все пациенты получали ПФТ в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи. Процедура ТМС проводилась магнитным стимулятором MagPro R30. Воздействие с использованием технологий виртуальной реальности осуществлялось на нейротренажере виртуальной реальности «Ривайвер». Курс лечения составил 30 дней. Для промежуточного анализа полученных данных использовались методы непараметрической статистики («Тест Манна — Уитни» и «Тест суммы рангов Вилкоксона»). Различия принимались за статистически значимые при $p < 0.05$.

Результаты. По окончании курса терапии у пациентов всех групп наблюдения отмечалось достоверное снижение ($p < 0.05$) баллов по используемым психометрическим шкалам. При этом результаты лечения в группе 1 показали большую эффективность комбинированной терапии (рТМС+ВР+ПФТ) с высокой статистической достоверностью ($p < 0.05$) по сравнению с контрольной группой по всем используемым психометрическим шкалам. В группе 2 отмечалось достоверно большее, чем в контрольной группе, снижение ($p < 0.05$) баллов по применяемым шкалам, что подтверждает противотревожный эффект ТМС предыдущих исследований. Однако результаты лечения в группе 3 статистически не отличались от результатов

контрольной группы ($p > 0.05$), что диктует за собой необходимость дальнейшего изучения вопроса влияния технологий ВР на течение ГТР на более крупной выборке. При сравнении результатов терапии у пациентов группы 1 с данными пациентов группы 3 наблюдались статистически значимые отличия ($p < 0.05$). При сравнении результатов терапии у пациентов группы 1 с данными пациентов группы 2 статистически значимых отличий не отмечалось ($p < 0.05$).

Выводы. Можно сделать вывод, что используемая в терапии генерализованного тревожного расстройства ТМС приводит к модуляции деятельности нейронов, что оказывает противотревожный эффект. Также требуется дополнительное изучение противотревожного эффекта ВР на более крупной выборке.

Список источников:

1. Официальный сайт Всемирной Организации Здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/anxiety-disorders>.
2. Kessler, R. C., Chiu, W. T., Demler, O., & Walters, E. E. (2005). Prevalence, severity, and comorbidity of 12-month DSM-IV disorders in the National Comorbidity Survey Replication. *Archives of general psychiatry*, 62(6), 617–627.

Сложность текстов об искусстве: лингвистический анализ

Куликова Елизавета Романовна, Колмогорова Полина Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

erkulikova@edu.hse.ru, kolmogorovapa@gmail.com

Научный руководитель: *Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, НИУ ВШЭ*

The complexity of art texts: linguistic analysis

Kulikova Elizaveta, Kolmogorova Polina

National Research University Higher School of Economics

Измерение сложности текста представляет собой междисциплинарную проблему. Исследования в данной области зачастую являются практико-ориентированными и применяются в юриспруденции [1], лингводидактике [2], медицине [3] и других областях.

Выбор же объекта настоящего исследования продиктован существующими проблемами в понимании читателями текста искусствоведческой направленности. Материалом исследования являются три корпуса: собранный нами корпус текстов о произведениях искусства на странице виртуального визита по Главному музейному комплексу Эрмитажа, общим объемом 197895 токенов; корпус научных статей [4] и корпус публицистических текстов [5].

Цель исследования — ответить на вопрос: приближаются ли медийные тексты об искусстве, адресованные не специалистам, по лингвистическим параметрам сложности к публицистическим текстам или же тяготеют к научным статьям.

Задача исследования — оценка лингвистической сложности корпуса текстов об искусстве на основе дескриптивных, морфологических, лексических и синтаксических параметров и сравнение полученных результатов с аналогичными параметрами публицистических и научных текстов. Наша гипотеза заключается в том, что по набору параметров сложности исследуемые тексты скорее приближаются к научным статьям, нежели текстам публицистического характера, что указывает на противоречие: предложенные на сайте Эрмитажа материалы адресованы широкому кругу посетителей и должны соответствовать требованиям медиатекста, однако объективный уровень их сложности может быть выше и затруднять их понимание значительным числом читающих.

С опорой на методологию исследования, использованную в работе [6], собранный материал предобработан и снабжен морфологической и синтаксической разметкой с использованием инструментов UDPipe и rutmorphy2 для дальнейшего вычисления параметров сложности. Вслед за работой [7], оценка сложности текстов производится по 130 лингвистическим параметрам, таким как, например, средняя длина предложения в словах, отношение числа существительных к числу глаголов, TTR и другим. В дополнение к предложенным в упомянутой работе метрикам оценены терминологическая плотность и процент слов, входящих в 1000 самых частотных, так как мы предполагаем, что эти критерии могут хорошо отразить специфику искусствоведческого текста.

Собранный корпус текстов об искусстве на сайте Эрмитажа сравнивается с двумя референциальными корпусами. Для данных референциальных корпусов оценены те же лингвистические параметры, затем проведен их сравнительный анализ для трех корпусов. Выявлены статистически значимые различия полученных параметров, что позволило сделать вывод о сходстве и различии медийного искусствоведческого, научного и публицистического текста, а также выявить ряд лексических, морфологических и синтаксических особенностей, которые могут усложнить понимание искусствоведческих текстов.

Тезисы подготовлены в результате проведения исследования по проекту № 24-00-033 «Экспериментальное изучение и моделирование когнитивных механизмов речевой деятельности» в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2024 г.

Список источников:

1. Белов, С. А., Гулида, В. Б. (2019). Язык юридических документов: сложности понимания. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических исследований*, 1(XV), 56–103.
2. Solnyshkina, M., Vishnyakova, O. G., Gafiyatova, E., & Gabitov, A. (2017). English textbooks for Russian students: Problems and specific features. *Journal of Social Studies Education Research*, 8(3), 215–226.
3. Oliffe, M., Thompson, E., Johnston, J., Freeman, D., Bagga, H., & Wong, P. K. (2019). Assessing the readability and patient comprehension of rheumatology medicine information sheets: a cross-sectional Health Literacy Study. *BMJ open*, 9(2).
4. Erg Kerg. *Rus scientific articles / Рус научные статьи*. Kaggle. URL: <https://www.kaggle.com/datasets/ergkerg/russian-scientific-articles>.
5. Godblessroman. *1000+ Lenta&Fontanka articles [categorized]*. Kaggle. URL: <https://www.kaggle.com/datasets/godblessroman/lenta-fontanka-1000-tokenized>.
6. Блинова, О. В., Тарасов, Н. А. (2021). Сложность русских правовых текстов: методы оценки и языковые данные. *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2021»* (с. 175).
7. Blinova, O. V., & Tarasov, N. A. Language complexity across sub-styles and genres in legal Russian. *Linguistics*, 9(2), 73–96.

Проблема исследования пословиц и поговорок для дальнейшего обучения иностранных студентов

Лаврентьева Алёна Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

alenalavr2019@gmail.com

Научный руководитель: *Московкин Леонид Викторович, доктор филологических наук, СПбГУ*

The problem of researching proverbs and sayings for further training of foreign students

Lavrenteva Alena

Saint Petersburg State University

В нашем исследовании мы рассматриваем изменения в восприятии паремиологических единиц с компонентами долг, честь и совесть носителями русского языка. Выявление наиболее употребляемых пословиц и поговорок с данными компонентами поможет определить, какие паремиологические единицы можно включить в учебные пособия для иностранцев.

Следует отметить то, что такие понятия как долг, честь и совесть являются ценностными доминантами русского сознания. Кроме того, значение анализируемых пословиц и поговорок неизвестно многим носителям русского языка, поэтому выявление их известности/неизвестности значимо для отбора этих единиц в учебных целях. В настоящее время не существует анализа, включающего в себя рассмотрение пословиц и поговорок с компонентами долг, честь и совесть. Такие исследователи как В. И. Карасик [1], Э. А. Китанина [1], Ю. В. Маркевич [2], О. Н. Григоренко [3] рассматривали концепт совести в русской культуре. Однако в настоящее время пословицы и поговорки не включаются в образовательные программы для иностранных студентов, также отсутствуют методические рекомендации для их преподавания.

Цель исследования заключается в выявлении степени известности носителями русского языка паремий с компонентами долг, честь, совесть для дальнейшей презентации их в иностранной аудитории.

В работе используется метод анкетирования. Материалом исследования послужили русские пословицы и поговорки, отобранные нами из «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой, «Большого словаря русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, а также результаты анкетирования носителей русского языка.

Предварительным результатом исследования является выявление среди 128 опрошенных респондентов степени известности пословиц и поговорок с компонентами долг, честь, совесть. Предварительные результаты показали, что в 50% случаев большинство респондентов выбрали вариант «Не встречал(а), понимаю, не употребляю». Это означает, что носители языка понимают смысл представленных паремий, но не встречали их в устной или письменной речи. Кроме того, из предложенных 44 пословиц и поговорок о совести, только 3.08% используются носителями русского языка. Данные помогут выявить употребляемые пословицы и

поговорки, которые необходимо включить в учебные пособия для иностранных студентов.

Список источников:

1. Карасик, В., Китанина, Э. А. (2019). Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 18(2), 67–82.
2. Маркевич, Ю. (2020). *Лингвокультурный смысл «совесть»(на материале русского и французского языков)* [Doctoral dissertation].
3. Григоренко, О. Н. (2016). Концепт совести в русских пословицах и поговорках. *Теория и практика современной науки*, 10(16), 97–100.

Окулярный микротремор и контрастная чувствительность при когнитивном утомлении

Медведева Анастасия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

avemds@mail.ru

Научный руководитель: *Шошина Ирина Ивановна, доктор биологических наук, СПбГУ*

Ocular microtremor and contrast sensitivity under cognitive fatigue

Medvedeva Anastasiia

Saint Petersburg State University

Когнитивное (умственное) утомление — это психофизиологическое состояние, вызванное выполнением когнитивной задачи, характеризующееся снижением умственной работоспособности и повышенным ощущением умственной усталости [1].

Для выявления показателей утомления в настоящее время всё большую популярность приобретают технологии фиксирования движений глаз, например, айтрекинг и электроокулография [2], считающиеся объективными методиками для оценки наличия или отсутствия этого состояния. Однако при обилии исследований, изучающих показатели глазных движений, на текущий момент наблюдается недостаток таких, где изучаемой характеристикой являлся бы окулярный микротремор — мелкоамплитудные, высокочастотные произвольные колебания глаз в момент фиксации [3]. Поэтому данная работа посвящена исследованию этого вида микродвижений глаз, а также контрастной чувствительности — фундаментальной характеристики зрительного восприятия человека, отражающей способность к восприятию контраста [4].

Цель работы — изучить изменения показателей контрастной чувствительности и окулярного микротремора в зависимости от наличия или отсутствия у участника эксперимента когнитивного утомления.

Решение математических примеров было выбрано как задание, способное вызвать у участника эксперимента когнитивное утомление. В течение 60 минут эксперимента 5 раз чередуются 10-минутный блок с решением примеров и 2-минутный с заполнением опросника NASA-TLX о когнитивной нагрузке. За 24 часа до начала эксперимента участники воздерживаются от принятия кофеино- и алкосодержащих напитков, а также от курения, чем исключается влияние стимулирующих веществ на нервную систему. Уровень сонливости контролируется опросником Karolinska Sleepiness Scale (KSS), отсутствие профессионального выгорания — опросником профессионального выгорания Маслач (MBI), отсутствие депрессивных состояний — шкалой депрессии Бека (BDI). Утомление оценивается как с помощью субъективной методики, заполнения шкалы VAS-F, так и с помощью объективных — выполнения корректурной пробы (вариант кольца Ландольта) и задачи на простую зрительно-моторную реакцию. Эти методики, так же как регистрация контрастной чувствительности методом визоконтрастометрии и измерение окулярного микротремора с помощью специальной оптической системы, выполняются до решения примеров — в состоянии не утомления, и после — при состоянии утомления.

В данный момент эксперимент находится на этапе сбора данных. Предполагается, что в состоянии утомления будет происходить снижение контрастной чувствительности в диапазоне средних пространственных частот, а также увеличение амплитуды окулярного микротремора.

Список источников:

1. Behrens, M., Gube, M., Chaabene, H., Prieske, O., Zenon, A., Broscheid, K. C., ... & Weipert, M. (2023). Fatigue and human performance: an updated framework. *Sports medicine*, 53(1), 7–31.
2. Bafna, T., & Hansen, J. P. (2021). Mental fatigue measurement using eye metrics: A systematic literature review. *Psychophysiology*, 58(6), Article e13828.
3. Graham, L., Das, J., Vitorio, R., McDonald, C., Walker, R., Godfrey, A., ... & Stuart, S. (2023). Ocular microtremor: a structured review. *Experimental Brain Research*, 241(9), 2191–2203.
4. Муравьева, С. В., Пронин, С. В., Шелепин, Ю. Е. (2010). Контрастная чувствительность зрительной системы человека. *Экспериментальная психология*, 3(3), 5–20.
5. Шошина, И. И., Соснина, И. С., Зеленский, К. А., Карпинская, В. Ю., Ляховецкий, В. А., Пронин, С. В. (2020). Контрастная чувствительность зрительной системы в условиях «сухой» иммерсии. *Биофизика*, 65(4), 798–803.

Влияние виртуальной реальности релаксационной направленности на психоэмоциональное состояние

Павлова Елена Павловна

Московский государственный психолого-педагогический университет

pavlova-ep@outlook.com

Научный руководитель: *Розанов Иван Андреевич, кандидат медицинских наук, МГППУ*

The influence of relaxation-oriented virtual reality on the psychoemotional state

Pavlova Elena

Moscow State University of Psychology and Education

Введение.

Виртуальная реальность (VR) релаксационной направленности является перспективным методом, который можно применить в условиях высокой автономности и без участия специалиста-психолога. В нашем исследовании мы провели сравнительный анализ эффективности виртуальных сред, дополненных суггестией, и VR с анималотерапией («плавание» с белухами).

Гипотеза: виртуальная реальность положительно влияет на эмоциональное состояние человека, гармонизируя его.

Методология исследования воздействия методов VR на эмоциональное состояние человека в эмпирической части основана на теории афферентного синтеза П. К. Анохина [1], информационной теории эмоций П. В. Симонова [2], теории дифференциальных эмоций К. Э. Изарда. [3]

Цель исследования. Показать, что виртуальная реальность улучшает психоэмоциональное состояние человека.

Материалы и методы. Для диагностики эмоционального состояния использовались методики самочувствие — активность — настроение (САН) и шкала дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда. Респонденты — пользователи шлемов Pico Neo — были поделены на две группы по 17 человек: первой группе был предоставлен VR контент, дополненный суггестией, а в другой — обследуемые «плавали» с белухами в VR. VR с суггестией был предоставлен ГНЦ РФ ИМБП РАН, а VR плавание с белухами — Институтом океанологии РАН им. П. П. Ширшова.

Результаты и обсуждение. После сеанса VR с белухами, как и при предъявлении контента VR, дополненного суггестией, снижается индекс тревожно-депрессивных эмоций ($T=-2.47$, $p=0.013$ и $T=-2.99$, $p=0.003$) и понижается индекс негативных эмоций ($T=-2.46$, $p=0.014$ и $T=-2.1$, $p=0.036$). Согласно методике «Самочувствие, активность, настроение», после VR с суггестией у респондентов улучшается самочувствие ($T=-2.54$, $p=0.01$) и повышается настроение ($T=-2.74$, $p=0.006$). Полученные результаты соотносятся с данными, полученными в других исследованиях, посвященных психокоррекции с помощью VR релаксационной направленности [4; 5].

Заключение. Эти данные могут быть использованы для разработки релаксационных VR программ, которые могут быть применены в условиях высокой автономности и в стрессовых условиях для снятия эмоциональной напряженности.

Источник финансирования. При поддержке Минобрнауки России в рамках соглашения № 085-15-2022-298 от 18.04.2022 г.

Список источников:

1. Анохин, П. К. (1955). Общие принципы компенсации нарушенных функций и их физиологическое обоснование. *Медицина*.
2. Симонов, П. В. (1981). *Эмоциональный мозг*. М.: Наука.
3. Izard, C. E. (1977). *Human emotions*. New York: Springer New York, NY.
4. Маринова, М. М. (2022). Влияние VR-среды на уровень тревожности. *Экспериментальная психология*, 15(2), 49–58.
5. Розанов, И. А., Кузнецова, П. Г., Савинкина, А. О., Швед, Д. М., Рюмин, О. О., Томиловская, Е. С., Гушин, В. И. (2022). Психологическая поддержка на основе виртуальной реальности в эксперименте с трехсуточной «сухой» иммерсией. *Авиакосмическая и экологическая медицина*, 56(1), 55–61.

Структурная организация дискурса и восприятие текста: исследование онлайн-обработки дискурсивных единиц

Разумнов Артемий Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

leagueofrazumnov@mail.ru

Научный руководитель: *Слюсарь Наталья Анатольевна, доктор филологических наук, СПбГУ*

Structural organization of discourse and text comprehension: a study of online processing of discourse units

Razumnov Artemy

Saint Petersburg State University

Дискурс можно представить в виде последовательности элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ). Обычно каждая ЭДЕ описывает одно событие или состояние и представляет из себя одну клаузу, а с когнитивной точки зрения вербализует один «фокус сознания» [1]. Пилотное исследование продемонстрировало, что границы ЭДЕ вносят значимый вклад в параметры глазодвигательной активности [2]. Таким образом, целью нашего исследования является описание механизмов онлайн-обработки ЭДЕ в зависимости от трех лингвистических факторов, которые будут описаны ниже.

Поскольку наше исследование стремится прояснить вопрос планирования в обработке дискурса, в качестве независимых переменных мы выбрали факторы, раскрывающие разные аспекты языковой реальности. Дискурсивный фактор в исследовании представлен предпочтительной дискурсивной интерпретацией (следование vs причина). Предшествующий ЭДЕ знак препинания является текстовым фактором, с помощью которого мы стремимся выявить влияние знаков препинания на обработку структурных единиц дискурса. Наконец, третьим фактором было выбрано наличие коннектора. В многочисленных исследованиях продемонстрировано, что коннекторы (слова как «поэтому», «или», «когда») выступают процедурными инструкциями, которые локально ускоряют обработку текста [3].

Таким образом, дизайн исследования 2×2 & 2×2 с внутрисубъектным планом. Отдельно проверяется гипотеза о влиянии предпочтительной дискурсивной интерпретации и наличии коннектора, и гипотеза о влиянии предшествующего знака препинания и наличии коннектора. Основная гипотеза исследования состоит в том, что тип дискурсивной связи, предшествующий знак препинания и присутствие коннектора выступят предикторами скорости обработки последующей ЭДЕ.

Стимульный материал представляет собой минидискурсы в 6 экспериментальных условиях (пример ниже). Коннектор, представленный в скобках, соответствует двум условиям: присутствию и отсутствию коннектора. Анализируемая ЭДЕ представлена в |

Во всех условиях стимульный материал начинается с контекстного предложения. Октябрьский вечер был холодным и ветреным.

Условие 1 и 2. Игорь надел свой любимый свитер, в котором оказалась большая дыра. (Поэтому) |он сильно замерз на улице|.

Условие 3 и 4. Игорю пришлось вернуться домой и переодеться, (потому что) |он сильно замерз на улице|.

Условие 5 и 6. Игорь надел свой любимый свитер, в котором оказалась большая дыра, (поэтому) |он сильно замерз на улице|.

Исследование включает в себя в два эксперимента. В первом эксперименте будет использован метод чтения с самостоятельной регулировкой скорости. Вторым экспериментом пройдет с использованием метода регистрации движения глаз. Всего будет использовано 48 стимулов и 12 филлеров.

Участникам будет предложено прочитать минидискурсы и ответить на вопросы. В выбранной зоне интереса будут замерены традиционные меры глазодвигательной активности, которые затем будут проанализированы методом смешанных линейных моделей.

Список источников:

1. Кибрик, А. А., Подлеская, В. И. (2009). *Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур.
2. Toldova, S., Slioussar, N., Bonch-Osmolovskaya, A. (2022). Discourse complexity in the light of eye-tracking: a pilot Russian language study. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2), 449–470.
3. Kleijn, S., Mak, W. M., & Sanders, T. J. (2021). Causality, subjectivity and mental spaces: Insights from on-line discourse processing. *Cognitive Linguistics*, 32(1), 35–65.

Роль пространственной рабочей памяти в возникновении эффекта контекстной подсказки

Сигнаевская Ксения Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

kvsignaevskaya@edu.hse.ru

Научный руководитель: Горбунова Елена Сергеевна, кандидат психологических наук, НИУ ВШЭ

The role of spatial working memory in the contextual cueing effect

Signaevskaya Kseniya

National Research University Higher School of Economics

В задачах зрительного поиска целевые объекты и дистракторы образуют глобальный контекст, содержащий структуру взаимосвязей между объектами. Усвоение глобального контекста происходит посредством имплицитного научения, которое часто исследуется с помощью методики контекстной подсказки [1]. Согласно эффекту контекстной подсказки (ЭКП), повторная встреча с конфигурацией целевых объектов и дистракторов приводит к уменьшению времени поиска. При этом испытуемые не отличают «старые» конфигурации от «новых», что говорит об имплицитности этого эффекта [2]. В исследовании изучается роль разной степени загрузки пространственной рабочей памяти (РП) в возникновении ЭКП.

Гипотеза: ЭКП зависит от уровня загрузки РП и от объема РП испытуемых. Процедура состояла из нескольких блоков. Первый блок — Symmetry Span Task [3] — метод измерения объема пространственной РП, включающий запоминание и воспроизведение последовательности и выполнение интерферирующей задачи. В следующих блоках испытуемые (N=43) выполняли двойную задачу, состоящую из зрительного поиска и задачи на загрузку РП. Блоки различались степенью загрузки — 2, 3 или 4 объекта для запоминания. Для изучения ЭКП использовалась Contextual Cueing Task [1]. Интерферирующей задачей с разными степенями загрузки была Spatial Processing Working Memory Task [4]. Испытуемые запоминали местоположение точек и определяли, совпадает ли новая точка с одной из ранее предъявленных. Две точки операционализированы как низкая загрузка (НЗ), 3 — как средняя (СЗ), 4 — как высокая (ВЗ), на основании данных об объеме РП [5]. В финальном блоке — задаче на узнавание — предъявлялись все «старые» конфигурации и соответствующее им количество «новых». Испытуемые определяли, видели ли они конфигурацию ранее или нет.

В результате анализа посредством ANOVA выявлены эффекты конфигурации $F(1, 1006)=9.92$, $p=0.002$, $\eta^2=0.21$ и эпохи $F(5, 1002)=10.63$, $p<0.001$, $\eta^2=0.16$, эпохи. В условии НЗ выявлен эффект конфигурации $F(1, 334)=8.07$, $p<0.001$, $\eta^2=0.24$; эффект эпохи $F(5, 330)=5.43$, $p<0.001$, $\eta^2=0.11$; эффекты конфигурации для группы с небольшим объемом РП $t(17)=2.91$, $p=0.009$, $d=0.68$ и для группы с большим объемом РП $t(9)=2.75$, $p=0.002$, $d=0.81$. В условии СЗ не выявлено эффекта конфигурации, $p>0.05$, но выявлен эффект эпохи $F(5, 330)=4.66$, $p<0.001$, $\eta^2=0.066$; не выявлено различий для группы с небольшим объемом РП $p>0.05$, но выявлены различия для группы с большим объемом РП $t(9)=2.45$, $p=0.041$, $d=0.76$. В условии ВЗ не выявлено

эффектов конфигурации и эпохи; не выявлено различий для групп с небольшим объемом РП и с большим объемом РП, $p > 0.05$. Точность задачи узнавания была на уровне случайности. Таким образом, разная степень загрузки РП и объем РП влияют на возникновение ЭКП. Эффект выявлен у всех в условии НЗ и не выявлен в условии ВЗ. У испытуемых с небольшим объемом РП не возникало ЭКП при СЗ, а у испытуемых с большим объемом РП эффект возникал. Можно предполагать, что РП задействована в имплицитном обучении.

Список источников:

1. Chun, M. M., & Jiang, Y. (1998). Contextual cueing: Implicit learning and memory of visual context guides spatial attention. *Cognitive psychology*, 36(1), 28–71.
2. Wang, C., Venkateshan, S., Milliken, B., & Sun, H. J. (2020). Relation between working memory and implicit learning in the contextual cueing paradigm. *Visual Cognition*, 28(9), 470–483.
3. Kane, M. J., Hambrick, D. Z., Tuholski, S. W., Wilhelm, O., Payne, T. W., & Engle, R. W. (2004). The generality of working memory capacity: a latent-variable approach to verbal and visuospatial memory span and reasoning. *Journal of experimental psychology: General*, 133(2), 189.
4. Awh, E., Jonides, J., & Reuter-Lorenz, P. A. (1998). Rehearsal in spatial working memory. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 24(3), 780–790.
5. Cowan, N. (2010). The magical mystery four: How is working memory capacity limited, and why? *Current directions in psychological science*, 19(1), 51–57.

«А теперь выйди и зайди нормально»: самоисправления в речи учителей

Судакова Ульяна Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

st101968@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Риехакайнен Елена Игоревна, кандидат филологических наук, СПбГУ*

“And now go out and come back normally”: self-repairs in the speech of teachers

Sudakova Ulyana

Saint Petersburg State University

Спонтанная устная речь обычно сопровождается речевыми сбоями, нарушающими плавное развертывание речи: повторами, оговорками, самоперебивами и самоисправлениями (самокоррекциями) [1; 2]. Речевые сбои могут возникать как по внешним причинам, например, при вмешательстве собеседника, так и по внутренним, в частности, когда говорящий решает, что «определенный фрагмент порожденного им текста не соответствует изначальной программе» [2, с. 3].

Двумя основными видами (режимами) самоисправлений являются онлайн-коррекция (собственно коррекция), когда «говорящий стремится «остановить поток речи сразу после обнаружения проблемы, пусть даже посередине слова» [2, с. 3], и ретроспективная коррекция (редактирование), когда говорящий после завершения «проблемного отрезка» информирует «слушающего о том, что этот отрезок подлежит уточнению или исправлению» (например, может использоваться конструкция не X, (а) Y) [2, с. 4].

Цель работы — определить, как часто школьные учителя используют самоисправления и какие самоисправления преобладают в их речи, а также выдвинуть предположения о том, от чего может зависеть количество самоисправлений в речи учителей. В этом исследовании самоисправления впервые будут рассмотрены в речи учителей, являющихся носителями русского языка.

Материал исследования — записи речи результативных педагогов, сделанные во время проведения ими уроков со школьниками. Под результативной практикой преподавания (результативной учительской практикой) понимается практика, которая «способствует устойчивой академической успеваемости и благополучию детей» [3, с. 195]. Все записи, с которыми мы работаем, предоставлены нашими партнерами из ООО «СберОбразование». В этом исследовании будут рассмотрены самоисправления в речи учителей на уроках русского языка, истории и литературы в средней школе.

В программе Praat (<https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>) отмечаем «забракованный» фрагмент и его исправление. Мы опираемся на параметры классификации коррекций, предложенные в [2]. Прежде всего, нас интересует тип реакции на речевой сбой (повтор, квазиповтор, модификация, отмена), случаи, в которых самоисправление сопровождается хезитацией, линейная дистанция между «забракованным» фрагментом и его исправлением и некоторые другие аспекты. В докладе будет представлен качественный и количественный анализ обнаруженных примеров. Предварительное ознакомление с имеющимся у нас материалом позволяет предположить, что

онлайн-коррекции в речи учителей встречаются чаще, чем ретроспективные; среди типов реакций преобладают модификации.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 103923108.

Список источников:

1. Завадская, Ю. О., Богданова-Бегларян, Н. В. (2015). Оговорки в русской устной спонтанной речи: формальные особенности. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*, 1(3), 98–105.
2. Подлеская, В. И., Кибрик, А. А. (2007). Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. *Научно-техническая информация*, 2, 2–23.
3. Сергоманов, П. А., Мальцев, М. А., Бысик, Н. В., Бекетов, В. Ю., Байбурин, Р. Ф. (2023). Социология урока: дискурсивная организация результативных учительских практик. *Вопросы образования*, (1), 191–218.

Эмоциональная устойчивость учеников в онлайн-формате: методы диагностики и методические рекомендации

Сусарина Василиса Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

vasilisa0130@gmail.com

Научный руководитель: *Казакова Елена Ивановна, доктор педагогических наук, СПбГУ*

Emotional stability of students in online format: diagnostic methods and guidelines

Susarina Vasilisa

Saint Petersburg State University

Введение: Увеличение доли онлайн-образования и рост числа родителей, выбирающих семейный формат обучения заставляет задуматься о том, как будет формироваться эмоциональная устойчивость (ЭУ) у учеников в онлайн-среде. Формально государственное учреждение, к которому прикреплен ученик для прохождения аттестации, не несет ответственности за соблюдение ФГОС (в том числе социализацию). Родители разделяют эту ответственность с онлайн-школами и выбирают один из двух вариантов: ребенок может обучаться в мини-классе с тьютором или посещать вебинары с возможностью общения в чате. Прямой контакт педагога и ученика происходит в иной форме, реже, чем в оффлайн-формате, или практически отсутствует.

Гипотеза исследования такова: наиболее эффективные методики диагностики ЭУ учеников в онлайн-среде помогают педагогам найти или разработать эффективные методы развития ЭУ учеников в онлайн-формате.

Возникает ряд вопросов: Какие методы диагностики ЭУ в онлайн-среде будут репрезентативными? Какие эффективные методы развития ЭУ в онлайн-формате используют педагоги?

Методы: метод статистического анализа и ранжирования, изучение практического опыта

Результаты и обсуждение: Наиболее популярными методами диагностики ЭУ оказались «Тест жизнестойкости» (С. Маади, в русскоязычной адаптации Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой) — он был использован тремя исследователями из десяти и помог получить репрезентативный результат и среди студентов, и среди школьников, и «Тест эмоционального интеллекта Холла» (участниками исследований были студенты и взрослые, есть вероятность, что подросткам будет недостаточно личного опыта, чтобы моделировать собственные эмоциональные реакции) [1; 4]. Тест Лазаруса «Способы совладающего поведения» дал показательный результат среди школьников [5]. Шесть исследователей из десяти разрабатывают собственную методику диагностики уровня эмоциональной устойчивости или тревожности учеников/студентов в онлайн-формате, однако эти методики не дают показательных результатов [2]. Была установлена корреляционная связь между развитым эмоциональным интеллектом и способностью к онлайн-обучению [1].

Эффективными методами развития ЭУ являются командный коучинг, решение кейсов, ведение дневника эмоций, закрепление полученных знаний на тренажерах ЕИ [3]. Ведение дневника и использование инструментов «эмоциональной саморефлексии»

— часть методических рекомендаций по развитию эмоционального интеллекта в онлайн-среде [3; 4]. Использование социальных сетей в качестве инструмента развития ЭУ не доказало эффективности. В личной практике наблюдаю увеличение вовлеченности учеников 9 класса при использовании быстрых эмоциональных реакций (смайлики, символы) в качестве обратной связи как в формате мини-классов (на 32%), так и в формате вебинаров (на 40%).

Заключение: Ранжируя методики определения ЭУ, стало заметно: исследователи, использующие наиболее авторитетные методики и внедряющие новые элементы в процесс обучения после диагностики ЭУ, повышают уровень ЭУ учеников.

Список источников:

1. Аленеви, А. М. (2020). Взаимосвязь эмоционального интеллекта студентов и уровня их готовности к онлайн-образованию: контекстуальное исследование на примере университетского обучения в Саудовской Аравии. *Образование и наука*, 22(4), 89–109.
2. Кисляков, П. А., Шмелева, Е. А., Соломонович, М. А. Л. (2023). Психологическая безопасность и коммуникативные трудности преподавателей и студентов при длительном онлайн-обучении. *Высшее образование в России*, 32(1), 148–168.
3. Клементинская, Е. А., Назарова, У. А. (2022). Влияние эмоционального интеллекта на уровень жизнестойкости. *Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория*, 1(9), 9–27.
4. Кусаинов, А. К., Хавайдарова, М. М., Конырова, Ж. Б. (2021). Преодоление тревожности школьников в процессе дистанционного обучения. *Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Педагогические науки»*, 72(4), 165–175.
5. Удачина, П. Ю. (2022). Психологические трудности школьников при дистанционном обучении. *Сборник научных трудов «Общение в эпоху конвергенции технологий»*, 1, 487–490.

Ассоциативный эксперимент как метод выявления семантики концептов «*丝绸之路*» / «Великий Шелковый путь»

Хамити Инкар

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

inkar0320@yandex.ru

Научный руководитель: *Миронова Надежда Николаевна*, доктор филологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова

The associative experiment as a method of identifying the concepts of *丝绸之路* and *Великий шелковый путь* (the Silk Road)

Hamiti Yingkaer

M. V. Lomonosov Moscow State University

Концепт — объемный лингвокультурный феномен со сложной семантической структурой, базовое понятие лингвокультурологии. Это квинтэссенция культуры в ментальном мире человека. Концептуальный анализ сегодня остается в центре передовых лингвистических исследований в России и за рубежом, так как помогает проанализировать глубинную связь языка и культуры, соответствуя текущей тенденции к междисциплинарности.

Одним из наиболее эффективных методов комплексного исследования семантики концепта является ассоциативный эксперимент (АЭ) как разновидность психолингвистического эксперимента. АЭ позволяет «выявить национальные особенности языкового сознания народа» [1, с. 39–40]. И также «влияние общественно-исторических условий на языковую деятельность в социумах отражается на динамике языковой нормы национального языка» [2, с. 216]. Совокупность непосредственных слов-реакций называется вербально-ассоциативным полем, которое делится на ядерную зону и периферию. Ядерная зона разделена на ядро и приядерную зону, периферия — на ближнюю и дальнюю. Ядро — совокупность слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети [3, с. 22].

Цель работы — выявление и сопоставление семантического объема концептов «*丝绸之路*» и «Великий Шелковый путь» и их вербально-ассоциативных полей с использованием метода АЭ. Мы предполагали, что национальная специфичность концепта будет усилена при удалении от ядра. Мы опирались на методологическую базу, изложенную в работах Е. И. Горошко, В. П. Глухова, В. В. Левицкого, Е. Ф. Тарасова и других.

Наш АЭ проводился в форме онлайн- и офлайн-опросов на русском и китайском языках. В эксперименте приняло участие 102 русских и 115 китайских информантов двух возрастных категорий: 18–25 и 30–60 лет. В ответ на слово-стимул «Великий шелковый путь» было получено 214 реакций-ассоциатов (100 уникальных), в ответ на стимул *丝绸之路* — 276 ассоциатов (130 уникальных). Данные вербальные реакции были распределены по грамматическим категориям (реакции-предложения, реакции-словосочетания и реакции-словоформы) [4, с. 93] и семантическим группам, а затем объединены в ассоциативное поле.

В результате мы выявили структуру концептов «Великий шелковый путь» и *丝绸之路*. Они имеют сходное строение. Совпадает семантическое ядро — «торговля», что

свидетельствует об исторической преемственности и устойчивости самого концепта. Приядерная зона также почти идентична: «географическое пространство» и «путь». «Культура» и «положительная оценка» на ближней периферии свидетельствуют о высокой лингвокультурной ценности концептов.

Список источников:

1. Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2002). Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки.
2. Миронова, Н. Н. (2015). Переключение языкового кода в ситуациях двуязычия. *Перевод как средство взаимодействия культур*, (1), 214–220.
3. Уфимцева, Н. В., Тарасов, Е. Ф. (2009). Проблемы изучения языкового сознания. *Вопросы психолингвистики*, (10), 18–25.
4. Мартинович, Г. А. (1993). Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента. *Вопросы психологии*, (2), 93–99.

Влияние эмодзи на вовлечение пользователя во взаимодействие с чат-ботом

Шевелёва Анастасия Михайловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
amshevelyova@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Сапронов Фрол Алексеевич, НИУ ВШЭ*

The impact of emojis on user engagement in interaction with a chatbot

Shevelyova Anastasia

National Research University Higher School of Economics

Согласно исследованиям Насса, люди относятся к компьютерам как к социальным объектам, то есть ожидают от них эмоциональный отклик, подобный реакциям в коммуникации с людьми-агентами [2; 4]. Однако сейчас интернет-сервисы не наделены возможностью справляться со сложными коммуникативными ситуациями, а также проявлять чуткость по отношению к пользователям. С проблемой взаимодействия в онлайн пространстве сталкиваются и люди при общении между собой. Одним из возможных способов решения трудности в коммуникации, лишенной невербальных сигналов, является использование эмодзи. В межличностном общении в интернет пространстве эмодзи помогают понять истинный смысл сообщения собеседника, сделать выводы о чертах характера, передать настроение [3]. Эмодзи классифицируются в современных исследованиях 2 возможными способами: по внешнему виду и по функции. В основу функциональных подходов разделения эмодзи лежат теории эмоций. В настоящем исследовании в основе классификации эмодзи лежит valence-arousal model: все эмоциональные состояния определяются сочетанием определенного уровня возбуждения и валентности [1]. Важно отметить, что интерпретация этого взаимодействия определяется культурного и ситуативного контекста. Таким образом, эмодзи, передавая определенную эмоцию, может наделить компьютерные программы свойствами, характерными людям-агентам.

Актуальность данной работы заключается в использовании valence-arousal model для классификации эмодзи, так как в большинстве исследований использовались альтернативные подходы понимания эмоций Экмана и Плутчика. В практической области исследование того, как воспринимаются эмодзи при взаимодействиями с онлайн помощниками, поможет организовывать коммуникацию с чат-ботами более эффективно.

Гипотеза: отсутствие эмоциональной окраски сообщений в чат боте понижает уровень вовлеченности пользователей во взаимодействие с программой, а добавление эмоциональной окраски — повышает.

Планируется провести эксперимент, в течение которого респонденты будут отвечать на вопросы чат-бота о прошедшем дне. Условия между 3 группами будут отличаться: часть будет отвечать на вопрос с негативным эмодзи, часть — с позитивным эмодзи, а также будет контрольная группа, которая будет отвечать на идентичные вопросы без эмодзи. Валентность и уровень возбуждения каждого эмодзи будет предварительно исследован в соответствующем культурном контексте. Всего эксперимент будет длиться неделю, вопросы чат-ботом будут отправляться раз в день в

разное время в рандомизированном порядке из пула вопросов. Также во время эксперимента будет оцениваться настроение отвечающего по 10-балльной шкале, что позволит проконтролировать влияние общего эмоционального фона на ответ. Выборку планируется собрать в количестве 30 человек.

В качестве ожидаемых результатов сантимерт-анализа предполагается получить более сильную эмоциональную окраску ответов респондентов на сообщения с эмодзи по сравнению с ответами на вопросы без эмодзи.

Список источников:

1. Jaeger, S. R., Roigard, C. M., Jin, D., Vidal, L., & Ares, G. (2019). Valence, arousal and sentiment meanings of 33 facial emoji: Insights for the use of emoji in consumer research. *Food research international*, 119, 895–907.
2. Kim, Y., & Sundar, S. S. (2012). Anthropomorphism of computers: Is it mindful or mindless? *Computers in Human Behavior*, 28(1), 241–250.
3. Lo, S. K. (2008). The nonverbal communication functions of emoticons in computer-mediated communication. *Cyberpsychology & behavior*, 11(5), 595–597.
4. Reeves, B., & Nass, C. (1996). The media equation: How people treat computers, television, and new media like real people. *Cambridge, UK*, 10(10).

МУЗЫКА И ТЕАТР

Макс Бирбом как автор миметического портрета актера в роли

Арканникова Алина Владимировна

Российский государственный институт сценических искусств

arkannikova@yandex.ru

Научный руководитель: *Горфункель Елена Иосифовна, кандидат искусствоведения, РГИСИ*

Max Beerbohm as an author of mimetic portrait of actor in role

Alina Arkannikova

Russian State Institute of Performing Arts

Доклад посвящен феномену изобразительного портрета актера в роли в творчестве английского художника и театрального критика Макса Бирбома (1872–1956 гг.). Рассматриваемые рисунки примечательны совершенно особым подходом к модели, актеру в роли: предметом интереса художника здесь становится непосредственно театральное преобразование.

Деятельность Бирбома исторически относится к периоду, когда театроведения как науки еще не существовало: а значит, и театральная критика еще не получила научной теоретической и методологической базы. Вплоть до 1920-х гг. какого бы то ни было способа анализа спектакля попросту не существовало. Поэтому по всей Европе в критической рецензии было принято анализировать только пьесу, вовсе или практически не касаясь непосредственно спектакля (нарушить это негласное правило стремились только отдельные мастера жанра — Бернард Шоу и Александр Кугель).

Появление научного театроведения произошло на веку Бирбома, но сам он перестал интересоваться театром еще в 1910 г. Он не был театроведом до театроведения, не был критиком-интуитом (как Шоу), его рецензии не производят впечатление революционных. Однако бирбомовский изобразительный портрет актера в роли — беспрецедентное явление. В нем найден подход к осмыслению театра, который позволяет в подробностях отразить на листе специфику актерского существования играющего и, через нее, общие черты спектакля. Современная Бирбому критика такими возможностями вовсе не обладала.

К тому же, круг моделей Бирбома широк: он запечатлел на рисунках и разнообразие театра, живущего по законам системы амплуа (например, рисунки Джорджа Александера, Герберта Бирбом Три), и опыты предрежиссуры (Генри Ирвинг, Сквайр Бэнкрофт).

Названные портреты важны не только как свидетельства о развитии английского сценического искусства той поры, но и как документ определенной вехи развития мысли о театре. Так как феномен до сих пор не становился предметом наблюдений в русскоязычном театроведении (как, вероятно, и в зарубежном), отдельную проблему представляет собой вопрос поиска термина. Но, по крайней мере, одним из возможных вариантов можно считать «миметический портрет актера в роли».

Список источников:

1. Beerbohm, M. (1972). *A Catalogue of the Caricatures of Max Beerbohm*. Harvard University Press.

2. Foulkes, R. (1992). *British Theatre in the 1890s: Essays on Drama and the Stage*. Cambridge: University press.
3. Bruce, R. (1972). *Max Beerbohm*. New York: Twayne publishers.
4. Бартошевич, А. В. (1985). *Шекспир на английской сцене: конец XIX — первая половина XX в.* М.: Наука.
5. Мочалова, Л. Г. (1982). *Генри Ирвинг*. М.: Искусство.

Музыкальный спектакль с использованием жестового языка как форма преодоления эксклюзии

Исакова Елена Евгеньевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
fox.isakova.2003@list.ru

Научный руководитель: *Суворова Анна Александровна, доктор искусствоведения, РГПУ им. А. И. Герцена.*

Musical performance using sign language as a form of overcoming exclusion

*Isakova Elena
Herzen University*

Эксклюзия — это процесс формирования социальной исключенности, что проявляется в разрыве социальных связей, отказе от участия в различных видах социального взаимодействия и пользования механизмами социальной интеграции.

Для преодоления эксклюзии необходимо перестроить социальную модель так, чтобы инвалидность воспринималась как новый телесный опыт. Инвалидность — это совокупность знаний. Тобин Сиберс в работе «Returning the Social to the Social Model» вводит теорию «комплексного воплощения», которая подразумевает, что тела и телесный опыт структурируют социальный опыт в той же мере, в какой тела подчиняются существующим социальным рамкам. Следовательно, люди с инвалидностью могут самостоятельно преобразовывать окружающую среду, используя совокупность знаний о ней. Инвалид больше не объективируется социальной моделью.

В настоящее время в формировании безбарьерной среды активно участвует креативная индустрия, которая способствует инкультурации человека, его самоидентификации, самореализации и расширению круга общения. Ключевыми узлами инклюзивного общества являются социокультурные институты, такие как музеи и театры.

Для данного исследования изучен первый в России мюзикл с использованием русского жестового языка. Данный проект уникален тем, что артисты одновременного говорят на двух языках: жестовом и русском. На протяжении всего проекта с постановочной командой работает переводчик РЖЯ. Музыкальный спектакль «Лорелея Дева Рейна» представляет собой гибридный проект, где задействованы театральное искусство и выставочное пространство (музей «В тишине»). В результате сформировалась интерактивная площадка где слышащие зрители проживают новый телесный опыт, а глухие выступают экспертами в достоверности представленного опыта. На передний план выходит сфера человеческих взаимоотношений с ее социальным контекстом [5, с. 10]. Репрезентация мира глухих именно в креативной индустрии, где преобладает дискуссия и равноправие в представлении художественного произведения, способствует более эффективному включению людей с инвалидностью в социальную среду.

Список источников:

1. Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. (2006). *Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России*. С.: Изд-во «Научная книга».
2. Siebers, T. (2019). Returning the social to the social model. *The matter of disability: Materiality, biopolitics, crip affect*, 39–47.
3. Шевлягин, А. А. (2022). *Музеи как центры культурной инклюзии для маломобильных лиц*. Санкт-Петербург.: Народ.
4. Петров, В. В., Заварницына, Н. М. (2022). Инклюзивный театр и его роль в социокультурном пространстве (к проблеме специфики и художественного языка). *Сфера культуры*, 4 (10), 53–65.
5. Буррио, Н. (2016). *Реляционная эстетика. Постпродукция*. Ад Маргинем Пресс.

Театр юного зрителя как образовательная платформа: на примере Ленинградского ТЮЗа 1922–1927 гг.

Мухамедзянова Анна Алексеевна

Российский государственный институт театрального искусства

anyamukhaaa@gmail.com

Научный руководитель: *Степанова Анна Анатольевна, кандидат искусствоведения, ГИТИС*

Young Spectator's Theatre as an educational platform: Leningrad's Young Spectator's Theatre (1922–1927)

Mukhamedzyanova Anna

Russian Institute of Theatre Arts

Ленинградский театр юного зрителя был одним из первых театров для детей не только в нашей стране, но и во всем мире. История этого театра — это история постоянного поиска: поиска устройства сцены, который позволил бы визуально расширить пространство, поиска художественного языка спектаклей для детей — понятного, но не упрощенного, поиск драматургов, которые бы говорили с детьми на одном языке и не подыгрывали бы им.

История постоянного поиска отражалась и на работе с юными зрителями. Обращаясь к ряду текстов, написанных создателями, идеологами, художественно-руководящим составом Ленинградского ТЮЗа, автор рассматривает часть практик на стыке истории театра, психологии и образования, которые были изобретены и апробированы сотрудниками Ленинградского театра юного зрителя за первые пять лет его существования – свободные письма от детей и подростков со впечатлениями от спектаклей, общие наблюдения над зрительным залом во время спектаклей, организация Делегатского собрания и его деятельности по «воспитанию театрально-грамотных зрителей» [4, с. 112].

В завершение доклада автор обозначает значимость этих практик для организации своей деятельности в качестве куратора зрительских программ в современном театре юного зрителя.

Список источников:

1. Дмитриевский, В. Н. (1975). *Театр юных поколений: Творческий путь Ленинградского государственного театра юных зрителей*. Л.: Искусство.
2. Дружинина, С., Мервольф, Н. (1972). *Ленинградский театр юных зрителей*. Л.: Искусство.
3. Пиотровский, А. (1959). *Театр, кино, жизнь*. Л.: Искусство.
4. Пиотровский, А. (1927). *Театр юных зрителей, 1922–1927: опыт работы театра для детей и юношества*. Л.: Academia.
5. Шпет, Л. Г. (1971). *Советский театр для детей: Страницы истории. 1918–1945*. Искусство.

Жанр камерно-инструментальной фантазии в творчестве Генри Пёрселла

Романычева Анастасия Николаевна

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова
asya.pal@yandex.ru

Научный руководитель: *Денисов Андрей Владимирович, доктор искусствоведения, СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова*

The consort fantasia genre in Henry Purcell's legacy

Romanycheva Anastasiia

Saint Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov

Камерно-инструментальная музыка вызывала интерес у английских композиторов во все времена. Одним из важнейших среди новаторских достижений музыкальной культуры Англии становится развитие и обновление консортной фантазии, результатом которого является возникновение в XVII веке самостоятельной модификации жанра с нехарактерными для континентальных инструментальных фантазий того времени чертами.

Консортная фантазия XVI–XVII веков является главным инструментом, с помощью которого великая традиция хоровой полифонии повлияла на становление и эволюцию подлинно инструментальной ансамблевой музыки [3]. Этот тип фантазии оказался невероятно востребованным практически в течение столетия, последние образцы можно обнаружить в творчестве крупнейшего английского композитора данного периода Генри Пёрселла.

Всего в наследии Пёрселла сохранилось около 15 фантазий, написанных для консорта виол, большая часть из них была создана за лето 1680 года. К этому времени пик популярности жанра уже прошел, он практически потерял свою прежнюю актуальность [4]. Однако именно фантазия стала для Пёрселла не только своеобразным приношением уходящей эпохе как символ национальной инструментальной традиции, но оказалась кульминацией его собственного камерно-инструментального стиля [1].

Одним из важных вопросов, возникающих в связи с фантазиями Пёрселла, оказывается индивидуализация строения сочинений. Обусловленное связью жанра с мотетом и мадригалом, нередко формообразование отличается довольно ярким внутренним контрастом разделов с разными типами музыкальной ткани — от полифонических до ориентированных на интегрированные вертикальные соединения. Ориентируясь на традиции позднеренессансного мотета, Пёрселл свободно подходит к выбору источника тематизма, сочетая вокальный по природе материал с подлинно инструментальным стилем.

С точки зрения структуры фантазий Пёрселла прослеживается ряд закономерностей, сближающих ее с другими инструментальными жанрами эпохи на уровне прамодели, например, трио-сонатой [2] и сонатой *da chiesa*. Общими являются идеи тематического, темпового и фактурного контраста: для фантазии оказывается свойственным неоднократное сочетание сдержанного полифонического начала и последующего подвижного раздела (часто гомофонного), для которых характерно отсутствие каких-либо тематических связей, принципиальным оказывается обновление

материала с резким сопоставлением. Некоторые образцы жанра обнаруживают стремление композитора поставить перед собой конструктивную ограничивающую задачу (например, фантазия на одну ноту).

Богатство традиции сочинения фантазий, в которой — как, впрочем, и во многих других жанрах английской музыки — творчество Пёрселла оказалось вершиной композиторского мастерства, спустя три столетия привлекло к себе внимание мецената Уолтера Коббетта, результатом чего стало создание в 1905 году конкурса для британских композиторов, поставившего новые задачи и условия для возможности дальнейшего развития жанра.

Список источников:

1. Adams, M. (1995). *Henry Purcell: The origins and development of his musical style*. Cambridge University Press.
2. Schab, A. (2018). *The Sonatas of Henry Purcell: Rhetoric and Reversal* (Vol. 146). Boydell & Brewer.
3. Конен, В. Д. (1978). *Перселл и опера*. М.: Музыка.
4. Смирнова, Т. В. (2009). *Английские консортные жанры конца XVI — первой четверти XVII веков* [Doctor Thesis, Новосибирск].

Контекстуализация русского костюма в отечественном театре XXI века: стилизация, реконструкция и деконструкция традиции

Салимова Лейла Фархадовна

Российский государственный гуманитарный университет

leila.salimova@mail.ru

Научный руководитель: *Колотаев Алексей Владимирович, доктор филологических наук, РГГУ*

Contextualization of Russian costume in the Russian theater of the XXI century: stylization, reconstruction and deconstruction of tradition

Salimova Leyla

Russian State University for the Humanities

Сценический костюм, как часть художественно-декорационного оформления спектакля, на протяжении всей истории мирового театра занимал значимое место в определении визуальной образности сценического искусства. Особое внимание авторов постановки к зрительному плану спектакля отнюдь не является исключительной тенденцией современности, но соответствует смене исторической, культурной парадигмы театра от бытовых к контекстуальным формам соотнесения визуальности и действия. Выступая необходимым элементом образной структуры спектакля, сценический костюм, тем не менее, не рассматривается как специфицирующий театральное действие в исследованиях по театральному искусству и не подвергается комплексному искусствоведческому и театроведческому анализу. При этом вряд ли возможно создание автономной от истории театра истории сценического костюма. Проблема связана с тем, что костюм был концептуализирован как в первую очередь явление культуры, а не искусства, где критерии эстетического порядка оказываются не определяющими.

Театр XXI века все чаще обращается к проблеме национальной идентичности, которая решается через переработку узнаваемых черт и символов русского характера, маркирующих русскую святость целого ряда монументальных литературных памятников, таких как «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет», или житий святых Матроны Московской и Ксении Петербургской. Именно эта тенденция к поиску и определению особенностей национального самосознания средствами театра через принципиально «нетеатральные», нередко документальные тексты, актуализирует необходимость изучения сценических интерпретаций конструктивных достижений русской культуры визуальными инструментами искусства. Взгляд на русский костюм в театре XXI века как на способ проявления национальной идентичности становится особенно актуальным, когда костюм начинает мыслиться не только внутри семиотического поля отдельного спектакля, но считается как принадлежность культурного кода народа и рассматривается в динамике развития национального художественного стиля. Костюм рассматривается как выразительный элемент, превращающий театральное действие в самостоятельное произведение визуального искусства.

В данной работе осуществляется попытка концептуализации русского национального костюма в отечественной перформативной практике XXI века с

привлечением искусствоведческих, исторических материалов и фактов из истории театрального искусства. В процессе спецификации понятия обнаруживаются три ключевых подхода к восприятию и сценической визуализации семантического потенциала костюма — реконструкция и деконструкция, а также стилизация как неизбежный компромисс между аутентичностью и сценической условностью.

Список источников:

1. Барбьери, Д. (2022). *Костюм как часть сценического действия*. М.: НЛЮ.
2. Вострикова, О. В. (2004). *Искусство костюма в контексте социально-культурного развития России первой четверти XX века* [Doctoral dissertation, Моск. гос. художеств.-пром. ун-т им. С. Г. Строганова].
3. Габов, К. В. (2015). Эволюция взглядов на славянофильство в отечественной историографии. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1(63), 58–63.
4. Исенко, С. П. (2002). *Русский народный костюм и его сценическое воплощение*. М.: ИПО Профиздат: Издательство Московского государственного университета культуры.

Медиаторчество в контексте молодежного музыкального движения

Старкова Анастасия Алексеевна

Уральский федеральный университет

nstarkovaaaa@gmail.com

Научный руководитель: *Мясникова Марина Александровна, доктор филологических наук, УрФУ*

Media creativity in the context of the youth musical movement

Starkova Anastasia

Ural Federal University

В условиях трансформации общества в сторону виртуальности актуальным становится вопрос о том, как взаимодействовать с новой медиареальностью. Медиа сегодня — это не только посредник, но и среда, где производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды [1, с. 11]. В связи с этим актуальной проблемой становится творческое освоение медиа молодыми людьми. Г. П. Меньчиков определяет творчество в широком смысле как мыследеятельность с выходом за обычное, стандартное, привычное, шаблонное [2, с. 204]. Объединяя понятия «медиа» и «творчество», можно заключить, что последнее помогает личности сохранять собственные ценности и реализовывать творческий потенциал. Процесс медиаторчества видится основой для взаимодействия молодых людей с медиареальностью.

Примером медиаторчества в контексте исследуемого музыкального жанра русского рока является мюзикл «Слова-паразиты» рок-группы «Дайте танк (!)». Формат песни в виде онлайн-мюзикла продолжительностью 12 минут, сопровождаемого анимацией, выходит за рамки «стандартного и шаблонного» представления о музыкальных композициях. Опираясь на характерные особенности мюзикла, выделенные С. А. Маник и А. А. Григорян, мы можем отнести данный медиатекст к этому жанру [3]. Он имеет специфическую цель, сочетает разные жанры театрального искусства, обладает высокой значимостью лингвистических и экстралингвистических факторов, экспрессивностью и образностью, цельностью, интертекстуальностью, способностью к интерпретации.

Для более подробного рассмотрения каждой характеристики проведем медиалингвистический анализ медиатекста, опираясь на общую схему анализа С. Н. Пензина [4, с. 61]. Мюзикл опубликован на видеохостинге YouTube, использование социальных медиа позволяет автору получить положительную обратную связь. Как и для других мюзиклов, для данного медиатекста очень важна публика. 17 января 2024 года под видео насчитывается 3,9 миллиона просмотров и 173 тысячи лайков.

Цель медиатекста — привлечь внимание к влиянию языка и речи на общество, продемонстрировать изменение личности, живущей в мире постоянных коммуникаций. Рассматривая текст в событийном аспекте, можно сказать, что он как мюзикл «служит своеобразным зеркалом общественной жизни, отражая национальные, культурные или социальные особенности» [5]. С помощью медиаязыка авторы рассказали историю обитателей леса, которые наделяются даром речи. Змей, Заяц и Лось обретают новые качества, меняясь вместе с окружающим их миром. Отдельный пласт смыслов заложен

авторами в аудиальное и визуальное сопровождение. Так, в начале мюзикла на экране появляются Кирилл и Мефодий, создатели «слов-паразитов». Новые смыслы привносятся и необычными звуками: звоном фужеров, грохотом кастрюль, велосипедным звонком.

Таким образом, лингвистические и экстралингвистические факторы медиатекста, существуя по отдельности и воздействуя на все органы чувств, дополняют друг друга, создавая альтернативную форму реальности, которая может заполняться множеством смыслов.

Список источников:

1. Кириллова, Н. Б. (2008). *Медиакультура: Теория, история, практика*. Москва: Академический проект.
2. Меньчиков, Г. П. (1999). *Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ)*. [Doctoral dissertaion, Казанская государственная академия культуры и искусств].
3. Маник, С. А., Григорян, А. А. (2020). Дискурс мюзикла: определение и характерные особенности. *Современные исследования социальных проблем*, 12(6), 143–163.
4. Пензин, С. Н. (1987). *Кино и эстетическое воспитание: методологические проблемы*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 987.
5. Шулин, В. В. (2016). Российский мюзикл в контексте развития жанра. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 2(27), 140–143.

Театр Гран-Гиньоль: исследование форм взаимодействия со зрителем и их влияние на театральный опыт

Фирулева Яна Дмитриевна

Российский Государственный институт Сценических Искусств

nstarkovaaaa@gmail.com

Научный руководитель: *Максимов Вадим Игоревич, доктор искусствоведения, РГИСИ*

Grand Guignol Theater: techniques of interaction with the audience and their impact on the theatrical experience

Firuleva Yana

Russian State Institute of Performing Arts

Гран-Гиньоль был одним из первых театров, в спектаклях которого учитывалась психология зрительского поведения, а также рецептивная эстетика. Данное положение сформировалось с приходом в театр Макса Морэ и творческого союза драматургов Альфреда Бине и Андре де Лорда. Целью авторов спектаклей было показать образы жестокости в перспективе для глубокого вовлечения зрителей в акты насилия.

Под управлением Макса Морэ с 1898 по 1914 год в театре появилась постоянная актерская труппа, а также изобретена классическая формула гран-гиньольевского спектакля. В эту формулу входили следующие принципы создания спектакля: в качестве материала драматургии выступали адаптации отрывков из Данте, По, Достоевского, Куприна и т. п. Пьесы специально сокращались, их продолжительность составляла от 10 до 40 минут. За вечер игралось 5–6 пьес.

Морэ ввел термин «драма атмосферы», подразумевающий нарастающее эмоциональное воздействие на зрителя через возбуждение и страх. С помощью сценических приемов обостренное воображение зрителей доводилось до изнеможения. По сути, театр работает с сознанием зрителя, где разворачивается спектакль. Антрепренер таким образом сочетает приемы натуралистического театра с принципами символистской реальности.

Основным приемом Гран-Гиньоля становится «контрастный душ». Макс Морэ чередовал драму ужаса с комическими представлениями. Комедии открывали спектакль, создавая легкую атмосферу, затем разворачивалась кровавая драма, которая заставляла зрителя воспринимать происходящее как реальное и ощущать свою причастность к действиям на сцене в качестве свидетеля. После этого снова наступала комедия. В финале зритель получал терапевтический эффект воздействия комедий, игравшихся на контрасте с ужасом. Эффект проявлялся в эмоциональном высвобождении, снятии нервного напряжения и демонстрации условности театра с разоблачением бутафорских приемов: «На каждую тему, затронутую в драме, была соответствующая комедия. <...> Случалось даже, что драма ужаса трансформировалась в комическую пьесу».

Актерская игра в спектаклях Гран-Гиньоля также имела собственный стиль. Важной составляющей в работе над ролью была категория ритма. Хронометраж роли строился в основном в работе над словом. В задачи актера входило продумать свою роль во времени и пространстве, как бы «хронометрировать» ее, поскольку от этого зависела реакция зрителей на действие на сцене.

Преобразовывая в драматургический материал исследования чудовищности человеческой природы, авторы спектаклей побуждают зрителей перейти из одной категории в другую, то есть посредством образов, созданных на сцене, стать свидетелем ужасающих сцен. При этом зритель дистанцируется от происходящего, чувствуя себя в безопасности рядом с остальными зрителями спектакля.

Таня Юркович связывает потребность зрителя в посещении спектаклей театра ужасов с термином «насильственное развлечение». Причиной его возникновения исследовательница называет «болезненное любопытство, заложенное в наших первобытных инстинктах».

Следует сказать, что зрители влияют на пределы допустимых сцен проявления насилия своим участием, подключаясь к действию через невидимые отношения, созданные актерами. Зрители охотно становятся частью совершаемого насилия, проводя параллель с реальностью и самой возможностью реального ужаса, так как это заложено на их инстинктивном уровне сознания.

Список источников:

1. Кузовчикова, Т. И. (2014). *Новые формы и жанры театра во Франции на рубеже XIX–XX веков* (Докторская диссертация, Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства).
2. Ferrier, A. Paula Maxa: The scream queen of the Grand Guignol. URL: <https://faroutmagazine.co.uk/paula-maxa-scream-queen-grand-guignol/>
3. Pierron, A. (2016). *Le Grand guignol: Le théâtre des peurs de la Belle Époque*. Bouquins.
4. Skal, D. J. (1993). *The monster show: a cultural history of horror*. New York: Faber and Faber.
5. Jurković, T. (2013). Blood, monstrosity and violent imagery: Grand-Guignol, the French theatre of horror as a form of violent entertainment. *Sic: časopis za književnost, kulturu i književno prevođenje*, 4(1).

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Позиции политических партий по вопросу благосостояния и их предикторы: кросс-национальное исследование на материалах базы данных V-Party

Аганов Артем Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге

a.aganov@eu.spb.ru

Научный руководитель: *Голосов Григорий Васильевич, доктор политических наук, ЕУСПб*

Welfare stances of political parties and their predictors: a cross-national study based on V-Party database

Aganov Artem

European University at Saint Petersburg

The paper deals with predicting party attitude to social policy. The research question can be formulated as follows: what factors influence political parties' welfare policy stances?

Political orientation on the left-right continuum, time, populism and anti-pluralism are examined as predictors for party's welfare policy choice. Another issue covered is the position of populist and far-right parties that often pay little attention to welfare issues and employ the rhetoric of both right-wing politicians and welfarists.

While creating the welfare state in the post-WW2 period (referred to as the golden age of welfare), Western Europe's political landscape was defined by steady economic recovery. The challenge of increasing social spending is in raising budgetary revenues through taxes, particularly problematic during macroeconomic crises. Studies following the oil shocks of the 1970s often use concepts of austerity and retrenchment [2] to set the stage for party politics.

In power resource theory, social expenditure depends on incumbent parties' left-right positioning. The left, akin to its worse-off electorate, generally supports increased spending, even with higher taxes or debt [1]. Conversely, right-wing parties advocate fiscal discipline, even if cutting on welfare. The trade-off is between increasing the fiscal burden for countercyclical impact and achieving low fiscal burden, especially for vulnerable groups during crises [5]. In the 1990s, following Thatcher and Reagan's modest social retrenchment, the new argument was that political stance alone isn't enough for meaningful reforms. The welfare state's institutional design, resistant to radical changes in new institutionalism, combined with the unpopularity of reducing social spending, erases party differences. Structural changes become incremental and independent of government composition [4]. Besides, changing demographics decouple class and party preferences, leading parties under the same brand to adopt different welfare stances [3].

The theoretical framework combines power resource theory and historical new institutionalism. Using two-level OLS regression, the study relies on Varieties of Democracy project's V-Party data, with 6300 observations after preprocessing. The work's innovation lies in using V-Dem project data for analysis beyond OECD and modeling based on party positions without demographic and macroeconomic indicators, impossible on a smaller sample size. Findings reveal a relationship between a party's left-right position and welfare stance, and an inverse correlation between anti-pluralist rhetoric and social spending support.

An interaction effect model indicates a decreasing effect of populism over time. The study suggests that party orientation remains a significant predictor of its welfare policy stance, with the far-right closer to right-wing positions than declared.

Список источников:

1. Falkenbach, M., Bekker, M., & Greer, S. L. (2020). Do parties make a difference? A review of partisan effects on health and the welfare state. *European Journal of Public Health*, 30(4), 673–682.
2. Finseraas, H., & Vernby, K. (2011). What parties are and what parties do: partisanship and welfare state reform in an era of austerity. *Socio-Economic Review*, 9(4), 613–638.
3. Häusermann, S., Picot, G., & Geering, D. (2013). Review Article: Rethinking Party Politics and the Welfare State — Recent Advances in the Literature. *British Journal of Political Science*, 43(1), 221–240.
4. Starke, P. (2006). The Politics of Welfare State Retrenchment: A Literature Review. *Social Policy*, 40(1), 104–120.
5. Starke, P., Kaasch, A., & Hooren, F. V. (2014). Political Parties and Social Policy Responses to Global Economic Crises: Constrained Partisanship in Mature Welfare States. *Journal of Social Policy*, 43(2), 225–246.

Заметки к политической теории прекарности: субъекты прекаризированной политики

Азарян Гарри Эдуардович

Санкт-Петербургский государственный университет

azaryan.garry2015@yandex.ru

Научный руководитель: *Томин Леонид Владимирович*, кандидат политических наук, СПбГУ

Notes toward political theory of precarity: subjects of precarized politics

Azaryan Garry

Saint Petersburg State University

Проблемы нестабильности, неопределенности, неустойчивости и хрупкости — явлений, объединяемых понятием прекарности — достаточно широко представлены в экономике, социологии и философии, однако обделены вниманием в политической науке. При этом политический эффект прекарности признается и подчеркивается исследователями, большинство из которых рассматривают прекарность как проблему, которую необходимо преодолеть. В данной работе предполагается сделать первые шаги к разработке политической теории прекарности.

В исследованиях прекарности можно выделить два основных подхода. Первый подход подразумевает описание специфического субъекта, сформированного прекаризацией как «прекариат» [Г. Стэндинга, Р. Кастель]. Другой — описание условий прекаризации, влияющих так или иначе на все общество, как «онтология индивидуализма» [Дж. Батлер, Е. Иллоуз, И. Лорей], «гибкость» [Р. Сеннет], а также эффекта, который они оказывают на общество.

Так или иначе, все исследовательские теории включают в себя и прекаризированного субъекта, и условия, сделавшие его прекаризированным. Мы полагаем, что для политической теории прекарности вопрос о субъекте является одним из ключевых. Первой исследовательской проблемой, поставленной в связи с проблемой прекарности, был отказ временных работников французских фабрик от членства в профсоюзах и участия в забастовках. Другими словами, речь идет о проблеме политического участия прекаризированного субъекта.

Социология и экономика рассматривают индивидуальные стратегии индивидов или функционирование сообществ в условиях прекарности; для политической теории главным вопросом является отношение субъекта к самой прекарности. В этом отношении политические субъекты разбиваются на две группы: те, кто принимает прекаризацию как неизбежную необходимость и сами зачастую реализуют ее в виде «государственной прекаризации» [И. Лорей] и те, кто ставит своей целью борьбу за изменение прекарного состояния.

В соответствии с концепцией разделения на политику и полицию Жака Рансьера мы определим первых как «полицию», т. е. тенденцию, направленную на сохранение и продление прекарного состояния; а вторых — как силы, требующие «учета неучтенных», т. е. существенного изменения конфигурации участия и неучастия людей в (со)обществе, или «политику». Поэтому субъектами прекарной политики в рансьеровском смысле мы можем считать тех, кто ставит своей целью в той или иной

степени изменение состояния precariousности.

Недовольство precariousностью может принимать различные формы и порождать антиprecariousные утопии в мангеймовском значении этого слова. Это может быть и правопопулистское движение, опирающееся на мобилизацию с целью защиты хрупкой идентичности, и левопопулистское движение, выдвигающее лозунги расширения социальной защиты, и массовые протестные движения, объединенные скорее символами и образами того, против чего они выступают, нежели политической программой, как BLM в США или «Желтые Жилеты» во Франции.

В докладе автор формулирует вопросы, стоящие перед субъектами precariousной политики, а также анализирует ответы, предлагаемые политическими силами современности и недавнего прошлого.

Список источников:

1. Кастель, Р. (2009). *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда*. М.: Институт экспериментальной социологии Алетейя.
2. Рансьер, Ж. (2013). *Несогласие: политика и философия* (пер. с франц. В. Е. Лапицкий). СПб.: Machina.
3. Bourdieu, P. (1999). *Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society*. Stanford University Press.
4. Lorey, I. (2015). *State of Insecurity: Government of the Precarious*. (trans. by Derieg, A.) London: Verso.
5. Standing, G. (2012). The precariat: from denizens to citizens? *Polity*, 44(4), 588–608.

Политика государств по достижению целей устойчивого развития № 16, 17 на примере России и Швейцарии

Андреева Виктория Ивайловна

Санкт-Петербургский государственный университет

viktoriyaandreeva55@yandex.ru

Научный руководитель: *Васильева Наталия Алексеевна, доктор философских наук, СПбГУ*

Policies of states to achieve sustainable development goals No. 16 and 17 on the example of Russia and Switzerland

Andreeva Viktoriya

Saint Petersburg State University

This study focuses on social sustainability and global justice. The Sustainable Development Goals (SDGs) guide the future development programme for 2015–2030. SDG 16: Peace, Justice and Strong Institutions and SDG 17: Partnership for the Goals are interlinked. The paper explores Russia's and Switzerland's related policies, their effectiveness and the feasibility of achieving these goals. A comprehensive comparative analysis of the policies of Russia and Switzerland is provided regarding the possibility of effective implementation of SDG 16 and SDG 17. The novelty of the research approach lies in correlating the roles of large states such as Russia and small ones such as Switzerland in developing and elaborating global legal norms for SDG 16 and SDG 17. This research work formulates the main approaches to enhancing cooperation and developing international legal framework of sustainable development on the basis of international political strategies of Russia and Switzerland.

Теоретико-методологические аспекты исследования международного измерения энергетической политики Германии

Балашов Илья Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет

st087664@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Новикова Ирина Николаевна, доктор исторических наук,
СПбГУ*

Theoretical and methodological aspects in studying the international dimension of German energy policy

Balashov Ilya

Saint Petersburg State University

По мнению европейского исследователя энергетической политики Г. Чеснакаса, после поляризации мирового баланса 1990-х гг. в сфере международных политэкономических исследований не было выработано инновационных подходов к анализу энергетической политики европейских стран (и, в частности, Германии) [1]. Этот взгляд по-прежнему актуален на этапе сверхполяризации международно-политических процессов.

Проблема поиска научного подхода к исследованию энергетической политики Германии, которая ставится в центр настоящего исследования, обусловлена отсутствием комплексных средств ее изучения: традиционные для международной энергетики теоретические и методологические подходы и нарративы делают возможным изучение перспектив энергетической кооперации только для одной из сторон [2]. Национальный подход к данному вопросу в немецкой академической сфере практически исключен, поскольку фундаментальные монографии и статьи, посвященные энергетическим отношениям, принадлежат главным образом американским ученым [3].

Методология настоящего исследования напрямую связана с его основной гипотезой, которая заключается в том, что выработка теоретико-методологического подхода, делающего возможным сценарное прогнозирование развития энергетической политики Германии, является реализуемой. Выработка такого подхода должна опираться на метод функционального поиска парадигм из сфер теории международных отношений и международной политической экономии, которые можно разделить на три группы: объяснительные (такие, как реализм), нормативные (либерализм), критические (конструктивизм, (нео)марксизм и др.). Таким образом, для достижения результата — выработки трехуровневого проективного подхода к изучению энергетики Германии — необходимо исследование аналитических возможностей наиболее значимых теоретических парадигм в период с 1970-х гг. по настоящее время.

Исследовательское поле образовано не менее чем 20 различными подходами к научному анализу энергетики, выделенными исследователями из аналитических центров США к началу сверхглобализации 2022 г. Большинство из подходов являются комплементарными: они применяются для анализа различных составляющих энергетических отношений между государствами и корпорациями. Наиболее

уместными из подходов представляются структурный (неоклассический) реализм (С. Рафаэль, Д. Моран, Д. Стокс, Д. Ергин) и конструктивизм, представленный в исследованиях Б. Совакула и О. Уэвера, а также инновационные парадигмы позиционного реализма китайского исследователя Вей Сонга [4] и ресурсно-акцепторного супранационализма А. Гольдтау [5], поскольку германский интерес консолидирует реальные потребности множества государственных, частных, социальных и смешанных институтов. Синтез этих парадигм дает проверенные возможности комплексного анализа также при помощи моделирования международных связей.

Список источников:

1. Šesnakas, G. (2010) Energy Resources in Foreign Policy: A Theoretical Approach. *Baltic Journal of Law and Politics*, 3(1), 30–52.
2. Хлопов, О. А. (2022). Энергетическая безопасность в теоретическом и концептуальном дискурсе: геополитический, неолиберальный и конструктивистский подходы. *Социально гуманитарные знания*, 7, 91–96.
3. Боровский, Ю. В., Трачук, К. В. Исследования энергетики в теории международных отношений *Международные процессы*, 13(4), 86–98.
4. Song, W. (2024) *Positional Realism: A theory of Foreign Policy*. Berlin: Springer.
5. Goldthau, A., & Youngs, R. (2023) The EU Energy Crisis and a New Geopolitics of Climate Transition. *Journal of Common Market Studies*, 1–10.

СЕЛАК: опыт и перспективы панамериканского механизма диалога и политической координации в формировании общемировой политической практики

Бобовская Валерия Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

lera.bobovskaya.04@bk.ru

CELAC: experiences and perspectives of the Pan-American mechanism for dialogue and political coordination in shaping global political practice

Bobovskaya Valeria

Saint Petersburg State University

СЕЛАК образовался 23 февраля 2010 года в мексиканской туристической зоне Ривьера-Майя как преемник Группы Рио (G-Rio), активно функционировавшей с 1986 по 2010 год, когда на 23-м саммите Группы в Канкуне было принято решение создать международную организацию, выходящую из под патронажа США и исключаящую влияние Канады на деятельность сообщества, вдохновителем чего стал 47-й президент Венесуэлы Уго Чавес. В результате G-Rio была переименована в «Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна» и приступила к своему расширению в географии участников. Сотрудничество между механизмом региональной и субрегиональной интеграции, глобальный финансовый кризис, вопрос разграничения экономических зон и вопросы эмбарго, энергетики, инфраструктуры, продовольственной безопасности, ликвидация последствий стихийных бедствий, права человека, борьба с наркотиками, миграция, сотрудничество с другими странами и регионами являются важнейшими вопросами, решаемыми CELAC на ежегодных саммитах [1].

Необходимо отметить, что деятельность CELAC отнюдь не является абстрактной; на сегодняшний день нам известны следующие главные результаты работы сообщества: принятие специального коммюнике о полной ликвидации ядерного оружия (I саммит СЕЛАК, 2013 год), официальное провозглашение государств исследуемого региона зоной мира (II саммит, 2014 год), принятие 26 Специальных Деклараций по каждому рассматриваемому организацией вопросу (III саммит, 2015 год), принятие решения о передаче временного президентства Эквадора Доминиканской Республике (IV саммит, 2016 год) — и это только за первые годы существования CELAC.

Однако, несмотря на явно эффективную деятельность блока, CELAC ежегодно сталкивается с рядом проблем, центральная среди которых — неинституционализация сообщества. При своем зарождении организация обрела руководящий орган в лице постоянных саммитов глав стран участниц, однако особенности реализации этого пункта привели к тому, что в СЕЛАК в большей мере затрагиваются интересы государств латиноамериканского региона нежели всей Пан-Америки [2, с. 10]. Кроме того, CELAC сталкивается с ситуацией своего противопоставления по направленности деятельности с мощной Организацией Американских Государств (ОАГ), созданной еще в 1948 году и включающей в себя все 35 стран Западного полушария. Как такового постоянного лидера в СЕЛАК нет, следовательно имеет место «отсутствие центра

силы, обладающего достаточным весом, чтобы перевесить существующие противоречия между странами и убедить колеблющихся членов в выборе того или иного курса» [2, с. 11].

Многие исследователи сходятся в том, что опасения около проблемы малоэффективности CELAC небезосновательны. Так, не находят решения бедность, коррупция, преступность [3, с. 57]. Хотя эти проблемы являются центральными среди всех, что анализируются в организации, можно сказать: CELAC однозначно имеет внушительные перспективы в формировании современной мировой политической практики: будучи уникальным примером сообщества государств, намеренно вышедшего из под влияния гегемонов, СЕЛАК может разработать качественные механизмы региональной интеграции по всем сферам жизни по образу Пан-Америки.

Список источников:

1. Бровка, В. Ю. (2021). Деятельность и перспективы СЕЛАК Что такое СЕЛАК? Экономика, культура, политика иberoамериканских стран. *Электронная научная библиотека*. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49222327>
2. Чеботарев, Ю. А. (2018). Недоинституционализация СЕЛАК как закономерность интеграции в Латинской Америке. *Международное право и международные организации*. *Электронная научная библиотека*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedoinstitutsionalizatsiya-selak-kak-zakonomernost-integratsii-v-latinskoj-amerike/viewer>
3. Сулейманов, А. В. (2017). CELAC Новый механизм диалога в Латинской и Карибской Америке. *ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА*. *Электронный научный журнал*, 9, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29935529>

Сравнительный анализ конституционных монархий в Европе в первой четверти XXI века

Власова Ирина Александровна

rena.a.vlasova@gmail.com

Научный руководитель: *Монахов Валерий Михайлович*, кандидат исторических наук, СПбГУ

Comparative analysis of European Constitutional Monarchies in the beginning of the XXI century

Vlasova Irina

В настоящий момент 11 государств Европы имеют монархическую форму правления. Большая часть из них — это парламентские демократии, однако они сохраняют монарха символической главой государства. При этом большая часть государств мира являются республиками с тем или иным политическим режимом. Парадокс сосуществования современного и демократического режима, и считающейся устаревшей формы правления рассматривается в моем исследовании. Проблема представляет интерес для политологов, однако прежде не было масштабных исследований этой темы на русском языке [1; 2; 3].

Исследование отвечает на вопрос, что способствует сохранению монархической формы правления в европейских государствах. Для этого мною было проанализировано современное определение такой формы правления, как конституционная монархия; обнаружены существенные различия в понимании и интерпретации термина. Также были проанализированы исторические предпосылки того, что Европа стала регионом, в котором сконцентрирована большая часть ограниченных монархий, выделено три волны возникновения таких государств.

Далее мною был проанализирован феномен разделения символической и эффективной власти в современном институциональном дизайне. Были выделены функции монархов, связанные с символической властью, а также превышающие ее. Исходя из этого, были определены основные черты институционального дизайна современных конституционных монархий.

С учетом этого я проанализировала тексты Конституций и Конституционных законов европейских монархий и провела сопоставительный анализ их позиций. Были выделены существенные отличия в полномочиях монархов в разных государствах. На основании конституционных положений относительно полномочий монарха, существующих различий в терминах и особенностях современного институционального дизайна я составила новую классификацию европейских монархий, опирающуюся на полноту власти церемониальных монархий.

На основании положений Конституций каждая страна получала определенное количество баллов полномочий монарха в соответствии с методикой Шугарта-Кэри для определения полномочий глав республиканских стран [4]. Было выделено три кластера стран: в первый вошли те, в которых власть существенно ограничена (0–6 баллов), во второй — те, в которых в соответствии с Конституцией монарх обладает относительно широкими полномочиями, не реализуемыми на практике (6–14 баллов), а в третий —

те, в которых монарх обладает наиболее широкими полномочиями и использует их на практике (более 15 баллов).

Таким образом, исследование систематизирует материалы по институциональному дизайну, символической и эффективной власти в государствах, и на основании этих данных и текстов Конституций предлагает собственную классификацию монархических государств, в чем заключается новизна исследования.

Список источников:

1. Bogdanor, V. (1995). *The monarchy and the constitution*. Oxford University Press on Demand.
2. Hazell, R., Morris, B. (2020). European Monarchies: Guardians of Democracy? *The Political Quarterly*, 91(4), 841–845.
3. Hazell, R. (2020). *The role of monarchy in modern democracy: European monarchies compared*. Bloomsbury Publishing.
4. Shugart, M. S. (1992). *Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics*. Cambridge University Press.

Культура безопасного и комфортного труда как элемент корпоративной социальной ответственности на примере работающих студентов и магистрантов

Дахова Джанета Азизовна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

dzanetadahova2038@gmail.com

Научный руководитель: *Воеводина Екатерина Владимировна*, кандидат социологических наук, ФУ при Правительстве РФ

The culture of safe and comfortable work as an element of corporate social responsibility on the example of working students and magistrates

Dakhova Dzhaneta

Financial University under the Government of the Russian Federation

Обеспечение безопасного и комфортного рабочего места является неотъемлемой частью заботы о здоровье и благополучии работников. На сегодняшний день вследствие активной автоматизации производства и введения различного оборудования, нередко травмоопасного, культура безопасного и комфортного труда начинает обсуждаться все активнее, ведь именно с эффективной ее организацией можно повысить уровень удовлетворенности работников, а также улучшить их производительность и эффективность. Работающие студенты и магистранты составляют определенную часть трудовой силы, потому исследование в их представлениях будет важным с точки зрения их благополучия, здоровья и успеха в учебе, а также для привлечения внимания к их специфическим потребностям.

С одной стороны, проблемная ситуация связана с неэффективным управлением безопасностью и комфортом на рабочих местах большого количества работников, отсутствием необходимых руководств и политик, а также недостаточной информацией и обучением по вопросам безопасности и комфорта. С другой стороны, это происходит вследствие недостаточной осведомленности людей о том, что им «полагается» на рабочих местах, какие права они имеют на комфортный труд, и что они должны знать для того, чтобы отстаивать эти права — законодательные и моральные.

На примере теорий Маркузе, Штомпки, Риха и Спенсера, можно сделать вывод, что каждый работник заслуживает того, чтобы ему обеспечили подходящий микроклимат в компании, а их представления зачастую могут быть ошибочны и навязаны руководителями, которые могут, в том числе, использовать шантаж и коммуникативные манипуляции, выделенные Маркузе в рамках теории постиндустриального общества. Безусловное доверие (Штомпка) и уверенность в действиях начальника может останавливать работников в требовании достойного уважения к себе и предоставления того, что им полагается на рабочем месте как с моральной точки зрения, так и с правовой, а хозяйственная этика (Рих) остается преобладающим фактором для создания оптимальной атмосферы в организации.

Метод фокус-групп может быть эффективным в исследовании на тему «Культура безопасного и комфортного труда как элемент корпоративной социальной ответственности», так как он позволяет получить глубокое понимание мнений и взглядов участников, выявить различные точки зрения, генерировать новые идеи и

решения. Благодаря этому методу можно посмотреть на полную картину данной темы.

Прогнозируемые отрицательные результаты — студенты в большей степени не осведомлены в теме КСО, не имеют представления о своих правах на комфортный и безопасный труд. Прогнозируемые положительные результаты — студенты осведомлены в теме КСО, в большей степени используют все привилегии и возможности, которые вправе получить от работодателя.

Список источников:

1. Маркузе, Г. (1994). *Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества*. М.: REFL-book.
2. Штомпка, П. (2012). *Доверие — основа общества*. М.: Логос.
3. Рих, А. (1996) *Хозяйственная этика*. М.: Посев.
4. Спенсер, Г. *О справедливости*. Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/s/spenser_g/text_1890_justice-olddorfo.shtml
5. Аналитический центр НАФИ *Каждый пятый работающий недоволен условиями труда*. URL: <https://clck.ru/39oQQ2>

Возобновление военной доктрины Канады в Арктике

Драгутинович Владислав

Санкт-Петербургский государственный университет

wladislav.dr@gmail.com

Научный руководитель: *Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, СПбГУ*

Renewal of Canadian military doctrine in the Arctic

Dragutinovic Vladislav

Saint Petersburg State University

Сегодня наблюдаем за чрезмерным присутствием Канады в арктическом регионе. Многие задаются вопросом, является ли это современным явлением или имеет более глубокие корни. Согласно канадским доктринам 1970–1986 гг., в этот период происходила интенсивная милитаризация канадской Арктики в рамках сотрудничества с США по противостоянию СССР в регионе. Многие эксперты согласились, что Канада помимо противостоянию СССР, одна из первых стран мира тесно интегрировала армию и гражданский сектор для борьбы с природными стихиями, защиты окружающей среды и поисково-спасательных функций [2]. В 90-е годы Арктике отдается роль решения экологических проблем и взаимодействия с другими государствами [1].

Как показали методы наблюдения, основным поводом этой «экологической» миссии Оттавы стала «помощь» постсоветской РФ по утилизации уже заброшенной арктической инфраструктуры. Поднимаются вопросы прав коренных народов. Канада сама, согласно юридическим данным, переходит к внутреннему диалогу правительства и муниципалитетов на севере [1]. Коренные народы ради более легкой интеграции в современную эпоху должны взаимодействовать с коренным населением других арктических стран. Особенно из России. События 2014 г., возвращение Крыма в Россию заново открыло в Арктике зону противостояния России и Запада.

Если провести сравнительные методы, заметно что после 2015 г. Канада начинает синтезировать трансполярное «миротворчество» 90-х и 2000-х с милитаризацией Холодной войны, только на современном техническом уровне [3]. По наблюдениям экспертов инвестиции в оборону маскируются под инвестиции регионального развития. Главным рычагом взаимодействия с коренным населением это Рейнджеры [4]. Это позволяет Оттаве демонстрировать в мире диалог между правительством и коренными муниципалитетами, а по сути через своих Инуитов и их циркумполярное взаимодействие с коренными народами других стран проникать туда с своего рода мягкой силой [2]. Согласно канадским аналитикам, можно сделать гипотетический вывод что гораздо дешевле через фонды поддержки и взаимодействиям коренных народов (с учетом ТНК и НПО) подрывать Россию, неужели платить отечественным специалистам и работать с собственными коренными народами [4; 5]. Также заметно что в военном плане нет большой разницы при проведении спасательных и военных операций [2; 5].

Список источников:

1. Кобышев, В. Н., Сергунин, А. А., Субботин, С. В. (2015). Военная стратегия Канады в Арктике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 11(2), 27–40.
2. Lajeunesse, A., & Lackenbauer, W. P. (2017). Canadian Armed Forces Arctic Operations, 1941–2015: Lessons Learned, Lost, and Relearned. *Gregg Centre for the Study of War and Society*.
3. Dean, R., Lackenbauer, W. P., & Lajeunesse, A. (2014). Canadian Arctic Defence Policy: A Synthesis of Key Documents, 1970–2013 *DCASS*, 1.
4. Lackenbauer, W. P., & Lalonde, S. (2019). *Breaking the Ice Curtain? Russia, Canada, and Arctic Security in a Changing Circumpolar World*. Canadian Global Affairs Institute.
5. Boucher, J.-C. (2020). *Public Opinion and Canadian Defence Policy. Canadian Defence Policy in Theory and Practice*.

Мифы о бренде как фактор потребительской лояльности

Завражных Варвара Марковна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

zavrvarya@gmail.com

Научный руководитель: *Винокуров Федор Никитич*, кандидат психологических наук,

МГУ им. М. В. Ломоносова

Brand mythology as a factor of consumer loyalty

Zavrzhnykh Varvara

M. V. Lomonosov Moscow State University

Целью нашего исследования ставится изучение феномена мифологии бренда и ее связи с потребительской лояльностью, того, насколько широко выражено содержание представлений о бренде у молодых потребителей.

Функциональное назначение мифа может выступать в том, чтобы объединять мыслительные образы для достижения единообразного и непротиворечивого представления о жизни в социальной группе, в коллективе, в социуме [4]. В маркетинге мифы приобрели функцию инструмента убеждения, туда закладываются символы, архетипы и истории, связанные с брендом [2]. Бренды через мифологию стараются воздействовать на восприятие мира потребителя и эмоции, создавая истории и вкладывая в них определенные смыслы. Миф о бренде рассматривается как способ переосмыслить те представления, которые транслирует бренд, и индивидуальный опыт в отношении бренда [5].

Основа исследования строится на ассоциативно-оценочной теории Р. Фацио, которая предоставляет возможность глубокого понимания механизмов формирования установок и их влияния на поведение индивида [1]. Эта теория, основанная на необихевиоральном подходе, поднимает важный вопрос о связи между объектом и его обобщенной оценкой, выделяя установку как ключевой компонент этого взаимодействия.

Когда речь идет о появлении объекта, активация ассоциативной оценки происходит автоматически, и это явление искажает восприятие объекта, оказывая влияние на поведение человека по отношению к нему. Теория способна объяснить вариабельность поведения, основанную на силе ассоциативной оценки. В работе Ф. Н. Винокурова была представлена модель лояльности как форма социальной установки [3]. При анализе концепции лояльности как разновидности социальной установки, возникает необходимость рассмотрения феномена мифа о бренде, взаимосвязи между данным феноменом и лояльностью к бренду.

Актуальность исследования связана с тем, что на данный момент практически нет исследований, посвященных анализу мифологии бренда и ее связи с потребительской лояльностью.

Для исследования был выбран метод фокус-групп. Был составлен топик-гайд с вопросами о содержании представлений о бренде и лояльном отношении к нему, а также туда была включена методика персонификации, в котором респондентам предлагалось составить образ бренда, персонажа и придумать с ним историю.

В исследовании приняло участие 20 человек, которые были разделены на 4 группы, соответственно лояльные/не лояльные к бренду 1 и 2. Одни активно пользовались продукцией и сервисами бренда, другие не пользовались либо имели негативный опыт использования.

На основе тематического анализа можно сделать вывод, что содержание представлений о брендах отличается в зависимости от лояльности потребителя — исходя из отношения потребителя к бренду, можем видеть, как меняется содержание историй, мифов и представлений. Лояльные потребители больше сконцентрированы на положительных сторонах, и образы, связанные с брендом, которые возникают у них, содержат в себе больше положительных черт.

Список источников:

1. Fazio, R. H., & Olson, M. A. (2003). Implicit measures in social cognition research: Their meaning and use. *Annual review of psychology*, 54(1), 297–327.
2. Nazerali, S. (2000). Brand mythology. *Journal of Brand Management*, 7, 405–411.
3. Винокуров, Ф. Н. (2012). *Социально-психологические механизмы потребительской лояльности*, М.
4. Донцов, А. И., Перельгина, Е. Б., Рикель, А. М. (2017). Социально-психологические факторы и мифологические механизмы развития безопасности организации. *Человеческий капитал*, (8), 3–5.
5. Тихонова, С. В. (2008). Мифология брендинга в обществе глобального потребления. *Власть*, (9), 45–49.

Применение принципов ESG при бюджетировании расходов на персонал

Иванихина Дарья Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

d.ivanikhina@yandex.ru

Научный руководитель: *Безденежных Татьяна Ивановна, доктор экономических наук, СПбГУ*

Application of ESG principles in personnel costs budgeting

Ivanikhina Darya

Saint Petersburg State University

Повестка экологического, социального и корпоративного управления (ESG) получает все более широкое распространение по всему миру и, в частности, в России. Все большее количество компаний декларируют приверженность принципам устойчивого развития. Среди наиболее распространенных практик: 1) выпуск нефинансовой отчетности (на 14.01.24 года в Национальном Регистре нефинансовых отчетов зарегистрирован 1471 отчет [1]); 2) инвестирование в проекты по сохранению и восстановлению природы и биоразнообразия; 3) реализация инициатив по сокращению выбросов и так далее.

В данной работе мы рассмотрим применение принципов ESG в процессе бюджетирования расходов на персонал с акцентом на социальное и корпоративное управление. Бюджетирование — один из основных инструментов планирования и контроля, представляет собой детализированный план деятельности компании в течение заданного периода. Структура бюджета позволяет оценить ресурсы компании и ее приоритеты на текущем этапе.

Согласно Принципам корпоративного управления «Группы двадцати» и ОЭСР, эффективная инфраструктура корпоративного управления способствует прозрачному и справедливому распределению ресурсов, обеспечивает своевременное и точное раскрытие данных по всем существенным вопросам, включая финансовое положение, результаты деятельности,

информацию о структуре управления компанией [2]. Исследование R. Wijaya, A. Solikhin, R. Yustien также подтверждает, что ясные цели и прозрачность бюджета, являются предикторами улучшения показателей управленческой деятельности: «Если бюджетные показатели четко определены, то тем, на кого возложена ответственность, проще отчитываться за достижение целей» [3].

Бюджетирование трудовых затрат — процесс представления целей подразделения в виде количественного плана в денежном выражении, ограниченного определенным периодом. Бюджет расходов на персонал должен быть прозрачен для сотрудников, ответственных за достижение целей бюджета. Некоторые исследователи [4] утверждают, что планирование необходимо осуществлять «снизу вверх» совместными усилиями сотрудников в рамках «превью». Однако результаты исследований о включении в бюджет большего количества участников [2] на данный момент неоднозначны, что делает указанную проблематику актуальной.

Включение сотрудников, ответственных за достижение целей, в формирование бюджета позволит подготовить более точный бюджет, а также при формировании плана

«снизу вверх» в бюджет будет включено большее количество статей расходов на социальное управление, которые включают создание возможностей для развития сотрудников, инициативы для поддержания здоровья и так далее [5].

Мы предполагаем, что, сравнив описания методологии бюджетирования в компаниях, где используется метод бюджетирования «снизу вверх», и тех, в которых придерживаются более традиционного метода, обнаружим, что в компаниях первого типа, во-первых, будет оценен выше показатель прозрачности целей компании, во-вторых, в бюджет будет заложено большее количество статей, связанных с социальным управлением.

Список источников:

1. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/.
2. OECD (2023). G20/OECD Principles of Corporate Governance, URL: [G20/OECD Principles of Corporate Governance 2023](https://www.oecd.org/corporate/g20-principles-of-corporate-governance-2023/).
3. Wijaya R., Solikhin A., & Yustien R. (2023). The Effect of Budget Participation, Organizational Commitment, Organizational Culture, and Budget Clarity Targets on Managerial Performance with Internal Control As Moderating Variable (Empirical Study on Regional Apparatus Organization (OPD) of West TanjungJabung Regency), *American International Journal of Business Management*, 6(3), 42–46.
4. Culbert, S. A. (2010). Get Rid of the Performance Review!: How Companies Can Stop Intimidating, Start Managing — and Focus on What Really Matters. *Business Plus*.
5. The State of Social in ESG (2022). *ESG Global Advisors*. URL: <https://stateofsocial-esg.com/wp-content/uploads/2022/11/State-of-Social-Final-Reportsm.pdf>.

Предложение земли на рынке жилой недвижимости: влияние государства и органов местного самоуправления

Киселев Даниил Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет

2030974@gmail.com

Научный руководитель: *Дубянский Александр Николаевич, доктор экономических наук, СПбГУ*

Land supply in the housing construction market: the influence of the state and local authorities

Kiselev Daniil

Saint Petersburg State University

В современной России жилищное строительство является одной из приоритетных отраслей экономики. Оно не только является драйвером экономического роста, но и выполняет важнейшие социальные задачи. В течение последних двадцати лет строительство развивалось весьма стремительно.

По этим причинам во время пандемии государство активно поддерживало отрасль. Были реализованы программы льготной ипотеки, во время действия которых были достигнуты многолетние максимумы по вводу жилья. Однако льготная ипотека показала несостоятельность — на рынке возник пузырь, надутый нерыночным спросом. При этом предложение недвижимости не выросло в должной мере.

Безусловно, неэластичность предложения жилья вызвана множеством факторов, и далеко не на все из них можно повлиять. Однако одним из факторов, на которые можно воздействовать, может оказаться государственная и муниципальная политика в сфере земельных отношений. В отличие от института льготной ипотеки, воздействие на доступность жилья будет происходить со стороны предложения, а не спроса.

В этой работе выдвигается гипотеза о том, что политика государственных и муниципальных органов в сфере земельно-правовых отношений и градостроительного регулирования может ограничивать предложение земли под жилищную застройку, тем самым снижая предложение жилья и его доступность.

Основным методом исследования является экономический анализ, который основывается на постулатах экономической теории. Ключевым является системный подход к рассмотрению ситуаций через модель рыночного равновесия, в которой взаимодействие факторов спроса и предложения влияет на цену. Не менее важной в исследовании является опора на собранные эмпирические данные. Отдельно стоит отметить метод «при прочих равных», который используется как в абстрактных рассуждениях, так и при сопоставлении эмпирических данных.

С точки зрения экономической теории, тема предложения земли, в частности, вопросы ренты, были предметом исследования многих экономистов, начиная с классиков. В исследовании мы будем опираться на обзорный труд британского экономиста Лайонела Роббинса «История экономической мысли» [1], чтобы подобрать необходимый теоретический материал для анализа сегодняшней ситуации. Однако планируется рассмотреть и более современных авторов-экономистов и их теории о роли государственного регулирования. Например, теорию экономического

регулирования, разработанную экономистами Чикагской школы, в частности, лауреатом нобелевской премии Джорджем Стиглером [2].

Также стоит отметить, что тема обстоятельно разработана со стороны юридических наук [3]. Однако экономический анализ факторов государственного и муниципального вмешательства, которые влияют на предложение земли на рынке жилой недвижимости, по мнению автора, развит недостаточно. Более того, из-за тесной связи с законодательной деятельностью, информация по теме достаточно быстро устаревает. Так, ежегодно вносятся изменения в градостроительный кодекс и в другие документы, что делает новые исследования еще более актуальными.

Список источников:

1. Роббинс, Л. (2017). *История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики* (пер. с англ. Н. В. Автономовой под ред. В. С. Автомова), М.: Изд. Института Гайдара.
2. Стиглер, Д., (2017). *Гражданин и государство. Эссе о регулировании* (пер. с англ. Н. В. Автономовой; науч. ред. перевода В. С. Автомов, Е. В. Худько), М.: Изд-во Института Гайдара.
3. Душаева, З. Д. (2018). Правовое регулирование предоставления земельных участков для жилищного строительства из земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности *Наука и образование: новое время. Научно-методический журнал*, 1(8), 17–19.

Влияние регионалистских партий на итоги парламентских выборов в Испании в 2023 году: кейс Каталонии

Козлова Кристина Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет

kristushkaa@yandex.ru

Научный руководитель: *Чихачев Андрей Юрьевич*, кандидат политических наук, СПбГУ

The influence of regionalist parties on the outcome of Spanish parliamentary elections in 2023: the case of Catalonia

Kozlova Kristina

Saint Petersburg State University

Стремление этнических групп и народов к расширению их политических прав, а также их стремление к сепаратизму остается одной из важнейших проблем государств современной Европы, бросающей вызов территориальной целостности и политической стабильности внутри стран. В этом отношении ярким примером является Испания — королевство с неоднородным в этническом отношении составом населения. Несмотря на то, что каталонцы составляют около 16 процентов от испанского населения, их влияние на политические процессы весьма велико.

Этот тезис доказывает ситуация, сложившаяся после парламентских выборов в Испании 2023 года, когда вопрос о роли регионалистских партий на формирование государственной политики приобрел первостепенное значение. Так, П. Арагонес, глава Жениралитата Каталонии, заявил о своем намерении поддержать кандидатуру Педро Санчеса при голосовании в Кортесах по вопросу избрания нового председателя правительства. Данный случай можно назвать переломным, так как он стал причиной избрания П. Санчесом курса на лавирование между удовлетворением требований каталонцев и стремлением сохранить свою репутацию, которой уже был нанесен урон ввиду «заигрывания с сепаратистами».

Следовательно, изучение влияния регионалистских партий на испанскую политику является актуальным, так как, во-первых, каталонцы неизменно продолжают разыгрывать карту выхода региона из состава Испании для достижения своих целей, то есть расширения политических прав и политической автономии. Во-вторых, регионалисты рассчитывают на большую «награду» от П. Санчеса, так как он все же занял пост премьер-министра: П. Арагонес уверен, что в 2024 году начнутся переговоры о проведении референдума о независимости. Следовательно, после итогов выборов вопрос не был объявлен закрытым, и его разрешение становится предметом дискуссий уже сейчас.

Таким образом, целью исследования является определение влияния партий Каталонии на формирование государственной политики Испании после итогов выборов 2023 года. Для достижения цели необходимо установить, есть ли спрос на независимость среди каталонцев; изучить заявления П. Санчеса по вопросу каталонской независимости; оценить значение согласия П. Санчеса с каталонскими сепаратистами для современной Испании. Достижение цели и задач осуществляется

посредством использования дискурс-анализа, а также метода количественного контент-анализа.

На основе данных рассуждений автор рассчитывает сделать вывод, что роль регионалистских партий в Испании неуклонно возрастает, что доказывает общественный резонанс по вопросу принятия закона об амнистии каталонских сепаратистов. Представляется, что это влияние будет лишь возрастать в ближайшей перспективе, поскольку между центральным правительством и каталонскими партиями остается ряд неразрешенных вопросов, а каталонские политические силы будут непременно настаивать на окончательном удовлетворении своих требований. Открытым остается вопрос о том, будет ли готов П. Санчес заплатить цену каталонской независимости или окончательно решит не поддерживать подобные стремления.

Список источников:

1. Осколков, П. В. (2021). Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? *Международная аналитика*, 12(3), 59–69.
2. Хенкин, С. М. (2022). Каталонский конфликт: характер, динамика, интерпретации, *Вестник МГИМО-Университета*, 15(1), 249–258.
3. *Лидер Каталонии надеется на переговоры с властями Испании в 2024 году по референдуму*. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19636843>
4. *Baròmetre d'Opinió Política* (2023). Centre d'Estudis d'Opinió. URL: <https://www.esquerra.cat/ca/lrqf-llengua>
5. LA REPÚBLICA QUE FAREM: El català, llengua cohesionadora d'una societat plurilingüe. *Esquerra Republicana*. URL: <https://www.esquerra.cat/ca/lrqf-llengua>
6. Pere Aragonès rechaza declarar la independència en 2023 como exige la ANC. *El Mundo*. URL: <https://www.elmundo.es/cataluna/2022/09/13/6320d626fdddf1c898b457c.html>
7. Sánchez y Aragonès pactan la ley de amnistía y encarrilan la investidura. *EL PAÍS*. URL: <https://elpais.com/espana/2023-10-31/sanchez-y-aragones-pactan-la-ley-de-amnistia-y-encarrilan-la-investidura.html#>
8. ¿Quiere hablar en catalán o quiere que su hijo se cure? *Plataforma per la Llengua*. URL: http://www.plataforma-llengua.cat/media/upload/pdf/informe-discriminacions-2022-vf_316_11_2482.pdf

Изучение механизмов оценки ведения госпабликов

Кочнева Екатерина Михайловна

Уральский Федеральный Университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
catherineko4neva@yandex.ru

Научный руководитель: *Гурарий Евгений Михайлович*, кандидат политических наук,
УрФУ

Studying mechanisms for assessing the work of official pages of public authorities on social networks

Kochneva Ekaterina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Ведущая задача современности — решение проблемы взаимодействия информационно коммуникационных технологий и общества [1, с. 2]. Для обеспечения прозрачности деятельности государственных органов (далее — госорганы) применяются интернет технологии [2]. Раньше информация о работе госорганов размещалась на официальных сайтах, с 2022 года для этих целей создаются официальные страницы госорганов в социальных сетях Вконтакте и Одноклассники (далее — госпаблики).

Насколько эффективно ведутся госпаблики? Для ответа на поставленный вопрос проведено исследование реализации механизма оценки эффективности работы госпабликов, применяемого Центром управления регионом Свердловской области (далее — ЦУР) в июле 2023 года.

Оценивание производилось путем сравнения текущего ведения госпабликов с установленными критериями, уровень соответствия измерялся по 10-балльной шкале. В красную зону входили госпаблики, набравшие 0–5 баллов, в желтую — 6–8, в зеленую — 9–10. Рассмотрены критерии: 1) отметка о подключении к системе госпабликов (1–0); 2) отметки — официальный аккаунт (1–0); 3) аватар (1–0); 4) обложка (1–0); 5) описание (1–0); 6) постинг — регулярность и самостоятельность. В образцовых госпабликов постинг — минимум 3 раза в неделю, соотношение общих постов и постов под авторством администратора — 1/9 (2–0); 7) контента — текст (заголовок, общедоступность, емкость), фото (качество, формат, связность с текстом) и видео (качество съемки, звука, монтаж) (2–0); 8) работа с комментариями — комментарии открыты, администратор отвечает на комментарии (1–0).

Проанализировано 1050 госпабликов Свердловской области, аккаунты выбирались в случайном порядке. В результате 773 госпаблика (73,7%) вошли в желтую зону, 121 (17,2%) — в красную, 155 (9,1%) — в зеленую. Большая часть госпабликов причислена к «зоне нормы», однако часто баллы набирались за соблюдение статичных критериев — № 1, 2, 3, 4 и 5, динамичные критерии — № 6, 7 и 8, соблюдались эпизодически.

Лидеры исполнения — критерии № 3 (99,1%), № 1 и 2 (98,9% в каждом), и № 5 (91,1%). Динамичный критерий № 4 исполнен в 88,3% случаев, № 6 — в 63,4%, № 7 — в 58%. Антилидер исполнения — критерий № 8, работа с комментариями велась только в 80 из 1050 случаев (7,6%).

Можно сделать вывод о некоторой формальности ведения госпабликов, их

эффективности сейчас имеет превалирующее количественное, а не качественное измерение. Постинг, размещаемый контент и работа с комментариями — важные инструменты обеспечения прозрачности деятельности госорганов. Поэтому видится необходимым модернизировать систему оценивания работы госпабликов для усиления качества и осмысленности публикаций, против роста объемов размещаемого контента. Отмечу, что наличие госпабликов не преуменьшает значимость ведения официальных сайтов госорганов. Госпаблики могут и должны существовать наравне с официальными сайтами, однако развивать оба направления необходимо индивидуально.

Список источников:

1. Иноземцев, В. А. (2020). *Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности* Гуманитарный вестник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatizatsii-i-razvitiya-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-formirovanie-novoy-sotsialnoy-realnosti/viewer>
2. Российская Федерация. Законы. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ., URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/

Конспирология как часть стратегии правых популистов

Кривonos Екатерина Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

ekrivonos424@gmail.com

Научный руководитель: *Самарин Ярослав Владимирович*, кандидат политических наук, СПбГУ

Conspiracy theories as a part of the right-wing populist strategy

Krivonos Ekaterina

Saint Petersburg State University

В последнее время правый популизм значительно увеличил свое влияние; популисты приходят к власти в самых разных частях света. Часто популисты прибегают к теориям заговора (стоит упомянуть Q-anon, движение антиваксеров и т. п.). Исследовательская гипотеза заключается в естественности включения теорий заговора в популистский дискурс вследствие определенных идейных оснований правого популизма. Основой правого популизма можно считать антиэлитизм, антиплюрализм и самоотождествление с народной волей [1]. Ян-Вернер Мюллер понимает популизм как «особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность народа, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам» [2, с. 24].

Конспирологическую теорию следует понимать как попытку объяснить событие или практику с помощью махинаций влиятельных людей, которые пытаются скрыть свою роль или заинтересованность в нем. Для теории заговора характерно наделение действующих агентов экстраординарными способностями и влиянием, восприятие социальных процессов и явлений как тщательно запланированных и не имеющих случайных причин; эти утверждения ложные, неоправданные и деструктивные [3].

Вопрос о том, является ли популизм полноценной идеологией, остается дискуссионным. Однако точка зрения таких исследователей как М. Стойка и Р. Жирарде, в соответствии с которой популизм из-за отсутствия полноценной идеологической базы вынужден использовать различные политические мифы, представляется обоснованной. В контексте работы заслуживает рассмотрения миф о заговоре, характеризующийся представлением о существовании некой

организованной силы, стремящейся извлечь выгоду вопреки воле общности, которую популисты назвали бы «народом» [4]. Она действует секретно, «из тени», а для достижения своих целей использует любые средства. Миф о заговоре предполагает конструирование образа такого «Незнакомца», т. е. некой группы людей, которая стремится к изменению status quo с целью приобретения выгоды; важно, что этот «противник», по словам исследователя А. М. Прилуцкого [5], изображается как влиятельный и могущественный, следовательно, для противостояния ему и реализации общей воли «Народа» нужно мобилизовать все силы общества.

Очевидно, что популистский миф о заговоре содержательно совпадает с конспирологическими нарративами. Кроме этого, необходимость мобилизации ресурсов общества с целью противостояния не противоречит приведенной выше идее

единства народа, высказанной Я.-В. Мюллером.

Таким образом, правый популизм, уже на уровне идей опирающийся на идею заговора, прибегает к конспирологии как к инструменту, который, вероятно, способен повысить убедительность его идей. На теоретическом уровне обращение к конспирологии естественно для правого популизма, поэтому следует ожидать подобных тенденций и в будущем, если популизм сохранит свое влияние.

Список источников:

1. Осколков, П. В. (2019). *Правый популизм в Европейском союзе*. М.: Ин-т Европы РАН.
2. Мюллер, Я.-В. (2018). *Что такое популизм?* М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
3. Sunstein, C. R., & Vermeule, A. (2009). Conspiracy Theories: Causes and Cures. *The Journal of Political Philosophy*, 17(2), 202–227.
4. Stoica M. S.(2017). Political Myths of the Populist Discourse. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, 16, 63–76.
5. Прилуцкий, А. М. (2020) К вопросу о герменевтических механизмах функционирования конспирологического мифа. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*, (4), 131–141.

Обновление Арктической стратегии Республики Корея до 2050 года

Кузьмина Алина Витальевна

alinanight95@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: *Ткаченко Станислав Леонидович, доктор экономических наук, СПбГУ*

The update of the Republic of Korea's Arctic strategy until 2050

Kuzmina Alina

Saint Petersburg State University

Тридцатого ноября 2021 года Министерство морских дел и рыболовства Республики Корея объявило о создании «Стратегии деятельности в Арктике на период до 2050 года». Новый документ определил будущие направления деятельности Южной Кореи в Арктическом регионе [1]. Обновление стратегии связано с быстрым сокращением ледового покрова, который увеличивает доступность региона, а также его интенсивно растущий логистический, энергетический и ресурсный потенциал.

Со Хен Ге [2] анализирует этапы становления политики Южной Кореи в Арктике с 2013 года. Основной акцент делается на изучение целей и задач обновленной стратегии, а также тех инициатив, которые будут предприняты для развития региона. В работе большое внимание сосредоточено на области полярной безопасности и важности расширения научно-исследовательских программ.

Ким Мин Су и Марченков М. Л. [3] подчеркивают экономические возможности для Южной Кореи в Арктике, рассматривают перспективность развития арктической политики в контексте выгод для судостроительной промышленности страны. Авторами представлена эволюция политики Республики Корея в Арктике, а также заключение о причинах ее изменения.

Джин Дон Мин, Со Вон Сан и Ли Сок У [4] анализируют Первый Генеральный план (2013–2017) Республики Корея по арктической политике и изучают политические и экономические аспекты деятельности Южной Кореи в регионе.

Отсутствие большого количества работ по данной проблематике как на русском, так и на английском языке, а также актуальность и новизна исследования подтверждаются глобальной повесткой и значительным политическим и экономическим интересом к региону со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которые продолжают вести активную политику в Арктике. Цель статьи заключается в сравнении обновленной стратегии деятельности Республики Корея в Арктике с предыдущими программами. Применение метода сравнительного анализа источников и литературы на русском, английском и корейском языках позволяет сделать вывод об изменении направления деятельности Республики Корея в Арктике.

Список источников:

1. Стратегия деятельности в Арктике на период до 2050 года. (2021). Отчет министерства по связям о работе Государственного Совета Республики Корея. (на кор. яз). *Архив полярной политики*.
2. Со Хен, Г. (2023). Анализ характеристик обновленной арктической политики

Республики Корея на основе модели арктической политики: фокус на расширение сотрудничества с Европой. (на кор. яз). *Исследования ЕС*, 67, 197–227.

3. Минсу, К., Марченков, М. Л. (2019). Республика Корея в Арктическом регионе: от теоретического оформления политики к ее практической реализации. *Арктика и Север*, (37), 69–81.
4. Dongmin, J., Won-sang, S., & Seokwoo, L.. (2017). Arctic Policy of the Republic of Korea. *Ocean and Coastal Law Journal*, 1, 84–96.

Constructing Climate Crisis: Identifying Organizational and Environmental Tendencies in UNEP Executive Directors' Speeches from 1972 to 2023

Ложкина Мария Станиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет

marialozhkinane@gmail.com

Научный руководитель: *Пушкина Дарья Булатовна, PhD по системе управления и политике, СПбГУ*

Lozhkina Maria

Saint Petersburg State University

Climate crisis is one of the many emergencies that humanity is faced with in the 21st century, a particularly complex global emergency that does not recognize national borders and calls for coordinated action at all levels of governance and in all areas of human activity. One of the leading organizations that has been involved in the promotion of international cooperation on issues of climate and environment for over 50 years is the United Nations and its Environment Programme (UNEP). In fact, as Mark Imber argues [1, p. 140], currently the UN serves as the only viable arena where global negotiations on the protection of the environment can be conducted, thus putting the organization and its agencies at the forefront of the battle against the climate crisis.

UNEP as the designated environmental agency has the authority not only in developing climate action plans but also in the narrative construction of the climate crisis, its severity, causes and consequences. In their speeches UNEP leaders create a particular image of the crisis that has a direct impact on the way the global community perceives the crisis and the management strategies and policies developed. Subsequently, the examination of UNEP Executive Directors' speeches is highly relevant to the scientific and climate communication communities as well as to the ecological movement, yet there is a lack of academic literature covering that specific issue.

Thus, the main aim of this research project is to analyze UNEP Executive Directors' speeches in order to identify how UNEP leadership constructs the image of climate crisis throughout the period between 1972 and 2023, demonstrating the ways in which articulations of the issue change over time.

In order to fulfill the objective, the method used here is frame analysis, a sub-method of critical discourse analysis developed by Benford and Snow [2]. Frame analysis has a history of being utilized in analyzing texts dealing with climate and global environmental efforts by identifying diagnostic (problem identification), prognostic (solutions), and motivational frames in activists' rhetoric [3], and, although UNEP is not a social movement, it can encourage collective action among various stakeholders such as states, businesses, other international organizations, etc., making the method appropriate in the context of these speeches.

After the frame analysis of UNEP Executive Directors' speeches throughout the years of its work, it was discovered that, despite UNEP leaders' attempts to construct a particular image of climate crisis in accordance with the current state of affairs, the diagnostic frame that identifies the problem wasn't the dominant frame in any of the speeches, its position

taken by solution-offering prognostic frame in most cases. This particular framing hierarchy might imply that the leadership is concerned with providing solutions to an unformulated problem.

Список источников:

1. Imber, M. F. (1996). *The environment and the United Nations*. (ed. Imber, M. F.). Routledge.
2. Snow, A., Bedford, R. (1988). Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization. *International Social Movement Research, 1*, 197–217.
3. Hakala, F. P. (2021). *The Greta Effect on Global Environmental Governance: Testing the Applicability of Frame Theory*, Malmö University.

Связь между политической ориентацией московских студентов и их отношением к событиям XX века отечественной истории

Мезенцев Даниил Анатольевич, Лукин Игорь Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

daniil.swed@gmail.com, igor.lukinnn228@gmail.com

Научный руководитель: *Кузина Ольга Евгеньевна, PhD, НИУ ВШЭ*

Relations between the political orientation of Moscow students and their attitude to the XX century national history events

Mezentsev Daniil, Lukin Igor

National Research University Higher School of Economics

Наше исследование является продолжением работ Д. Лебедева [1] и Ф. Краватцека [2] с развитием полученных авторами выводов о мемориальных установках московских студентов, их связью с политическими. Исследовательская проблема нашего исследования формулируется как: «Существует ли связь между политической ориентацией и исторической памятью московской молодежи?»

В своей работе мы опирались на теоретические рамки *memory studies* и политической социологии. Основными теоретическими концептами нашего исследования выступают историческая память и политическая ориентация. Под исторической памятью мы понимаем набор совпадений в индивидуальной памяти большинства членов группы [3]. Политическую ориентацию мы понимаем как элемент индивидуальной политической культуры, характеризующий в общем смысле систему взглядов человека относительно политической сферы [4]. Таким образом, наше предположение строится на влиянии политической ориентации при оценке прошлого, поскольку она является важным фактором оценки современных событий.

Основным методом сбора данных в нашем случае был снежный ком. Для измерения как мемориальных установок, так и политической ориентации молодежи нами были использованы сумматорные шкалы. В качестве основных методов анализа данных нами были выбраны методы линейной регрессии и кластерного анализа. Также по аналогии с зарубежными исследователями [5] нами была составлена априорная классификация политических идеологий, цель использования которой была в оценке сформированности политических взглядов респондентов и их согласованности с существующей в современной политологии теорией.

Итоговая выборка нашего исследования составила 203 респондента, в нее были включены студенты крупнейших московских вузов. Априорная классификация не явилась надежной, что подвело нас на вывод о несформированности единой картины политических взглядов у большей части респондентов, что подтолкнуло нас к использованию кластерного анализа. По его результатам мы смогли выделить три группы респондентов в трехмерном политическом поле (оси милитаризма и взглядов относительно экономической и социальной политики): «правые», «левые» и «центристы». Также мы смогли выявить связь между принадлежностью респондента к определенному кластеру и его мемориальными установками относительно событий по группам. Главные закономерности, выявленные в нашем исследовании, можно описать следующим образом:

1. Отношение к национальным победам не связано с политической ориентацией.
2. Правые склонны относиться к национальным травмам более положительно.
3. Отношение к нейтральным событиям улучшается по мере движения от левых респондентов к правым.

Однако мы должны оговориться о главном ограничении нашего исследования, которое является и потенциальной точкой развития данной темы: не установленность рамок политических взглядов в среде российской молодежи, а также сложность сбора репрезентативной выборки.

Список источников:

1. Лебедев, С. Д. (2020). Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи. Научный результат. *Социология и управление*, 6(2), 3–18.
2. Krawatzek, F. (2021). Which history matters? Surveying Russian youth and their understandings of the past. *Problems of post-communism*, 68(5), 402–414.
3. Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, 2 (2–3).
4. Алмонд, Г. А. (1992). Гражданская культура и стабильность демократии. *Полис*, (4), 45–77.
5. Laver, M. (2014). Measuring policy positions in political space. *Annual Review of Political Science*, 17, 207–223.

Вакцинная дипломатия России на мексиканском направлении

Метлицкая Анна Ивановна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

annametlic@rambler.ru

Научный руководитель: *Аганова Анна Евгеньевна, РУДН*

Russian vaccine diplomacy in Mexican sector

Metlitskaya Anna

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

Пандемия COVID-19 привнесла изменения, затронувшие и международные отношения, одним из ключевых нововведений в которых стала вакцинная дипломатия.

Вакцинная дипломатия — один из наиболее действенных инструментов развития международных отношений, приобретающий значимость в течение последних лет. Этим объясняется актуальность исследования взаимодействий по вопросам, связанным с обеспечением вакцинами.

Результаты работы позволяют осознать сложности вакцинной дипломатии Москвы и понять общие особенности латиноамериканского региона, что будет полезно для применения других инструментов международных отношений.

Так как многие ученые выделяют вакцинную дипломатию как составную часть глобальной дипломатии здоровья [1], необходимо рассмотреть и ее [2; 3]. Российско-мексиканские отношения исследованы с помощью работ отечественных политологов и международных экспертов [4; 5].

Гипотеза исследования: высокая вовлеченность политических элит в сотрудничество и его широкая поддержка со стороны населения стали характерными чертами вакциной дипломатии России на мексиканском направлении, что привело к диверсификации двусторонних взаимодействий.

Для выполнения анализа необходимо применение следующих методов: изучение источников информации и специализированной литературы, системно-исторический подход, анализ современных законодательных актов, статистические методы, прогнозирование.

Вакцинная дипломатия — разновидность медицинской дипломатии с целью увеличения влияния государства за счет применения его препаратов другими странами.

К началу пандемии отношения Москвы и Мехико были налажены, но не являлись полномасштабными. Между странами была установлена сеть торговых отношений, а во время встреч лидеров звучали обещания о расширении сотрудничества.

Пандемия привнесла в жизнь множество сложностей и предоставила уникальные возможности в сфере интеграции. Одной из них стало расширение влияния путем вакцинной дипломатии. Российская сторона использовала эту возможность для улучшения отношений с Мексикой, поэтому вакцинную дипломатию России на мексиканском направлении можно считать успешной.

Долго готовился проект локализации производства «Спутника V» в Мексике, но эта идея не была реализована. Одной из причин этого стала активная война против российской вакцины.

Особенностью вакциной дипломатии России на мексиканском направлении стало использование препарата в рамках ускоренной процедуры регистрации, в чем принимали участие лидеры обеих стран. Общественная поддержка применения препарата сыграла ключевую роль в установлении выгодного взаимодействия.

Россия столкнулась с трудностями поставки в Мексику второго компонента, вызванными с проблемами с документами и логистикой. Механизмом взаимодействия стало сотрудничество между политическими лидерами государств в рамках встреч и переговоров.

Таким образом, это сотрудничество является важной частью вакцинной дипломатии Москвы, позволяющей закрепиться в центрально-американском регионе, благодаря чему открылись возможности для дальнейшего сотрудничества.

Список источников:

1. Саямов, Ю. Н. (2021). Вакцинная дипломатия в международных отношениях. *Медицинская этика*, 4, 12–16.
2. Hotez, P. J. (2021). *Preventing the Next Pandemic: Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-science*. Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD.
3. Kikbusch, I. (2022). Global health diplomacy — reconstructing power and governance. *Lancet*, 399, 2156–2166.
4. Давыдов, В. М. (2015). Российско-мексиканские отношения: традиционные основы и императивы обновления. *Российский совет по международным делам (РСМД)*, 19.
5. Косевич, Е. Ю. (2020). *Мексика в системе геополитических координат начала XXI века*. Нестор-История, М.; СПб.

Память об атомных бомбардировках Японии в США: состояние и отражение в публичной сфере

Минайленко Полина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Paola260201@yandex.ru

Научный руководитель: *Самарин Ярослав Владимирович*, кандидат политических наук, СПбГУ

The memory of Japan's nuclear bombings in the United States: state and reflection in the public sphere

Minailenko Polina

Saint Petersburg State University

Память об исторических событиях играет важную роль в политике: посредством нее члены общества идентифицируют себя, интегрируются, объясняют и легитимизируют политические решения [1, с. 54]. В США Вторая мировая война признается третьим наиболее значимым и вторым по величию периодом [5]. Используя структурно-функциональный подход в сочетании с case-study, мы стремимся проверить гипотезу, что атомные атаки Японии начинают рассматриваться в последние годы с ревизионистских позиций в США, что меняет содержание американской политики.

С 1945 г. поддержка применения ядерного оружия в отношении Хиросимы и Нагасаки неуклонно падает в США: в 1945 г. поддерживали данное решение американского руководства 85% населения, в 2005 г. и в 2015 г. — не более 57%. [3] Трансформация отношения к применению атомного оружия во Второй мировой войне отражается и в публичной сфере. В первую очередь, изменения коснулись образования. До конца XX в. темы об атомных атаках на Японию преподавались в русле глорификации, что способствовало единению американцев, тогда как с середины 2000-х гг. в учебниках уже прописывались точки зрения японских жертв, уделялось внимание последствиям ударов [4]. В музейной сфере первая масштабная попытка представить негероизированный взгляд принадлежит Смитсоновскому институту. В 1995 г. там планировалась выставка, посвященная последствиям атомных бомбардировок Японии, однако, из-за обвинений в ревизионизме и неуважении к ветеранам она была отменена. Только в XXI в. мероприятия и проекты, связанные с данной темой, были реализованы. Организации стремились рассказать историю хикакуся (проект журнала Time, 2017 г.) или показать последствия ядерных атак (выставка на Мемориале линкора «Миссури», выставка Японо-американского национального музея в 2020 г.).

Важной является тема извинений из-за сброса ядерных бомб. В 1995 г. каждый пятый американец выступал за официальные извинения, тогда как в 2020 г. — уже каждый третий. [2] На момент 2024 г. ни один президент США не принес официальные извинения Японии. Чаще всего президенты говорят, что решение о бомбардировке было правильным. Однако в XXI в. официальные лица начали посещать Хиросиму, чего не было до этого (посол Дж. Рус в 2010 г., президенты Б. Обама в 2016 г. и Дж. Байден в 2023 г.). Республиканская партия и ее электорат расценили это как негласные извинения, раскритиковав этот политический жест.

Восприятие атомных бомбардировок Японии становится менее однозначно положительным в США. Американская молодежь с большей вероятностью осудит сброс бомб и выступит за официальные извинения, чем старшие поколения, имеющие американско-центристский взгляд. Музейные комплексы, СМИ и учебные программы в последние годы начинают включать темы применения ядерного оружия и японских жертв. Тактика Белого дома в отношении Японии по вопросу ядерных ударов также меняется: официальные лица начали посещать атакованные города и поминать пострадавшее мирное население.

Список источников:

1. Олик, Дж. (2012). Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*, 11(1), 40–74.
2. Jaimungal, C. (2020). 75 years since Hiroshima and Nagasaki — Americans still divided on the use of atomic bombs. *YouGov*. URL: <https://today.yougov.com/politics/articles/31306-75-years-hiroshima-and-nagasaki-americans-still-divided>
3. Stokes, B. (2015). 70 years after Hiroshima, opinions have shifted on the use of the atomic bomb. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2015/04/Pew-Research-Center-US-Japan-Report-FINAL-April-7-2015.pdf>
4. Wong, H. (2015). How the Hiroshima bombing is taught around the world. *The Washington Post*.
5. Yamashiro, J. K., Van Engen, A., Roediger, H. L. (2019). American origins: Political and religious divides in US collective memory. *Memory Studies*, 15(1), 1–18.

ESG-трансформация транспортной отрасли

Рагозин Кирилл Леонидович

Санкт-Петербургский государственный университет

ragozin2002@mail.ru

Научный руководитель: *Кадочников Денис Валентинович, кандидат экономических наук, СПбГУ*

ESG-transformation of the transport industry

Ragozin Kirill

Saint Petersburg State University

Нарратив устойчивого развития активно продвигается не только среди эко-активистов и сторонников борьбы с социальным неравенством. За последнее десятилетие международные социальные и экономические организации, корпорации и прочие заинтересованные лица встали на путь устойчивого развития. ESG-практики — факторы экологического (Environmental), социального (Social) и корпоративного/управленческого (Governance) развития компании. Субъекты «транспортного» рынка влияют на все три. Например, авиакомпании являются ключевыми игроками в таких темах, как топливная эффективность, выбросы парниковых газов, ответственность в цепочке поставок, безопасность полетов, развитие кадрового потенциала. С одной стороны, субъекты транспортной отрасли выстраивают свою политику в соответствии с международными и государственными целями устойчивого развития (ЦУР). С другой, в эпоху цифровизации транспортная отрасль трансформируется по своим законам, иногда «опережая» и реконструируя ESG-повестку. Анализ взаимосвязи практик устойчивого развития и неизбежных изменений транспортной отрасли позволяет зафиксировать тренды и предположить будущее индустрии.

Цель исследования: описать влияние ESG-факторов на изменение транспортной отрасли и определить направления ее развития в Российской Федерации.

Задачи исследования:

- Изучить информационные/литературные/статистические источники и дать характеристику ESG-политике и транспортной отрасли;
- Выявить международные тренды/изменения в транспортной отрасли;
- Определить влияние каждого ESG-фактора на транспортную отрасль;
- Выявить отличительные черты организации и экономики российского «транспортного» рынка;
- Предположить, какие ESG-изменения ожидают транспортную отрасль в России.

Помимо научной литературы, исследование основывается на анализе статистических материалов Росстата и Межгосударственного статистического комитета СНГ (данные по показателям ЦУР и другие); а также, на нефинансовых отчетах (ESG-отчетах) крупных игроков рынка: Аэрофлота, S7, РЖД и зарубежных компаний транспортной отрасли.

Работа представляет собой обзор существующих международных и локальных трендов и специфик транспортной отрасли. Определены ключевые факторы влияния на контрагентов, причины, по которым транспортные компании встают на путь

устойчивого развития. Выявлены ключевые каналы/способы контроля соблюдения ESG-требований международных организаций и их актуальность для российской индустрии транспортных перевозок. Приведены примеры новых видов транспорта и бизнес-моделей, соответствующих повестке устойчивого развития.

Проведенное исследование позволяет определить точки роста для бизнес-единиц отрасли и предположить будущие тренды. Работа представляет особую ценность для экономистов, исследующих экономику будущего, менеджеров среднего и высшего звена, формирующих стратегии развития компаний, представителей «контролирующих» органов и всех интересующихся устойчивым развитием.

Список источников:

1. Щербакова, Д. В., Мамедгулиев, Р. И. (2022). ESG-трансформация как фактор инновационного управления компанией сферы железнодорожного транспорта. *Общество: политика, экономика, право*, 5, 66–72.
2. Гузырь, В. В. (2022). Инновационная ESG-трансформация фирм как глобальный тренд устойчивого развития. *Экономика и управление инновациями*, 1(20), 33–43.
3. Бобров, К. М. (2023). *Российская экономика в эпоху перемен: социальная политика публичных металлургических компаний*.
4. Ефимова, О. В., Бабошин, Е. Б., Акимов, А. В. (2023). *ESG-повестка на транспорте в современных условиях: опыт России и Китая*. Москва: Прометей.
5. Babynina, L., Kartashova, L., Busalov, D., Chernitsova, K., Akhmedov, F. (2023). Effective ESG Transformation of Russian Companies in the New Environment: Current Challenges and Priorities. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, 12(6), 113–128.

Перспективы использования Йемена как транзитной страны для контрабанды оружия

Середкин Артем Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

kirakuzya@vk.com

Научный руководитель: *Добронравин Николай Александрович, доктор филологических наук, СПбГУ*

Probability of using Yemen as a transit country for arms smuggling

Seredkin Artem

Saint Petersburg State University

В последние десятилетия Красное море и Аденский залив стали ареной для борьбы региональных и глобальных игроков, к которым также присоединились негосударственные акторы, чаще всего в виде различных радикальных религиозных вооруженных группировок. Благодаря действиям мирового сообщества проблема пиратства в Аденском заливе более не является основной угрозой безопасности международной торговли. Однако начавшаяся гражданская война в Йемене создала новую угрозу.

В текущей ситуации снова поднимается вопрос о том, кто станет новым перевалочным пунктом для контрабанды оружия из Ирана для его прокси в регионе? Для ответа на этот вопрос используются методы сравнительного анализа и ивент-анализа. Метод сравнительного анализа используется для сопоставления Судана в 2014 г. и Йемена в 2023 г. Ивент-анализ используется для изучения предпринимаемых Израилем мер по противодействию распространению влияния Ирана в регионе Красного моря и Аденского залива.

Для Израиля основной угрозой безопасности является Иран, главным инструментом внешней политики на Ближнем Востоке выступают многочисленные прокси. Среди них Харакат аш-Шабаб в Сомали, хуситы в Йемене, а также Хезболла в Ливане и Сирии [1]. До 2023 г. хуситы атаковали в основном суда Саудовской Аравии и США, Израиль не сталкивался с перебоями в поставках по морю или в авиасообщении в этом регионе. Значимость этого региона обусловлена тем, что он связывает Средиземное море с Индийским океаном.

Военная блокада коалиции из 10 арабских государств, начавшаяся в ходе Гражданской войны в Йемене, призвана подтолкнуть хуситов к переговорам и оказать давление на поддерживающий их Иран. Израиль заинтересован в победе арабской коалиции, т. к. прокси Ирана представляют угрозу перевозкам в Израиль и из него, как по морю, так и по воздуху [2].

Израиль так же, как и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), выступает против ядерной сделки с Ираном, а потому блокада Йемена арабской коалицией из 10 государств выгодна Израилю. Саудовская делегация посетила Израиль, встретившись с генеральным директором израильского Министерства иностранных дел [3]. В 2020 г. Израиль подписал «Соглашения Авраама», серию мирных договоров с арабскими странами.

Йемен имеет потенциал стать перегонным пунктом для оружия следующего из Ирана в сектор Газа. В 2014 г. такой остановкой для контрабанды чуть не стал Судан, однако, захват иранских кораблей, следовавших в Судан с контрабандой оружия, и подписание мирного договора с Израилем в 2020 г. закрыли эту возможность [4; 5].

Однако в Судане Израилю и его союзникам путем захвата иранских кораблей с контрабандой и нормализацией отношений удалось предотвратить превращение Судана в перевалочный пункт для иранских вооружений. Вероятность того, что Йемен, раздираемый гражданской войной с 2014 г., не превратится в транспортный узел для контрабанды оружия из Ирана, уменьшается с каждым годом.

Список источников:

1. Пиляева, М. А. (2012). Некоторые аспекты политической конфронтации между Израилем и Ираном. *Москва: Вестник МГИМО Университета*, 141–148. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17329048> (дата обращения: 24.12.2023).
2. Wintour, P. (2024). How Houthi anger with Israel is reshaping the Middle East conflict. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/13/how-houthi-anger-with-israel-is-reshaping-the-middle-east-conflict> (accessed: 13.01.2024).
3. Скосырев, В. А. (2015). Саудовская Аравия и Израиль оказались в одной лодке. *Независимая Газета*. URL: https://www.ng.ru/world/2015-04-01/1_israel.html (дата обращения: 24.12.2023).
4. Равид, Б. (2016). *Генераль Сауди бедимос бикер ба-Арэц вэ нифгаиш им манкаль мисрад а-хуц. Саудовский генерал в отставке посетил страну и встретился с генеральным директором министерства иностранных дел. Гааретц*. URL: <http://www.haaretz.co.il/news/politics/1.3015268> (accessed: 24.12.2023).
5. Guzansky, Y. (2015). *The Struggle in Yemen: A Test for the Arab Collective*. INSS Insight. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/189972/No.%20680%20-%20Yoel%20and%20Ephraim%20for%20web.pdf> (accessed: 24.12.2023).
6. Guzansky, Y. (2014). *The Seizure of the Klos C: Significance and Implications*. INSS Insight. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/178936/No.%20527%20-Yoel,%20Ephraim,%20Yoram,%20and%20Yiftah%20%20for%20web068630119.pdf> (accessed: 24.12.2023).

Семантические сети как инструмент анализа политических текстов: выявление ключевых тем

Стребкова Карина Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

streb.karina@gmail.com

Научный руководитель: *Ткачева Любовь Олеговна, кандидат психологических наук, СПбГУ*

Semantic networks as a tool for analyzing political texts: uncovering key themes

Strebkova Karina

Saint Petersburg State University

В политических исследованиях часто возникает потребность в изучении неструктурированных данных, в частности текстов, поскольку они позволяют получить сведения о ситуации и личности говорящего. Соответственно, актуален вопрос о поиске инструментария для анализа текстов без участия экспертов [1]. Одним из способов такого исследования может быть применение семантических сетей для моделирования содержания текста. Этот метод полностью или частично автоматизирует извлечение смысла текста и при этом статистически точно отображает влиятельные концепты и связи между ними.

Для составления моделей, как правило, используется специальное программное обеспечение. В настоящей работе рассматривается модель семантической структуры текста, созданная на одной из платформ для сетевого анализа данных InfraNodus (<https://infranodus.com>) [2], предназначенной для Text Mining и сетевой визуализации при помощи

алгоритмов обработки естественного языка. Семантическая структура текста извлекается автоматически вместе со статистическими сведениями о ней. В качестве материала для моделирования был взят отрывок из Послания к Федеральному Собранию 2018 года (начало речи, 467 слов из которых 156 участвовали в модели) [3], которое оценивалось как изложение предвыборной программы В. В.Путина [4]. Интерактивная модель доступна онлайн [5].

InfraNodus оценил тематическое разнообразие текста как «очень высокое» и на основе кластерного анализа выделил 10 микротем с процентом их представленности (в скобках указаны самые влиятельные слова кластера в порядке убывания влияния):

1) Новые возможности, 24% (новое, возможность, сложный, решать, экономический, социальный, прорывной, справиться, экономика, открывать); 2) Сохранение единства, 13% (страна, общество, создаваться, единство, демократический, жизнеспособность, утвердиться, сохранить, молодые, результат); 3) Развитие России, 11% (развитие, Россия, гарантия, динамика, преграда, способность, доказывать, благополучие, мощь, основа); 4) Прорыв, 11% (прорыв, создать, вызов, требовать, сильный, ответ, готовый, масштаб, характер, фундамент); 5) Устойчивость, 11% (уровень, достигнуть, устойчивость, люди, стабильность, жизнь, самоуспокоенность, благосостояние, критически, стабильный); 6) Будущее, 9% (будущее, осваивать, строить, покорять, территория, обновление, город, совершать, космос, сплав); 7) Отставание как угроза, 9% (отставание, неизбежный, потенциал, человеческий, ослабление, оборонный,

внешнеэкономический, размывание, ведущая, мощный); 8) Отставание как тяжелая болезнь, 6% (тяжелый, болезнь, шаг, разрушать, усиливаться, организм, хронический, изнутри, подтачивать, неумолимый); 9) Многообразие, 4% (федеративный, многообразие, память, испытание, разлом, культура, исторический, трудный); 10) Мощь, 2% (современный, мощность, показывать, производственный, природный, ресурс, компания, государство).

Сведения о тематическом пространстве могут быть использованы как для повышения точности политического анализа, так и для междисциплинарных исследований.

Список источников:

1. Esch, F. & Burg, S. (2022). *Towards Automated Cognitive Mapping of Political Speeches using Machine Learning*. Utrecht University & Netherlands eScience Center.
2. Paranyushkin D. (2019). InfraNodus: Generating Insight Using Text Network Analysis, *The World Wide Web Conference*, San Francisco, 3584–3589.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/
4. Алексеев Р. А. (2019). Предвыборные программы кандидатов на выборах Президента РФ 2018 г. и мотивация электорального выбора россиян. *Российский социально-гуманитарный журнал* (2), 3–20.
5. InfraNodus. Putin. URL: <https://clck.ru/37orSU>

Инвестиционный характер правоотношений, складывающихся в рамках бизнес-акселератора

Сухарева Елизавета Германовна

Санкт-Петербургский государственный университет

esukhareva891@gmail.com

Научный руководитель: *Скворцов Олег Юрьевич, доктор юридических наук, СПбГУ*

Investment nature of legal relations developing within the framework of a business accelerator

Sukhareva Elizaveta

Saint Petersburg State University

Правоотношения, складывающиеся в рамках бизнес-акселератора и опосредующие перемещение благ от бизнес-акселератора к его участникам, носят инвестиционный характер.

Во-первых, участники акселерационных программ имеют возможность получить различные меры поддержки как финансового, так и нефинансового характера, причем набор мер и способов поддержки определяется каждым бизнес-акселератором самостоятельно. Подобный механизм определения мер поддержки полностью соответствует природе инвестиционной деятельности, которая выражается во вложении со стороны инвестора собственных, заемных или привлеченных средств в форме инвестиций.

Как отмечает В. Ф. Попондопуло [1], осуществляя инвестирование, инвестор самостоятельно определяет объемы, направления, размеры инвестирования. Именно такие черты предоставления мер поддержки являются характерными и отличительными для бизнес-акселераторов, независимо от того, предоставляются ли меры поддержки организатором акселератора самостоятельно (то есть организатор и инвестор совпадают) или для предоставления мер поддержки используются ресурсы привлеченных инвесторов.

Во-вторых, предоставление мер поддержки в рамках бизнес-акселератора направлено на достижение определенной цели — получение прибыли или достижение иного полезного эффекта, причем важно отметить, что получение прибыли не является единственной и(или) обязательной целью предоставления мер поддержки в рамках бизнес-акселератора. Это также свидетельствует именно об инвестиционном, а не, например, о предпринимательском характере, правоотношений, складывающихся в рамках бизнес-акселератора.

Кроме того, получение прибыли зависит не от деятельности самого инвестора, а от деятельности участников акселератора. Также существуют примеры, когда деятельность бизнес-акселератора вовсе не направлена на извлечение прибыли инвестором, а реализация инвестиционной программы имеет своей целью «достижение иного полезного эффекта», например, поддержку и развитие предпринимательских проектов в узких, наукоемких отраслях.

При этом нельзя «оставить за скобками» дискуссию о разграничении инвестиционной и предпринимательской деятельности [2]: согласно одной точке зрения, инвестиционная деятельность представляет собой разновидность

предпринимательской деятельности, другая же группа ученых утверждает, что инвестиционная деятельность является независимым видом деятельности.

В-третьих, существенной чертой и закономерной особенностью является возвратность предоставляемых мер поддержки, вернее, напротив, возможность невозвратности полученных мер поддержки в случае недостижения планируемого результата (то есть, рисковый характер деятельности).

Признак возвратности является важнейшим признаком, отличающим инвестиционные отношения от иных форм взаимодействия: если по общему правилу за невозврат средств наступает ответственность, то в рамках инвестиционных правоотношений ответственность за невозвращение привлеченных средств или их части может и не предусматриваться [3].

Список источников:

1. Попондопуло, В. Ф. (2017). Инвестиционная деятельность: понятие, правовые формы осуществления и публичная организация. *Правоведение*, 4(333), 207–224.
2. Куницкая, Е. В. (2021). Различия инвестиционной и предпринимательской деятельности через категорию интереса и риска. *Юридическая наука*, 1, 7–31.
3. Белицкая, А. В., Лаутс, Е. Б. (2022). Принципы возвратности, платности и срочности в контексте правовой квалификации инвестирования и заемных обязательств. *Банковское право*, 2, 24–31.

Особенности российско-европейского взаимодействия в рамках программ приграничного сотрудничества 2010–2014 гг.

Тарасова Анастасия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

nastya91938@mail.ru

Научный руководитель: *Новикова Ирина Николаевна, доктор исторических наук, СПбГУ*

Russian-European interaction specifics within the cross-border cooperation programmes 2014–2020

Tarasova Anastasia

Saint Petersburg State University

Актуальность. С 1990-х и до 2020-х годов приграничное сотрудничество (ПС) оставалось важнейшей формой взаимодействия России и ЕС в регионе Балтийского моря, который является уникальным исследовательским примером для развития теоретических подходов. Программы ПС — это феномен построения трансграничных связей РФ и ЕС, что обуславливает актуальность их изучения. С практической точки зрения, позитивный опыт российско-европейского сотрудничества требует анализа, так как он может быть имплементирован в другие приграничные регионы страны. В связи с этим исследовательский вопрос связан с выявлением особенностей программ ПС России — ЕС 2014–2020 гг.

Теоретическая и методологическая база исследования. Обращение к теории многоуровневого управления [1] и концепции парадипломатии [2] позволило изучить особенности понимания и практической реализации концепции «приграничного сотрудничества» с учетом российско-европейской специфики.

Методология Бурцевой Е. [3] позволила провести качественный контент анализ правовых документов, а методология Себенцова А. [4] помогла выявить европейскую и/или российскую направленность программ. С помощью сравнительного и системного анализа были сопоставлены и обобщены ключевые характеристики программ; а исторический метод помог установить причинно-следственные связи их трансформацию со временем.

Результаты исследования. Главной особенностью приграничного сотрудничества России и ЕС является его трансформативный характер. За 1990-е–2020-е программы ПС сместились с паттерна «донор — реципиент» к модели равноправного партнерства.

Непосредственно в 2014–2020 годы сложился уникальный период, когда российские и европейские цели ПС совпадали. Анализ механизма управления и финансирования программ позволил говорить о том, что в 2014–2020 гг. оно строилось на принципах партнерства, равноправия и взаимной выгоды. Об этом свидетельствует представление России в организационных, мониторинговых и отборочных процедурах; равнозначный вклад в общий бюджет; особая структура многоуровневого управления с привлечением множества различных по организационно-правовой форме партнеров.

С другой стороны, документы свидетельствуют о стремлении ЕС к некой интеграции и созданию общего пространства с РФ, а для России, напротив, необходимо было сохранить высокую степень свободы действий. С точки зрения теории, данную

особенность можно объяснить конкурирующими подходами «суверенитета» и «европеизации» к управлению глобализацией [5]. РФ стремится защитить внутренний порядок, а ЕС старается продвигать свой порядок за пределы Союза. Этим можно объяснить и юридическую природу Программ ПС как продолжения европейского законодательства, ведь программы приграничного сотрудничества в нормативном ключе являются механизмами Европейского Инструмента Соседства.

Список источников:

1. Perkmann, M. (1999). Building governance institutions across European borders. *Regional Studies*, 33(7), 657–666.
2. Soldatos, P. (1993). Cascading Subnational Paradiplomacy in an Interdependent and Transnational World. States and Provinces in the International Economy. Fry E., Brown D. Berkeley (Eds.), *Institute of Governmental Studies Press* (pp. 112–135).
3. Burtceva, E. (2014). Barriers to the Implementation of the EU-Russia Cross-Border Cooperation Programs (Cases of ENPI Programs; South-East Finland – Russia; Estonia-Latvia-Russia). *Working Papers WP, 3. Centre for German and European Studies (CGES)*. Bielefeld / St.Petersburg.
4. Sebentsov, A. B. (2018). Institutional dimension of cross-border cooperation in the Russian border area. *Regional studies*, 3(61), 66–75. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36384682>
5. Медведев, С. (2008). Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС. *Мировая экономика и международные отношения*, 10, 23–33.

Республика Казахстан: этнополитическое районирование территории

Тенчиков Александр Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

iamalexten@gmail.com

Научный руководитель: *Каледин Николай Владимирович*, кандидат географических наук, СПбГУ

Republic of Kazakhstan: ethno-political zoning of the territory

Tenchikov Aleksander

Saint Petersburg State University

Ethnic conflicts have occurred since the ancient era till nowadays almost everywhere. They are the reflection of the historical geospace of the land or the country and the integral result of long-term mutual development and self-organisation of social and natural systems and processes, also the unity of the geospheric, social and socio-natural space [1].

Kazakhstan stands out with a more complex ethnic composition of its population compared to the majority republics of the ex-USSR. That increases the possibility of interethnic conflicts on its territory. That makes identification and zoning of regions on the territory of Kazakhstan depend on the ethno-conflict potential of their territory actual and relevant. This would significantly simplify the assessment of the ethno-conflict potential and the prediction of the occurrence of ethnic conflicts, and also increase the accuracy of the assessment.

The purpose of this article is the Kazakhstan regions' identification depending on their potential for interethnic conflicts. The tasks will be the structure of the population and its territorial features analysis.

From the economic geographic point of view, the territory of Kazakhstan is traditionally divided into five regions: North, West, Center, South and East. However, this division does not fully correspond to the ethnic structure of the population of Kazakhstan. According to the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan [2], as well as the National Population Census 2021 [3], Kazakhs are the ethnic majority in most of the territory of the Republic: in some districts the share of the titular ethnic group exceeds 99% of total population. The emergence and spread of major interethnic conflicts in such territories seem highly unlikely.

However, the westernmost districts of Atyrau and Mangystau regions should be highlighted: in these territories the likelihood of interethnic conflicts is significantly higher, despite their high mono-ethnicity. This occurs because of large oil and gas production companies located in these areas, which actively employ foreign labour.

Many districts of Northern and Eastern Kazakhstan, as well as the northern part of Central Kazakhstan, are characterised by a high share of ethnic Russians, as well as some other ethnic groups from the European part of the former USSR. In some districts ethnic Russians are even the majority of the population.

Finally, the southernmost and south-easternmost districts of Southern Kazakhstan are characterised by a complex ethnic structure of the population and a high proportion of ethnic minorities, including non-autochthonous ones: Uzbeks, Uyghurs, Dungan etc.

The identification of these regions based on their ethnic structure of the population makes it possible to predict interethnic conflicts with higher accuracy, which can hinder their future occurrence and spread.

Список источников:

1. Kaledin, N. V. (2003). Scientific geographical picture of the world: human activity — geospacial approach. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 4(7), 112.
2. Population of the Republic of Kazakhstan by gender and type of locality (at the beginning of 2023). URL: <https://stat.gov.kz/en/industries/social-statistics/demography/publications/110277/>
3. National census 2021. URL: <https://stat.gov.kz/en/national/2021/>

Геополитические трансформации в регионе Восточной Европы 2015–2023 гг.: тенденции и перспективы

Харламова Екатерина Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

katya.harlamova00@yandex.ru

Научный руководитель: *Барынкин Артем Владимирович*, кандидат исторических наук, СПбГУ

Geopolitical transformations in Eastern Europe 2015–2023: trends and prospects

Kharlamova Ekaterina

Saint Petersburg State University

Со времен Холодной войны регион Восточной Европы остается местом для разногласий и противоречий между Западом и Востоком. Будучи разделенным между социалистическим и капиталистическим лагерями, с обретением независимости после распада СССР страны начали самостоятельно выбирать внешнеполитическую ориентацию. Так, часть стран практически сразу же вступили в ЕС и НАТО, а остальные и сегодня балансируют между атлантическим влиянием, полностью независимой политикой и ориентацией на отношения с Россией.

В регионе за последнее десятилетие наблюдается повышенный интерес к локальным геополитическим инициативам. Они призваны решать конкретные геополитические задачи без задействования других нерегиональных акторов. Среди них можно выделить инициативу Триморья, Люблинский треугольник, Бухарестскую девятку [1]. Каждая направлена на укрепление интеграции между странами региона и усилением военной, политической, экономической мощи для возможности противостояния внешним угрозам.

Каждая из стран по-своему трактует понимание внешних угроз, однако, для большинства стран бывшего социалистического лагеря на уровне программных документов, внешнеполитических доктрин таковой угрозой обозначена политика Российской Федерации [2]. На роль лидера в ЦВЕ все чаще претендует Польша, иницируя те самые геополитические проекты и продвигая идеи объединения в рамках региона, а также, взаимодействия с ЕС и НАТО. Активно поддерживая желание Украины вступить в ЕС и НАТО, проводя особую политику в Белоруссии, продвигая «демократические ценности» [3] в Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджане, активно применяя инструменты мягкой силы, Польша претендует на роль опоры восточного фланга НАТО и не только. Министерством иностранных дел Польши восточной политике, отношениям со странами ЦВЕ, региональным инициативам уделяется особое внимание. Правительством подчеркивается особая, историческая связь с народами Украины и Белоруссии и необходимости кооперации для противостояния агрессивной политике России [3]. Организация партнерства Польши, Литвы и Украины в рамках «Люблинского треугольника» также направлена на совместное противостояние российской угрозе и интеграцию на основе общей истории и культуры [4]. Исследователи публикуют доклады по возможностям такого содружества и перспективам его развития.

«Триморье», созданное в 2016 г. по инициативе правительств Польши и Хорватии, объединяет сразу 13 государств от берегов Балтийского до Черного морей и включает: Польшу, Австрию, Венгрию, Эстонию, Чехию, Болгарию, Грецию, Латвию, Литву, Румынию, Словакию, Словению и Хорватию. Первоначальной целью проекта было сотрудничество в экономическом, транспортном и энергетическом секторе, однако, с 2022 г. все чаще обозначаются геополитические цели интеграции для противостояния угрозе с Востока [5].

Изучение деятельности этих объединений, роли участников и новых геополитических инициатив помогает лучше понять перестановку сил в регионе, перспективы трансформации международных отношений и вызовы, с которыми может столкнуться Россия в проведении своей политики в регионе ЦВЕ.

Список источников:

1. Лыкошина, Л. С. Геополитические приоритеты Польши. *История и археология*, 73–111.
2. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. (2017–2021). *Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej*. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/strategia><https://www.gov.pl/web/dyplomacja/strategia> (дата обращения 18.01.2024)
3. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. *Polityka wschodnia*. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/polityka-wschodnia> (дата обращения 18.01.2024)
4. Trójkąt Lubelski. *Polska Litwa Ukraina*. URL: <https://www.umcs.pl/pl/trojkat-lubelski-rzeczpospolita-wielu-narodow,21847.htm> (дата обращения 18.01.2024)
5. Pawłuszko, T., Borówka, A., Gębska, M., Wilczek, J. (2023). Trójmorze: Budowanie regionu. *Institute of New Europe*.

Политические мифы в избирательных кампаниях на примере президентских выборов в США 2020 г.

Хасанова Алина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

alinahas069@gmail.com

Научный руководитель: *Кулаев Максим Александрович, PhD по политическим наукам, СПбГУ*

Political myths in election campaigns: the 2020 US presidential election

Khasanova Alina

Saint Petersburg State University

Современные практики конкуренции в значительной мере стимулируют политиков к применению в коммуникации с обществом разного рода мифов. Сегодня политические мифы стали неотъемлемой частью сопровождения образов разнообразных акторов, которые, благодаря их использованию, стремятся заручиться доверием электората. Актуальность данной темы обусловлена непрерывностью традиции политического мифотворчества, выражающейся в создании новых и переосмыслении старых мифов, а также, постоянным развитием коммуникационной инфраструктуры.

К. Флад изучал политические мифы как инструменты идеологии. В своей работе «Политический миф. Теоретическое исследование» [1] он уделил значительное внимание практическому конструированию и трансформации политических мифов и мифологем, теоретическому обоснованию политического мифотворчества. Политические мифы, как утверждает автор, имеют идеологически обусловленное основание, что является его главным отличием: «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах». Этот подход позволяет выявить эффективность мифов в конкретной политической ситуации.

Для политического PR миф является эффективной техникой, которая имеет стратегическое значение. Описывая практику сопровождения избирательных кампаний в работе «Технологии политических выборов», М. Е. Кошелюк пишет: «предвыборная кампания представляет собой оживший на время миф, разыгрываемый мифологический сюжет. Чем напряженнее кампания, чем существеннее выбор, тем больше в нем мифологического» [2, с. 30].

В американском контексте одним из решающих средств предвыборной коммуникации служат дискуссионные мероприятия в прямом эфире. Предвыборные дебаты, регулярно проходящие с 1960-ых годов, играют двойную роль: предоставляют кандидатам платформу для демонстрации публичного имиджа и дают общественности возможность оценить и принять решение о наиболее подходящих кандидатах, которые отвечают требованиям времени.

Особый интерес в рамках острого противостояния кандидатов представляет предвыборная гонка за пост президента США в 2020 году, когда встретились кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп и Джо Байден от Демократической

партии. Этот год характеризовался экономическим кризисом из-за пандемии COVID-19. Pew Research отмечают, что за месяц до выборов примерно 9/10 опрошенных обеспокоены тем, что победа другой стороны приведет к «долговременному ущербу» для Соединенных Штатов [3].

Итак, доклад посвящен исследованию феномена политического мифа и его применению на практике в ходе предвыборной кампании кандидатов на пост президента США 2020 года. Объектом исследования являются первичные дебаты, анализируемые методом дискурсивного анализа, в рамках которого текст разделен на стратегии ведения дискуссии, сопоставленные с типами мифа «мы/они». Результатом работы служит характеристика мифов, свойственных представленным идеологическим направлениям.

Список источников:

1. Флад, К. (2004). *Политический миф. Теоретическое исследование*. Москва: Прогресс-Традиция.
2. Кошелюк, М. Е. (2004). *Технологии политических выборов*. Санкт-Петербург: Питер.
3. Pew Research Center. *America is exceptional in the nature of its political divide*. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2020/11/13/america-is-exceptional-in-the-nature-of-its-political-divide/> (дата обращения: 18.10.2023)
4. Lasswell, H. D. (1952). *The comparative study of symbols*. Stanford: Stanford Univ.press.
5. Малинова, О. Ю. (2015). Миф как категория символической политики. *Полис. Политические исследования*, 4, 12–21.

Современный религиозный экстремизм в Сахеле: истоки, формы, стратегии противодействия с учетом фактора Франции

Черныш Никита Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет

chernyschirina@yandex.ru

Научный руководитель: *Чихачев Алексей Юрьевич, кандидат политических наук, СПбГУ*

Modern religious extremism in the Sahel: origins, forms, counteraction strategies, concerning the French factor

Chernysh Nikita

Saint Petersburg State University

Религиозный экстремизм является актуальной и сложной проблемой в регионе Сахель, представляя угрозу для безопасности и стабильности. Этот регион стал одним из главных очагов экстремистской деятельности, где взаимодействие различных факторов, включая исторические, социальные и политические, способствует распространению и укреплению религиозного экстремизма. С проблемой терроризма борется весь мир, и Франция не исключение.

Однако, несмотря на широкое обсуждение этой проблемы, мало исследований посвящено истокам, формам и стратегиям противодействия религиозному экстремизму в Сахеле с учетом фактора Франции. Данное исследование направлено на анализ и выявление основных факторов, способствующих возникновению и распространению религиозного экстремизма в регионе, а также, на выявление специфики стратегий противодействия, учитывающих роль Франции в этом контексте.

Целью данного исследования является выявление специфики форм современного экстремизма в Сахеле и стратегий для противодействия этому явлению с учетом влияния и действий Франции.

Теоретико-методологическая база данной научной работы включает теорию религиозного экстремизма, междисциплинарный подход, исторический анализ (ретроспективный). Эти подходы и концепции позволяют нам более глубоко понять истоки и формы современного экстремизма и рассмотреть стратегии противодействия.

Исторический обзор. Терроризм не является новым феноменом, возникшим в 2001 году. «Уже в Древнем мире и в Средневековье существовал терроризм. Он был связан с действиями отдельных экстремистских религиозных и политических группировок, которые использовали насильственные действия, в том числе убийства для достижения своих политических или религиозных целей» [1].

Сахельский регион имеет древние истоки, связанные с различными факторами такими, как распространение салафитской идеологии в регионе, этническое напряжение и противоречие местного населения, поддержка и влияние иностранных экстремистских организаций.

Формы экстремизма. Проблема терроризма вытекает из внутренней нестабильности правительства и религиозными столкновениями этнических народов. Особую роль играют крупные террористические группировки, преследующие свои собственные цели: АКИМ, ДНИМ и Боко Харам. В Сахеле распространены различные

религиозные культы и радикальные исламские учения, которые пропагандируют экстремистские идеологии. Но идеологический фактор не обязательно стоит на первом месте, «многие местные противоречия обусловлены разногласиями по поводу доступа к природным ресурсам» [2].

Стратегии противодействия. Франция играет важную роль в борьбе с религиозным экстремизмом в Сахеле. Она предоставляет военную поддержку для региональной инициативы G5 Sahel и ведет операцию «Бархан» для борьбы с терроризмом. Однако вмешательство Франции вызывает споры и критику, связанные с вопросами колониализма, нарушениями прав человека и прочими аспектами.

Список источников:

1. Camara, S. (2019). Terrorism and interethnic conflicts in the centre of Mali as consequences of the tuareg separatism. *PolitBook*, 4, 149–161.
2. Gerlycine, N. (2022). Burkina Faso and the terrorist crisis in Sakhele. *African ruins of the future*, 5(145), 165–177.

Дизайн эксперимента в оптимальном подоходном налогообложении

Шатров Дмитрий Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет

st064374@student.spbu.ru

Научный руководитель: Подкорытова Ольга Анатольевна, кандидат

физико-математических наук, СПбГУ

An experiment design for optimal income taxation

Shatrov Dmitry

Saint Petersburg State University

Income tax policy is among the primary means by which governments counteract economic inequality. A number of formal models describe income taxation approaches optimal with respect to given criteria. There is currently no research of the consequences of the implementation of the formal models. We seek to propose an experiment design for a progressive income tax model that allows for explicit construction of tax brackets and maximises the tax collected.

The Game-theoretic Average Tax Rate (GTA) model maximises the total income tax collected from the populace given that the average (effective) tax rate and the disposable income both increase with the individual's total income [1, p. 5–6].

The tax brackets in the GTA model are given by

$$y_{opt}(x) = \begin{cases} y_-, & 0 \leq x < x_- \\ 1 - \left(\frac{x_-}{x}\right)^\sigma, & x_- \leq x < x_0 \\ 1 - (1 - y_+) \left(\frac{x_+}{x}\right)^\delta, & x_0 \leq x \leq x_+ \\ y_+, & x > x_+ \end{cases}$$

where y_- , y_+ are the minimum and maximum average tax rates, x_- , x_+ denote non taxable income and the low end of the highest-earning income bracket, σ , δ are model elasticity parameters and (x_0, y_0) is the control switching point [1]. Based on the GTA model, marginal tax rate brackets may be obtained as a solution to a quadratic programming problem [2, p. 2–3].

One issue with the GTA model is that the total tax collected depends on the populace income distribution function. There is no empirical evidence to suggest that the function will not be affected by a new income tax, nor is there a direct way to obtain such evidence.

As all tax revenue, the collected income tax is used to fund public expenses. An experiment design to test whether the optimal income tax affects the income distribution function, i. e. willingness to report income, may then be based on the public good game [3].

Suppose that for an individual income $x_i, i = 1, \dots, n$ a_0 is not taxable, the income within the range (a_0, a_1) is taxed at a marginal rate η_1 and all income in excess of a_1 is subject to the tax rate of $\eta_2 > \eta_1$. The total income tax for $x_i \geq a_1$ is then $T_i(x_i) = \eta_2(x_i - a_1) + \eta_1(a_1 - a_0)$. In our stylized public good game individual utility is then

$$u_i = x_i - T_i(x_i) + k \sum_{j=1}^n T_j(x_j) - \sum_{j=1}^n p_{ji} - c \sum_{j=1}^n p_{ij}, i = 1, \dots, n$$

where k denotes conversion of taxes into public goods and p_{ij} is the penalty imposed by person i by person j for tax fraud [3, p. 44].

An experiment where participants' conceal income is measured under optimal and sub-optimal schedules would allow to assess whether the GTA model solution delivers an increase in total tax collected. It would also help account for individual's rational expectations instead of treating income tax policy-making as games against nature [4, p. 2–5]. This experiment design may be further adjusted to control for the fact that the study participants distribute “manne from heaven”, as opposed to product of their labour [5, p. 1–4].

Список источников:

1. Smirnov, R. O. (2011). Modelling of Choosing the Parameters of the Income Tax Schedule. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 4, 141–148. URL: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/2935>
2. Smirnov, R. O. (2016). Modelling of Choosing the Progressive Income Tax Schedule. *Finance and Business*, 4, 22–34.
3. Fehr, E., Schmidt, K. M. (1999). A theory of fairness, competition, and cooperation. *Quarterly Journal of Economics*, 114(3), 817–868.
4. Kydland, F. E., Prescott, E. C. (1977). Rules Rather than Discretion: The Inconsistency of Optimal Plans. *Journal of Political Economy*, 85(3), 473–491.
5. Cappelen, A. W., Hole, A. D., Sørensen, E. Ø., Tungodden, B. (2007). The Pluralism of Fairness Ideals: An Experimental Approach. *The American Economic Review*, 97(3), 818–827. URL: <http://www.jstor.org/stable/30035021>

Проблема сверхбогатства и особенностей поведенческих стратегий сверхбогатых россиян

Швецова Елена Антоновна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ellena.solokhina@gmail.com

Научный руководитель: *Мареева Светлана Владимировна*, кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ

The super-rich Russians in a sanctional crisis: contents, dynamics, positions, behavioural strategies

Shevtsova Elena

National Research University Higher School of Economics

Группа сверхбогатых является важным элементом общей картины доходного неравенства, анализ которого необходим для оценки его реальных масштабов и отслеживания его динамики. Специфика этой группы может влиять на толерантность населения к неравенству и на социальную напряженность в обществе. Поэтому анализ ее состава и динамики представляет высокий научный интерес, в особенности в странах, прошедших трансформационные преобразования, к которым относится и Россия.

Данная работа посвящена изучению и интерпретации поведенческих стратегий богатейших россиян в условиях беспрецедентных санкций. Работа подразумевает экономическую оценку активов и движения капитала. Исследование продолжает традиции изучения бизнес-элиты новой России, фокусируясь, на особенностях ее состава и поведения в текущих условиях, а не на способах попадания в состав группы, чему посвящены работы других исследователей [1, с. 5], [2, с. 30].

В рамках исследования мы обращаемся к социально-экономическому портрету сверхбогатых россиян, к оценке степени устойчивости этой группы, а также, ее поведенческим стратегиям в условиях санкций. Эмпирическую базу для анализа составила специально собранная для целей исследования базой данных, включающая в себя ряд социально-экономических показателей, информация по которым была получена из анализа открытых источников. В выборку были включены россияне, которые в период 2021–2023 гг. находились в списке 200 богатейших российских бизнесменов, который ежегодно составляет Форбс [4], и состояние которых превышает при этом миллиард долларов. Сравнительный анализ опирается на выборку из 110 миллиардеров, входящих в наиболее актуальный список Forbes.

Важно отметить, что выявленные поведенческие стратегии актуальны на май 2023 года.

Что касается обобщенного «портрета» *сверх-богатства* в современной России, то в анализируемой выборке средний возраст участника составил 58,3 лет.

Большая часть описываемой выборки обладает тесными связями с политическим руководством страны, именуемыми в данном исследовании аффилированностью. Выявлена высокая корреляция между показателем аффилированности и наличием санкционного давления.

Анализ *объемов богатства* представителей сверхбогатых россиян показал, что концентрация благосостояния в топ-20 российского рейтинга богатейших россиян превышает совокупный капитал миллиардеров, занимающих позиции с 21 по 110 в наиболее актуальном списке Форбс. При этом динамика капитала носит более волатильный характер в рамках данной группы.

Под *поведенческими стратегиями* в рамках исследования подразумеваются выход из управления основного предприятия, изменение структуры собственности посредством передачи прав собственности доверенным лицам и приобретение российских активов при условии наличия/отсутствия санкционного давления и аффилированности с представителями российского политического истеблишмента. Анализ поведенческих стратегий является главным достоинством исследования.

Нужно отметить, что группа сверхбогатых россиян обладает высокой степенью устойчивости (55% представителей анализируемой выборки перманентно входят в список на протяжении 13 лет, в то время как средний период нахождения в рейтинге Форбс оценивается в 10,9 лет) (расчеты автора) и адаптивности к внешним шокам, поэтому в контексте изучаемой группы можно предположить, что даже периоды высокой экономической турбулентности могут усугубить ее закрытость и гомогенность при условии сохранения текущего политического курса.

Список источников:

1. Агафонов, Ю. Г., Лепеле, В. Р. (2016). «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России. *Мир России. Социология. Этнология*, 25(3), 97–125.
2. Крыштановская, О. В. (2005). *Анатомия российской элиты*.
3. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/dec/30/russian-oligarchs-lose-95bn-in-2022-amid-sanctions-after-ukraine-war> (дата обращения 08.10.2023).
4. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/487934-110-rossijskih-milliardero-vejting-forbes-2023> (дата обращения 08.10.2023)
5. Global Wealth Report. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения 08.10.2023).

Политические взгляды и экономический выбор. Эмпирический анализ индивидов в Монголии

Шестаков Антон Сергеевич, Сафиуллин Дениз Ильшатович

matrix.2988@mail.ru, disafiullin@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель: *Бутуханов Александр Владимирович, доцент экономических наук, НИУ ВШЭ; Торпищев Тимур Ринатович, старший преподаватель НИУ ВШЭ*

Political preferences and economic behaviour. Empirical analysis of individuals in Mongolia

Shestakov Anton, Safiullin Deniz

National Research University Higher School of Economics

Институциональное развитие общества обусловлено большим количеством взаимосвязанных факторов. В частности, политическая система имеет тесную связь с экономическими институтами. Данный эффект является взаимным: специфика экономической модели может оказывать влияние на политические установки равно, как и устойчивая политическая структура на экономическое положение индивидов.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем политическую систему современной Монголии, претерпевшую ряд фундаментальных изменений на пути к формированию демократических институтов в 90-х годах XX века. На данный момент Монголия является государством с устойчивой демократией. В соответствии с данными исследовательской неправительственной организацией Freedom House на 2023 год общий показатель “Global Freedom Status” Монголии равен 84/100.

В свою очередь высокие темпы демократизации Монголии оказывают влияние на ее экономическую институциональную трансформацию [1]. Наряду с политическими преобразованиями и развитием механизма выборов как одного из основополагающих демократических институтов экономическое поведение индивидов подвержено равнозначным метаморфозам. Так, изменчивость экономического выбора может оказывать значимое влияние на политические предпочтения голосовать за «левые» или «правые» партии в современной Монголии. Результаты многих экономических исследований свидетельствуют о явной зависимости экономического положения и склонности голосовать за конкретную партию [2;3]. В своем исследовании мы собираемся определить, в какой степени экономический выбор влияет на политические предпочтения индивида в Монголии.

Работа основана на данных опроса World Value Survey, который проводился среди индивидов в 2020 после VIII созыва монгольского парламентского собрания. Для ответа на исследовательский вопрос в работе применяется регрессионный анализ. При построении моделей и выборе контрольных переменных используются валидные источники информации — экономическая интуиция и предыдущие исследования в области политической экономии, которые указывают на явную зависимость между уровнем благосостояния и тем, за какую партию голосует индивид [3;4]. Исходя из академической теории, мы предполагаем, что рабочий класс в Монголии в большей степени будет склонен голосовать за левые партии, а средний класс и богатые – за правые.

Предполагаемые результаты о взаимосвязи политических предпочтений и экономического выбора не установлены в явном виде из-за большого количества значимых специфических факторов в контексте современной Монголии. Тем не менее, наше базовое предположение подразумевает, что при прочих равных среднестатистический индивид, склонный голосовать за «правых», с большей вероятностью будет иметь экономическое поведение, обеспечивающее его высокое материальное положение относительно индивида с «левыми» политическими взглядами. Гипотеза базируется на результатах исследований, подтверждающих, что индивиды с высоким уровнем дохода склонны к более рациональному экономическому поведению [5].

Список источников:

1. Khomushku, A. M. (2020). Political Culture and Foreign Policy of Modern Mongolia. *Vestnik of Tuvan State University. Social Sciences and Humanities*, 1(56), 63–73.
2. Huber, J. D., Stanig, P. (2009). Individual income and voting for redistribution across democracies. *Working paper*. Columbia University. New York. URL: <http://www.columbia.edu/~jdh39/Site/Research.html>
3. Huber, J. D., Stanig, P. (2007). *Why do the poor support right-wing parties? A cross-national analysis*. Unpublished paper, Columbia University, New York.
4. Bingham, G, Whitten, Jr. and G. D. (2015). A Cross-National Analysis of Economic Voting: Taking Account of the Political Context. *American Journal of Political Science*, 37(2), 391–414.
5. Jaafar, N., Marican, S., Zakaria, R. (2012). Financial Behavior and Financial Position: A Structural Equation Modelling Approach. *Middle East Journal of Scientific Research*, 12(10), 1396–1402.

Взаимосвязь денежных переводов трудовых мигрантов и международной помощи Европейского Союза в период 2007–2022 гг.

Щербakov Роман Вячеславович

Санкт-Петербургский государственный университет

romarome965@gmail.com

Научный руководитель: *Пушкина Дарья Булатовна, PhD по системе управления и политике, СПбГУ*

The relationship between migrant remittances and European Union foreign aid from 2007 to 2022

*Shcherbakov Roman
Saint Petersburg State University*

Исследователи выделяют три основных притока финансовых ресурсов в экономику страны извне: прямые иностранные инвестиции, международную помощь и денежные переводы трудовых, занятых в экономиках других стран [1, p. 100]. Если первое экономическое явление достаточно хорошо исследовано и поддается прогнозированию, то динамика двух других явлений остается мало изученной в академической литературе, как и то, какова взаимосвязь денежных переводов и международной помощи [2]. В своей работе я бы хотел рассмотреть взаимообусловленность двух явлений на примере международной помощи Европейского союза и мигрантских денежных переводов, исходящих из стран-членов Европейского союза.

Исследователи подчеркивают, что международную помощь и денежные переводы нельзя представить ни как «комплементы», ни как «субституты», связь между ними гораздо более сложная. В частности, в лице мигрантских переводов по отношению к международной помощи мы имеем дело с «субститутым второго порядка», то есть с притоком международной помощи со временем растет число приходящих в страну денежных отчислений от дохода трудовых мигрантов [3].

Исследование позволит понять, в какой степени лица, принимающие решения об оказании международной помощи в Европейском союзе, обращают внимание на величину средств, приходящих в экономику страны-бенефициара в виде денежных переводов трудовых мигрантов. Исследовательский вопрос моей работы можно сформулировать таким образом: имеет ли место влияние величины денежных переводов трудовых мигрантов, исходящих из стран Европейского союза, на международную помощь Европейского союза?

Исследование будет проведено с помощью регрессионного анализа в логике метода наименьших квадратов. В качестве альтернативных факторов, влияющих на размер международной помощи Европейского союза, помимо величины денежных переводов трудовых мигрантов, будут рассмотрены размер экономики страны-бенефициара, наличие того или иного бедствия гуманитарного характера, «потенциал демократизации» (на основе баз данных порталов Freedom House, Polity IV, V-dem за 2007-2023 годы), а также, доля населения за чертой бедности.

Теоретической рамкой работы послужит новый институционализм в духе работы Джорджа Цебелиса и Джеффри Гаррета [4]. На основе открытых баз данных ЕС, МВФ,

Всемирного Банка и негосударственных организаций планируется провести регрессионный анализ, где зависимой переменной будет выступать размер международной помощи ЕС. Логика исследования предполагает многоуровневый анализ (multi-level modelling), где вторым уровнем будет выступать страна-получатель или время: таким образом, можно будет проследить разницу между подходами к выделению помощи отдельным странам или динамику отчислений с течением времени. Я ожидаю увидеть негативную связь между международной помощью ЕС и денежными переводами трудовых мигрантов, другими словами, чем больше денежных переводов в отдельную страну на душу населения исходит из ЕС, тем меньше международной помощи ЕС на душу населения будет прослеживаться.

Список источников:

1. Nwaogu, U. G., Ryan, M. J. (2015). FDI, Foreign Aid, Remittance and Economic Growth in Developing Countries. *Review of Development Economics*, 19(1), 100–115.
2. Abbas, S. A. (2021). Are remittances and foreign aid interlinked? Evidence from least developed and developing countries. *Economic Modelling*, 94(C), 265–275.
3. Berthélemy, J.-C., Beuran, M., Maurel, M. (2009). Aid and Migration: Substitutes or Complements? *World Development*, 37(10), 1589–1599.
4. Tsebelis, G., Garrett, G. (2001). The Institutional Foundations of Intergovernmentalism and Supranationalism in the European Union. *International Organization*, 55(2), 357–390.

Роль цифровой корпоративной культуры в повышении привлекательности EVP для поколения Z

Яковец Екатерина Евгеньевна, Смирнова Елизавета Михайловна

yakovets.ee@gmail.com, st110596@student.spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель: Кизян Наталья Геннадьевна, *кандидат экономических наук, СПбГУ*

Digital corporate culture as a factor of EVP's attraction for Generation Z

Yakovets Ekaterina, Smirnova Elizaveta

Saint Petersburg State University

Одной из самых обсуждаемых проблем в сфере управления человеческими ресурсами на сегодня является кадровый голод. По данным статистики сервиса открытой аналитики hh.ru в течение всего 2023 года наблюдался дефицит соискателей на рынке труда [1]. Прогнозы исследователей на будущее нельзя назвать оптимистичными: аналитики говорят о сохранении данной проблемы в будущем, а также, о кардинальном изменении структуры трудоспособного населения российского рынка. Так, «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» спрогнозировал перемены, которые уже наступают в составе рабочей силы ввиду изменения возрастного состава населения [2]. Два важных, взаимодополняющих тренда: это постепенный уход с рынка сотрудников, достигших пенсионного возраста, и смещение состава экономически активной и привлекательной для найма социальной группы в сторону поколения Z.

Как отмечают сторонники теории поколений, ценности сотрудников и соискателей данной возрастной группы значительно отличаются от иных возрастных категорий. Поколение Z — это цифровое поколение: его представители родились в эпоху развития новых технологий, их профессиональное становление пришлось на период удаленной работы (во время пандемии), поэтому цифровая среда для них наиболее комфортна. Однако не всем компаниям на современном рынке труда удастся вовлекать и удерживать молодых специалистов в периметре своей деятельности.

Итак, проблемным вопросом данного исследования является сложность привлечения и удержания специалистов поколения Z в ситуации высокой конкуренции на рынке труда. Целью работы является изучения роли цифровой корпоративной культуры в создании привлекательного для молодых специалистов ценностного предложения (EVP). Для ее достижения были выбраны следующие аналитические методы: анализ статистических исследований системы ценностей представителей поколения Z, систематизация академических работ, посвященных особенностям цифровой корпоративной культуры, и моделирование EVP на основе изучения современных инструментов управления брендом работодателя.

Разработка проблемного вопроса определяется актуальным в сфере HR подходом управления по ценностям [3]. Среди ценностей специалистов поколения Z выделяют: свободу, персонализацию, изучение, сотрудничество, развлечения, скорость, инновации, что напрямую отражается на их стиле жизни и форме взаимодействия. При этом, если компании эти ценности не разделяются, то сотрудники не будут вовлечены в

ее деятельность: они будут уходить в те организации, где данные принципы важны для бизнеса, то есть в среду цифровой корпоративной культуры [4]. В то же время ценностное предложение, с которым работодатель выходит к молодым специалистам, отражает организационную культуру компании [5]. По этой причине, если компания стремится завоевать внимание молодого поколения, сокращать текучесть персонала поколения Z, она должна трансформировать свои ценности под современные цифровые реалии.

Список источников:

1. Сервис открытой аналитики HH.ru. (2023). URL: <https://stats.hh.ru/> (дата обращения: 15.01.2023).
2. Денисенко, М. Б., Мкртчян, Н. В. (2022). Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России. *Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП*, 5(10). URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/30/1872644620/Human_Capital_NCMU_Digest_1_0_Demographic..Ssupply_in_Russian_Regions_2022.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
3. Майджер, К. (2005). *Ценностно-ориентированное управление. Революционный подход к достижению успехов в бизнесе и личному процветанию*. Ростов-на-Дону: Феникс.
4. Microsoft. (2017). Digitalculture: Your competitive advantage. URL: <https://news.microsoft.com/uploads/2018/02/EEE-Insights-Report.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
5. Как правильно разработать EVP и привлечь с его помощью кандидатов. *Журнал Хантфлоу*. URL: <https://huntflow.ru/blog/evp/> (дата обращения: 15.01.2023).

СОЦИОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Атомизация и солидаризация в Московской агломерации через призму соседских практик в жилье разных типов застройки
Амшаринская Станислава, Блинова Анна, Давыдова Анна, Проценко Полина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
syuamsharinskaya@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Бархатова Лариса Александровна, кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ*

Atomization and Solidarization in the Moscow Agglomeration Through the Prism of Neighborhood Practices in Different Residential Development Types

Amsharinskaya Stanislava, Davydova Anna, Blinova Anna, Protsenko Polina
National Research University Higher School of Economics

В рамках доклада будут представлены результаты исследования, направленного на рассмотрение двух противоречащих друг другу тенденций — атомизации и солидаризации в городском пространстве на примере соседства. Данное противоречие было выявлено в ходе рассмотрения классических теоретических работ и современных исследований в области социологии города [1; 2].

В настоящий момент урбанизация претерпевает новый этап преобразований [3], который завершился появлением специфических форм строительства — жилых комплексов, которые отличаются анклавностью, закрытостью, отдаленностью, иным социально-демографическим срезом [4].

На основе литературы нами была сформулирована главная гипотеза исследования: появление жилых комплексов, как когда-то появление и рост городов, должно повлечь за собой изменения в степени солидаризации общества. Следовательно, для того, чтобы прогнозировать общественное развитие, требуется изучение объединений — соседства, специфичного для новых форм застройки, в сравнении с соседством, свойственным для старых домов, что и стало центральной задачей нашего исследования.

Для проверки этой гипотезы мы провели сравнительное количественное исследование методом полевого опроса, в выборку для которого вошли респонденты из двух типов застройки. Общее число респондентов составило 366 человек: 180 жителей домов старой застройки и 186 новой, проживающих в своем доме не меньше двух месяцев и имеющих возможность установить соседские отношения.

В ходе теоретического обзора нами были выявлены два типа соседства: новое и старое, которые представляют из себя наборы практик [2; 5]. Новое соседство характеризуется диджитализацией, участием в соседских мероприятиях и большей готовностью оказывать услуги. Подобная форма соседства более характерна именно для жилых комплексов — новой формы застройки. Старое соседство свойственно отдельно стоящим многоквартирным домам, оно в свою очередь характеризуется менее активным участием жителей в разнообразных соседских практиках, отсутствием онлайн-взаимодействия.

Мы проанализировали, совпадают ли типы соседства с описанными в литературе, для чего провели кластеризацию. Метод К-средних выделил 55% тех, кого можно

отнести к старому соседству; и 45% — к новому.

Новое соседство и старое соседство действительно более распространены в домах, соответствующих типу застройки, но, тем не менее, перетекают между собой (хи-квадрат).

Для нового соседства характерна более высокая степень солидаризации, нежели для старого (т-тесты). На нее в большей степени влияют оффлайн-практики (регрессионный анализ). Диджитализация также влияет на доверие и сплоченность, как и развлекательные мероприятия (регрессионный анализ).

Мы подтвердили, что соседство, формирующееся на основе практик и взаимодействий между соседями, влияет на то, насколько люди солидаризируются с городом и городским населением в целом (корреляционный анализ).

Список источников:

1. Зиммель, Г. (2002). *Большие города и духовная жизнь*. Логос, 3(34), 1–12.
2. Чернышева, Л., Гизатуллина, Э. (2021). «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт Петербурга. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, (2), 39–71.
3. Махрова, А. Г., Кириллов, П. Л. (2015). Российская урбанизация и жильё горожан. *Демоскоп Weekly*, (645–646), 1–6.
4. Тыканова, Е. В., Тенишева, К. А. (2020). В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2), 7–35.
5. Bogdanova, E. (2021). Коллективная стратегия решения проблем ЖКХ в условиях «старого соседства» в российском мегаполисе. Можно ли песок растворить в воде?. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 13(2), 72–100.

Практики взаимодействия сотрудников кофеен и посетителей-фрилансеров

Горохова Анна Сергеевна, Бутурлина Ульяна Дмитриевна, Тюрина Екатерина Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

anyuta.post@gmail.com, buturlina33@gmail.com

Научный руководитель: *Маркин Максим Евгеньевич, НИУ ВШЭ*

Interaction practices of coffee shop employees and freelance visitors

Gorokhova Anna, Buturlina Uliana

National Research University Higher School of Economics

С 2020 по 2021 год количество фрилансеров и удаленных сотрудников увеличилось в пять раз [1]. Из-за отвлекающих факторов и однообразной обстановки работа из дома бывает затруднительной. Поэтому сегодня во многих кофейнях можно встретить посетителей с компьютерами, использующих кофейню как рабочее пространство. Они представляют новый тип гостей, который требует адаптации сложившейся политики заведения. Возникают исследовательские вопросы: какие практики существуют во взаимодействии сотрудников кофеен и посетителей-фрилансеров и какими нормами они регулируются?

Удаленная занятость является стилем жизни, характеризующимся стремлением к трудовой автономии. Фрилансеры воспринимают перемещения во время рабочего дня как позитивный ресурс [4, 5]. Согласно концепции «права на город», кофейня, как любое публичное место, выступает продуктом социального взаимодействия [2]. В зависимости от представлений посетителей о кофейне, они по-разному приспособливают ее пространство под свои нужды, в связи с чем группировки клиентов с несовпадающими интересами могут конфликтовать.

Цель исследования — выявить и описать практики взаимодействия сотрудников кофеен и посетителей-фрилансеров. Эмпирическая база исследования состоит из 24 полуструктурированных интервью. В выборку вошли 14 фрилансеров в возрасте от 18 до 30 лет, посещающие кофейни от 2 раз в месяц, и 10 сотрудников (7 бариста, 1 владелец кофейни и 2 менеджера) в возрасте от 19 до 30 лет с опытом работы от 3 месяцев из 2 частных и 5 сетевых кофеен как с наличием формальных ограничений на использование ноутбуков, так и с более свободной политикой. Анализ данных осуществлен методом открытого кодирования: исходные коды сгенерированы с помощью построчного кодирования и затем сгруппированы в категории по принципу сходства.

Результаты исследования показали, что формальные правила представлены ограничениями на использование ноутбуков в определенном месте или по времени, но за их несоблюдение не всегда предусмотрены санкции. Также у посетителей-фрилансеров существуют внутренние представления о том, что «правильно», а что «неправильно» по отношению к кофейне. Неформальные нормы количественно преобладают над формальными и обладают большей силой. Они регулируют количество заказов, продолжительность пребывания в кофейне и другие аспекты взаимодействия. Сотрудники кофеен и фрилансеры не являются

конфликтующими группами и, несмотря на разовые столкновения, стремятся к поддержанию спокойных взаимоотношений. При этом сотрудники могут испытывать трудности в разрешении конфликтных ситуаций при противоречии норм морали и этикета, которыми они руководствуются, формальным правилам заведения.

Результаты исследования позволяют лучше понять роль кофеен как «третьих мест» в современном городе [3]. Культура посещения кофеен для работы только формируется, и в будущем могут возникать новые формальные правила для посетителей-фрилансеров и преобразовываться неформальные нормы, что открывает поле для будущих исследований.

Список источников:

1. *Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России*. РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35>. (Дата обращения: 18.01.24).
2. Лефевр, А. (2015). *Производство пространства* (И. Стаф). М.: Strelka Press.
3. Ольденбург Р. (2018). *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества* (А. Широканова). URL: <https://books.google.ru/books?id=s2lyDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Дата обращения: 01.06.23).
4. Стребков, Д., & Шевчук, А. (2022). *Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости*. М.: Издательство Высшей школы экономики.
5. Liegl, M. (2014). Nomadicity and the care of place — on the aesthetic and affective organization of space in freelance creative work. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, 23, 163-183.

Портрет посетителей реновированной библиотеки

Гупайсова Яна Сергеевна, Провкова Елена Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ygupaisova@yandex.ru, provkova.le@mail.ru

Научный руководитель: *Русакова Майя Михайловна*, кандидат социологических наук, СПбГУ

A portrait of the audience of the renovated library

Gupaisova Iana, Provkova Elena

Saint Petersburg State University

С наступлением цифровизации и общественными изменениями последних десятилетий взгляд на библиотеку как на источник знаний и место распространения идеологии устарел [1], в связи с чем библиотеки переживают реновацию. Через создание комфортной инфраструктуры и расширение функционала они трансформируются в «третье место» — универсальное пространство для общения [2], с фокусом на горизонтальную коммуникацию, непринужденную атмосферу и локальность. Одновременно с этим библиотеки становятся площадкой для мероприятий и ориентируются на аудиторию со всех районов города — таким образом, их можно отнести к культурным общественным пространствам. В центре общественного пространства также находится коммуникация, однако, в отличие от «третьего места», для нее характерно включение политического и культурного контекста, формирование центров притяжения [3]. Развитие обоих понятий связано с формированием сообщества, однако сейчас наблюдается «кризис публичности»: характерно индивидуальное со-использование пространств без формирования коллективной идентичности [4].

Библиотеки находятся в процессе трансформации, поэтому сложно говорить, к какому формату они тяготеют — «третьего места» или общественного пространства. Можно предполагать, что библиотеки в большей степени являются «третьим местом», локальным досуговым центром, так как традиционно учреждения сильно зависят от местного сообщества. Для ответа на данный вопрос необходимо изучение «обратной стороны» — посетителей библиотек и практик использования и восприятия ими пространств. Таким образом, проблемой данного исследования является недостаток информации о социальном портрете посетителей реновированной Библиотеки Санкт-Петербурга.

Объектом исследования стала аудитория реновированной библиотеки Красногвардейского района Санкт-Петербурга (далее — Библиотека). Сбор данных проходил в онлайн и офлайн формате с помощью метода анкетирования. Для изучения социального портрета аудитории были выявлены демографические характеристики посетителей, экономические и досуговые практики как составляющие стиля жизни, а также показатели лояльности и представления о Библиотеке [5].

Исследование показало, что реновация Библиотеки дает учреждению второе дыхание и в большей степени соответствует запросу посетителей. Аудитория неоднородна и мало интегрирована друг с другом: в основном посетители дифференцированы по практикам использования пространства, которые формируют

более и менее вовлеченные группы. Если для вовлеченной группы Библиотека вписана в повседневность, является библиотекой «рядом с домом», то менее вовлеченные посетители, наоборот, представляют учреждение культурным центром наравне с другими городскими пространствами. При этом бóльшая часть аудитории состоит из вовлеченной группы, которая посещает Библиотеку часто и проживает в пешей доступности от нее. Таким образом, Библиотека — преимущественно локальное учреждение, которое соответствует характеристикам «третьего места».

Список источников:

1. Гендина, Н. И., Рябцева, Л. Н. (2018). Изменение функций библиотек в эпоху социокультурных трансформаций: социальные риски и проблема выбора ориентиров. *Библиотекведение*, 67(3), 257–265.
2. Ольденбург, Р. (2018). *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Баталина, Т. С. (2017). Анализ особенностей формирования общественного пространства. *Бизнес и дизайн ревью*, 1(5).
4. Паченков, О. В. (2012). Публичное пространство города перед лицом вызовов современности. *Новое литературное обозрение*, 117(5/2012), 67–83.
5. Есина, Т. А. (2010). *Социальное портретирование как метод изучения библиотек: диссертация кандидата педагогических наук: 05.25.03*. Москва.

Доверие работодателей к принципам инклюзивной экономики на примере соискателей, имеющих инвалидность

Зайнуллина Аделия Алмазовна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
adeliazaynullina@gmail.com

Научный руководитель: *Воеводина Екатерина Владимировна, кандидат социологических наук, ФУ при Правительстве РФ*

Employers' trust in the principles of an inclusive economy using the example of applicants with disabilities

Zaynullina Adeliia

Financial University under the Government of the Russian Federation

С одной стороны, современный мир, стремящийся к социальному и экономическому равноправию, мотивирует развитие инклюзивной экономики и изменение отношения к социальным группам, нуждающимся в инклюзии. Развитие технологий позволяет большему количеству людей быть задействованным в профессиональной деятельности. С другой стороны, до сих пор существует предвзятое отношение к сотрудникам с инвалидностью, а также определенные социальные барьеры их найма на работу [1]. Отмечается, что каждый второй человек с ОВЗ (58%) воспринимает свою инвалидность непреодолимым и существенным препятствием при приеме на работу, несмотря на современные условия дистанционной занятости или неполного рабочего дня, а 42% из них говорят, что получают меньшую зарплату по сравнению с обычными работниками при равных условиях [2].

Ключевой исследовательский вопрос: как работодатели-владельцы малого бизнеса воспринимают принципы инклюзивной экономики с точки зрения доверия к ним?

Базовой теорией в данном исследовании является концепция доверия П. Штомпки, который утверждал, что «доверие есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий других» [3]. В ситуации доверия или недоверия работодатель принимает решение, нанимать сотрудника с инвалидностью или нет, обращая внимание на появляющиеся неопределенность и риск.

Также в рамках данной работы необходимо рассмотреть причины возможного недоверия в отношении сотрудников с инвалидностью. Автор исследования предполагает, что оно может быть связано со стигматизацией в отношении данной категории населения. И. Гоффман утверждает, что стереотипы не возникают сами по себе, необоснованно. Стигматизация предполагает выделение одних индивидов по некоторым признакам, «отклоняющимся от нормы», для того, чтобы применить общественные санкции [4]. Зачастую их появление связано с несоответствием поведения, внешних качеств людей с инвалидностью общепринятым ожиданиям. Стигматизация порождает стереотипы. Исследователи утверждают, что в отношении людей с инвалидностью стереотипы могут вырабатываться в детстве и закрепляться постепенно [5].

Таким образом, целью данного исследования (желаемым и прогнозируемым результатом) является выявление ресурсов и барьеров доверия в отношении

сотрудников с инвалидностью со стороны работодателей.

В качестве метода исследования было принято решение использовать метод глубинного интервью, позволяющий качественно изучить проблему, обозначенную выше. К итоговой выборке, которая состоит из 18 владельцев малого бизнеса, представлены следующие требования — 1) различные отрасли профессиональной деятельности; 2) наличие опыта самостоятельного найма сотрудников; 3) различные возрастные категории; 4) стаж ведения бизнеса — не менее года.

Репрезентативность выборки будет обеспечиваться соблюдением пропорций по представленным выше критериям. Стоит отметить, что выборка будет формироваться методом снежного кома.

Список источников:

1. Нацун, Л. Н. (2022). Влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(5), 203–220.
2. Смолева, Е. О. (2018). Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа). *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* (№ 4), 351—368.
3. Фреик, Н. В. (2006). Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки. *Социс*, 11, 10–18.
4. Гоффман, И. (1963). *Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Какой «Смысл» в социологии?

Заугольников Ставр Станиславович

Санкт-Петербургский государственный университет

st099442@student.spbu.ru

Научный руководитель: *Головин Николай Александрович, доктор социологических наук, СПбГУ*

What is the “Meaning” in Sociology?

Zaugolnikov Stavr

Saint Petersburg State University

Смысл — это одна из основополагающих категорий социологической теории. На понятии «Смысл» строятся теория социального действия М. Вебера, теория символического интеракционизма Дж. Г. Мида, феноменологическая социология А. Шюца, а также оно используется в теории систем Н. Лумана. Во всех этих теориях оно не выступает в качестве самостоятельного теоретического элемента, являясь скорее вспомогательным. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть «Смысл» как автономный элемент социологической теории.

Прежде всего, обратимся к доступным социологическим словарям. Оказалось, что понятие «Смысл» содержится не в каждом из них. Его не получится найти, например, в словаре С. А. Кравченко 2011 г. [1]. Социологический словарь, в котором данное определение есть — это «Социологический энциклопедический словарь» Г. В. Осипова 1998 г. [2, с. 324]. В нем он определяет смысл как «содержание, значение чего-либо, постигаемые разумом; цель, разумное основание деятельности; в “понимающей социологии” Макса Вебера — значение, которое индивид придает действию». В нем также есть определение «здорового смысла», исходящее больше из социальной психологии, чем из социологии: «основанные на повседневном опыте знания взгляды людей на окружающую среду и самих себя, используемые в различных сферах человеческой жизни».

В переиздании того же словаря 2008 г., частью редакционной коллегии которого становится не только Н. Г. Осипов, но и Л. Н. Москвичев [3], понятие «Смысл» исключено. Означает ли это, что «Смысл» — достаточно понятная категория социологии, которую не нужно изучать и анализировать? Вероятно, по мнению социолога Э. Гидденса [4], в работе «Основные понятия социологии» которого нет нужного нам определения, это так. Однако в действительности это неверно.

Если же сравнить социологические определения «Смысла» с психологическими, то обнаружится, что, например, в книге «Деятельность. Сознание. Личность» А. Н. Леонтьев [5], советский психолог и философ, определяет его как «значение, которое объект, событие, факт или слово приобретают для данного человека в результате его личного жизненного опыта». Заметно, что психологическое определение и социологическое, по существу, различаются мало, то есть социологи часто «заимствуют» его из психологии, что и вызывает критическое отношение.

Данное наблюдение подтверждает необходимость дальнейшей теоретической разработки понятия «Смысл» в социологии. Факт того, что у него нет как полноценного социологического определения, так и самостоятельного определения в

теоретической социологии, не встроенного в другую теорию, показывает, насколько перспективным может быть определение функций этого понятия в теориях общества, социального действия и коммуникации. «Смысл» может быть использован в социологических исследованиях как рисков и неопределенности, так и динамики изменения ценностей, потому что за всеми этими преобразованиями кроется тот или иной смысл.

Список источников:

1. Кравченко, С. А. (2011). *Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами)*. М.: Издательство МГИМО.
2. Осипов, Г. В. (1998). *Социологический энциклопедический словарь*. М.: НОРМА.
3. Осипов, Г. В., Москвичев, Л. Н. (2008). *Социологический энциклопедический словарь*. Москва: НОРМА.
4. Гидденс, Э., Саттон, Ф. (2018). *Основные понятия в социологии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
5. Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат.

Приобщение детей к классической музыке как форма передачи культурного капитала

Земляная Александра Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

alexzemlyanaya@yandex.ru

Научный руководитель: *Сергеева Ольга Вячеславовна, доктор социологических наук, СПбГУ*

Introducing children to classical music as a form of cultural capital transmission

Zemlianaia Aleksandra

Saint Petersburg State University

Работа посвящена детскому опыту посещения концертов симфонической музыки и той роли, что в нем играют родители. Цель исследования — выявить, в какой мере желание родителей приучить детей к классической музыке и дать необходимые для ее понимания знания (передать культурный капитал) определяет детское впечатление от концертов симфонической музыки и познания в этой сфере.

Большинство исследований на тему знакомства детей с музыкой фокусируются на адаптированных формах искусства: социологи, психологи и педагоги ищут оптимальный (простой и понятный) способ донести до юных слушателей красоту и смысл классических произведений [1]. Многие работы написаны по результатам экспериментов, проведенных в детских садах и школах, в ходе которых изучалось влияние вмешательства преподавателя на детское впечатление от прослушиваемой музыки [2]. В статьях, уделяющих внимание роли родителей в детском музыкальном опыте, анализируются домашнее прослушивание музыки, а также причины, побуждающие родителей дать ребенку музыкальное образование [3]. Таким образом, детский опыт прослушивания неадаптированной симфонической музыки в концертном зале совместно с родителями остается неизученным, несмотря на распространенность этого явления.

Теоретическая рамка данного исследования основана на понятии культурного капитала П. Бурдье [4] и концепции воспитательных установок родителей среднего класса, выявленных Ж. В. Черновой и Л. Л. Шпаковской на российском материале [5]. Сбор данных проводится с применением микс-методов. Для описания особенностей детского опыта посещения концертов симфонической музыки проводится этнографическое наблюдение за детьми возраста 6–10 лет и родителями в Большом зале Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д. Д. Шостаковича. До концерта и во время антракта юным слушателям и сопровождающим их взрослым предлагается пройти анкетирование, его цель — выявить (1) формы культурного капитала, которыми обладают ребенок и родитель, (2) степень приверженности взрослого воспитательным принципам среднего класса, (3) влияние этих факторов на знания ребенка в области музыки.

В результате исследования предполагается сформировать обобщенные типы детского поведения на концертах симфонической музыки и проверить при помощи статистического анализа верность гипотез о влиянии культурного капитала и

воспитательных установок родителей на осведомленность детей в сфере классической музыки, то есть на их обладание культурным капиталом.

Список источников:

1. Nyland, B., Acker, A., Ferris, J., & Deans, J. (2013). How do you make a bear look like a butterfly? Exploring the Metropolitan Opera's production of Mozart's Magic flute with a group of preschool children. *Australasian Journal of Early Childhood*, 38(1), 29–34.
2. Kisida, B., Green J., & Bowen D. (2014). Creating Cultural Consumers: The Dynamics of Cultural Capital Acquisition. *Sociology of Education*, XX(X), 1–15.
3. Ilari, B. (2016). Middle–Class Musical Childhoods: Autonomy, Concerted Cultivation, and Consumer Culture. In B. Ilari & S. Young (Eds.), *Children's Home Musical Experiences Across the World* (pp. 118–134). Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
4. Bourdieu, P. (1996). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* (8th ed.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
5. Чернова, Ж. В., Шпаковская, Л. Л. (2023). *Путевка в жизнь: Социологические эссе об образовании, классовом неравенстве и социальном исключении в России*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Идеи гендерного равенства в контексте гражданско-правового воспитания молодежи

Казько Анна Сергеевна

Уральский государственный педагогический университет

kazko_ann@mail.ru

Научный руководитель: *Швецова Анастасия Владимировна*, кандидат социологических наук, УрГПУ

Ideas of gender equality in the context of civil law education of young people

Kazko Anna

Ural State Pedagogical University

Сегодня широко развивается гендерная социология, поднимающая проблемы гендерного равноправия. Появлению данного направления способствовали женские организации, активный рост которых в России наметился в конце 90-х годов XX века. Вместе с институциональными женскими организациями, поддерживаемыми правительством, появляются и инициативные организации, продвигающие идеи феминизма. Деятельность таких организаций не всегда понятна обществу, она часто провокационна, что негативно влияет на имидж женских организаций в целом. Женские организации призваны влиять на общественные установки относительно роли женщины, а также на достижение гендерного баланса в обществе. Однако имеется мало информации о том, какой вес они имеют и, что важно, является ли гендерная повестка частью системы гражданско-правового воспитания в России?

Применение методологии гендерного подхода позволяет определить направленность действий женских организаций в зависимости от того, в какой степени они выступают носителями системы ценностей, основанных на идеях равноправия женщин и мужчин.

Исследователи Ю. А. Котова и Н. В. Хомич [1] отмечают, что молодые россияне не всегда обладают достоверными знаниями о феминизме, что приводит к распространению домыслов. Вследствие этого в обществе идеи феминизма часто имеют искаженный контур, ошибочно обобщаются с гомосексуализмом и транссексуализмом, тогда как сущностные достижения и цели — равенство прав и возможностей женщин и мужчин, доступ женщин к образованию и гражданским правам, финансовая и правовая самостоятельность — воспринимаются как само собой существующие, вне феминистского движения. Гражданско-правовое воспитание должно включать в себя гендерный компонент и обладать некими механизмами, способными разрешить вопросы гендерной проблематики.

Проанализировав документацию гражданско-правового воспитания студентов высших учебных заведений, мы констатируем, что на сегодняшний день любые упоминания о равенстве в них или отсутствуют, или имеют расплывчатую форму, что не дает возможности артикулировать их. Равенство полов декларировано Конституцией РФ, однако механизмы для его реализации отсутствуют.

Возникает вопрос, откуда брать эти механизмы? Здесь мы считаем необходимым обратиться к повестке женских организаций, идеи которых могут быть включены в

гражданско-правовое воспитание. Основными темами, поднимающимися в повестке государственных женских организаций, являются экономические и политические права женщин, их право презентовать свою профессиональную линию. В дополнение к этому вектору есть другие — инициативные организации, такие как РФО «Она», которые поднимают проблемы личных прав женщин: домашнее и репродуктивное насилие, харассмент, виктимблейминг и многие другие, которые по определенным причинам является неудобными для транслирования институциональными организациями. На уровне социального запроса очень важно изучать данную повестку, включать ее в гражданско-правовое воспитание, т. к. поднимающиеся вопросы затрагивают большую часть населения страны, формируют гендерную культуру, которая должна складываться не только в результате общения женщин и мужчин, но и через образование, информирование молодежи.

Список источников:

1. Котова, Ю. А., Хомич, Н. В. (2022). Отношение к феминизму в молодежной среде: социально-философский анализ. *Научные исследования студентов в решении актуальных проблем АПК: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 17–18 февраля 2022 года* (с. 62-70). Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского.

На Руси работать. Чем различается и чем похожа занятость в частном и государственном секторе?

Канунников Николай Всеволодович, Ахуньянова Алина Шамильевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

Санкт-Петербургский государственный университет

kanunnikov.nick@yandex.ru, linalionstudy@gmail.com

Научный руководитель: *Панова Татьяна Викторовна, ассистент, ФУ при*

Правительстве РФ

To work in Russia. What is the difference and similarity between employment in the private and public sectors?

Kanunnikov Nikolai, Akhunyanova Alina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Saint Petersburg State University

В нашем исследовании речь пойдет о сравнительном анализе управления трудом в двух секторах: частном и государственном. Особенности частного бизнеса и государственной службы влияют на построение общественных отношений, появляются различия. Если бизнес-среда требует от работника быстроты адаптации к новым реалиям, то бюрократическая среда стремится к консервации и регламентации в ущерб скорости. Имея представление об идеальном работнике или служащем, управленцы в каждом из секторов создают такие институциональные и/или неформальные правила поведения, которые конструируют социальное поле в целом.

Мы предполагаем, что частный сектор аккумулирует такие отношения, которые основаны на конкурентных преимуществах, которые выражаются монетарно — для работника это зарплата. Иными словами, создается классовая система. Государственная служба, напротив, аккумулирует отношения служения и подчинения, которые находят свое выражение в немонетарных благах — для работника это социальные гарантии. Это означает, что создается сословная система.

Исследование классов и сословий в современной России представлено в первую очередь работами о политическом (О. Бессонова [1], С. Кордонский [2]) и экономическом (Ю. Плюснин [3]) поведении агентов внутри тех или иных социальных структур, которые провоцируют рыночные и нерыночные практики достижения интересов и получения результатов. В меньшей степени изучены сами структуры, которые воспроизводят определенные практики поведения (М. Соколов [4]), — их границы, содержание, механизмы обороны и воспроизводства остаются преимущественно terra incognita социологического знания.

Цель работы — изучить, как происходит процесс управления трудом по трем направлениям (рекрутинг, внутриорганизационная стратификация и увольнение) в частном и государственном секторах. Для этого необходимо провести эмпирическое исследование с учетом выборки, состоящей из сотрудников частных и государственных организаций.

Основными методами являются глубинное формализованное и неформализованное интервью, а также методика конкурирующих ценностей К. Камерона и Р. Куинна OCAI (Organizational Culture Assessment Instrument). Методика

основана на количественной оценке организационной культуры, используется ряд вопросов относительно шести аспектов организации: доминантные характеристики, стиль лидерства в организации, управление наемными работниками, связующая функция организации, стратегические аспекты и критерии успеха (Э. Х. Шейн [5]). Этот инструмент крайне полезен для упорядочивания и толкования широкого многообразия организационных явлений.

Мы предполагаем, что результатом исследования будет выдвижение несколько иной, чем было заявлено в гипотезе, концепции, адекватной российской действительности. Вероятно, классовый или сословный характер отношений внутри социальной структуры зависит не столько от принадлежности ее рынку или государству, сколько от размеров организации и специфики отрасли. Представляется, что это связано с тем, что в настоящее время в системе государственного управления активно внедряются рыночные практики менеджмента, а сам бизнес и власть оказывают значительное взаимное влияние друг на друга.

Список литературы

1. Бессонова, О. Э. (2006). *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*. М.: Российская политическая энциклопедия («РОССПЭН»).
2. Кордонский, С. Г. (2008). *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт фонда «Общественное мнение».
3. Соколов, М. М. (2019). Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России. *Социология власти*, 31(1), 71–91.
4. Плюснин, Ю. М. (2018). Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(1), 73–106.
5. Шейн, Э. Х. (2002). *Организационная культура и лидерство* (пер. с англ. под ред. В. А. Спивака). СПб: Питер.

Изучение семейных отношений в социальной политике

Колпакова Татьяна Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге

tkolpakova@eu.spb.ru

Studying family relationships as part of social policy

Kolpakova Tatiana

European University at St. Petersburg

Домашнее насилие является наиболее распространенной формой насилия в отношении женщин — «каждая третья женщина в мире хотя бы один раз подвергалась физическому или сексуальному насилию со стороны интимного партнера» [1, p. 1260]. Тема домашнего насилия актуальна и для России. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2017 г. 16 млн женщин были подвергнуты домашнему насилию — каждая пятая, из них 8,5 тыс. погибли [2].

Признано, что это нарушение прав человека имеет существенные социально-экономические последствия как для семей, так и для развития стран, а его глобальные размеры вызывают тревогу. Однако несмотря на то, что первичная профилактика домашнего насилия является неотложной и жизненно важной, еще очень многое предстоит сделать в области доказательной профилактики, в том числе и в области понимания общественного отношения к домашнему насилию, которое было определено как центральная часть «социальной экологии» насилия против женщин [3].

В рамках работы на основе данных Всемирного исследования ценностей (WVS) была предпринята попытка выяснить, какие факторы связаны с оправданием избиения жены мужем в России. Также в работе было рассмотрено, как одобрение домашнего насилия связано с его распространенностью и социальной политикой и как полученные результаты можно использовать в области доказательной профилактики домашнего насилия.

В качестве теоретической основы данной работы используется оптика феминистского гендерного исследования. «Домашнее насилие» рассматривается как «гендерное насилие», так как оно «в значительной степени обусловлено подчиненным статусом женщин по отношению к мужчинам» [4, p. 20]. Также используется обоснованный в предыдущих исследованиях вывод о том, что строгие гендерные нормы и патриархальная система верований влияют на отношение общества к домашнему насилию против женщин [5].

Методологической основой исследования является регрессионный анализ, выполненный на языке программирования R с использованием среды разработки RStudio. Методы, которые были использованы, включают множественную импутацию данных, а также линейное и логистическое моделирование.

В проведенном исследовании было выявлено, как различные индивидуальные характеристики связаны с отношением респондента к домашнему насилию против женщин в России. Статистически значимыми переменными оказались «возраст», «уровень образования», «число детей», «религиозная конфессия» и «пол».

Применение данных результатов при разработке профилактических программ видится полезным. Во-первых, с помощью WVS мы получаем возможность выявить,

насколько сильно физические наказания осуждаются в конкретном обществе. Во-вторых, можно выделить, какие социально-экономические и иные факторы влияют на это отношение. И уже на основе этих факторов можно более эффективно выстраивать систему профилактики домашнего насилия, с упором на те группы (например, религиозные), в которых наблюдается больший уровень одобрения насилия.

Список источников:

1. Garcia-Moreno, C. et al. (2006). Prevalence of intimate partner violence: findings from the WHO multi-country study on women's health and domestic violence. *The lancet*, 368(9543), 1260–1269.
2. Число лиц, потерпевших от преступных посягательств. (2019). ФСГС. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-05.doc (дата обращения: 19.01.2024).
3. Heise, L. (2011). *What works to prevent partner violence? An evidence overview*. GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/dfid-research-outputs/what-works-to-prevent-partner-violence-a-n-evidence-overview> (дата обращения: 19.01.2024).
4. Ellsberg, M. et al. (2005). *Researching violence against women: a practical guide for researchers and activists*. Geneva: World Health Organization.
5. Ahmad, F. et al. (2004). Patriarchal beliefs and perceptions of abuse among South Asian immigrant women. *Violence against women*, 10(3), 262–282.

Социальные практики игроков онлайн и офлайн букмекерских контор: мотивы, ожидания и воспринимаемые риски

Ласковский Даниил Вадимович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

daniel_laskovyi@mail.ru

Научный руководитель: *Гаврилов Кирилл Андреевич*, кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ

Social practices of players of online and offline betting companies: motives, expectations and perceived risks

Laskovyi Daniil

National Research University Higher School of Economics

Букмекерская индустрия является одним из самых быстрорастущих секторов российской экономики, а азартные игры развиваются как социальная практика, в которую с появлением контор онлайн начало втягиваться все больше людей [1]. Ранее социальные практики российских игроков не изучались, следовательно, проблемой исследования является недостаток знания о том, как различаются социальные практики, мотивы, ожидания и воспринимаемые риски между потребителями услуг офлайн- и онлайн-букмекеров. В качестве основного исследовательского метода используются глубинные интервью с игроками онлайн и офлайн контор. В качестве дополнительных методов исследования используется этнографическое наблюдение, экспертное интервью и предварительное анкетирование по методике CPGI.

В теоретической главе были рассмотрены различные социально-психологические теории, которые изучают азартное поведение на индивидуальном уровне [2; 3], и теоретические подходы к изучению азартных игр на макроуровне, рассматривающие азартные игры как часть социальной структуры [4; 5]. Также были изучены ранние эмпирические работы.

Ключевой вопрос исследования: «Какие социальные практики, мотивы, ожидания и воспринимаемые риски от азартной игры есть у потребителей услуг офлайн и онлайн букмекеров и как они различаются?», а цель — описать и сравнить социальные практики, мотивы, ожидания и воспринимаемые риски.

Задачи исследования: описание социальных практик игроков онлайн и офлайн контор; выявление основных мотивов начала и продолжения азартных игр, описание ожиданий игроков, выявление того, с какими воспринимаемыми рисками сталкиваются игроки и как эти риски влияют на их азартное поведение.

Эмпирический объект исследования — игроки онлайн и офлайн букмекерских контор, совершавшие ставки в течение последнего года. Для отбора информантов используется квотная выборка. В общей сложности с использованием метода глубинных полуструктурированных интервью было собрано 10 информантов в каждой группе, что позволило достичь точки насыщения.

По результатам исследования описаны основные различия в социальных практиках игроков онлайн и офлайн контор. Выявлено существование различных практик: игровых, практик общения, взаимной поддержки, использования азартных игр как инструмента. Определены мотивы и ожидания от азартной игры у игроков двух

исследуемых групп. Три основные группы мотивов: экономические, символические и гедонистические. Также выявлено, как игроки объясняют свое игровое поведение и поведение других игроков. Кроме того, описаны особенности восприятия рисков у игроков онлайн и офлайн букмекерских контор.

Настоящее исследование стало первой отечественной работой, в которой сравнивались социальные практики игроков онлайн и офлайн букмекерских контор. Результаты исследования могут быть полезны для широкого круга специалистов в области социологии, психологии и других наук, а также для общественных организаций, занимающихся вопросами профилактики зависимости.

Список литературы:

1. Marionneau, V. (2020). Gambling in Russia: Policies, markets, and research. *International Journal of Russian Studies*, 9(2), 122–134.
2. Гидденс, Э. (1994). *Судьба, риск и безопасность* [Doctoral dissertation, Thesis].
3. Reckwitz, A. (2002). Toward a theory of social practices: A development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*, 5(2), 243–263.
4. Smith, R. W., & Preston, F. W. (1984). Vocabularies of motives for gambling behavior. *Sociological Perspectives*, 27(3), 325–348.
5. Cotte, J. (1997). Chances, trances, and lots of slots: Gambling motives and consumption experiences. *Journal of Leisure Research*, 29(4), 380–406.

Представления о семейном счастье участников онлайн-сообществ, посвященных полигинии

Лизова Вероника Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

veronica.lizova@gmail.com

Научный руководитель: *Баранов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, СПбГУ*

Perceptions of marital happiness among members of online communities dedicated to polygyny

Lizova Veronica

Saint Petersburg State University

В современном медиадискурсе полигиния рассматривается как исключительно консервативный феномен, противопоставленный более прогрессивным формам семейной организации [2]. Вместе с тем идея полигинии не становится менее популярной и получает распространение в новых социокультурных средах. В частности в русскоязычном сегменте Интернета можно обнаружить сайты и паблики, посвященные попыткам адаптации полигинии «русскими многоженцами». Эти попытки, как правило, носят теоретический характер. Из этого следует, что экономическое, демографическое, экологическое обоснования [4] причин возникновения полигинии в этом случае оказываются нерелевантны. В работе в качестве возможной причины обращения к идеям полигинии рассматриваются особенности современного «эмоционального режима» — по У. Редди, набора нормативных чувств и эмоций, а также практик их выражения [3]. Так, видится необходимым вписать тенденцию популяризации полигинии в контекст современной эмоциональной культуры. Внимание сосредоточено на представлениях «русских многоженцев» о семейном счастье — базовом эмоциональном концепте, предположительно позволяющем оценить, насколько обращение к полигинии обусловлено императивами современной эмоциональной культуры.

Целью работы является концептуализация представлений о семейном счастье участников онлайн-сообществ, посвященных полигинии (на примере онлайн-сообщества «русских многоженцев»). Для достижения цели выполнены следующие задачи: 1) описаны представления о семейном счастье в современной эмоциональной культуре, 2) проанализирован феномен обращения к полигинии в обществах, которым полигиния исторически чужда, 3) на примере концепта семейного счастья рассмотрено, как идея обращения к полигинии согласуется с особенностями современной эмоциональной культуры.

Теоретическую рамку исследования составляют работы в области социологии эмоций. Прежде всего, автор опирается на исследования, описывающие «счастливый поворот» (happiness turn), под которым понимается переход к эмоциональному императиву «быть счастливым» [1]. Кроме того, используются работы И. Гофмана, А. Хокшильд, Е. Иллуз. Эмпирической базой исследования выступают полуструктурированные интервью с участниками онлайн-сообществ, посвященных полигинии. В ходе полевого этапа исследования планируется собрать 20 интервью. Для

анализа данных используется тематический анализ.

Список источников:

1. Ahmed, S. (2010). *The promise of happiness*. Duke University Press.
2. Park, S. (2017). Polyamory is to Polygamy as Queer is to Barbaric? *Radical Philosophy Review*, 20(2), 297–328.
3. Reddy, W. (2004). *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge University Press.
4. White, D., & Burton, M. (1988). Causes of Polygyny: Ecology, Economy, Kinship, and Warfare. *American Anthropologist*, 90(4), 871–887.

Социально-экономические и демографические факторы избыточной смертности в период пандемии коронавируса в регионах России

Максимов Михаил Антонович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

mihailmaximov000@gmail.com

Научный руководитель: *Калмыкова Наталья Михайловна*, кандидат экономических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова

Socio-economic and demographic factors of excess mortality due to the coronavirus pandemic in regions of Russia

Maximov Mikhail

M. V. Lomonosov Moscow State University

За последние два столетия ожидаемая продолжительность жизни людей во всем мире и в России, в частности, значительно выросла и продолжала расти до 2020 года, когда ее рост был прерван пандемией новой коронавирусной инфекции SARS-COV-2, вследствие которой из-за высокой вирулентности и относительно высокой летальности продолжительность жизни упала во многих странах мира [1].

За период пандемии (2020–2022) в России число избыточных смертей превысило 1 млн человек. Несмотря на то что Всемирная организация здравоохранения объявила, что пандемия коронавируса больше не является чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, в своих рекомендациях организация продолжает считать угрозы новых волн коронавируса и новых эпидемий значимыми [2], поэтому необходимо понимать факторы, связанные с дифференциацией избыточной смертности во время масштабных эпидемий. Цель исследования состоит в определении факторов, повлиявших на дифференциацию избыточной смертности в регионах России с учетом «волн» пандемии.

Уровень избыточной смертности (число смертей на 100 тыс. человек) в России дифференцирован по регионам, во время разных «волн» пандемии (периодов, в которые избыточная смертность во время пандемии коронавируса была высокой. Первая волна: май — июль 2020 г., вторая волна: сентябрь 2020 г. — февраль 2021 г., третья волна: июль 2021 г. — февраль 2022 г.) дифференциация избыточной смертности по регионам также различалась. В работах на российских данных рассматриваются факторы избыточной смертности в целом за весь период пандемии [3; 4; 5], тогда как характер их влияния в разных регионах в каждую из волн отличался. Кроме того, периоды между волнами, в которые избыточная смертность была сравнительно ниже пиковых значений, могут исказить влияние тех или иных факторов на уровень избыточной смертности, поэтому в моем исследовании рассматривается каждая из волн по отдельности.

В исследовании используются данные 85 российских регионов по избыточной смертности (рассчитанной как превышение числа смертей в каждом месяце над средним числом смертей в том же месяце за предыдущие 5 лет), социально-экономическим характеристикам (доходы, безработица, миграция), вакцинации, характеристикам системы здравоохранения и индексу самоизоляции Яндекса.

Все переменные были поделены на две группы: имеющие помесечный разрез и предоставляемые только с годовой периодичностью. На основе данных с помесечным разрезом строится панельная регрессия избыточной смертности с фиксированными эффектами, для постоянных модель МНК отдельно за вторую и третью «волны» коронавируса.

Основные полученные результаты: в регионах России в обе волны выявлена положительная связь избыточной смертности со среднедушевыми доходами; только во вторую волну — положительная связь с уровнем самоизоляции, числом врачей на душу населения и миграцией, отрицательная связь с безработицей; только в третью волну — отрицательная связь с уровнем вакцинации, миграции, безработицы и численностью коек на душу населения.

Список источников:

1. Karlinsky, A., & Kobak, D. (2021). Tracking excess mortality across countries during the COVID-19 pandemic with the World Mortality Dataset. *Elife*, 10, 69336.
2. World Health Organization (WHO). (2023). *Statement on the fifteenth meeting of the IHR (2005) Emergency Committee on the COVID-19 pandemic*. URL: [https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-\(covid-19\)-pandemic](https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-(covid-19)-pandemic) (дата обращения: 10.05.2023)
3. Земцов, С. П., Бабурин, В. Л. (2020). COVID-19: пространственная динамика и факторы распространения по регионам России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 84(4), 485–505.
4. Kolosnitsyna, M. G., & Chubarov, M. Y. (2022). Spread of COVID-19 in the Russian regions in 2020: factors of excess mortality. *Population and Economics*, 6(4), 1–20.
5. Timonin, S., Klimkin, I., Shkolnikov, V. M., Andreev, E., McKee, M., & Leon, D. A. (2022). Excess mortality in Russia and its regions compared to high income countries: an analysis of monthly series of 2020. *SSM-population health*, 17, 101006.

Экологические практики: выделение современных исследовательских тенденций в академической литературе по инвайронментальной социологии

Марченко Анастасия Васильевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

avmarchenko_2@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Ротмистров Алексей Николаевич*, кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ

Environmental Practices: Identification of Current Research Trends in the Academic Literature on Environmental Sociology

Anastasiia Marchenko

National Research University Higher School of Economics

Обзор научной литературы является одним из ключевых этапов для проведения любого исследования. Поиск и анализ публикаций по релевантной для исследователя тематике дает возможность понять, насколько та или иная проблема уже изучена, и обнаружить «пробелы» в имеющейся системе знаний. Библиометрический анализ [5] как инструмент для составления научных обзоров все чаще встречается в литературе. Авторы, использующие данный инструмент, стараются разработать новые методики или же включить в процедуру анализа дополнительные этапы, которые бы упростили ее или повысили качество отбора и анализа источников [1; 3]. Однако подготовка литературного обзора все еще считается трудоемкой задачей. Кроме того, нет инструмента, который был бы универсальным и мог бы автоматически выполнить все этапы (от сбора источников до построения сети) систематического обзора литературы по любой тематике.

В качестве предметной области, на примере которой будет изучен и продемонстрирован систематический подход к обзору литературы, будет использована активно развивающаяся в последнее десятилетие тема экологических практик. Данный выбор объясняется следующими условиями. Во-первых, в обзоре глобальных рисков за 2023 год первые четыре позиции занимают риски, связанные с экологией [6]. Во-вторых, согласно положениям ООН, основным фокусом программ, направленных на достижение целей устойчивого развития в области экологии, является формирование эко-практик среди населения. В-третьих, который год обществом поддерживается представление о том, что экология — дело каждого, что именно действия или бездействия самих же людей могут привести к ухудшению экологической ситуации [4]. И в-четвертых, общее количество публикаций на тему эко-практик из разных областей науки с каждым годом заметно увеличивается [на основании составленных авторами расчетов за последние 10 лет в базе данных научного цитирования Scopus на момент окончания 2023 года]. Исходя из всего этого, можно предположить, что появляются новые связи между авторами, предметами исследований и условиями для их изучения.

Таким образом, в рамках данного исследования возникает два ключевых исследовательских вопроса. Методологический: с использованием каких методов можно автоматизировать и универсализировать систематический подход к обзору

литературы? Содержательный: каковы основные тенденции в изучении экологических практик с концептуальной и методологической точек зрения в научных публикациях по инвайтронментальной социологии за последние 10 лет (2014–2023 гг.)?

Для поиска ответа на поставленные исследовательские вопросы планируется проанализировать источники на тему экологических практик в базе данных научного цитирования Scopus. Для выбора источников выделяются следующие критерии:

0. Поисковый запрос — «environment* practice*»;
1. Тип документа — «Статья» / «Article»;
2. Отрасль знаний — «Социальные науки» / «Social Sciences»;
3. Тип источника — важно, чтобы источниками публикаций являлись рецензируемые журналы, но, поскольку данные собираются из базы Scopus, то в фильтрации журналов нет необходимости, так как в данной базе уже встроен алгоритм отсеивания ненадежных научных журналов;
4. Год публикации — «2014–2023»;
5. Язык публикации — «Английский» / «English».

Систематический подход к обзору литературы подразумевает осуществление трех этапов [1]:

1. Сбор публикаций по релевантной для исследователя теме (скачивание базы вручную);
2. Анализ собранных публикаций с целью выделения ключевых слов, соответствующих релевантной для исследователя теме, для повторного сбора публикаций и их библиографической информации (с помощью текст майнинга);
3. Построение сети и ее интерпретация (с помощью сетевого анализа).

В рамках данной работы эта трехэтапная методика будет взята за основу для разработки автоматического и универсального инструмента в среде программирования Python. Однако будут внесены небольшие изменения, которые могут поспособствовать улучшению процедуры и качества осуществляемого обзора литературы. На первом этапе вместо сбора полных текстов публикаций вручную будет осуществлен сбор аннотаций публикаций по экологическим практикам. Для упрощения и автоматизации процесса сбора будет использована процедура веб скрапинга – автоматического извлечения данных из веб-ресурсов [2]. Для осуществления такого сбора данных будет использован API (application programming interface, программный интерфейс приложения) базы Scopus. Второй и третий этап останутся без существенных изменений за исключением того, что на втором этапе текст-майнинг будет применен именно к аннотациям, а не к полным текстам найденных публикаций. Также перед осуществлением третьего этапа (построения сети) будет проведена дополнительная подготовка собранных данных по публикациям. В данном обзоре будет предпринята попытка разделения ключевых слов публикаций на концептуальные (отражают используемые в исследовании теории и концепции) и методологические (отражают используемые в исследовании методы), чтобы в результате исследователи могли посмотреть отдельно эти два трека в изучении экологических практик. Для этой задачи будет построен классификатор.

Таким образом, в рамках данной работы планируется, во-первых, разработать инструмент (в виде скрипта на языке программирования Python), который позволит автоматически осуществлять систематический обзор литературы на любую релевантную для авторов тему. А, во-вторых, выделить ключевых авторов, ключевые концепции и методологические решения для изучения экологических практик на момент проведения исследования.

Список литературы

1. Гибсон, Э., Дайм, Т., Гарсес, Э., Дабич, М. (2018). Библиометрический анализ как инструмент выявления распространенных и возникающих методов технологического Форсайта. *Форсайт*, 12(1), 6–24.
2. Жучкова, С. В., Ротмистров, А. Н. (2020). Автоматическое извлечение текстовых и числовых веб-данных для целей социальных наук. *Социология: методология, методы, математического моделирование*, 50–51, 141–183.
3. Мальцева, Д. В., Щеглова, Т. Е., Ващенко, В. А., Моисеев, С. П. (2022). Здоровые города: Выделение актуальных трендов исследований в научной литературе и социальных медиа. *Социодиггер*, 3(9), 41–59.
4. *Экологическая ситуация в России: мониторинг*. ВЦИОМ. (2023). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309>
5. Booth, A., Papaioannou, D., & Sutton, A. (2012). *Systematic approaches to a successful literature review*. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.
6. The Global Risks Report 2023, 18th Edition. *World Economic Forum*. (2023). URL: <https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2023>

**«Анонимные» сообщества и нью-эйдж: исследование
квазирелигиозного аспекта в нарративах участников сообщества
«Анонимные компульсивные передающие»**

Остапенко Алиса Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

alisaostapenko2002@gmail.com

Научный руководитель: *Баранов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, СПбГУ*

**“Anonymous” communities and the New Age: a study of the
quasi-religious aspect in narratives of members of the community “Compulsive
Overeaters Anonymous”**

Ostapenko Alisa

Saint Petersburg State University

В исследовании предпринята попытка анализа рассказов участников сообщества «Анонимные компульсивные передающие» (далее — «АКП») с целью выявления объединяющих группу квазирелигиозных представлений. Ценности и традиции сообщества «АКП», транслируемые в группе и артикулированные в рассказах участников, являются закономерным продолжением движения нью-эйдж, зародившегося в начале XX века. Особый интерес в этом отношении представляет соединение квазирелигиозности и миссии группы: «АКП» позиционируют себя как «содружество», открытое для представителей всех конфессий, чьей миссией является помощь людям с пищевой зависимостью.

Традиция изучения квазирелигиозной модели Анонимных сообществ пересекается с исследованиями «организаций, трансформирующих личность» (ОТИ) [2], в которых статус ОТИ присваивается Анонимным сообществам. К ключевым маркерам ОТИ относятся наделение участника новым статусом, вера в абстрактную высшую силу, подчинение воли индивида правилам сообщества, выработка общего культурного капитала [1] и выстраивание иерархической структуры внутри группы. Под квазирелигиозностью понимаются заимствованные из традиционных религий концепции и термины, утратившие изначальные смысл и систематизацию, сочетающиеся с внешней ритуализацией.

Объектом исследования являются автобиографические рассказы участниц сообщества «АКП», предметом исследования — квазирелигиозный аспект нарративов, отвечающий рецепции идей нью-эйджа. Методология исследования основана на анализе 8 полуструктурированных интервью участниц сообщества «АКП» об их опыте пребывания в группе и пути преодоления пищевой зависимости. Центральный вывод исследования заключается в обнаружении квазирелигиозных положений нью-эйджа в автобиографических рассказах участниц «АКП», их самопрезентации, мировоззрении и повседневных ритуалах.

Список источников:

1. Прозорова, Ю. А. (2015). Групповое собрание как интерактивный ритуал: производство культурного капитала и эмоциональной энергии в «анонимных»

сообществах взаимопомощи. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(3), 15.

2. Фолиева, Т. А. (2021). Концепция «Организации, трансформирующие идентичность» (ITOS): идеи, критика и перспектива применения в религиоведческих исследованиях. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, №1.
3. Раевский, А. Н. (2013). *Движение New Age как квазирелигиозная субкультура современного общества: религиоведческий анализ* [Doctor Thesis, Южный федеральный университет]
4. Greil, A. L., & Rudy, D. R. (1984). Social Cocoons: Encapsulation and Identity Transformation. *Organizations*, 54(3), 260–278.

Связь стрессоустойчивости и временной перспективы личности у юношей

Остапенко Виктория Андреевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
paradox4444@inbox.ru

Научный руководитель: *Панич Ольга Евгеньевна, кандидат психологических наук, БелГУ*

The relationship between stress resistance and the time perspective of personality in young men

Ostapenko Victoria

Belgorod State National Research University

В работе представлены результаты исследования связи стрессоустойчивости и временной перспективы респондентов юношеского возраста, постоянно проживающих в г. Донецке. Данные собраны в августе 2023 года на выборке из 38 человек (17–22 года).

Выявлен преобладающий низкий уровень стрессоустойчивости (74%). То есть в экстремальной ситуации у респондентов снижена способность руководить своими эмоциями, сохранять высокую работоспособность, адекватное функционирование и целенаправленность действий. Большая часть испытуемых испытывает высокий уровень стресса (ПТСР — 79%, ОСР — 81%). Что может говорить об отсроченной реакции на продолжительное воздействие факторов травматического стресса и о серьезном влиянии травматических событий в настоящее время.

Специфика временной перспективы состоит в повышении показателей негативного прошлого и фаталистического настоящего и пониженном гедонизме в настоящем. То есть у респондентов наблюдается выраженное неприятие собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований. Настоящее видится независимым от воли человека, изначально predetermined, а сам человек — подчиненным судьбе, также настоящее тесно связано с прошлым и зависит от него. Восприятие своего будущего относительно приближено к нормотипичным данным методики Ф. Зимбардо.

Полученные в ходе статистической обработки данные свидетельствуют о том, что существует значимая статистическая связь между низким уровнем стрессоустойчивости, высоким уровнем стресса и такими показателями временной перспективы, как «Негативное прошлое», «Фаталистическое настоящее», «Гедонистическое настоящее».

При высоком уровне стресса наблюдается высокий показатель по параметру «Восприятие фаталистического настоящего», а также низкий показатель по параметру «Восприятие гедонистического настоящего», то есть люди, длительно испытывающие влияние стрессовых факторов, склонны к фатализму и гедонизму в настоящем; также существует связь негативного прошлого с низким уровнем стрессоустойчивости личности.

Можно рекомендовать сместить фокус восприятия своего времени на «здесь и сейчас»; наполнение смыслом субъективного настоящего и происходящих вокруг

событий может способствовать понижению уровня травматизации в текущий период времени. Полученные данные могут быть использованы педагогами-психологами образовательных организаций и специалистами центров психологической помощи.

Список источников:

1. Водопьянова, Н. Е. (2009). *Психодиагностика стресса*. СПб.: Питер.
2. Кроник, А. А. (2005). Время психологическое. Психологический лексикон. В кн. Л. А. Карпенко, А. В. Петровский (Ред.), *Энциклопедический словарь в шести томах* (с. 107).
3. Нуллер, Ю. Л., Циркин, С. Ю. (1994). Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. *Клинические описания и указания по диагностике*)/ВОЗ. СПб.: Оверлайд.
4. Михеева, А. В. (2010). Стрессоустойчивость: к проблеме определения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, (2), 82–87.
5. Тарабрина, Н. В. (2019). *Психология посттравматического стресса. Теория и практика* (2-е электрон. изд. (стер.)). М.: Институт психологии РАН.

Педагогическое сопровождение людей пожилого возраста в учреждениях культуры

Пахтусова Анастасия Андреевна

Уральский государственный педагогический университет

pahtusova.art@ya.ru

Научный руководитель: *Плеханова Ольга Евгеньевна*, кандидат педагогических наук, УрГПУ

Pedagogical support of elderly people in cultural institutions

Pakhtusova Anastasiia

Ural State Pedagogical University

Острота современных социально-экономических противоречий российского общества вновь выводит на первый план проблемы гармонизации отношений между людьми, а также доступности образовательных и культурно-досуговых возможностей для развития человека на протяжении всей жизни. В последнее десятилетие в России, как и практически во всем мире, особую значимость приобретают вопросы продления активного долголетия пожилых людей.

В настоящее время нет общей концепции старения. Исследователи пришли к важной точке зрения в том, что при ухудшении одних функций другие проявляют значительную активность. Обращение к работам специалистов занимающихся данной проблематикой, таких как М. Д. Александрова [1], И. В. Давыдовский [2] и др., можно сказать, что они основываются на активности людей пожилого возраста даже после наступления пенсионного возраста и продолжают вести активный образ жизни еще большое количество времени. Данный период жизни должен быть наполнен разносторонним развитием, новым смыслом и самореализацией, в том числе творческой самореализации.

Все вышесказанное позволило выделить следующие противоречия:

- на социально-педагогическом уровне — между значимостью концертной деятельности для творческой самореализации пожилых людей и недостаточной реализацией этих требований на практике в учреждениях культуры;
- на теоретико-методологическом уровне — между разработанностью вопросов самореализации личности в различных науках и недостаточностью теоретических работ в педагогике музыкального образования, рассматривающих концертные проекты любителей академического пения как средства творческой самореализации вокалиста пожилого возраста;
- на методическом уровне — между объективной потребностью проектирования концертной деятельности коллектива любителей академического пения как средства творческой самореализации вокалистов

пожилого возраста и отсутствием соответствующего методического обеспечения данного процесса.

Творческая самореализация вокалистов пожилого возраста в концертных проектах коллектива любителей академического пения будет проходить успешно, если:

- в процессе занятий и концертной деятельности будут учтены педагогические условия: организационные, психологические, социальные.

- разработаны концертные проекты, разнообразные по форме (лекция концерт, концерт-беседа, сольный, тематический, отчетный, литературно музыкальная гостиная, конкурсno-фестивальные концерты), которые позволят вокалистам пожилого возраста с разным уровнем подготовки участвовать в их реализации;
- на основе модели педагогического сопровождения творческой самореализации вокалистов пожилого возраста в концертных проектах коллектива любителей академического пения будет реализовано методическое обеспечение, включающее: методические рекомендации для педагогов, методические рекомендации вокалистам пожилого возраста для самостоятельных занятий, репертуарный список, методы обучения (общепедагогические и музыкального образования) и дидактические средства.

Список литературы:

1. Александрова, М. Д. (1965). *Очерки психофизиологии старения*. СПб: ЛГУ.
2. Давыдовский, И. В. (1966). *Геронтология*. М.: Медицина.

Мотивация и эффекты потребления медиаконтента в жанре true crime

Петрова Дарья Вячеславовна, Измалкова Анна Олеговна, Ефремова Ксения Дмитриевна, Ковязина Ксения Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

dvpetrova_3@edu.hse.ru, aoizmalkova@edu.hse.ru, kdefremova_1@edu.hse.ru,

kskovyazina@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Жучкова Светлана Васильевна, НИУ ВШЭ*

Motivation and effects of true crime media content consumption

Petrova Daria, Izmalkova Anna, Efremova Ksenia, Kovyazina Ksenia

National Research University Higher School of Economics

Обширный доступ к информации позволяет не только «прикоснуться» к миру повседневности, но и составить представления о явлениях, которые могут никогда не затронуть конкретного индивида [1], в частности, о преступности. С 70-х годов XX века активное развитие получает true crime — жанр нон-фикшн литературы, поджанр документального кино, а также жанр подкастов, где авторы анализируют преступления и действия людей, связанные с ними, делая акцент на детективном и фактически точном расследовании преступления.

Данная тема достаточно давно привлекает и внимание зарубежных исследователей в различных областях: анализируются мотивации потребления подобного контента, его содержание и логика выстраивания нарративов, а также эффекты, которые потенциально испытывает потребляющая true crime аудитория. Несмотря на то, что существует связь между потреблением медиа-контента и восприятием определенных тем связанных, например, с преступностью, актуальные исследования демонстрируют противоречивые результаты о характере и выраженности этой связи. Одни исследования опровергают сам факт наличия каких-либо эффектов, в ряде других выделяются различные вариации [2]. Тем не менее, такое противоречие в эффектах не находит объяснения в предыдущих исследованиях. Отдельно рассматриваются мотивы потребления true crime [3], а для объяснения различий как в самих мотивах, так и в возникающих эффектах исследуются социально-демографические составляющие [4]. Не проблематизируется связь между мотивациями и эффектами, выявление характера которой и является целью проведенного нами исследования.

Исследование выполнено в количественной методологии и опирается на данные онлайн-опроса, в котором приняли участие 259 человек, 127 из которых не потребляют контент в жанре true crime, и 132 из которых потребляют контент в жанре true crime. Выборка является квотированной и невероятностной, включает молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, проживающую на территории Москвы и Московской области.

Результаты показывают, что в большинстве случаев существуют значимые связи между мотивациями потребления true crime контента и испытываемыми аудиторией подобного контента эффектами, а также выраженностью этих эффектов, причем мотивации являются предикторами возникающих эффектов. Несмотря на преобладающую содержательную дифференциацию мотиваций и объясняемых ими эффектов, в ряде случаев возникает «склонность к подтверждению» — проявляющиеся

эффекты содержательно повторяют те причины, по которым люди начинают потреблять true crime контент.

Таким образом, данное исследование носит эксплораторный характер, представляя основу для изучения роли медиа-источников в определении установок людей по отношению к таким аспектам реальности, как преступность. Нам удалось выявить как само существование эффектов от потребления true crime контента, так и связать их с мотивациями потребления данного контента, тем самым проведя связь между существующими у человека установками и их подтверждением/изменением, опосредованным медиа [5].

Список источников:

1. Sacco, V. F. (1982). The effects of mass media on perceptions of crime: A reanalysis of the issues. *Pacific Sociological Review*, 25(4), 475–493.
2. Soto-Sanfiel, M. T., Montoya-Bermúdez, D. F. (2022). Consumption of true crimes and perceived vulnerability: Does the cultural context matter? *International Communication Gazette*, 17480485221131474.
3. Kort-Butler, L. A., Hartshorn, K. J. S. (2011). Watching the detectives: Crime programming, fear of crime, and attitudes about the criminal justice system. *The Sociological Quarterly*, 52(1), 36–55.
4. Vicary, A. M., Fraley, R. C. (2010). Captured by true crime: Why are women drawn to tales of rape, murder, and serial killers? *Social Psychological and Personality Science*, 1(1), 81–86.
5. Tyler, T. R. (1980). Impact of directly and indirectly experienced events: The origin of crime related judgments and behaviors. *Journal of Personality and Social Psychology*, 39(1), 13–28.

Перформативные практики во взаимодействии людей и животных в городском пространстве

Пугина Милена Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет

milenapugina.ru@gmail.com

Научный руководитель: *Лурье Михаил Лазаревич, кандидат искусствоведения, ЕУСПб*

Performative practices of the human-animal interaction in urban space

Pugina Milena

Saint Petersburg State University

Осмысление животных и других нечеловеческих акторов пространства не как объектов, из которых человек извлекает определенную пользу, а как самостоятельных акторов конструирования пространства и бытия, является одной из главных тенденций в социальных науках в последние годы. Особенно это коснулось животных. Социологи привнесли животных в изучение таких концептов, как отчуждение [3], насилие [4] и технологии [7]. Однако в области исследований сосуществования человека и нечеловеческих акторов (non-human) не хватает исследований, связанных с животными и городским пространством.

Цель настоящей работы — рассмотреть существующие сейчас практики взаимодействия человека и животного в городском пространстве на примере полевых данных, собранных в местах такого взаимодействия. В качестве таких мест были выбраны сад Академии художеств в Санкт-Петербурге, Александровский сад в Петергофе и Орнитологический парк в Адлере.

Сад Академии художеств был выбран в качестве объекта исследования потому, что там находится конюшня, лошади из которой значительную часть времени проводят, гуляя по саду, как другие его человеческие посетители, что создает непривычную ситуацию возможности близкого контакта с животными, контакт с которыми городским жителям обычно недоступен в пределах города. Александровский сад в Петергофе был выбран потому, что там живет большая популяция белочек, которые, по результатам исследования Бйерке и Остдал, являются одним из самых любимых горожанами видов животных. В Орнитологическом парке в Адлере можно встретить в большом количестве крупных диких гусей и лебедей. Таким образом, животные в трех выбранных локациях различаются по размеру и образу жизни, не являются «естественными» жителями города, ассоциируясь с дикой природой, но при этом не представляют опасности для человека, являясь видами-компаньонами.

В ходе исследования получается выяснить, что для человека в рамках городского пространства контакт с животными является не просто способом снижения стресса, но и пространством для множественных перформативных практик конструирования идентичности через это взаимодействие. Перформанс и конструирование идентичностей происходит не только в физических границах парков, но и в виртуальных. Особый интерес представляет конструирование идентичности «особой связи с природой», которая показывает, что для некоторых городских жителей контакт с животными воспринимается как некое соревнование в том, у кого этот контакт «глубже» и, соответственно, является более значимым. Желание участия в таком

«соревновании» говорит о том, что «человек, имеющий особую связь с природой» как идентичность, имеет определенную социальную ценность.

Список источников:

1. Bjerke, T., & Østdahl, T. (2004). Animal-related attitudes and activities in an urban population. *Anthrozoös*, 17(2), 109–129.
2. Butler, J. (2015). *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. Harvard University Press.
3. Benton, T. (1998). Rights and justice on a shared planet: more rights or new relations? *Theoretical Criminology*, 2(2), 149–175.
4. Cudworth, E. (2015). Killing animals: sociology, species relations and institutionalized violence. *The Sociological Review*, 63(1), 1–18.
5. Gandy, M. (2006). Zones of indistinction: bio-political contestations in the urban arena. *Cultural Geographies*, 13(4), 497–516.
6. Haraway, D. J. (2003). *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, Ill.: Prickly Paradigm; University Presses Marketing.
7. Latimer, J., & Birke, L. (2009). Natural relations: Horses, knowledge, technology. *The Sociological Review*, 57(1), 1–27.

Расширение возможностей репрезентации историко-культурного наследия при помощи 3D-технологий

Саверс Евгений Дмитриевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

evgeniyponosov1@gmail.com

Научный руководитель: *Космовская Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, ПГНИУ*

Expanding the possibilities of representing historical and cultural heritage using 3D technologies

Savers Evgeniy

Perm State National Research University

Проект направлен на решение проблемы посещения экспозиций музеев людьми с ограничениями по зрению. Включение посетителей с ограниченными возможностями здоровья в историко-культурную музейную среду расширяется за счет деятельности специалистов в сфере музейной инклюзии, которая представляет из себя одну из основных траекторий развития в новой музеологии [1]. Специалисты данного направления пытаются найти способ предоставить больше возможностей для посещения экспозиций людьми с проблемами со здоровьем. Актуальным является применение моделирования и 3D-печати, поскольку это позволяет на примере напечатанного двойника «узнать» экспонат тактильно, почувствовать его рельеф и представить размер. В процессе работы над проектом определилось дополнительное направление — репрезентация историко-культурного наследия.

В рамках сотрудничества с музеем истории Пермского университета создаются цифровые двойники экспонатов основной выставочной экспозиции [2]. Для расширения возможностей проведения экскурсий по музею появился новый заказ на создание напечатанных копий экспонатов. Для печати были созданы новые 3D-модели в программе «Agisoft Metashape», при их разработке использовался метод по созданию цифровых двойников реальных объектов. Он дает возможность воплотить в жизнь как точное отражение рельефа объекта, так и полное повторение текстуры экспоната. Это необходимо для печати и публикации 3D-двойника в открытом доступе.

На основе созданных цифровых двойников были напечатаны 5 моделей на фотополимерном принтере. Данная система печати позволяет отразить рельеф и размер с высокой точностью [3]. Фотополимер не токсичен для кожи, не имеет неприятного запаха.

В процессе работы появилась идея о пользе напечатанных экспонатов не только для развития инклюзивных практик, но и для популяризации музея. Фотополимерные 3D-копии экспонатов являются одной из форм репрезентации исторического наследия. У посетителя появляется возможность не только детально рассмотреть экспонат в цифровом формате, но и соотнести внешний вид с тактильными ощущениями, полученными от взаимодействия с печатной копией [4]. Вместе с этим, говоря о популяризации музея, стоит упомянуть о возможности развития бренда музея. Это популярный тренд в российских музеях (например, печать своих «фирменных» экспонатов, которые могут сыграть положительную роль в привлечении посетителей).

Таким образом, в данном проекте обосновывается необходимость внедрения 3D-печати в деятельность музеев. Современные технологии предоставляют ряд новых возможностей для музейных учреждений во всех актуальных сферах их деятельности.

Список источников:

1. Побожакова, А. А. (2017). Потенциал музейного проектирования в адаптации лиц с ограниченными возможностями (на примере проекта «экспонат»). *Ученые записки*, (3), 256–258.
2. Поврозник, Н. Г., Ромашова, М. В., Успенская-Базанова, Р. С. (2021). Цифровое волонтерство в музее истории Пермского университета. *Сборник трудов научной конференции «Историко-культурное наследие в цифровом измерении»*, 192–195.
3. Ходер, В. Б., Кордикова, Е. И., Дьякова, Г. Н. (2022). Наполненные фотополимерные композиции для 3D-печати методом стереолитографии. *Труды БГТУ. Серия 2: Химические технологии, биотехнология, геоэкология*, 1, 27–32.
4. Бабайцев, М. Н., Степанова, Ю. В. (2023). Технологии 3D моделирования и 3D печати в сохранении и популяризации архитектурных памятников музея-заповедника «Василево» (Тверская область). *Историческая информатика*, 1, 79–89.

Социальная структура оркестра: (рас)согласованность статусов и распределение ролей

Самосудова Анна Дмитриевна, Степанова Юлия Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

adsamosudova@edu.hse.ru, yulia.stepanova.01@mail.ru

Научный руководитель: *Надеждина Евгения Владимировна, кандидат культурологии, НИУ ВШЭ*

The Social Structure of the Orchestra: (In)consistency of Statuses and Distribution of Roles

Samosudova Anna, Stepanova Julia

National Research University Higher School of Economics

В социологии искусства с 70-х годов XX века начинается активный поворот, характеризующийся смещением парадигмы, описывающей связь между «музыкальным» и «социальным» [1]. Если ранее искусство и музыка в том числе рассматривались как отражение общественных процессов, зависящая переменная от них, то впоследствии, наоборот, в искусстве стали видеть способность самостоятельно порождать и производить их. В рамках «новой социологии искусства» музыка важна в первую очередь как явление, связанное с возникновением особого совместного опыта между индивидами [2].

В нашем исследовании интеракции, связанные с созданием музыки, протекают в деятельности оркестров. Музыка там — тот опыт, который производится агентами совместно. Однако встал вопрос о том, может ли музыкальная деятельность породить особую социальную структуру внутри оркестра, а также связаны ли инструменты исполнителей со статусными позициями, которые они занимают. Таким образом, целью нашего исследования было выявить социальную структуру участников оркестра в зависимости от их статусных позиций. При этом, несмотря на знаменитую метафору оркестра как микрокосма общества, показанную Феллини в «Репетиции оркестра», мы исходили из предпосылки о том, что саму социальную структуру можно выявить, изучая музыкальные практики, интеракции и действия.

В качестве теоретической рамки была выбрана оптика изучения социальной стратификации. Мы опирались на подход Келли и Чемблиша [3], постулирующий, что для определения статусного (рас)согласования требуется учитывать сознание информантов, а не только внешние критерии, навязанные исследователями. Новая музыкальная социология характеризуется большим вниманием исследователей к качественным методам и к подробным объяснительным нарративам со стороны участников, охваченных сферой музыкального [4]. Поэтому мы последовали этому и провели 20 полуструктурированных интервью с музыкантами, а также дирижерами и концертмейстерами.

Результаты исследования показали, что социальная структура в сознании музыкантов динамична и мобильна, а дирижер являлся единственным, кто мог менять конфигурацию участников в этой структуре. При этом основным ресурсом, которым исполнители могли управлять и распоряжаться в процессе изменения статусной

позиции, служила музыкальная техника. Говорить о (рас)согласованности статусов можно только тогда, когда индивид осознает конфигурацию собственных позиций. Статусные позиции в оркестре скорее занимаются, и музыканты являются их носителями как некоторый ресурс, которым исполнители могут управлять и которым способны распоряжаться.

Так например, сама принадлежность к определенным партиям (первая, вторая и т. п.) не предполагает привязки к высокому или низкому статусу, хотя это традиционно связывается с техничностью исполнения. При этом исследование пограничных ситуаций в интервью дало понять, что иногда индивид может чувствовать субъективно высокий статус, даже играя партию уровня ниже. Именно в этом случае видно, что статусное рассогласование наблюдалось тогда, когда техника переставала связывать статусные маркеры, и на авансцену выносились новые обоснования и способы легитимации собственной позиции. Например, в случае, когда музыкант, играющий технично, пересаживался с первой партии на вторую, чтобы помочь более слабо играющим музыкантам.

Список источников:

1. Shepherd, J., & Devine, K. (2015). Introduction: Music and the Sociological Imagination — Pasts and Prospects. In *The Routledge reader on the sociology of music* (pp. 1–21). Routledge.
2. Hennion, A. (2015). Taste as Performance. In J. Shepherd & K. Devine (Eds.), *The Routledge Reader on the Sociology of Music*. Routledge, 341–349.
3. Kelly, K. D., & Chambliss, W. J. (1966). Status Consistency and Political Attitudes. *American Sociological Review*, 3(31), 375–382.
4. del Val, F. (2022). De la sociología de la música a la sociología musical. Nuevos paradigmas en los estudios sobre música y sociedad. *Revista Internacional de Sociología*, 80(2), 1–13.

Оппозиция «свой — чужой» в чайлдфри медиасообществе: на материале англоязычных видео-эссе

Сачовская Ева Ревазовна

Санкт-Петербургский государственный университет

evaaastudyinfo@gmail.com

Научный руководитель: *Силантьева Вероника Георгиевна, кандидат филологических наук, СПбГУ*

The “friend-foe” opposition in the childfree media community: English-language video essays

Sachovskaia Eva

Saint Petersburg State University

Сложная демографическая ситуация наблюдается сегодня на всем англоязычном пространстве. Даже в США, где до недавнего времени фиксировался стабильный естественный прирост населения, по данным за 2023 год увеличение количества жителей государства было в основном обеспечено за счет миграции из других стран. Общий коэффициент фертильности в США приблизительно составил 1,6 ребенка на женщину, что ниже «коэффициента замещения» населения. Как следствие, проблема поддержания стабильности населения выходит на передний план в англоязычном общественно-политическом дискурсе. Опыт добровольной бездетности, ранее конституируемый в малых дискурсах интернет-сообществ, осмысливается как публичный опыт, вовлеченными в который являются как не-родители, так и родители, как индивиды, так и институты. [1; 3; 4] В данной работе предлагается рассмотреть, каким образом отдельные чайлдфри-нарративы англоязычных блогеров соотносятся со сформировавшимся дискурсом добровольной бездетности в плане реализации семантической оппозиции «свой — чужой». Актуальность данной работы обусловлена фундаментальным характером семантической оппозиции «свой — чужой», отражающей представление о бинарной структуре мира. [2] Целью исследования является выявление тематических доминант, лексических единиц, репрезентирующих компоненты оппозиции. Поставленная цель отвечает за новизну исследования, позволяя детализировать метод коммуникативного контент-анализа за счет психолингвистических параметров: ассоциативных дескрипторов. Предположительно, ассоциативные дескрипторы или тематические лексемы, регулярно используемые блогерами в нарративах, связаны с аксиологическими характеристиками англоязычного чайлдфри-дискурса. Исследование проводится на материале англоязычных видео в жанре видео-эссе, которые были отобраны на видеохостинге «YouTube». В составленной выборке представители чайлдфри-медиасообщества рассказывают о том, как пришли к решению не иметь детей, и делятся своими идеологическими соображениями в отношении деторождения. При систематизации результатов использовался лингвистический описательный метод, текстовый анализ, лексико-семантический метод и методика конкордансного анализа. В корпус анализируемых материалов включены не только видео-эссе на видеохостинге, но и комментарии к ним. В результате исследования было установлено, что «свой» конструируется с использованием вербальных средств, ассоциируемых с авторитетным

мнением, «здравым смыслом», личным успехом, чувственными и эстетическими удовольствиями, моральным превосходством. «Чужой», хотя и является антагонистом, описывается как заблуждающийся, достойный жалости, как следствие, при его разоблачении используются не только лексемы негативно-оценочной семантики, но и средства передачи иронии.

Список источников:

1. Дорофеева, О. Е., Кавеева, А. Д., Андреева, А. А., Вербилович, О. Е. (2021). Дискурсивные границы территории родительства: анализ кейса «плохой матери» в социальных медиа. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(3), 451–464.
2. Кишина, Е. В. (2011). Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов. *Вестник Кемеровского государственного университета*, (4), 174.
3. Клушина, Н. И. (2021). Нарративные практики в современном российском медиадискурсе. *Мир лингвистики и коммуникации*, 63, 24–35.
4. Ломакин, И. В. (2019). Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 6, 394—436.
5. Павлова, Е. С. (2022). Российский медиадискурс родительства в аспекте лингвобезопасности. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 5(44), 490–494.

«Быть или не быть...»: мотивы участия студентов в научно-исследовательской деятельности

Соколова Екатерина Юрьевна

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
ssokkolovaa@mail.ru

Научный руководитель: *Шаброва Нина Васильевна, кандидат социологических наук, УрФУ*

“To be or not to be...”: motives for student participation in research activities

Sokolova Yekaterina

Ural Federal University named after the first president of Russia B. N. Yeltsin

Одним из трендов современного обучения в вузах выступает вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность (НИД), которая способствует развитию у обучающихся аналитических навыков, критического и творческого мышления, способностей работы с актуальной информацией. Однако в последнее время исследователи начинают все чаще фиксировать проблему потребительского отношения к НИД и его результатам [1]. Л. В. Канаева в своем исследовании анализирует конкретные «неблагополучные» кейсы привлечения студентов к публикационной деятельности [2]. И. А. Колесникова рассматривает кейсы участия в НИД, когда студенты «имитируют» образовательную и научную активность путем купли/продажи научных работ [3].

Для эффективного привлечения студентов к НИД, вузам необходимо создать для них «правильную» мотивацию и обеспечить достойным уровнем менторского состава (научных наставников), потому как успешность выстроенного взаимодействия между студентом и научным наставником находится в прямой зависимости с итоговым результатом НИД.

Исходя из актуальности поставленной проблемы, в апреле 2023 г. нами были проведены 12 глубинных интервью со студентами российских университетов, участвующих в НИД. Интервью было посвящено изучению опыта вовлечения и участия студентов в НИД. Один из блоков гайда был посвящен исследованию мотивации вовлечения студентов в НИД.

В результате исследования нами были выделены три основных группы мотивов студентов к написанию научных работ и участию в различных конференциях. Первая группа мотивов связана с желанием студентов расширить кругозор и «прокачать» компетенции. Большая часть студентов, принявших участие в нашем исследовании, отмечала этот мотив, связывая его со стремлением глубокого погружения в проблематику своей образовательной программы: «Я участвую в НИД по своей специальности и стараюсь не выходить за ее рамки, потому что она мне очень интересна...» (студент, 5 курс, техническая ОП).

Вторым мотивом участия в НИД, который отмечали респонденты, является желание сформировать портфолио: «Какие у меня были мотивы? Это заполнить резюме, чтобы в резюме у меня была ссылка на исследования, чтобы перед

работодателем ты уже мог показать, что ты хоть что-то стоишь» (студент, 3 курс, социально-экономическая ОП).

Третьим мотивом выступает возможность получения студентами материальной поддержки за активное участие в НИД. Приведенное ниже высказывание информанта яркое тому подтверждение: «Сказали, что существует губернаторская стипендия, и мне стало очень интересно попробовать стать кандидатом на эту стипендию. Это первоначальный мотив» (студентка, 2 курс, социально-экономическая ОП).

Таким образом, наше исследование выявило три основных группы мотивов включения современных студентов в НИД. Опасение вызывает то, что студенты принимают участие в НИД, считая эту деятельность легкой возможностью пополнить личное портфолио и/или получить материальное вознаграждение, не проявляя при этом истинного интереса ни к НИД, ни к академической профессии.

Список источников:

1. Амбарова, П. А., Шаброва, Н. В., Кеммет, Е. В., Михайлова, А. Н. (2023). Научно-исследовательская культура студентов российских университетов. *Высшее образование в России*, 32(7), 96–116.
2. Канаева, Л. В. (2017). Причины и коррекция публикационных девиаций в «студенческой науке». *Высшее образование в России*, 12, 112–119.
3. Колесникова, И. А. (2017). Академический гострайтинг — рынок имитации научно-образовательной активности. *Непрерывное образование: XXI век*, 2(18), 1–22.

Обряды детства в монгорском варианте эпоса «Гэсэр»

Станьева Владислава Владимировна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

vladastaneva@gmail.com

Научный руководитель: *Березкин Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, ЕУСПб*

Rituals of childhood in the Monguor version of the epic “Geser”

Staneva Vladislava

The Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera)

Жизнь любого традиционного общества наполнена различными ритуалами и обрядами, направленными на регуляцию взаимоотношений между его членами и установления социальной иерархии. Французский антрополог А. ван Геннеп [1] рассматривал обрядовую деятельность как важнейший социальный конструкт. А. ван Геннепом были выделены следующие обряды жизненного цикла: родильные, пубертатные обряды, свадебные, похоронные; кроме того, он также выделяет особые категории данных обрядов: отделения, промежуточные и включения.

У монголов, одной из малочисленных народностей КНР, существует множество обрядов, практикующихся в первые годы жизни ребенка, которые можно определить как обряды отделения (первое одевание, купание и другие), так и обряды включения (например, обряд имянаречения) [2, с. 108].

Что касается происхождения монгорской обрядности жизненного цикла, она также вероятнее всего имеет неоднородный характер. Монгорская обрядность жизненного цикла схожа во многом с монгольской. При этом, сторонники туюхуньской теории происхождения монголов отмечают близость свадебной и погребальной обрядности, а также особенностей женских украшений с маньчжурскими. Это предположение основывается на том, что туюхуни после переселения из Маньчжурии в Цинхай «сохранили остатки жизненной обрядности» [3, с. 53]. В то же время, невозможно не отметить сходство монгорского свадебного обряда с тибетским. На погребальные обряды монголов оказал большое влияние тибетский буддизм. В связи этим современная празднично-обрядовая деятельность монголов носит синкретичный характер, объединяя в себя элементы различных культур.

В монгорском варианте эпоса о Гэсэре из Тяньцзю провинции Ганьсу важнейшим обрядом жизненного цикла является рождение ребенка и все связанные с ними обычаи, в частности обряды детства: рождение Гэсэра у земных родителей; «ритуал празднования первого месяца жизни ребенка» как пример обряда детства; обряд имянаречения [4].

Рождение главного героя эпоса, Гэсэра, было ознаменовано значительными погодными изменениями. Подобные события служили знаменем серьезных перемен, а в данном случае, о рождении крайне неординарного человека. Далее последовали несколько обрядов подношения первых даров младенцу. Описанный эпосе обряд, который также именуется в нем как «ритуал полной луны» *маньюэ ли* (кит. 满月礼) [5, с. 71], однако он не полностью соответствует реальной практике. Единственным

совпадением является приношение гостинцев новорожденному и его родителям в виде угощений и новой одежды. В монгорском варианте, также как и в других национальных версиях эпоса, не представлен полноценный обряд наречения именем, сохранились только намеки на гадательную практику, которая указывает на сакральность данного действия.

Национальные версии эпоса о Гэсэре содержат кладезь информации об обрядности различных народов. В монгорской версии из уезда Тяньчжу также прослеживается связь обрядов детства и событий из жизни главного героя.

Список источников:

1. ван Геннеп, А. (1999). *Обряды перехода*. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН.
2. Ха, Ш., Ли, Ч. [哈守德, 李占忠] (1999). Тяньчжу туцзу [天祝土族: Монгоры уезда Тяньчжу]. Чанша [长沙]: Чжунго жэньминь чжэнчжи сешан хуэйи тяньчжу цзанцзу цзычи сянь вэйюаньхуэй вэньши цзыляо гунцзо вэйюаньхуэй [中国人民政治协商会议天祝藏族自治县委员会文史资料工作委员会]. 304 с.
3. Динь, Ш. (2010). Проблема туцзу в китайском монголоведении. *Mongolica-IX: Сборник статей (ред. И. В. Кульганек)*. СПб.: Петербургское востоковедение. (с. 5–54).
4. Ван, Г. [王国明] (2014). *Туцзу «Гэсаэр» шочан силе цуншу. Фаньи силе: Шэньцзы сяфань бу* [土族《格萨尔》说唱系列丛书。翻译系列: 神子下凡部: *Собрание сочинений монгорских [эпических] сказаний «Гэсэр». Серия переводов: Раздел «Сошествие сына бога на землю»]. Пекин [北京]: Миньцзу чубаньшэ [民族出版社].*
5. Цяо, Ч. [乔志良] (2015). *Хучжу туцзу миньсу вэньхуа* [互助土族民俗文化: *Фольклор и культура монголов из уезда Хучжу*]. Синин [西宁]: Цинхай миньцзу чубаньшэ [青海民族出版社].

Изменения жизни близких родственниц заключенных и осужденных российских тюрем

Тавровская Анна Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

atavrovskaa@gmail.com

Научный руководитель: *Ильин Владимир Иванович, доктор социологических наук, СПбГУ*

Changes in the lives of close female relatives of prisoners and convicts in Russian prisons

Tavrovskaja Anna

Saint Petersburg State University

Люди, заботящиеся о заключенных и поддерживающие их, в подавляющем большинстве — члены их семей, прежде всего матери и жены. Женщины вынуждены вместе с заключенным проходить все этапы адаптации к тюремному сроку. На семью ложится не только ресоциализирующая функция, но и функция обеспечения достойного (или сносного) существования человека в тюрьме: составление жалоб, поиск и оплата адвоката, подготовка продуктовых и вещевых передач (одежды, денег), организация коммуникации (переписка, свидания) и т. д. Кроме забот о родственнике, на женщину могут целиком лечь обязанности поддержания быта, финансового обеспечения семьи, ребенка. Жена или мать заключенного не защищена законом и практически никак не защищена социально [5].

Исследование выполнено в логике качественной социологии, был выбран метод интервью, а именно полуструктурированных глубинных интервью. Было проведено двадцать одно онлайн-интервью, из них шесть — по переписке (включая голосовые сообщения). Из опрошенных: две женщины являлись матерями заключенных, две — сестрами, одна — подругой заключенной, остальные являлись партнерами: (бывшими) девушками, женами и гражданскими женами заключенных. Из всех близких, отбывающих наказание, три являются женщинами (близкая подруга, сестра и дочь). В среднем интервью длились около часа. Поле является сенситивным, поэтому особое внимание было уделено этическим аспектам. На дальнейшем этапе был применен метод тематического анализа. Тюрьма в исследовании понимается широко — как собирательное понятие для различных видов специальных учреждений: ИВС, СИЗО, исправительные колонии. Система понимается как совокупность или каждая по отдельности: пенитенциарная, судебная системы и правоохранительные органы.

Целью исследования являлось изучить изменения, происходящие в жизни женщин, чей муж, сын, другой родственник оказался заключенным в российскую тюрьму, а также их понимание данной ситуации. Объектом исследования выступают женщины, столкнувшиеся с заключением близкого человека или родственника. Предмет исследования — изменения, происходящие в жизни этих женщин с момента ареста родственника. Исследование помещено в узкий контекст взаимодействия с Федеральной службой исполнения наказаний.

Теоретическим основанием стал феномен «квазизаключенных» или один из его вариантов — «вторичное заключение» («secondary prisonization»), введенный Меган

Комфорт [2]. Женщины, вынужденные подчиняться различным правилам и участвовать во властных отношениях, становятся заложницами «вторичной тюремной изоляции». Также при анализе различных видов изменений и взаимодействия родственниц с системой ФСИН были применены теория силы слабых связей М. Грановеттера [4], теория социального капитала Дж. Коулмана [1], теория гендерных режимов и гендерных порядков Р. Коннелл [3].

Список источников:

1. Coleman, J. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*, 94(1), 95–120.
2. Comfort, M. (2003). In The Tube At San Quentin: The “Secondary Prisonization” of Women Visiting Inmates. *Journal of Contemporary Ethnography*, 32(1), 77–107.
3. Connell, R. (1987). *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. Stanford: Stanford University Press.
4. Granovetter, M. (1973). The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, 78(6), 1360–1380.
5. Омельченко, Е. Л., Пэллот, Дж. (Eds.). (2015). *Около тюрьмы: женские сети поддержки заключенных*. СПб: Алетейя.

Методы оценки эффектов в парамедицинском использовании психоактивных препаратов (биохакинг)

Улунов Гликерий

Европейский Университет в Санкт-Петербурге

pentanonsens1@gmail.com

Научный руководитель: *Петров Кирилл Алексеевич*, кандидат философских наук, ЕУСПб

Methods of evaluation of effects in paramedical use of psychoactive drugs (biohacking)

Uluinov Glikery

European University at St. Petersburg

Для социологии и антропологии вопрос о том, как формируется эффект тех или иных веществ и практик, является классическим. Лемерт, Беккер и Эджертон каждый по-своему ставили под сомнение то, что эффект психоактивных препаратов (алкоголь, наркотики, лекарства) строго определен биохимическими процессами, находящимися в ведении исключительно психиатрии, и предлагали собственные описания того, как эти эффекты формируются социально. Мое исследование касается того, как эффект различных психоактивных препаратов (ПАВ) регистрируется и оценивается в рамках парамедицинских практик биохакинга.

Для того чтобы определять и оценивать эффекты препаратов, биомедицина разработала большой набор практик, стандартов и методик. К примеру, для оценки эффекта антидепрессантов в клинических исследованиях используются различные опросники и методики опроса. И тем не менее границы между разными типами эффекта, между желательным и нежелательным становятся зыбкими с введением новых препаратов и практик [2].

Еще более подвижные стандарты оценки существуют в достаточно молодой области фармакологического биохакинга. Биохакеры нередко заимствуют не только препараты официальной медицины, но также адаптируют медицинские процедуры оценки эффектов и рисков, результаты исследований. Психиатрические практики и некоторые психоактивные вещества становятся общими для двух конфликтующих социальных миров — изначального, психиатрического, и мира биохакеров, «в руках» которых препараты и методики теряют свою оригинальную структуру, приспособляются для новых локальных проблем.

Для описания таких феноменов Стар и Гриземер предлагают концептуальную схему «пограничных объектов» [4, р. 604–605], в рамках которой можно исследовать аномалии переноса практик, стандартов и процедур в новые контексты. В своем исследовании я сочетаю подход Стар и более поздние наработки АСТ — концептуализации агентности пользователей в определении ключевых параметров технологий, инфраструктур и социально значимого опыта, прежде всего в области здоровья [3; 5]. Я полагаю, что мое исследование находится в резонансе с дебатами современных drug-studies о соотношении репрезентативного и до-репрезентативного (в терминологии Делеза) в эффектах ПАВ [1].

Биохакеры внедряют свои проблематизации и нормы в практики взаимодействия

с ПАВ, в результате чего:

- создают особые эпистемологические зоны выявления и регистрации эффектов с помощью техник, частично заимствованных из психиатрии, частично разработанных в связке со своими повседневными задачами;
- предлагают собственные, «низовые» определения того, что такое «стресс», «когнитивные способности», «депрессия», в целом — «здоровье» и «качество жизни»;
- переводят свои аффекты в регистр «публичного» — замеров, анализов и других данных для того, чтобы обмениваться опытом.

Я полагаю, что такие техники регистрации, стандартизации и перевода являются локальным ответом на вопрос о соотношении репрезентативного и до-репрезентативного в эффектах ПАВ.

Список литературы:

1. Dennis, F. (2019). *Injecting Bodies in More-than-Human Worlds* (1st ed.). Routledge.
2. Mathai, D. S., Nayak, S. M., Yaden, D. B., & Garcia-Romeu, A. (2023). Reconsidering “dissociation” as a predictor of antidepressant efficacy for esketamine. *Psychopharmacology*, 240(4), 827–836.
3. Mol, A. (1999). Ontological Politics. A Word and Some Questions. *The Sociological Review*, 47(1_suppl), 74–89.
4. Star, S. (2010). This is Not a Boundary Object: Reflections on the Origin of a Concept. *Science, Technology, & Human Values*, 35(5), 601–617.
5. Strum, S. S., & Latour, B. (1987). Redefining the social link: From baboons to humans. *Social Science Information*, 26(4), 783–802.

«То-то физики в почете, то-то лирики в загоне»: восприятие работы в университете научными сотрудниками социально-гуманитарных направлений (SSH) и естественно-технических (STEM) на примере НИУ ВШЭ

Чепелева Мария Дмитриевна, Макарова Екатерина Сергеевна, Меркулова Таисия Павловна, Молькова Анна Романовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

tpmerkulova@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Павлюткин Иван Владимирович, кандидат социологических наук, НИУ ВШЭ*

Perception of work at the university by researchers of social sciences and humanities (SSH) and natural sciences and technologies (STEM) (a case study of the HSE University)”

*Chepeleva Maria, Merkulova Taisia, Molkova Anna, Makarova Ekaterina
National Research University Higher School of Economics*

Исследование посвящено восприятию работы в университете научными сотрудниками в условиях менеджеральной системы управления, в которой университет представляется как корпорация [1]. Проблематика: менеджеральные реформы университета, имевшие цель повысить продуктивность сотрудников университетов, привели также и к появлению проблем: повышению стресса и переработкам, являющимися одной из причин снижения продуктивности [2; 3].

Взято за основу разделение сфер научной деятельности на STEM (science, technology, engineering and mathematics) и SSH (social sciences and humanities) [4]. Наше предположение — ввиду особенностей деятельности исследователей в этих сферах отношение к своей деятельности и проблемы, связанные с ней, будут отличаться. Цель — выяснить, как воспринимаются черты работы в академии в условиях менеджериализма научными сотрудниками двух направлений на примере сотрудников ВШЭ, которые занимаются исследовательской и преподавательской деятельностью.

Мы провели 20 интервью с сотрудниками университета, дифференцировав выборку не только по сферам STEM и SSH, но и по должности, опыту работы, а также по месту получения образования. Интервью были транскрибированы, проведены процедуры открытого и осевого кодирования.

Было выяснено, что основаниями для различий в восприятии работы в университете является не только сфера деятельности сотрудника, но и должность и причины, по которым человек выбирает работу в университете. Эти причины, ожидания от работы, личные ценности формируют представление о желаемом результате работы. С другой стороны, менеджеральная система управления создает требуемый результат, которого сотрудник должен достичь. Несоответствие желаемого и требуемого результата стало важной категорией, которая позволяет объяснить различный опыт научных работников. Также выделены практики приспособления, которые помогают справляться с несоответствием. Рассуждая об эффективности сотрудников университета, стоит принимать во внимание их субъективное представление о результате работы и опыт, в связи с которым это представление

формируется. Таким образом, наша работа дополняет исследования, посвященные академии, менеджериализму в ней и ее сотрудникам.

Также исследование встраивается в дискуссию об академических «племенах» [5], поскольку было выяснено, что разделение академиков по принадлежности к SSH и STEM не влечет за собой возникновения большого количества уникальных нарративов об отношении к работе в университете у этих двух групп и дает основания полагать, что «племена» нужно находить по другим признакам. К примеру, «самоидентификация», «причины прихода в академию».

Ограничения исследования — смещенность выборки в сторону тех, кому нравится преподавать, и эффект самоотбора. Перспектива — проверка его выводов на количественном дизайне. Результаты работы могут иметь прикладной характер — качественный дизайн позволил углубиться в аспекты восприятия работы в академии, которые не затрагиваются в количественных мониторингах сотрудников, например Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ. Теорию, выведенную в данном исследовании, можно использовать для разработки новых опросов или систем оценки работы в рамках академии.

Список источников:

1. Graeber, D. (2015). *The utopia of rules: On technology, stupidity, and the secret joys of bureaucracy*. Melville House.
2. Acker, S., & Armenti, C. (2004). Sleepless in Academia. *Gender and Education*, 16, 10003–22.
3. Абрамов, Р. Н., Груздев, И. А., Терентьев, Е. А. (2019). Баланс работы и личной жизни и источники стресса научно-педагогических работников российских исследовательских университетов. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 3, 8–26.
4. Olmos-Peñuela, J., Benneworth, P., & Castro-Martinez, E. (2014). Are ‘STEM from Mars and SSH from Venus’?: Challenging disciplinary stereotypes of research’s social value. *Science and Public Policy*, 41(3), 384–400.
5. Becher, T., & Trowler, P. (2001). *Academic tribes and territories*. McGraw-Hill Education.

Формы организации современных городских коммун и коливингов на примере г. Санкт-Петербурга

Шабаета Рената Рашитовна, Науменко Полина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

rshabaeva@mail.ru, linanaumenko1@gmail.com

Научный руководитель: *Кулаев Максим Александрович, PhD по политическим наукам, СПбГУ*

Organization forms of modern urban communes and colivings on the example of St. Petersburg

Shabaeva Renata, Naumenko Polina

Saint Petersburg State University

Несмотря на то, что на сегодняшний день наиболее распространенной формой совместного проживания людей являются союзы, основанные на родственных связях, существуют и альтернативные практики человеческого общежития — например, студенческие жилые комплексы, различные социальные учреждения, коммунальные квартиры и коммуны. Для них характерен определенный способ распределения обязанностей, устройства быта и выстраивания отношений, отличный от принятого в семьях [2].

Колоссальный импульс развитию моделей совместного проживания в России был дан Октябрьской революцией. Одной из них являлись жилищно-бытовые коммуны (ЖБК). Они начали возникать на рубеже 1917–1918 гг. Образование ЖБК было связано как с господствующим в это время социалистическим дискурсом, так и с практической необходимостью, вызванной ситуацией разрухи в стране и дефицитом товаров. Объединению способствовал также начавшийся в это время «революционный жилищный передел», подразумевавший перераспределение имущества и предоставление жилья рабочим и крестьянам.

Другой распространенной практикой совместного проживания в этот период стали студенческие коммуны. Бедная жизнь студентов и постоянное совместное времяпрепровождение побуждали их объединяться с целью совместного ведения быта, а также для экспериментов по построению нового общества. Различные данные свидетельствуют о том, что к 1923 г. в Петрограде было официально зарегистрировано лишь две студенческие коммуны. Согласно тем же цифрам, если в 1929 г. было зарегистрировано 25 коммун (около 2500 членов), то в 1930 г. — уже 60 (около 7700 членов) [1].

Однако, несмотря на уход идеи радикального переустройства привычного «буржуазного» быта в прошлое, коммунальные практики совместного общежития продолжают развиваться и сегодня. Это вызвано различными факторами, среди которых можно выделить изменение демографической структуры общества, кризис института семьи, сложность экономической ситуации, делающей отдельное жилье недоступным для некоторых групп населения, и др. [3] Одну из современных форм организации быта представляет собой коливинг — тип совместного проживания, который совмещает в себе элементы коммуны с коммерческими проектами, такими как

возможность аренды помещения и проведения мероприятий. На сегодняшний день большинство коливингов находятся в Москве и Санкт-Петербурге.

Предметом данного исследования выступают формы организации межличностных отношений в современных городских коммунах и коливингах. На примере коммун Санкт-Петербурга с помощью метода полуструктурированного интервью и включенного наблюдения выявляется, насколько четко разграничена и артикулирована иерархия в современных коммунах. Данное исследование также ставит перед собой следующие вопросы: какая организационная структура является для коммунаров наиболее предпочтительной — вертикальная или горизонтальная? Насколько четко разграничена и артикулирована организация соседских взаимоотношений? На каких принципах строится коммуникация управленческого звена с проживающими в коммуне?

Список источников:

1. Willimott, A. (2017). *Living the revolution: Urban communes and Soviet socialism, 1917–1932*. Oxford: Oxford University Press.
2. Ермолова, М. Ю., Комарова, А. И., Резниченко, М. В., Тимофеева, Е. В. (2018). Современные коммуны как альтернативная форма социальности. В *Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики: сборник статей*. СПб: Интерсоцис, Скифия-принт.
3. Камалова, К. В. (2019). Социальная основа формообразования современного городского жилища. *Современная архитектура мира*, 1(12), 99–114.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Хармс и сюрреализм: образы картин Сальвадора Дали в повести «Старуха»

Амирова Екатерина Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

amireka2003@gmail.com

Kharms and surrealism: images of Salvador Dali's paintings in

The old woman novella

Amirova Ekaterina

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

Герой фантастической повести «Старуха» содержит в себе одновременно и биографические черты автора, и черты героя «петербургского мифа»: по выражению исследователя Ильи Кукулина, литературная традиция «порабощает» персонажа, похожего на Хармса, и он становится «петербургским героем» не по своей воле [1]. Пространство полусна или сна, в котором находится герой «Старухи», при своей мнимой обыденности функционирует по абсурдным законам. Чтобы расшифровать их, в работе предлагается расширить метафорическую «арку», под сводами которой находится повесть, и проанализировать ее с помощью другой художественной системы, работающей по законам сна, — сюрреалистической живописи Сальвадора Дали.

Черты сюрреализма в повести Хармса — постоянно встающие на протяжении текста вопросы о реальности происходящего и существовании Старухи (последний так и не разрешен до конца). Живопись сюрреализма, в том числе и работы Дали, часто обращается к теме сна («Сон, навеянный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения»). Сюжет «Старухи» тоже происходит в полусне: герой засыпает и просыпается без четкого ощущения времени и даже пространства; границы сна и реальности размываются: «Я смотрю на пустое кресло, и дикая радость наполняет меня. Значит, это всё был сон. Но только где же он начался?.. Однако сколько же времени я спал? Я посмотрел на часы: половина десятого, должно быть, утра» [2]. Относительность «растекающегося» времени роднит эти сюжеты.

Мотив, который повторяется дважды за повесть, — инвалид на механической ноге. Во-первых, это отражение времени, тикающие часы: «тик» — механическая нога, «так» — обычная. Эти звуки можно распознать как реализацию стертой в повседневном языке метафоры — «время идет». «Механическая нога» могла бы находиться в одном ряду с сюрреалистическими образами Дали, с множеством подпорок, ходуль и других механических приспособлений для живых существ — насекомых, слонов (картины «Сон», «Слоны», «Жираф в огне» и др.) Полиморфные существа — не изобретение современности. В. Косякова называет полиморфных созданий Босха киборгами, потому что в их биологические тела встроены рукотворные приспособления [3]. Она считает, что у современности очень много общего с поздним средневековьем, в том числе — страх будущего, и «монстры» — создания Босха и современные киборги — это его символы [3]. Если признать это предположение действительным, то получится, что движение времени настоящего (которое отмеряет

шаги инвалида как тиканье часов, и симметричный повтор этого действия) и предполагаемое будущее соединены в «Старухе» в одном образе. Для Хармса и Дали, живущих и творящих в 30-е годы, («Старуха» написана в 1939 году, Дали пишет «Мягкую конструкцию с вареной фасолью (предчувствие гражданской войны)» в 1936, «Жирафа в огне» в 1937) размышления о грядущих катастрофах актуальны, а эти образы можно рассматривать как элементы особого интермедийного языка для описания страха будущего.

Список источников:

1. Кукулин, И. В. (1997). Рождение постмодернистского героя по дороге из Санкт-Петербурга через Ленинград и дальше. *Вопросы литературы*, (4), 62–90.
2. Хармс, Д. И. (1997). Старуха. В кн. В. Н. Сажина (Сост.), Д. И. Хармс. *Полное собрание сочинений. Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное* (т.2, с. 161–190). СПб.: Академический проект.
3. Косякова, В. А. (2020). *Код средневековья. Иероним Босх*. М: АСТ.

Связь двух волн русского авангарда: визуальная поэзия Василия Каменского и Всеволода Некрасова

Артемьев Пётр Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

art12piter@mail.ru

Научный руководитель: *Валиева Юлия Мелисовна, кандидат филологических наук, СПбГУ*

Comparative analysis of two waves of Russian avant-garde: visual poetry of Vasily Kamensky and Vsevolod Nekrasov

Artemev Petr

Saint Petersburg State University

Данная работа посвящена связи двух поколений русского авангарда в контексте визуальной поэзии. В качестве основного материала исследования был взят сборник Василия Каменского «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» и стихотворения Всеволода Некрасова разных лет, собранные в авторском сборнике «Справка. Стихи». Цель исследования — выделить и сравнить ключевые особенности поэтики Каменского и Некрасова, показав развитие авангардных практик письма.

Весной 1914 года выходит сборник Каменского «Танго с коровами. Железобетонные поэмы». Произведения, вошедшие в него, представляли собой стихотворения, написанные с использованием полиграфических экспериментов. Наиболее ярким примером можно назвать стихотворение «Константинополь» [1, с. 23], написанное в форме пятиугольника с внутренними делениями. Будучи художником, Каменский использует визуальные образы в поэтическом пространстве, в его работах реализуется принцип синтеза искусств.

Эта особенность поэтики Каменского подробно отражена в работе А. Стригалева [2, с. 511]: указывается, что Каменский выставлял «железобетонные поэмы» в качестве картин (в каталоге выставки фигурирует картина «Константинополь», представляющая собой перенесенную на холст «железобетонную поэму»).

Каменский использует оригинальное деление слов, применяя технику разрывов, остранивающих и задерживающих внимание читателя. Помимо этого, Каменский использует один из популярных приемов футуристической поэзии — заумный язык — с целью уйти от статического восприятия. Таким образом, в произведениях Каменского визуальные приемы дают новые возможности поэтическому тексту.

Обращаясь к сборнику Всеволода Некрасова, можно отметить, что визуальные приемы играют большую роль в его поэтике. Экспериментируя с композиционным размещением текста, поэт добивается «одновременности текста» и его «множественности» [3, с. 39]. Библер связывает «множественность» поэзии Некрасова с пустотами в тексте [4, с. 987]. Если вспомнить визуальную организацию текста Каменского, можно увидеть, что его построение схоже с построением Некрасова, визуальное и вербальное дополняют друг друга. Каменский и Некрасов использовали затрудненные слова, однако выглядели они по-разному. Каменский использует заумь и шрифты, создавая полностью новые слова или преобразуя старые, увеличивая их семантическое значение. Некрасов тоже экспериментирует с графическим обликом

слов, однако чаще всего «глубинная загадочность слова» [4, с. 988] связана с пустотами в стихотворении. Помимо этого, Некрасов прибегает к повторам, то есть зритель сталкивается с визуальным ритмом стиха. Важно отметить, что Всеволод Некрасов был близок к кругу художников (в его круг входил Эрик Булатов), что позволяет провести параллель с творчеством Каменского.

Подводя итоги, можно сказать, что акцент на визуальной составляющей стихотворения объединяет творчество Каменского и В. Некрасова. Техника разрывов, затрудненные слова и визуальные практики являются связующим звеном первой и второй волны русского авангарда.

Список источников:

1. Библер, В. С. Поэтика Всеволода Некрасова (2002). В кн. И. Е. Берлянд (Ред.), *Замыслы* (кн. 2, с. 985–1001). М.: РГГУ.
2. Каменский, В. В. (1914). *Танго с коровами. Железобетонные поэмы*. М.: Издание Д. Д. Бурлюка.
3. Некрасов, В. Н. (1991). *Справка.: Стихи*. М.: Постскрипtum.
4. Стригалёв, А. (1995). Картины, «стихокартины» «железобетонные поэмы» Василия Каменского. *Вопросы искусствознания*, (1–2), 505–539.

Языковые средства передачи лингвокультурных феноменов с русского языка на французский (на материале стихов капитана Лебядкина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»)

Бабушкина Софья Андреевна

Московский городской педагогический университет

sbabushkina2003@yandex.ru

Научный руководитель: *Райскина Валерия Александровна*, кандидат филологических наук, МГПУ

Linguistic means of transferring national-cultural phenomena from Russian into French (based on the material of captain Lebyadkin's poems in F. M. Dostoevsky's novel *Demons*)

Sophia Babushkina

Moscow City University

Цель данного исследования состоит в выявлении языковых средств, использованных для передачи особых русскоязычных лингвокультурных феноменов на французский язык, и оценке степени их адекватности в переводе на французский язык стихов Игната Лебядкина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Объектом исследования являются прагматические установки Ф. М. Достоевского, реализованные в стихотворениях Игната Лебядкина, а также средства художественной выразительности, использованные в данных стихотворениях и их переводе на французский язык. Предметом исследования являются стихотворения героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы» Игната Лебядкина [1] и их адаптация для франкофонного читателя [2].

Задачами исследования являются: анализ прагматических установок автора, реализованных в стихотворениях Игната Лебядкина, способов их реализации автором и переводчиком и сопоставление языковых средств, используемых в русском и французском текстах стихотворений.

Актуальность и новизна данного исследования состоят в рассмотрении стихов Игната Лебядкина не только с точки зрения их роли и места внутри романа «Бесы» и их прецедентности в русской поэзии последующих веков, что уже неоднократно отмечалось предшествующими исследователями творчества Ф. М. Достоевского, но и с точки зрения их лингвокультурной ценности [3]: во взгляде на них как на художественный текст, являющийся способом представления культуры.

В качестве основных методов исследования использован общенаучный метод сопоставительного анализа, а также метод лингвоаксиологического, коннотативного и лингвокультурологического анализа.

Исследование проведено в рамках антропоцентрической и лингвокультурологической парадигм.

В результате проведения исследования выявлены следующие прагматические установки Ф. М. Достоевского: создание и раскрытие образов героев и развитие сюжета, аффективное воздействие на читателя, выражение философских взглядов писателя [4], высказывание авторской политической позиции.

Среди художественных средств, используемых автором с целью реализации прагматических установок, наиболее значимыми нами признаны развернутая метафора, создание и употребление неологизмов, смешение стилей, реминисценция [5].

Выявлено, что при адаптации романа «Бесы» для франкофонного читателя была предпринята формальная попытка реализации прагматических установок автора, однако была утеряна значительная часть уникальных авторских художественных приемов, вследствие чего прагматические установки Ф. М. Достоевского реализованы недостаточно полно и нарушена межкультурная коммуникация между русофонным автором и франкофонным читателем.

Сделан вывод о лингвокультурном значении стихотворений Игната Лебядкина, о трудности их эквивалентной адаптации для иноязычной аудитории и о значимости такой адаптации в целях успешной межкультурной коммуникации.

Список источников:

1. Dostoevsky, F. M. (1957). *Demons*. In F. M. Dostoevsky, *The complete works in 10 volumes* (vol. 7). Moscow: State Publishing House of Fiction.
2. Dostoevsky, F. M. (1886). *Demons* (V. Derély, Trans.), (vol.1, 2). Paris: Librairie Plon.
3. Kamysheva, S. Y., Tereshonok, E. V. (2020). Artistic text as a sample of national-cultural discourse: features of commenting in a foreign audience. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University*, 3(39), 116–123.
4. Tikhomirov, B. N. (2017). The fable “Lived a cockroach in the world” of capitan Kartuzov’s / Lebyadkin’s (the contexts of interpreting). *The world of science, culture, and education*, 6 (67), 600–602.
5. Krinitsyn, A. B. (2016). About the role of poetic reminiscences in Dostoevsky’s novel. *Bulletin of the Moscow University*, 3, 75–89.

Мартин Хайдеггер в поэзии неофициальной литературы Москвы и Ленинграда 1963–1974 гг.

Бешимов Михаил Максимович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

mbeshimov@edu.hse.ru

Martin Heidegger in the poetry of unofficial literature of Moscow and Leningrad 1963–1974

Beshimov Mikhail

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

Широкая рецепция философии Мартина Хайдеггера в русской культуре второй половины XX века началась, вопреки распространенному мнению, задолго до первых переводов немецкого философа, выполненных В. В. Библихиным и опубликованных в ИНИОНе в 80-е.

Уже с 1963 года, как следует из мемуаров деятеля неофициальной культуры СССР [4], интеллигенция заинтересовалась философией Хайдеггера и стала изыскивать все возможные способы узнать ее лучше, чем то было возможно при прочтении критических пересказов.

Как следствие этого интереса уже во второй половине 60-х годов наблюдается проникновение философского словаря Мартина Хайдеггера и отдельных его идей в неподцензурную поэзию. Однако этот процесс не был однороден. Рецепция различалась не только от поэта к поэту, но и от сообщества к сообществу, завися в значительной мере от стечения обстоятельств. А именно: владел ли сам поэт немецким языком и мог ли он читать Хайдеггера в оригинале; если нет, то были ли в его кругу люди, на это способные? Этот аспект прежде не вполне учитывался при исследовании взаимопроникновения философского и поэтического языков, отчасти подменяясь презумпцией того, что поэты второй культуры были как минимум поверхностно знакомы с философией Хайдеггера как с интеллектуальной модой [2, с. 214].

Историко-литературоведческое исследование с опорой на значительное количество мемуарных свидетельств позволило говорить о принципиальном расхождении московских и ленинградских сообществ в рецепции философии Хайдеггера. В то время как в Москве рецепция происходила в основном через характерное словоупотребление («Вот», «Бытие», «Добытие») и не затрагивала поэтологии авторов, в Петербурге с 1968 года наблюдается глубокое заимствование и осмысление идей Хайдеггера в поэзии, выражающееся как на идейном уровне текста, так и в отношении поэтов к собственному творчеству.

Это расхождение было вызвано по большей части тем, что в московской неофициальной культуре до 1976 года не было людей, способных читать философию Мартина Хайдеггера в оригинале, и, как следствие, основная рецепция его философии происходила через критические пересказы и статьи П. П. Гайдено и оставалась в рамках интеллектуальной моды [1].

В Петербурге же с 1968 года оказывает значительное влияние на круг поэтов-интеллектуалов (В. Б. Кривулин, А. Ф. Ожиганов, С. Г. Стратановский, А. Н.

Миронов и др.) философ Т. М. Горичева, написавшая к тому времени дипломную работу по философии Хайдеггера и устраивавшая в кафе «Сайгон» публичные семинары и лекции с истолкованием его философии искусства [3, с. 218]. В подтверждение этой историко-литературоведческой концепции будет проведено сопоставление поэтических стратегий рецепции Хайдеггера, с одной стороны, у Всеволода Некрасова, Александра Жигалова и Геннадия Айги; с другой — у Виктора Кривулина, Александра Ожиганова и Сергея Стратановского. Также будут задействованы отдельные примеры из творчества других поэтов.

Список источников:

1. Абалакова, Н. Б., Жигалов, А. И. (2010). Эти славные семидесятые. В сб. Г. Д. Кизевальтер (Сост.), *Эти странные семидесятые, или Потеря невинности*. М.: НЛО, 2010.
2. Азарова, Н. М. (2010). *Язык философии и язык поэзии — движение навстречу: грамматика, лексика, текст*. М.: Гнозис, Логос.
3. Богомолова, Т. М. (2009). Галантный век «Сайгона». В сб. Ю. М. Валиева (Ред., Сост.), *Сумерки «Сайгона»*. СПб.: Zamizdat.
4. Орлов, Б. К. (2008). *Сильное время Бориса Орлова*. Борис Орлов. URL: <https://borisorlov.ru/texts/silnoe-vremya-borisa-orlova>

Авторские интенции в формировании субъекта документальной поэзии Лиды Юсуповой

Брусиловская Яна Вадимовна

Московский педагогический государственный университет

yanabrusilovskaya@gmail.com

Научный руководитель: *Солдаткина Янина Викторовна*, доктор филологических наук, МПГУ

Author's intentions in the docupoetry subject's formation by Lida Yusupova

Brusilovskaya Yana

Moscow Pedagogical State University

В данном докладе нам хотелось бы рассмотреть вопрос «присутствия» автора в документальной поэзии и степени его вовлеченности в произведение в качестве коммуникативного звена лирического субъекта.

Наиболее продуктивным в этом плане может стать понимание самой сущности форм авторского высказывания в лирике как «носителя речи, а также основной (объемлющей) *точки зрения* (курсив авт.) на мир и оценке в лирическом художественном произведении» [1, с. 112–113]. Однако более уместным будет прибегнуть к термину «интенция» — «ценностной экспрессии субъекта, направленной не на объект, а на другого субъекта» [2, с. 27].

Думается, что в случае с документальной поэзией такой подход имеет принципиальное значение, т. к. в ее основе лежат экспонирование, транспонирование и исследование [4] автором заимствованного — по умолчанию чужого — текста или высказывания. В. Лехциер справедливо утверждает, что «авторскую *интенцию* (курсив мой — прим. авт.), заданную схему восприятия текста» [4, с. 111] предполагает «фрейм документальности» (авторский «сигнал» — контекстуальный или атрибутивный метатекст — об аутентичности материала в основе произведения), но, на наш взгляд, авторский голос в документальной поэзии можно наблюдать и непосредственно в самом повествовании.

В документальных стихах Лиды Юсуповой (р. 1963) (преимущественно в книгах «Приговоры» (2020) и «Шторка» (2021)) подобные интенции отражены в сравнительно небольшом, но функциональном диапазоне лексических и поэтических средств, формирующих также не столько эстетическое, сколько социальное (или историко-антропологическое) восприятие [3, с. 389]:

- многократные лексические повторы и рефрены, где интенция прочитывается как сакральная ценность человеческой жизни, безусловное право на эту жизнь и необходимость ее защиты;
- монтаж (коллажирование и фрагментация), позволяющий обозначить интенцию сопротивления описываемому и возможности проговаривания травматического опыта «другого»;
- прямое включение в документальный текст собственного «я», говорящее о ценности сострадания и сопричастности автора к происходящему.

По итогу, анализ перечисленного позволяет говорить о равноправных отношениях в коммуникации гибридного лирического субъекта документальной поэзии Л. Юсуповой и отсутствии какой-либо иерархии в нем. Не присваивая себе чужое слово, автор высказывается внутри этого дискурса наравне с его субъектом, выводя на формальном уровне организации текста свои интенции и транслируя в том числе таким образом свои ценностные ориентиры.

Список источников:

1. Бройтман, С. Н. (2008). Лирический субъект. В кн. Н. Д. Тмарченко (Ред.), *Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий* (с. 112–114). М.: Изд-во Кулагиной; INTRADA.
2. Бройтман, С. Н. (1997). *Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура*. М.: РГГУ.
3. Кукулин, И. (2019). Документалистские стратегии в современной русской поэзии. В сб. И. В. Кукулин, М. Л. Майофис, М. Г. Павловец (Сост.), *Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии* (с. 388–427). Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый.
4. Лехциер, В. (2020). Экспонирование и исследование, или Что происходит с субъектом в новейшей документальной поэзии: Марк Новак и другие. В сб. В. Лехциер, *Поэзия и ее иное: философские и литературно-критические тексты* (с. 101–136). Екатеринбург.: Кабинетный ученый.

Поэзия Олега Григорьева: (не-)детскость, абсурд и наследие

Вишневецкая Мария Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

wmasha14@gmail.com

Научный руководитель: *Двинятин Федор Никитич*, кандидат филологических наук,
СПбГУ

The poetry of Oleg Grygoriev: (un-)childishness, absurdity and heritage

Vishnevskaya Mariia
Saint Petersburg State University

Моя исследовательская работа посвящена (не)детской поэзии Олега Григорьева — яркого представителя ленинградского андеграунда конца XX века. История изучения поэзии Олега Григорьева коротка: при жизни поэзия Григорьева практически не печаталась — и, как следствие, не изучалась. В основном, тексты о Григорьеве и его поэзии — это вступительные статьи [1] к изданиям, воспоминания и очерки [2]. Системный анализ его поэзии встречается в ряде эссе и статей [3] и в монографии Е. В. Хворостьяновой «Поэтика Олега Григорьева» [4]. В емких, но не углубляющихся в анализ работах М. Д. Яснова и Олега Юрьева поднимаются вопросы наследования Григорьевым традиции обэриутов и проблема комплексности и неоднозначности его детской поэзии. Однако работы Яснова и Юрьева ближе к творческо-биографическим очеркам: они живописно воссоздают образ поэта, но не делают попытки структурного углубления в поэзию Григорьева. Вследствие описанной выше истории вопроса, данное исследование актуально. Задача данной работы — продолжить изучение поэзии Олега Григорьева и рассмотреть ее с помощью следующих призм: поэзия Григорьева как наследие ОБЭРИУ, (не-)детскость детской поэзии Григорьева. Изучение последнего пункта необходимо, чтобы, с одной стороны, очертить, а с другой — стереть рамки между «детской» и «взрослой» поэзией Григорьева. В результате подробного анализа мы выведем систему поэтических и языковых, структурных мотивов, формирующих основные пласты поэтического мира Григорьева.

Поэзия Григорьева часто сравнивается с обэриутовской: с первого взгляда григорьевские художественные приемы, языковые игры, абсурдность, анекдотичность и повсеместная жестокость напоминают стихи Хармса — литературного лидера обэриутов. Однако как игры с языком, так и жестокость у Хармса и Григорьева имеют разные корни. О вопросе продолжения традиции обэриутов писал Олег Юрьев: «<...> в обэриутских стихах (да и в прозе с пьесами) действительно страшно, потому что на самом деле смешно. У Григорьева действительно смешно, потому что по-настоящему страшно». Рассматривая поэзию Григорьева с помощью этой призмы, мы выясним, какие черты григорьевской поэзии — наследие обэриутовской традиции.

В исследовании также говорится о возможности двойного прочтения детских стихотворений Олега Григорьева: в книге Хворостьяновой «Поэтика Олега Григорьева» есть много примеров скрытых в детских стихах библейских мотивов. Однако не только возможность второго прочтения делает детскую поэзию Григорьева отличной от привычной, «конвенциональной» детской поэзии. Под «конвенциональной» детской

поэзией я подразумеваю поэзию, содержащую дидактический аспект, мораль, положительный пример, порицание зла, образ «правильного» взрослого, на которого нужно равняться. Дидактика — ее отсутствие — в поэзии Григорьева нас также интересует, как и образы взрослого и ребенка.

Таким образом, данная работа актуальна как в контексте современного литературоведения, так и в рамках данной конференции.

Список источников:

1. Григорьев, О. Е. (Сост. и вступ. статья М. Д. Яснов). (2005). *Птица на подоконнике*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
2. Ю. М. Валиева (Ред., Сост.). (2009). *Сумерки «Сайгона»*. СПб.: Zamizdat.
3. Береговская, Э. М. (2015). *Стилистика в подробностях* (Изд. 2-е). М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
4. Хворостьянова, Е. В. (2002). *Поэтика Олега Григорьева*. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия».

Фигуры *poésie mineure*: случаи Клода Руайе-Журну и Анн-Мари Альбиак

Гудков Михаил Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

st095853@student.spbu.ru

Научный руководитель: Двинятин Федор Никитич, кандидат филологических наук, СПбГУ

The figures of *poésie mineure*: the cases of Claude Royet-Journoud and Anne-Marie Albiach

Gudkov Mikhail

Saint Petersburg State University

Негативная современность, *modernité négative*, — такова формула, к которой прибегнет Эммануэль Окар (Emmanuel Hocquard), давая характеристику тому горизонту, в котором складывались стратегии письма французских поэтов, родившихся в 1940-х и начавших публиковаться в 1970-х, будь то сам Окар, Анн-Мари Альбиак (Anne-Marie Albiach), Мишель Кутюрье (Michel Couturier) или же Клод Руайе-Журну (Claude Royet-Journoud). В противоположность триумфальной современности, *modernité triomphante*, в которой обретут свой облик предвоенные течения авангарда, на разный лад учреждавшие литературные метанаррации в духе *a realibus ad realiora*, «от реального к реальнейшему», потенции литературы осваивать глубины или творить миры, тексты поколения Окара отмечены радикальным критическим подозрением к данностям и общим местам поэзии, будь то предписываемые ей лиричность, мелическое начало или броская образность [1, p. 25].

Эта поэзия, скажет Окар в том же месте, есть малая поэзия в смысле Делёза—Гваттари, '*poésie mineure*' (*au sens deleuzian du terme*), оппонирующая лирической традиции в целом, поэзии с «мгновенно опознаваемыми поэтическими акцентами» (*une poésie aux accent poétiques immédiatement identifiables*) [1, p. 26]. И действительно: встреча с текстами «зимних» или «матовых» поэтов, как их еще называют в силу чрезвычайной сдержанности выражения, оборачивается скорее каталогизацией многочисленных примет отсутствия типических компонентов и аксессуаров стихотворения. Разъятый синтаксис, фрагменты фраз, прихотливо рассеянные по пространству листа, экстремальная экономия средств, воздушная верстка, выносящая пробелы на первый план, сопротивление представлению, затрудняющее конвертацию стиха в изображение вплоть до невозможности, — вот лишь некоторые из конститутивных черт их текстуальной инструментовки.

Отправляясь от концепта малой литературы Делёза—Гваттари, в настоящем докладе мы размещаем вопрос о миноритарности письма двух самых заметных представителей поколения *modernité négative* — Клода Руайе-Журну и Анн-Мари Альбиак. На материале их первых книг — *État* (1971) [2] и *Le Renversement* (1972) [3] — мы преследуем цель отыскания и экспликации «линий бегств» и движений «детерриторизации в выражении» [4, p. 23], определяющих революционные условия внутри большой доминирующей литературы, а именно — французской. Мы

утверждаем, что способы Альбиак и Руайе-Журну найти собственный диалект заключаются в своего рода комплексном ансамбле отказов, в которых ставка делается на работу минимальных единиц смысла, противопоставляемой работе в максимальных единицах, сплошь и рядом прославляемой в поэзии.

Список источников:

1. Hocquard, E. (2001). *Ma Haie. Un privé à Tanger II*. Paris: P.O.L.
2. Albiach, A-M. (1971). *État*. Paris: Mercure de France.
3. Royet-Journoud, C. (1972). *Le Renversement*. Paris: Éditions Gallimard.
4. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2015). *Кафка: за малую литературу*. М.: Институт общегуманитарных исследований.

«Память жанра» как пространство для телепатической связи: Егунов и Набоков

Долгобородова Дарья Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

eva.kalinina.97@mail.ru

Научный руководитель: *Тимофеев Валерий Германович*, кандидат филологических наук, СПбГУ

Genre memory as a space for telepathic communication: the case of Egunov and Nabokov

Dolgoborodova Darya

Saint Petersburg State University

Дальняя земля (Ultima Thule) — точка, где могла случиться «космическая синхронизация» между В. Набоковым и А. Егуновым, опубликовавшим роман «По ту сторону Тулы» под псевдонимом А. Николев. Цель доклада выявить типологическую — а возможно, и прямую — связь Ultima Thule В. Набокова и «По ту сторону Тулы» А. Николева. Роман Николева вышел в свет в 1931 году, и вполне вероятно, что Набоков был знаком с произведением известного в интеллигентских ленинградских кругах автора.

Единственная обнаруженная статья, проблематизирующая связь двух авторов, написана в 2018 году Александром Мурашовым. Он прослеживает, как эллинистическая литература времен «второй софистики» влияла на пореволюционных авторов, в числе которых Набоков, Вагинов и Егунов. Указывает автор статьи и на сюжетное сходство романа Антония Диогена «По ту сторону Туле» с Ultima Thule, и на источник предполагаемой осведомленности Набокова об эллинистическом тексте: «Вероятнее всего, внимание Набокова к роману Антония Диогена привлекла находка папирусов с обрывками этого пропавшего текста в 1932 году и их публикация в Германии в 1935 году» [1].

Итак, для проверки гипотезы анализируются типологические пересечения указанных произведений Набокова и Николева. Для прояснения жанровой формы и связанных с ней нарративных особенностей текстов двух авторов используются герменевтические идеи, предложенные Михаилом Бахтиным и его последователями. Важным оказывается введенное Бахтиным понятие «памяти жанра», характеризующееся как «культурно-историческая «телепатия», т. е. передача и воспроизведение через пространства и времена очень сложных мыслительных художественных комплексов» [2, с. 218]. Небезынтересны для данного исследования похожие образные выражения Владимира Набокова: «телепатическая связь» или «космическая синхронизация». В них прослеживается та же идея, связанная с передачей сложных интеллектуальных содержаний без посредства времени и пространства.

Кроме того, в докладе будут актуализированы некоторые признаки менипповой сатиры, нашедшие воплощение в произведениях исследуемых авторов. Точки зрения и сама манера письма в «По ту сторону Тулы», как будет продемонстрировано, отмечены признаками осознаваемого авторства: воспроизводимые тексты обрастают вокруг себя писательскими рефлексиями и создают сложную структуру текста-внутри-текста,

оказываясь «способом прощупать язык и письмо как таковые». Это хорошо описывается в терминах литературной рекурсии — или мизанабим. Учитывая частоту подобных включений, сложно однозначно обрисовать уровни и границы художественного мира. В сложных формах — и сюжетных, и языковых — рекурсии представлены в *Ultima Thule* Набокова (см. «сон во сне, когда снится, что проснулся», «думал о том, что стараюсь не думать»).

Итак, в результате сопоставительного анализа обнаруживаются следующие параллели: организующая роль отсылок и аллюзий; пародийность и «языковое шутство» как «метод вскрытия и уловления метафизики, таящейся в недрах языка» (выражение А. Н. Егунова [3, с. 223]); существенная роль, отведенная темам потусторонности, бессмертия и памяти. В качестве общего претекста двух *Ultima Thule* предлагаются «Невероятные приключения по ту сторону Туле» Антония Диогена. Характерно, что и у Набокова (в *Solus Rex* и «Бледном огне»), и у Николева воплощения иных миров связаны с особыми отношениями между мужскими персонажами, восходящими к античному интертекстуально.

Список источников:

1. Мурашов, А. (2018). По направлению к Туле: Вагинов, Егунов, Набоков. *Новый мир*. URL: <https://nm1925.ru/articles/2018/201810/po-napravleniyu-k-tule-7031/>
2. Бахтин, М. М. (2002). *Собрание сочинений: В 7 т. (6 т.)*. М.: Русское слово.
3. Егунов, А. Н. (Ред. Г. Морев, В. Сомиков). (1993). *Собрание произведений*. Вена: Peter Lang.
4. Набоков, В. В. (2019). *Полное собрание рассказов*. СПб.: Азбука-Аттикус.

Принцип Золотого сечения в аспекте психопэтики: особенности актуализации

Кияшко Вероника Александровна

Кубанский государственный университет

kiyaschkoveronika@mail.ru

Научный руководитель: *Фанян Нелли Юрьевна, доктор филологических наук, КубГУ*

The principle of the Golden Ratio in the aspect of psychopoetics: features of realization

Kuban State University

Принцип Золотого сечения является хорошо изученным феноменом в области математических наук, архитектуры, живописи и скульптуры. Тем не менее в литературных произведениях различной направленности также актуализируется данный принцип, чему, по нашему мнению, уделяется недостаточное внимание. Реализация принципа Золотого сечения выполняет, в соответствии с результатами исследования Э. К. Розенова [1], важные функции в поэтическом тексте: разделение произведения на смысловые части, выделение его кульминации, подчеркивание главной мысли, формирующей идею художественного текста, эмоциональное воздействие на реципиентов художественного дискурса.

Научный вклад настоящего исследования заключается в том, что в работе рассмотрены особенности влияния актуализации принципа Золотого сечения в поэтических произведениях Австрии XIX–XX века на реципиентов поэтического дискурса с точки зрения психопэтики как науки о взаимодействии характеристик стихотворного текста и когнитивных процессов, протекающих в сознании автора и читателя текста [2].

Гипотеза исследования: актуализация принципа Золотого сечения носит эвристический характер и не зависит от периода написания литературного произведения, его жанра и языка, на котором оно создано, а также тематической принадлежности. Актуализация принципа Золотого сечения оказывает эмоциональное воздействие на подсознание читателей, что проявляется в неосознанном выборе тех произведений, которые представляются им наиболее гармоничными.

С целью проверки сформулированной гипотезы были использованы следующие методы исследования: 1) теоретические: анализ и синтез при рассмотрении особенностей психопэтики, аксиоматический при изучении принципа Золотого сечения в различных направлениях науки и визуального искусства; 2) эмпирические: эксперимент при выявлении поэтических произведений, оказавших наибольшее влияние на эмоциональную сферу читателей; анкетирование при сборе сведений о стихотворных произведениях, являющихся эмоционально насыщенными.

При проведении исследования мы опирались на существующие теории в области актуализации принципа Золотого сечения в литературных произведениях и психопэтики. Е. Г. Эткинд [2, с. 211] отмечает, что психопэтика — это «соотношение мысль — слово», что определяет план выражения и план содержания стихотворного произведения, а также особенности его восприятия читателями. К. Э. Штайн [3] утверждает, что принцип Золотого сечения связан с гармонией поэтического

произведения, Актуализируясь, он упорядочивает его структуру и подчеркивает смысловые элементы, наиболее важные для понимания авторских интенций.

Проверка гипотезы потребовала проведения эксперимента, показавшего следующие результаты: из 10 произведений австрийских поэтов XIX–XX века участниками экспериментальной группы были выбраны 2, оказавшие наибольшее воздействие на эмоциональную сферу читателей. Именно в них, как показало исследование отмеченных стихов, актуализируется принцип Золотого сечения, что подтверждает сформулированную гипотезу.

Список источников:

1. Розенов, Э. К. (1982). *Статьи о музыке: Избранное*. М: Музыка.
2. Эткинд, Е. Г. (1999). *Внутренний человек и внешняя речь*. М: Языки славянской культуры.
3. Штайн, К. Э. (2006). *Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура*. Ставрополь: СГУ.

Адаптация англоязычных научных текстов в лингводидактических целях

Кононова Мария Олеговна

Московский городской педагогический университет

kononovamo379@mgpu.ru

Научный руководитель: *Зюидзе Элла Амирановна*, кандидат филологических наук, МГПУ

Adaptation of English scientific texts for linguodidactic purposes

Kononova Maria

Moscow City University

Предметом исследования являются адаптированные тексты англоязычных научных статей, рассматриваемые как материал для развития умений чтения на уроке английского языка в старшей школе. При обучении английскому языку тексты научного стиля могут быть применены для развития общелексической и терминологической базы для всех видов речевой деятельности [1]. В контексте обучения английскому языку на этапе среднего основного образования особенно значимо то, что чтение научных произведений дает возможность осуществлять предпрофессиональную подготовку обучающихся, профильно-ориентированное обучение иностранному языку [2] параллельно с развитием иноязычных речевых умений. Однако при работе с аутентичными научными текстами могут возникать трудности, провоцируемые как языковыми факторами, так и отсутствием достаточного объема фоновых знаний у обучающихся школьного возраста. В связи с этим актуальность приобретает изучение специфики адаптированных научных статей.

Целью работы является исследование особенностей англоязычных научных текстов, адаптированных для детской и подростковой англоговорящей аудитории, и возможностей применения таких текстов при работе с обучающимися, изучающими английский язык как иностранный.

Материалом исследования стала статья *Can a robotic arm be controlled by the brain?* издательства *Science Journal for Kids and Teens* [3]. Публикация является адаптированным для детской англоязычной аудитории вариантом оригинального текста научного исследования. Был проведен сравнительный анализ первичного текста и адаптированной статьи. В результате был выявлен ряд различий по следующим показателям: структура, объем, параграфемика и семиотика (цветовое и шрифтовое выделение), лексика (количество и тип терминологических единиц, количество абстрактных существительных), синтаксис (средняя длина предложения), дискурсивный уровень (введение средств диалогизации).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что адаптированные научные тексты являются материалом для эффективного развития иноязычных речевых умений, а также перспективным средством в процессе предпрофессиональной подготовки обучающихся 10–11 классов, а также 7–9 классов в обучении языку профессии (в том числе в естественно-научной и IT-вертикали) [4]. Знакомство с иноязычными текстами научного содержания целесообразно в тех направлениях, где иностранный язык (английский) изучается на углубленном уровне (академические и

медиаклассы). Сохраняя структурные особенности научной статьи и содержательную ценность материала, адаптированные тексты позволяют снизить количество языковых трудностей на разных уровнях и сделать содержание доступным для обучающихся старших классов.

Список источников:

1. Погорельская, Л. И. (2018). Сравнительный анализ способов обработки и адаптации научных и художественных текстов в целях обучения иностранных обучающихся зрелому чтению текстов различных стилей. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, (23), 182–185.
2. Милованова, Л. А. (2023). Профильно-ориентированное обучение школьников иностранным языкам: поиски новых смыслов и решений. *Иностранные языки в школе*, (5), 19–26.
3. Collinger, J. L., Gaunt, R. A. (Eds.). (2023). Can a robotic arm be controlled by the brain? *Science Journal for Kids*. URL: <https://www.sciencejournalforkids.org/articles/can-a-robotic-arm-be-controlled-by-the-brain/>.
4. Миловидова, А. А., Рябова, М. Э. (2023). Профориентационное обучение английскому языку в школе на примере предмета «Английский в профессии». В сб. Е. В. Бирюкова и др. (Ред.), *Германистика: филология и лингводидактика. Языки Народов Мира* (с. 145–156).

Использование базы данных в изучении журнальных публикаций (на материале журнала «Женский вестник»)

Кравченко Юлия Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

julia.krvk@gmail.com

Научный руководитель: *Волконская Мария Андреевна, кандидат филологических наук, НИУ ВШЭ*

How to use a database in periodical studies: A case study of

Zhenskii vestnik

Kravchenko Yulia

National Research University Higher School of Economics

В докладе будут представлены результаты работы над созданием источник-ориентированной базы данных (далее — БД) для дореволюционных женских журналов. Источник-ориентированная БД [1] позволит раскрыть потенциал каждого журнала как источника для изучения массовой литературы начала XX в., а также нарративов, создававшихся участницами дореволюционного женского движения. Мы покажем, как созданную нами БД можно применить для анализа журнальной беллетристики, на примере корпуса из художественных текстов, опубликованных в одном из первых феминистских журналов в России, «Женском вестнике» (далее — ЖВ), издававшемся в Петербурге с 1904 по 1917 гг.

Для всестороннего анализа журнала мы воспользовались подходом, разработанным Скоулсом и Вулфманом [2], который позволяет проанализировать такие аспекты журнала, как его содержание, деятельность авторов и сотрудников редакции, аудиторию и т. д. Все эти аспекты имеют значение для данной работы: на одни мы опирались при проектировании БД, другие стали подспорьем в анализе номеров ЖВ.

На данном этапе исследования мы проанализировали корпус из 61 художественного текста, опубликованных в ЖВ в 1904–1910 гг. Кроме частоты публикаций, авторского состава, некоторых сюжетных и нарративных особенностей текстов, интерес представил портрет типичной героини ЖВ, сложившийся за первые 7 лет издания журнала. В 12 текстах фигурируют женщины, которые не учатся и не работают. Эти героини принадлежат образованным сословиям, чаще всего дворянки. Среди героинь, занимающихся профессиональной деятельностью, лидируют учительницы (9). Женщин, получающих образование, оказалось не так много: среди них курсистки (2) и гимназистки (2). Это героини, чьи жизненные обстоятельства близки и понятны целевой аудитории журнала.

Немало текстов, в которых фигурируют проститутки (5) или девушки, живущие на содержании богатых мужчин (3). На работниц и крестьянок, интерес к которым повысился в связи с революцией 1905–1907 гг. и ее последствиями, приходится по 8 текстов. Большинство текстов о крестьянках (5) было написано в 1907 году, когда Союз равноправия женщин провел кампанию за избирательные права представительниц крестьянского сословия [3]; в трех из этих текстов крестьянки представлены как самостоятельные и политически активные женщины. О рабочем классе также стали

больше писать после революции: в 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. было напечатано по одному художественному тексту о работницах, в 1909 году — 4.

Героини ЖВ либо становятся жертвами обстоятельств, либо начинают самостоятельный путь. Такие тексты выступают в качестве агитационных материалов: первые вызывают сочувствие к женщинам в трудном положении, вторые должны подтолкнуть читательниц в нужную сторону или создать эффект узнавания.

Дальнейшая работа с БД позволит составить более полную картину о художественных текстах, которые издавались в ЖВ на протяжении существования журнала.

Список источников:

1. Корниенко, С. И., Гагарина, Д. А., Поврозник, Н. Г. (2021). *Исторические информационные системы: теория и практика*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
2. Scholes, R., Wulfman, C. (2010). *Modernism in the Magazines*. Yale University Press.
3. Юкина, И. И. (2007). *Русский феминизм как вызов современности*. СПб.: Алетейя.

Функции детских образов в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот»

Кристель Денис Константинович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

d.kristel@mail.ru

Научный руководитель: *Сыромятников Олег Иванович, доктор филологических наук, ПГНИУ*

Functions of children's images in F. M. Dostoevsky's novels *Crime and Punishment* and *The Idiot*

Kristel Denis

Perm State National Research University

Представленное исследование направлено на изучение образов детей в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» с опорой на фидеистический метод. В исследовании мы выделяем только образы детей, поскольку, по Достоевскому, в ребенке есть связь Бога и человека. В «Дневнике писателя» он отмечал: «Лишь для детей и для их золотых головок Спаситель наш обещал нам “сократить времена и сроки”» [1, т. 25, с. 193].

Мы анализируем то, с какой любовью относился Достоевский к детям, надеясь, что их чистота способна спасти самого великого грешника. Также мы обратили внимание на метафорическое употребление понятия «ребенок» (залог его спасения).

Актуальность нашего исследования заключается в том, что детские образы всегда являются актуальными в литературе, поскольку несут в себе особый эмоциональный и нравственный заряд. В современном литературоведении детские образы в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» не исследуются, по сравнению с советским периодом. Однако в то время они рассматривались в социальном контексте, то есть в связи с темой «униженных и оскорбленных». Мы же определяем духовно-символический и идейный контекст детских образов в романах. Именно поэтому научная новизна состоит в раскрытии нового содержания детских образов в романах Ф. М. Достоевского.

На первоначальном этапе мы затрагиваем онтологию Ф. М. Достоевского. Существенную роль в решении вопроса о вере сыграли его собственные размышления, которые сохранились в дневниковых записях, письмах и подготовительных материалах к романам. Пользуясь данными работами, мы с полной достоверностью воспроизводим идеи писателя, возникшие в его мировоззрении и системе ценностей во время творческих процессов.

В основной части работы мы занимаемся вопросом о функции детских образов. Что касается «Преступления и наказания», то изначально мы рассматриваем фигуру Раскольникова. Раскольников в детстве — изображение чистой души. Мы аргументируем это тем, что герой бросился на защиту лошади. Развитие этой мысли приводит нас к тому, что теория Раскольникова неподлинная, поэтому в конечном итоге он от нее освобождается, возвращаясь к первоначальному своему состоянию детства с целью покаяния. В Евангелие говорится: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Мф. 18, 3]. Дети Катерины Ивановны — дети-ангелы,

находящиеся в кошмарном и грязном углу. В этой части мы заостряем внимание на Полечке, которая становится функцией очищения Раскольникова. Через девочек, которые связаны с эпизодами со Свидригайловым, мы определяем, что Достоевский показал пробуждение совести героя.

В романе «Идиот» мы обращаем внимание на метафорический уровень — князь как ребенок. Приводим конкретный ряд метафор, которые используются по отношению к этому герою. Отмечаем отношение Мышкина к детям, которое он подробно рассказывает генеральше, заостряя внимание на истории про Мари. Замечаем и рассказ князя Рогожину про женщину с ребенком на руках.

В результате исследования мы приходим к общему выводу, что для Ф. М. Достоевского детские образы архетипичны, он искал в них идеал духовно-нравственной человеческой чистоты. Именно поэтому в ребенке писатель видел связь Бога и человека.

Список источников:

1. Достоевский, Ф. М. (1972–1990). *Полное собрание сочинений: в 30 т.* Л.: Наука.
2. Бердяев, Н. А. (1988). Мирозерцание Достоевского. Главы из книги. *Волга*, (10).
3. Захаров, В. Н. (2013). *Имя автора — Достоевский. Очерк творчества.* М.: Индрик.
4. Сыромятников, О. И. (2014). *Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф. М. Достоевского.* СПб.: Маматов.
5. Тихомиров, Б. Н. (2005). *Лазарь! Гряди вон. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий.* СПб.: Серебряный век.

Статус автобиографа в процессе проживания травмы при письме

Курина Анастасия Ильинична

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

kurinaanastasiua@gmail.com

An autobiographer's status in the process of living through trauma when writing

Kurina Anastasiia

National Research University Higher School of Economics

Данное исследование — это анализ противоречия, заключающегося в ретроспективном восприятии прошлого травмирующего опыта. Искусство всё чаще служит средством репрезентации художниками не столько их взглядов и техники, сколько их внутренних переживаний — в частности средством проживания травмы. Мы сосредоточили внимание на проблематичности выделения фигур субъекта, объекта и наблюдателя в случае, когда насилие происходит над художником в процессе его обращения к своему травмирующему опыту с целью его проработки и повторного изложения в произведении искусства. В 1962 году С. Зонтаг в эссе «Художник как пример мученика» поставила вопрос о том, что писателя отличает его способность преобразовывать свое страдание в искусство [1]. Остановившись на страдании как содержании, мы задаем другой вопрос: совершает ли художник акт аутонасилия, по собственной инициативе возвращаясь к своему прошлому и страдая по этой причине? Мы рассмотрели возвращение к травмирующему событию на примере текстов Анни Эрно, которая неоднократно передает собственное чувство боли от когда-то испытываемых ею событий прошлого и от сегодняшней рефлексии этого опыта. Одно из классических определений насилия в западной философии рассматривает насилие как преднамеренный акт разрушительной силы, ведущий к нарушению норм, прав и правил [2]. Эта всеобъемлющая концепция насилия (CCV) В. Буфаччи включает в себя любое проявление насилия без привязки к определенному субъекту и к определенному временному промежутку. В большинстве случаев записывание травмы прошлого действительно указывает нам на насилие — но лишь в той связи, что оно отправлялось другими лицами по отношению к писательнице в прошлом, где она выступала жертвой. Можно предположить, что именно желание воспоминания, навязанное литературой, и является источником страдания и структурного насилия, концепцию которого разрабатывал Й. Галтунг [3]. Однако акт насилия в таком случае определялся бы через негативное влияние на психологическую реализацию человека — но именно воспоминание благоприятствует позитивной реализации Эрно как писательницы.

Моя гипотеза заключается в том, что структура насилия не существует как нечто неотъемлемое в памяти, но воспроизводится за счет письма, задействующего память. Витальные статусы памяти и письма различны: письмо является исполнением речи [4], не укрепляет память и не позволяет ей прожить опыт травмы — оно укрепляет и дублирует саму травму. Автобиографическое письмо не позволяет автору проявить себя в настоящем — оно лишь выступает инструментом для описания себя в прошлом. При процессе письма, который является процессом символической деятельности, голос

автора отрывается от самого автора, и не может актуализировать его настоящую фигуру [5].

Насильственный акт исходит от писателя, однако он связан и с системой письма с ее проблематичным сосуществованием реального и символического измерений, и с системой памяти, которая не может разрешить противоречие реальности и символического, выражаясь через письмо.

Список источников:

1. Зонтаг, С. (2010). Художник как пример мученика. *Философия и культура*, (1), 37–51.
2. Bufacchi, V. (2005). Two Concepts of Violence. *Political Studies Review*, 3(2), 193–204.
3. Galtung, Johan. (1990). Cultural Violence. *Journal of Peace Research*, 27(3), 291–305.
4. Derrida, Jacques (1981). Plato's Pharmacy. In *Dissemination* (B. Johnson, Trans.) (pp. 63–171). Chicago: University of Chicago Press.
5. Roland, B. (1984). La mort de l'auteur. Dans *Le Bruissement de la langue. Essais critiques IV* (pp. 63–69). Paris: Seuil.

Значение переводческих трансформаций в переводах стихотворений Дороти Паркер

Кутукова Олеся Евгеньевна

Кубанский государственный университет

kutukova04@mail.ru

Научный руководитель: *Спачиль Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, КубГУ*

The significance of transformations in the translations of Dorothy Parker's poems

Kutukova Olesya

Kuban State University

Доклад посвящен изучению переводческих трансформаций в переводах стихотворений Дороти Паркер. В ходе работы проведены анализ и сравнение стихотворений из сборника *Enough Rope* [1] в переводах Андрея Пустогарова [2] и Елены Дембицкой [3]. Цель работы заключается в установлении наиболее точных переводов. В задачи входит выявить особенности переводческих трансформаций и оценить, насколько точно они передают смысл, образы, стилистические особенности.

Перевод поэзии является самым трудным видом перевода. Он сложен тем, что переводчику необходимо передать важнейшие образы в стихотворении как можно точнее, сохранив при этом композицию произведения, тип рифм и размер. Однако стоит отметить, что при переводе стихотворений потери неизбежны. Переводчик часто прибегает к заменам грамматических конструкций или конкретизации слов. Такие трансформации необходимы для эквивалентного перевода. Переводческие трансформации — это преобразования, которые помогают точно передать смысл текста на другом языке. В. Н. Комиссаров подразделяет трансформации при переводе на «лексические, грамматические и лексико-грамматические» [4, с. 165].

Тем не менее часто можно заметить в переводах лирических произведений несоблюдение структуры оригинала, рифмы и подмену образов. Для читателей, которые начали изучать иностранный язык или вовсе не владеют им, трудно провести сравнение с оригиналом и понять, какой текст лучше и точнее. Им также тяжело разобрать стилистические особенности произведений какого-либо автора.

Дороти Паркер — известная американская писательница, поэтесса, сценарист и критик XX века. Несмотря на то что Паркер наиболее известна своими рассказами, она также является автором множества стихотворений, собранных в сборники *Enough Rope*, *Sunset Gun* и т. д. В интернете можно найти множество переводов ее произведений, как официально опубликованных, так и любительских. Наша задача заключается в сравнении переводов стихотворений из сборника *Enough Rope*.

Оба переводчика прибегают к различным трансформациями, включая конкретизацию, замены частей речи и членов предложения, членение предложений и т. д. Однако не все замены способствуют точному переводу. Например, в стихотворении *Little words* первая строка «When you are gone, there is nor bloom nor leaf,...» переведена Е. Дембицкой как «Когда тебя нет, нет цветенья и листвы,...». Перед нами почти дословный перевод, в котором сохранен размер стиха. В переводе А. Пустогарова

строка звучит так: «Ушел ты, и цвести деревья перестали,...». Несмотря на то, что переводчик также сохраняет размер, в начале стиха он меняет настоящее время на прошедшее, тем самым создавая мотив расставания.

Можно сделать вывод, что переводы стихотворений Дороти Паркер, выполненные Еленой Дембицкой и Андреем Пустогаровым, разнятся между собой, тем не менее они верно передают смысл произведений. Однако мы отдаем предпочтение переводам Е. Дембицкой, так как в них сохраняются структура, образы и стилистические приемы.

Список источников:

1. Parker, D. (1926). *Enough Rope*. New York: Horace Liveright.
2. Паркер, Д., Плат, С., Тисдейл, С. (2022). *Три американки*. М.: Э.РА.
3. Паркер, Д. (2021). *Биографический очерк. Избранные стихотворения*. М.: Перо.
4. Комиссаров, В. Н. (1999). *Современное переводоведение*. М: ЭТС.

Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом зоонимом в английском и французском языках и их влияние на успешную коммуникацию

Лопухов Дмитрий Павлович

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

lopoukhov2000@mail.ru

Научный руководитель: *Брыксина Ираида Евгеньевна*, кандидат педагогических наук,
ТГУ имени Г. Р. Державина

Comparative analysis of idioms with the zoonym component in English and French and their impact on successful communication

Lopoukhov Dmitry

Derzhavin Tambov State University

В данной статье рассматриваются фразеологизмы-зоонимы французского и английского языков. Компонент зооним — «лексико-семантический вариант слова, которое выступает в качестве любого родового названия животных и метафорического названия при анализе лексики с позиции эмоционально-оценочной характеристики личности». [1, с. 490] Фразеологизмы отражают особенности восприятия мира, обусловленные национальной культурой ее носителей, что может приводить к неудачной коммуникации. Цель данной статьи — провести сопоставительный анализ фразеологизмов с дальнейшим определением их влияния на проведение коммуникации. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: проанализировать образы животных и их значения; выявить процентное соотношение в общем количестве употреблений и метафорическом путем сопоставления идиом через параллельный конкордансер; определить связь с межкультурной коммуникацией.

Среди выбранных 34 фразеологизмов, входящих в национальные корпуса английского и французского языков, большинство входило также и в параллельный конкордансер tradooit [2], что говорит об их актуальности и частотности использования в аутентичных текстах. Идиомы были поделены на 3 группы: 1 — одинаковый смысл с разным компонентом зоонимом, 2 — схожие значения и названия животных, 3 — характеристики определенных животных. Больше всего фразеологизмов пришлось на первую группу, что говорит о различиях в менталитете, а, соответственно, и возможных проблемах при коммуникации; однако анализ второй и третьей группы показывает, что существует определенное число идиом с идентичным или похожим значением зоонима, что, наоборот, приводит к облегчению процесса общения между представителями разных культур. Например, нерешительность человека выражается через образ курицы: «chicken-hearted» (с сердцем курицы) и «une poule mouillée» (мокрая курица). «Упрямость» имеет различные названия животных: «pig-headed» (свиноголовый) и *tête comme un âne* (упрямый как осел).

Несмотря на то что в обоих языках люди используют различные зоонимы для описания ситуации, к большинству из них можно подобрать аналоги по особенностям животных (рыба — молчит, бык — сильный, лошадь — высокая)

Дальнейший анализ проводился в параллельном конкордансере tradooit по критериям «число вхождений в конкордансер» и «процент метафорического

употребления», что позволяет наблюдать частотность употребления идиом в переносном значении для определения особенностей менталитета франко- и англоговорящих людей. В ходе анализа было выявлено, что, несмотря на практически одинаковое количество слов в корпусе (~900 миллионов), число употреблений зоонимов в английском языке превышает их французские аналоги (386 и 265 соответственно). Однако, несмотря на количественные различия, процентное соотношение метафоричного использования одинаково (89% английских и 90% французских).

Таким образом, в обоих языках употребление фразеологизмов происходит в переносном значении, что подтверждает факт необходимости изучения данной темы не только для общего увеличения словарного запаса, но и для лучшего понимания культуры и менталитета говорящего, а также проведения успешной коммуникации.

Список источников:

1. Саблина, О. Б. (2020). Отражение национального менталитета в зоосемизмах (на примере фразеологических единиц русского и немецкого языков). *МНКО*, 2 (81), 489–491.
2. *Concordancier bilingue*. URL: <https://www.tradoo.it.com/>.

Сага о Карле Великом в скандинавском и старофранцузском контекстах: родословная Роланда и предательство Ганелона

Пиховская Мария Николаевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

mariia.pikhovskaya@gmail.com

Научный руководитель: *Глебова Дарья Сергеевна*, кандидат филологических наук, НИУ ВШЭ

The Charlemagne Saga in Scandinavian and Old French contexts: Roland's genealogy and Ganelon's betrayal

Pikhovskaya Mariia

National Research University Higher School of Economics

«Песнь о Роланде» (далее — «Песнь» или ПР) — *chanson de geste*, одна из «песен о деяниях» Карла Великого и его двенадцати пэров. Поль Зюмтор считает, что название такого типа произведений «может служить отсылкой либо к характеру излагаемого сюжета, либо к источнику (реальному или вымышленному), на котором он основан» [1]. ПР дошла до нас в восьми вариациях (среди источников — два фрагмента), но наиболее авторитетной признается самая древняя Оксфордская рукопись (MS. Digby 23), датируемая второй половиной XII века, которую мы и будем рассматривать как основу текста «Песни».

«Сага о Карле Великом» (далее — СКВ или «Сага») — источник XIII века. Она содержит десять частей, сюжеты которых хронологически непоследовательны: после части I (*Karlamagnus saga ok kappa hans*) по фабульной логике следует часть VIII (*Af Ruxzivals Barpaga*). СКВ принято исследовать исключительно с точки зрения того, как в ней отражены старофранцузские источники. Однако нами взят противоположный угол зрения: особенности сюжета, которые появились именно на скандинавской почве. В докладе разбирается та скандинавская специфика, которую приобрела история о короле франков, а также анализируются и классифицируются особенности такой адаптации.

В ПР есть классическая оппозиция эпического героя (Роланда) и предателя (Ганелона), который по совместительству является отчимом первого. В Оксфордской версии ПР не описывается семья рыцаря, что довольно нехарактерно для главного героя средневекового эпоса. Однако мы уже разбирали в докладе на конференции прошло года, чем мотивировано редуцирование генеалогической темы в истории про Роланда. Сейчас же нас интересует, как обстоит дело с родословной героя в саге.

Ганелона, в свою очередь, мы изначально видим как отрицательного персонажа. В двенадцатой лессе, где он впервые появляется, буквально говорится: «*Guenes i vint, ki la traïsun fist*» («Ганелон, который совершил предательство, пришел туда»). Таким образом, в старофранцузском эпосе снимается какая-либо интрига, связанная с предательством Ганелона. Это обусловлено эпической формой: предмет изображения находится в абсолютном историческом прошлом, поэтому и не нужно фабульное напряжение.

Тем временем в «Саге о Карле Великом» историям этих героев посвящены отдельные сюжетные линии. Во-первых, мы узнаем, каким образом Ганелон стал отчимом Роланда. А во-вторых, что особенно примечательно, в СКВ мотивирована

ненависть Ганелона к Роланду, и конкретно эта линия в саге не находит даже косвенного отражения в старофранцузских источниках, из чего мы можем предполагать, что она является изобретением скандинавского автора. В работе мы постарались разобраться, какие конкретные особенности приобрели старофранцузские сюжеты в результате трансмиссии и почему сюжеты оказались именно такими.

Список источников:

1. Зюмтор, П. (2003). *Опыт построения средневековой поэтики* (И. Стаф, Пер.). СПб.: Алетейя.
2. Dufournet, J. C. (1993). *La Chanson de Roland*. Paris: GF-Flammarion.
3. *Karlamagnus saga: the saga of Charlemagne and his heroes* (C. B. Heatt, Trans.). (1975). Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.
4. Nichols, S. G. (1997). Why Material Philology? Some Thoughts. *Philologie als Textwissenschaft: Alte und Neue Horizont*, 116, 10–30.
5. Lejeune, R. (1950). La naissance du couple littéraire Roland et Olivier. Dans *Annuaire de l'Institut de Philosophie et d'Histoire orientales* (v. 10, pp. 376–401). Liège: Université libre de Bruxelles.

Утопический мазохизм «Счастливой Москвы» Андрея Платонова

Сабирова Эльвира Руслановна

Санкт-Петербургский государственный университет

sabirova423el@gmail.com

Научный руководитель: *Двинятин Федор Никитич*, кандидат филологических наук, СПбГУ

The utopian masochism in *Happy Moscow* by Andrei Platonov

Sabirova Elvira

Saint Petersburg State University

Новизна доклада — в том, что согласно концепции автора исследования главным признаком утопии является мазохистическое экстатическое соподчинение в отношениях между героями, в то время как для антиутопического художественного мира характерны скорее садистические проявления. Этой концепции в полной мере соответствует творчество Андрея Платонова, в частности его неоконченный роман «Счастливая Москва». Многие исследователи подчеркивали двойственность платоновского топоса, однако никто еще не подходил к этой проблеме с делезианских позиций, сопоставляя общественную теорию Руссо с теорией мазохизма.

Руссоизм парадоксальным образом предполагает неподчинение деспоту, но ценой абсолютной тотальности и необратимости подчинения коллективному телу. Как отмечает Делёз в «Представлении Захер-Мазоха», мазохист заменяет обряд договором и превращает договор в обряд — безусловно, в этой главе обыгрывается терминология Руссо. Отчуждение от себя как индивида, от отца или патерналистской фигуры — суверена — как внешнего, навязанного, так и своего внутреннего, отказ от претензий на собственную отцовскую, маскулинную власть в пользу служения и подчинения — всё это становится неизменной частью европейского утопического проекта — и мазохизма как необходимой для утопии конфигурации сознания, чувственности и взаимоотношений.

Подавление свободы, причинение боли, отказ от индивидуальности в дистопической конфигурации — садистичны, продиктованы властными «отцовскими» инстинктами и ведут к вульгарному насилию; в пост-руссоистской утопии они же — гарант равенства, сопряженности в со-наслаждении и со-страдании — мучитель в такой конфигурации мучим, скован узами договора и получает наслаждение не от терзания другого, а от собственной вины-заслуги в причинении им боли-удовольствия. Мазохист и его мучитель созависимы и не претендуют занять место друг друга: несмотря на кажущееся неравенство, они равны в степени болезненности удовольствия.

Еще один выделенный Делёзом аспект мазохизма — холодность доминирующей женщины, умиряющая первобытную чувственность, но провоцирующая ее более изощренные проявления. Гиноцентризм противопоставляется навязанной тоталитарной власти отца-суверена. Принадлежность женщине у Руссо рассматривается как включенность в общественные отношения иного, более совершенного порядка, ограничивающего естественные отношения театральностью, обрядностью, исключаящими из чувственности деструктивное начало.

Роман «Счастливая Москва» — гиноцентричен: все мужские персонажи связаны с Москвой Честновой, которая одинаково холодна ко всем, и этот холод только сильнее воздействует на их страсти. Для подчеркнута субтильных, ранимых, инфантильных героев высшее наслаждение — быть мучимыми ею и принадлежать ей, не обладая героиней.

При этом сама Москва испытывает страдание от их терзаний, но оно не воздействует на нее глубоко — как и физическая боль, с которой она сталкивается постоянно и, кажется, воспринимает ее как необходимость в круге мазохистических отношений, в которые она неизменно вовлечена. Тело Москвы — и женщины, и города — и есть коллективное тело — не потому, что принадлежит всем, а потому, что все принадлежат этому телу, и ради этой принадлежности жертвуют индивидуальностью, реализуя руссоистские проекты на советской почве.

Список источников:

1. Делёз, Ж. (1992). Представление Захер-Мазоха. В кн. Л. фон Захер-Мазох, *Венера в мехах* (с. 189–314). М.: РИК «Культура».
2. Гюнтер, Х. (2011). *По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Ланин, Б., Моришанская, А. (1994). *Русская антиутопия XX века*. М.: Онега.
4. Платонов, А. (Сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко). (2011). *Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы*. М.: Время.
5. Руссо, Ж.-Ж. (1998). *Об общественном договоре. Трактаты*. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц.
6. Pohl, N. (2010). Utopianism after More: the Renaissance and Enlightenment. In G. Claeys (Ed.), *The Cambridge Companion to Utopian Literature* (pp. 63—64). Cambridge: Cambridge University Press.

Феномен «постпамяти» в современной русской прозе на примере «Памяти памяти» Марии Степановой и «Предела забвения» Сергея Лебедева

Трифонова Валерия Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

valy_trif@mail.ru

Научный руководитель: *Двинятин Федор Никитич*, кандидат филологических наук, СПбГУ

The phenomenon of “post-memory” in modern Russian prose on the example of *Memory of Memory* by Maria Stepanova and *Limit of Oblivion* by Sergei

Lebedev

Trifonova Valeriia

Saint Petersburg State University

Доклад призван осветить актуальную сферу *memory studies* — выведенный Марианной Хирш феномен «постпамяти» — и исследовать то, как он репрезентируется в современной русской прозе на примере «Памяти памяти» Марии Степановой и «Предела забвения» Сергея Лебедева. Актуальность темы настоящего доклада выражена, в первую очередь, активным появлением в последние годы в русской современной прозе текстов, осмысляющих тему памяти и связь между поколениями. Многие из этих текстов можно охарактеризовать как постмемориальные тексты.

В 2012 году Марианна Хирш в книге *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust* выявляет феномен «постпамяти». Постпамять описывает отношение представителей «второго» поколения к травме поколения их родителей, которую они воспринимают как свою собственную. В западной литературе такие тексты начали появляться еще в восьмидесятые годы: классическим примером является графический роман «Маус» Арта Шпигельмана. В России же тексты, репрезентирующие подобный опыт, появились значительно недавно: в 2010-ые и 20-е годы.

В компаративном анализе тексты Сергея Лебедева и Марии Степановой представляют собой два противоположных подхода к постпамяти и нарративу в письме. Авторы используют различные способы репрезентации: «Предел забвение» представляет собой фикциональный текст, тогда как «Памяти памяти» — это нон-фикшн. Как гибридный текст Марии Степановой, так и метафорический нарративный текст Сергея Лебедева осмысляют передачу травматического опыта через поколения и отпечаток, который оставляет этот опыт на жизни представителей «второго» поколения.

Опыт «первого» поколения в двух текстах диаметрально противоположный: текст Степановой говорит об опыте жертвы, тогда как текст Лебедева осмысляет опыт виновника. Тем не менее травму приходится проживать уже следующему поколению, которое намеренно возвращает себя в прошлое посредством воспоминаний и свидетельств.

Настоящая тема доклада представляет собой синтез литературного исследования и *memory studies*. Методологией исследования выступают тексты *memory studies*,

trauma studies и нарратологические тексты. В первую очередь, это уже упомянутый текст Марианны Хирш, исследования Кэтти Кэрут о травме и истории, тексты Алейды Ассман о забвении и памяти, Мориса Хальбвакса о коллективной памяти, текст Уэйна Бута, выявляющий термин «ненадежного нарратора».

Таким образом, «Памяти памяти» и «Предел забвения» представляют собой тексты, репрезентирующие один феномен «постпамяти», освещая его через призму взгляда «второго» поколения. Однако авторы текстов выбирают различные стратегии письма, которые и являются предметом исследования, отвечающего на вопрос возможна ли репрезентация постпамяти и как фикциональный и нефикциональный тексты современных русских писателей справляются с ее осмыслением.

Список источников:

1. Hirsch, M. (2012). *Post-memory generation: Writing and Visual culture after the Holocaust*. New York: Columbia University Press.
2. Assman, A. (2010). Re-framing memory. Between individual and collective forms of constructing the past. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. Winter (Eds.) *Performing the Past* (pp. 35–50). Amsterdam: Amsterdam University Press.
3. Halbwachs, M. (1992). *On Collective Memory*. (L.A. Coser, Ed. & Trans.). Chicago: University of Chicago Press.
4. Booth, W. C. (1983). *The Rhetoric of Fiction* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press.
5. Caruth, C. (1996). *Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History*. Baltimore: Johns. Hopkins University Press.

Шотландская национальная идентичность в романе Крейга Расселла «Хайд» (2021)

Уколова Анастасия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ukolovan169@gmail.com

Научный руководитель: *Кривошеина Мария Андреевна, НИУ ВШЭ*

Scottish national identity in Craig Russell's novel *Hyde* (2021)

Ukolova Anastasiia

National Research University Higher School of Economics

Крейг Расселл прославился детективом «Аспект Дьявола» и серией книг о полицейском Яне Фабелле, где он использует мифологический пласт и региональную историю Шотландии и Германии для создания нетривиальных сюжетных поворотов. Будучи шотландским писателем, интересующимся немецкой культурой, Расселл зачастую помещает место действия своих произведений в современную Германию и Шотландию 1950-х годов [1].

Детективный роман Крейга Расселла «Хайд» (Hyde, 2021) выражает современный взгляд на историю Эдварда Хайда, героя известной новеллы Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история Доктора Джекила и мистера Хайда». Переместив Эдварда Хайда из первоначального лондонского бэкграунда в эдинбургский, Расселл показывает своему читателю «другую Шотландию», противопоставляя живописную часть страны таинственной и мрачной, тем самым создавая двойственность географического восприятия, коррелирующего с собирательным образом родного Расселлу пространства. Наряду с этим писатель вводит в роман кельтские элементы, элементы шотландского фольклора и истории Эдинбурга, особенно уделяя внимание отражению в романе влияния Эдинбургской медицинской школы. Расселл внедряет в роман образы реальных исторических личностей, таких как Артур Конан Дойл и доктор Джозеф Белл [2], а также события из истории шотландской медицины, что, нам кажется, позволяет более детально контекстуализировать текст и познакомить читателя с историей Шотландии. Немаловажно, что автор при этом смешивает сюжеты правдоподобия и фантастики, оставляя право выбора истины в тексте за читателем. Так, региональность «Хайда» является важным инструментом для создания в детективе необходимых эффектов саспенса и таинственности, а также для обращения повествования в непредсказуемое русло. Эдинбург, хранящий в себе многовековую и иногда даже темную историю, — основной и неоднозначный в интерпретации сеттинг событий «Хайда». Наряду с изображением региона, Расселл обращается и к фольклору, и к кельтскому прошлому: Шотландия, как и Ирландия, использовала его в качестве отправной точки для поиска собственной индивидуальной культурной идентичности. Мы предполагаем, что Расселл задействует в романе фольклор разных регионов Шотландии и кельтскую мифологию для определения аутентичного пространства, для потенциального знакомства читателей с самобытностью Шотландии и углубления их в культурный и исторический контексты.

Репрезентируя историческое прошлое Шотландии и сочетая его с собирательным культурным образом страны посредством внедрения в роман фольклора разных

регионов, Крейг Расселл, по нашему мнению, представляет независимый от культурного опыта взгляд на родной ему регион, тем самым на разных уровнях выражая противоречивость образа Шотландии и проводя свою читательскую аудиторию по общим местам культуры и истории Эдинбурга. На страницах романа Эдинбург — таинственный город, сосредоточение мистических происшествий, но при этом он вполне реален, на что указывают потенциально знакомые читателям топографические элементы.

Список источников:

1. Официальный веб-сайт Крейга Расселла. URL: <https://craigrussell.com/>.
2. Crawford, D., Womersley, T. (2010). *Bodysnatchers to Livesavers: Three Centuries of Medicine in Edinburgh*. Glasgow: Bell & Bain Ltd.

Трансформация интермедиальности в эпоху медиакультуры (на примере трех романов: Анни Эрно «Годы», Мишель Уэльбек «Уничтожить», Николь Броссар «Лиловая пустыня»)

Урингалиева Алина Руслановна

Санкт-Петербургский государственный университет

st072341@student.spbu.ru

The transformation of intermediality in the Age of media culture (on the example of three novels: Annie Ernaux's *The Years*, Michel Houellebecq's *To Destroy*, Nicole Brossard's *Mauve Desert*)

Saint Petersburg State University

Несмотря на трудности формулировки универсального определения интермедиальности исследователями предпринимаются попытки осмысления этого феномена с различных сторон [1; 3; 5]. Доклад по теме «Трансформация интермедиальности в эпоху медиакультуры» выявляет такие особенности этого феномена, как медиатизированные повествования, где ключевую роль играют фотографические экфрасисы; встроенные иллюстрации; описание видео, рекламы и фильмов. Проанализировав три романа французских писателей, можно выявить взаимосвязь между жанром и интермедиальностью. Появление большого количества романов в форме экспериментальных жанров, таких как автофикшн и авто-социо-биография, демонстрирует тенденцию к изменению построения повествовательной структуры, в которой медиа играют ключевую роль. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении взаимодействия литературы с другими видами искусства в контексте трансформации жанра и нарратива. Методология исследования заключается в комплексном филологическом подходе с привлечением методологической базы других гуманитарных наук. В исследовании применяются принципы компаративистики и интертекстуального анализа. В докладе подробно рассматривается роль интермедиальности в трех романах: интермедиальность как способ репрезентации истории и памяти в романе Анни Эрно «Годы»; интермедиальность как средство критики современного общества и культуры в романе Мишеля Уэльбека «Уничтожить»; интермедиальность как способ построения альтернативной реальности в романе Николь Броссар «Лиловая пустыня», которая реализовывается в рамках перевода (главная героиня романа переводит текст из первой части на другой язык) и трансформации текста. Николь Броссар также играет с понятиями авторства и интерпретации, показывая, как один и тот же текст может меняться в зависимости от контекста и перспективы. Помимо этого, в докладе будут обсуждаться авторы, которые сформировали основные концепции и виды интермедиальности: Ю. Кристева, О. Ханзен-Леве, Д. Хиггинс, Н. В. Тишунина, Р. Барт и др. Также будут затронуты работа Маршалла Маклюэна по изучению медиа «Понимание медиа. Внешние расширения человека».

Рассматривая вышеупомянутые тексты, можно выявить потенциал интермедиального анализа как способа интерпретации современного романа. Литературные тексты вступают в диалог с другими текстами, медиа, искусствами и культурными практиками, отражая и влияя на современную медиакультуру.

Медиакультура характеризуется множественностью, гибридностью, интерактивностью, конвергенцией и дивергенцией медиа. Многочисленные примеры проявлений медиатизированности в литературе второй половины XX — начала XXI века, принимающие разнообразные формы, становятся подтверждением значимости явления для всего литературного и культурного процесса этого периода. В связи с этим актуальным представляется анализ конкретных произведений с интермедиальной точки зрения.

Список источников:

1. Müller, J. E. (2010). Intermediality and Media Historiography in the Digital Era. *Acta Universitatis Sapientiae, Film and Media Studies*, (2), 15–38.
2. Алташина, В. Д. (2014). Autofiction в современной французской литературе. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, (3).
3. Исагулов, Н. В. (2019). Интермедиальность как зонтичный термин: попытка классификации. *Культура слова*, 1(2).
4. Муравьёва, Л. Е. (2022). *От автофикшна к автомедиальности: как медиа влияют на современные автобиографические нарративы*. URL: https://vk.com/im?sel=276680443&w=history276680443_video&z=video203185186_456239043%2F2071ab360f3aa3a4e6.
5. Хамина, А. А., Зильберман, Н. Н. (2014). Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки. *Вестник Томского Государственного университета*, (389), 38–45.

Семантика повторяющихся мотивов в романе Анны Старобинец «Лисьи броды»

Фомич Василиса Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

fomvasal@gmail.com

Научный руководитель: *Двинятин Федор Никитич*, кандидат филологических наук, СПбГУ

The semantics of recurring motifs in Anna Starobinets' novel *Lis'i brody* **[Fox Fords]**

Fomich Vasilisa

Saint Petersburg State University

Роман Анны Старобинец «Лисьи броды» (2022) изначально задумывался как сценарий для телесериала [1], что оказало влияние на его финальную структуру: в романе, в частности, сохраняется присущее сериалу деление на небольшие, завершённые в себе эпизоды. Текст состоит из девяти частей (не считая «нулевую» часть, озаглавленную «Вместо предисловия»), которые включают в себя от 13 до 28 глав, каждая из которых разбита на ещё более мелкие фрагменты. Кроме того, в романе раскрывается несколько сюжетных линий разных персонажей, что заставляет текст дробиться не только на уровне формальной организации, но и на уровне содержания. Одним из средств, помогающих удерживать элементы столь сложной структуры от распада, является выстроенная в романе система повторяющихся мотивов, исследование семантики которых и является целью настоящего доклада. Предполагаемым результатом работы является выделение основных мотивов в романе, осмысление их значения во взаимосвязи друг с другом, а также анализ роли мотивной системы в построении романа и конструировании его идейной составляющей.

В настоящей работе мы обратимся к концепции, предложенной Б. М. Гаспаровым, который трактует мотив как «любой феномен, любое смысловое “пятно” — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.»; при этом «единственное, что определяет мотив, — это его репродукция в тексте» [2, с. 30]. В «Лисьих бродах» подобные смысловые «пятна» объединяются в крупные мотивные комплексы, связанные с темами смерти, судьбы, контроля, потустороннего мира и т. д. Данные комплексы складываются из частных мотивов: например, смерть как мотивный комплекс включает в себя мотив монеты, которую нужно заплатить мертвецу, мотив особого предсмертного дыхания и др. Мотивы — как в комплексах, так и по отдельности — оказываются тесно связаны между собой, компенсируя общую дискретность текста; в связи с этим предлагаемое в исследовании разграничение мотивов носит нестрогий характер, зачастую один и тот же мотив можно отнести к нескольким разным комплексам, что говорит о высокой смысловой нагруженности отдельных «пятен».

Повторяющиеся мотивы реализуются за счет повторов другого рода, включая словесные повторы, повторы образов и повествовательных приемов. Эквивалентности, как называет вневременную связь мотивов нарратолог В. Шмид [3], возникают также на уровне персонажей и событий; кроме того, часть мотивов одновременно и участвует

в построении хронотопа, и порождается им (так, мотив кольца соотносится с хронотопом кольца [4]). Таким образом, повторяющиеся мотивы во многом определяют поэтику романа и его структурные особенности, при этом являясь ключом к пониманию его содержания, так как отслеживание вариаций одних и тех же мотивов помогает раскрыть идейную составляющую текста — все это обуславливает актуальность мотивного анализа «Лисьих бродов», нехватку которого мы попытаемся восполнить в данном исследовании.

Список источников:

1. Леденева, А. (2022). «В разных болотах лошадь тонет с абсолютно разной скоростью, а это важно для сюжета». Многобукв. Всё о creative writing. URL: <https://mnogobukv.hse.ru/news/796171247.html>.
2. Гаспаров, Б. М. (1993). Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В кн. Б. М. Гаспаров. *Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века*. М.: Наука.
3. Шмид, В. (1998). *Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард*. СПб.: ИНАПРЕСС.
4. Попова, О. А., Григорова, Е. А. (2023). Организация времени и пространства в романе Анны Старобинец «Лисьи броды». *Russian Linguistic Bulletin*, 5(41). URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.46>.

Смысловые корреляция жития Иоанна Синайского и Лествицы: функция маргиналий (на материале первого печатного издания Сергия Шелонина 1647 г.)

Чевозёрова Елизавета Алексеевна

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

lizzy20020807@gmail.com

Научный руководитель: *Дорофеева Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, БФУ имени И. Канта*

Semantic correlations between the hagiography of John of Sinai and the Ladder of Paradise: the function of marginalia (on the basis of the first printed edition of Sergius Shelonin, 1647).

Chevozerova Elizaveta

Immanuel Kant Baltic Federal University

Издание Лествицы 1647 года по типографскому оригиналу, рукописи РГАДА. Ф. 381 (Синод. типогр.) №201 [1, с. 280–282], было подготовлено соловецким монахом, книжником Сергием Шелониным, по благословлению патриарха Иосифа [2, с. 272]. Издание представляет особый научный интерес, ведь, согласно исследованиям А. В. Горского и К. И. Невоструева, — это новый вид памятника [1, с. 278], отсутствовавший в прежней письменной его традиции. Новый тип книги характеризуется особым строением: после каждого стиха («сущего») следует толкование. Более того, на полях есть множество маргиналий, указаний на памятники, которые объясняют или подтверждают излагаемый текст [3, с. 218].

Мы обратимся ко второй особенности печатного издания Лествицы. Многочисленные ссылки, маргиналии соединяют, подобно аркам, текст Лествицы и памятники древнерусской книжности. По подсчетам Т. Г. Поповой общее число маргиналий — 2986 [4, с. 7]. Из них 453 маргиналии [4, с. 124] связывают различные фрагменты Лествицы. В ходе работы среди этих маргиналий было выявлено 11 ссылок, расположенных на полях жития Иоанна Лествичника (стих 1–14). Из них шесть коррелируют с «сущим», а 5, соответственно, с «толкованием».

В ходе доклада проводится анализ следующих маргиналий: стих 1: н сх ал̄. 20 (к̄) л̄д̄, сущее; стих 2: выш̄ сх в̄л̄. 13 (г̄л̄), з̄л̄, сущее; стих 4: выш̄ сх д̄л̄. 106 (р̄с̄) р̄ба, сущее; стих 8: выш̄ сх ӣл̄. 230об. (сл̄) см̄θ, сущее; стих 9: выш̄ сх θ̄л̄. 223об. (ск̄г̄) см̄д, сущее; стих 10: и выш̄ і̄л̄. 180об. (р̄п̄) с̄θ̄л̄, сущее. Выявляются фрагменты жития и соотносящиеся с ними фрагменты Лествицы, приводится соответствующая таблица. Делается вывод об основных функциях маргиналий.

Список источников:

1. Николаев, Н. И. (1993). Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. В *ТОДЛР* (т. 48, с. 277–283). СПб.: Пушкинский дом, Наука.
2. Сапожникова, О. С. (2010). *Русский книжник XVII века Сергий Шелонин. Редакторская деятельность*. М.; СПб.: Альянс-Архео.

3. Горский, А. В., Невоструев, К. И. (1859). *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки* (отд. 2, ч. 2). М.: В Синодальной типографии.
4. Попова, Т. Г. (2023). *Маргиналии в старопечатном издании Лествицы Иоанна Синайского (М., 1647)*. Северодвинск: Северодвинская городская типография.

Поэтика экфрасиса в стихотворении Елены Шварц «Воспоминание о фреске фра Беато Анджелико «Крещение» при виде головы Иоанна Крестителя в Риме»

Чертенко Екатерина Алексеевна

Тюменский государственный университет

katya.chertenko2000@mail.ru

Научный руководитель: *Медведев Александр Александрович*, кандидат филологических наук, ТюмГУ

The poetics of ekfrasis in Elena Shvarts's poem *Recollection of fra Beato Angelico's fresco «Baptism» at the sight of the head of John the Baptist in Rome*

*Chertenko Ekaterina
Tyumen State University*

В современном литературоведении является актуальной проблема соотношения вербального и визуального, слова и образа. Изучение поэтики экфрасиса способствует открытию новых интерпретаций художественного текста и произведения искусства в междисциплинарном аспекте. Научный интерес к проблеме экфрасиса и особенностям экфрастического описания возрос в последние десятилетия. Однако сам термин «экфрасис» до сих пор имеет размытые границы. Исследователи рассматривают экфрасис в контексте понятия интермедийности, которое было введено О. Ханзен-Леве, понимающим под ней средства художественной выразительности различных видов искусств, которые, взаимодействуя и изменяясь, создают объемный, многомерный, синтетический художественный образ [1, с. 22]. На наш взгляд, экфрасис может быть представлен как сочетание текста и произведения искусства, в котором текст превалирует над произведением визуального искусства вплоть до вытеснения его и подмены с помощью описания.

Целесообразным представляется обратиться к экфрастической поэтике одного из ключевых поэтов ленинградского андеграунда Елены Шварц (1948–2010), для поэзии которой характерна метафизическая глубина и многоплановость. Предмет нашего исследования — соотношение вербального уровня с визуальным в ее стихотворении «Воспоминание о фреске Фра Беато Анджелико “Крещение” при виде головы Иоанна Крестителя в Риме» (2002) [2, с. 43]. Данное стихотворение малоизучено с этой точки зрения. А. В. Марков делает акцент на искусствоведческой стороне [3, с. 10].

Вербальный и визуальный планы различаются в изображении Крещения. На фреске Иоанн совершает обряд Крещения, сверху поливая Иисуса водой. У Шварц Иоанн, стоя на камне, устремляется ввысь, словно совершает прыжок («прыгнул в небо Иоанн»). На фреске же Иоанн слегка наклонился к Иисусу. Одна нога Иоанна устойчиво располагается на камне, а ступня второй — почти полностью скрыта водами Иордана. Иоанн изображен в алой накидке, которую придерживает одной рукой, боясь коснуться Христа. В стихотворении, на наш взгляд, в большей степени передана динамика прыжка Иоанна. Шварц наделяет изображение дополнительными актуальными смыслами. Прыжок Иоанна в небо является в стихотворении движением от земного пространства к небесному (устремление ко Христу).

Шварц обращается к теме Крещения через его визуальный образ (фреска Фра Беато Анджелико). Мы рассмотрели, как соотносятся три уровня образа: художественный текст, символика (культурные коды) и визуальный образ фрески. Поэтика экфрасиса помогает поэту найти новые средства для раскрытия традиционной христианской темы. Визуальные образы фрески вызывают у поэта широкие культурные ассоциации (роза [4, с. 117; 5, с. 386], вода, туман, уголь, голубь, цветок, серый цвет, вино, кровь), раскрывающие метафизику Крещения в историко-культурной и современной перспективах и оставляющие читателю варианты интерпретаций. Описывая фреску, Шварц раскрывает через культурные коды и символика метафизические глубины таинства Крещения.

Список источников:

1. Ханзен-Лёве, О. А. (2016). *Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду*. М: Российский гос. гуманитарный ун-т.
2. Шварц, Е. А. (2008). *Сочинения* (т. 3.). СПб: Пушкинский фонд.
3. Марков, А. В. (2020). Закономерности христианской культуры в поздней поэзии Елены Шварц. *Культурный код*, (3), 7–14.
4. Баттистини, М. (2008). *Символы и аллегории: Визуальные коды понятий в произведениях изобразительного искусства*. М: Омега.
5. Топоров, В. Н. (1994). Роза. В С. А. Токарев (Ред.), *Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т* (т. 2, с. 386–387). М: Российская энциклопедия.

Леонид Аронзон и Иосиф Бродский: точки пересечения

Швед Данил Олегович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

shved-da@yandex.ru

Научный руководитель: *Азаренков Антон Александрович, кандидат филологических наук, НИУ ВШЭ — СПб*

Leonid Aronzon and Joseph Brodsky: points of intersection

Shved Danil

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

Леонид Аронзон и Иосиф Бродский чаще всего воспринимаются как литературные оппоненты и главные антиподы неподцензурного Ленинграда в 60-х. Цель нашей работы — подтвердить или развеять миф об антиподах, указать на возможные конкретные точки пересечения в творчестве Леонида Аронзона и Иосифа Бродского.

В ходе исследования также решаются следующие задачи:

- представить описание фигур Леонида Аронзона и Иосифа Бродского в поле ленинградской неофициальной среды;
- выделить общие поэтические доминанты авторов;
- использовать компьютерные методы при лексическом анализе стихотворений.

Актуальность нашей работы определена отсутствием подробного материала, посвященному непосредственно изучению проблематики возможных путей сопоставления Леонида Аронзона и Иосифа Бродского. Новизна исследования заключается в том, что сопоставительный лексический анализ при помощи цифровых методов для творчества Леонида Аронзона и Иосифа Бродского вместе будет проводиться впервые.

В ходе этой работы удалось в некоторой степени развеять миф о полной противоположности главных фигур неподцензурного Ленинград 60-х годов: Леонида Аронзона и Иосифа Бродского. Основываясь на теории Петра Казарновского и Ильи Кукуя (о противоположности движения поэтик), мы пришли к выводу, что семантическое наполнение конкретных образов Аронзона и Бродского действительно следует формуле «предметное-возвышенное», однако, соединяя общие концепты в единые мотивы, мы отметили, что зачастую сами мотивы и мотивообразующие элементы Аронзона и Бродского тождественны. Кроме того, при помощи программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» и последовательной визуализации нам удалось установить лексическую близость словарей обоих авторов, которая подкрепляется наличием общих поэтических доминант, образующих лексические узлы. Таким образом, мы частично визуализировали верхушки поэтических миров Леонида Аронзона и Иосифа Бродского и объединили их (поэтические миры) в одну общую систему лексических зависимостей, которая демонстрирует значимые точки пересечения в творчестве ведущих авторов ленинградского андеграунда.

Предложенная схема (модель лексических пересечений Аронсона и Бродского) отражает основные лексические пересечения только значимых и особо частотных единиц для обоих авторов, однако ее усложнение и расширение может происходить нами и далее, задействуя менее значимые и менее репрезентативные единицы, которые будут «прикрепляться» к уже сформированному каркасу, составленному из доминант и других знаковых позиций.

Итак, схема лексических пересечений Леонида Аронсона и Иосифа Бродского подтверждает, что значимая лексика Аронсона и Бродского не только частично перекликается, но и образует комплексные связи с общими лексическими узлами, которые сконцентрировали и сохранили в себе общее семантическое звучание, позже выраженное в схожих концептах и мотивообразующих ходах авторов.

Список источников:

1. Бокарев, А. С. Принцип кумуляции в образной структуре лирики Леонида Аронсона и Иосифа Бродского (2020). *Проблемы исторической поэтики*, 18(1).
2. Кривулин, В. (1998). Леонид Аронзон — соперник Иосифа Бродского. В кн. В. Кривулин. *Охота на Мамонта* (с. 152–158). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ.
3. Кукуй, И., Казарновский, П. (2006). Вместо предисловия. В кн. П. А. Казарновского, И. С. Кукуя, В. И. Эрля (Сост., подгот. текста и примечания), *Аронзон Л. Собрание произведений (в 2-х томах)*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

Иконичный свет и его связь с образом главной героини в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы»

Шелыгина Анна Викторовна, Дорофеева Людмила Григорьевна

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

a_shells_a@mail.ru

Научный руководитель: *Дорофеева Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, БФУ имени И. Канта*

The iconic light and its connection with the image of the main character in the novel by Ivan Shmelev *The Nanny from Moscow*

Shelygina Anna

Immanuel Kant Baltic Federal University

Роман Шмелева «Няня из Москвы» относится к эмигрантскому периоду творчества и является менее изученным. Мы обратились к символике света в этом романе, так как специального исследования по данной теме не обнаружили.

Свет в художественном мире позднего Шмелева занимает особое место: достаточно вспомнить его эпопею «Солнце мертвых», роман «Лето Господне», повесть «Богомолье», в которых свет символичен и несет в себе особую смысловую нагрузку.

В эмигрантский период творчества (1930–1948 гг.) исследователи отмечают усилившееся нежное, «восхищенно-благоговейное отношение к России, ее духовному укладу, православным истокам бытия, культуре и быту, колоритному народному слову», что определяет и особенности символики [1, с. 4].

В романе «Няня из Москвы» мы обнаружили ряд значений света в романе, выраженных в разных формах. На лексическом уровне слово свет очень часто употребляется в значении «мир» («по белу-свету», «весь свет исколесила» и пр.). Часто в корнях глаголов свет означает состояние души, радость («засветились все»).

На уровне художественного пространства, которое разделяется на пространство дома и «антидома», свет делится на природный, родной и искусственный. Героиня ощущает враждебность со стороны чужого мира, чужбины, каковой воспринимает окружающую действительность других стран. Она и строит свой рассказ «на противопоставлении: родное / чужое, темное / светлое, вера / безверие» [2, с. 51].

Выделяя пространство профанное и сакральное, мы можем разделить свет на тварный и нетварный. Тварный — свет фонарей и ламп, свет солнца и луны. Нетварный проявляется в особом рода символике. Он касается внутреннего состояния героев, прежде всего, и авторского сознания. Шмелев создает картину мира, в котором есть нетварный свет, но ищет его в земной жизни. Поэтому центральный образ няни связан с символом света, который точнее всего будет определить как иконичный; а форма сказа направлена на раскрытие души героини и ее духовного мира.

То, что иконично, имеет первообраз в Царствии Небесном, синергийно связано с Богом [3, с. 95]. В данном случае свет является иконой Света Божественного. Нянин свет (добро) противопоставлен тьме (злу) нового и чужого для нее мира. Шмелев погружает героиню во тьму этого мира, но тьма не может объять свет, который несет в себе няня и в котором явлена писателю истинная Россия. Во тьме свет приобретает особое значение: няня своими словами и поступками освещает мир, делает его добрее,

потому что она — «иконка», а икона, по словам П. Флоренского, и есть окно в горний мир [4, с. 69].

Таким образом, символика света в романе «Няня из Москвы» при всем ее многообразии носит сакральный характер как доминантный и тесно связана с образом няни. Иконичный символ света противопоставлен свету «бездуховному», искусственному, подобно тому, как в сознании главной героини противопоставлены свое и чужое, родина и чужие страны.

Список источников:

1. Спиридонова, Л. А. (2014). *Художественный мир И. С. Шмелева*. М.: ИМЛИ РАН.
2. Сотков, В. А. (2017). Особенности художественного воплощения героя-праведника в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2 (68), 49–52.
3. Лепахин, В. В. (2000). *Икона и иконичность*. Сегед: JATEPress.
4. Флоренский, П. А. (1972). *Иконостас*. СПб.
5. Шмелев, И. С. (1995). Няня из Москвы. В кн. И. С. Шмелев. *История любовная* (с. 245–405.). М.

«Тайный психологизм» романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» в контексте физиологии середины XIX века

Шpileвая Елена Николаевна

Тюменский государственный университет

elena-shpilevaya@mail.ru

Научный руководитель: *Обласова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук, ТюмГУ*

“Hidden psychologism” of *Fathers and Sons* by Ivan Turgenev in the context of physiology of the mid-nineteenth century

Shpilevaya Elena

Tyumen State University

Русские реалисты, исследовавшие человеческую природу, законы, по которым работает сознание, стремившиеся объективно описать субъективный опыт, сложнейшие состояния психики человека, в своем поиске учитывали, что говорит современная им наука. Во второй половине XIX века в центре их внимания оказываются естественные науки, в частности физиология [1]. Однако к изучению влияния науки на литературу данной эпохи русская филология приступила сравнительно недавно, в то время как зарубежная занимается им с середины XX века.

Физиологи совершают фундаментальные открытия в области работы мозга, изучают поведение, рефлекс, свободу воли, влияние физиологии на «душу». И. С. Тургенев посещал лекции по физиологии, читал и обсуждал работы ученых, и, в некоторой степени полемизируя с наукой, все же приходил к интегрированию перечисленных открытий в собственный творческий метод [2]. Писателем изучены работы Бюхнера («Сила и материя»), Герцена («Физиологические беседы» и «Физиология души», «Физиологический анализ свободной воли человека»), Фогта («Физиологические письма») и др. О работе последнего он высказывался так: «Ужасно умен и тонок этот гнусный материалист!» [3]

И.С. Тургенев, идейно спорящий с физиологией, совершенствует свое письмо в том числе с помощью ее достижений. Следы данного влияния можно заметить в речи персонажей и авторских ремарках, указывающих на произвольность, рефлекторность действий и слов героев. Они не понимают, что и почему они испытывают, даже если пытаются. Потому самоанализ Базарова не столько проливает свет на его характер, сколько запутывает как героя, так и читателя.

Рассмотрим прощание Базарова и Одинцовой. В словах и поступках Василия Ивановича, ожидающего Одинцову, прослеживается сочетание страха и надежды: «стал кусать себе пальцы»; «вскочил и бросился к окошку»; «не отдавая себе отчета», «в порыве... бессмысленной радости» [4]. Порывистость, импульсивность и безотчетность, загадочность для персонажа своих же действий — все это иллюстрация взглядов физиологов времени Тургенева на свободу воли. Одинцовой же непонятна причина, по которой она соглашается на встречу с Базаровым. На эту причину указывают детали: «Она взглянула на Базарова... и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленное и... мертвенное лицо... Она просто испугалась каким-то холодным и томительным испугом; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы

точно его любила — мгновенно сверкнула у ней в голове» [4]. Анна Сергеевна не способна контролировать свои чувства, как их не смог контролировать и Базаров: при взаимодействии с героем она «невольно содрогнулась», при угрозе прикосновения она подает «...ему напиться, не снимая перчаток и боязливо дыша» [4]. Одинцова, что за время общения с Базаровым не могла понять, чего же в ней больше — любви или испуга, хотела получить ответ на этот вопрос.

Таким образом, И. С. Тургенев оттачивает мастерство изображения внутреннего мира персонажей во многом благодаря интересу к физиологической стороне работы «души».

Список источников:

1. Фрейзер, М. (2020). Наука реализма. В кн. М. Вайсман, А. Вдовин, И. Клиггер, К. Осповат (Ред.), *Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование* (с. 408–430). М.: Новое литературное обозрение.
2. Вдовин, А. В. *Иван Тургенев и его время*. Magisteria. URL: <https://magisteria.ru/category/ivan-turgenev-and-his-time>.
3. Тургенев, И. С. (1978). *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах* (т. 4). *Письма*. М.: Наука.
4. Тургенев, И. С. (1978). Отцы и дети. В *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах* (т. 7, с. 5–189). М.: Наука.

Стратегии перевода прецедентных феноменов (на примере локализации игры Atomic Heart с русского на английский и немецкий языки)

Юдина Ксения Владимировна

Челябинский государственный университет

yudinak14@gmail.com

Научный руководитель: *Олизько Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, ЧелГУ*

Translation strategies of precedent phenomena (on the example of localization of the game *Atomic Heart* from Russian into English and German)

Yudina Ksenia

Chelyabinsk State University

Для начала рассмотрим понятие «прецедентный феномен». Ю. Н. Караулов определяет его как феномен, «значимый для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющий сверхличностный характер» [1]. Такие феномены хорошо известны широкому кругу лиц и неоднократно воспроизводятся в определенной языковой среде.

Прецедентные феномены можно разграничить на следующие разновидности. «Прецедентное высказывание — репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может как быть, так и не быть предикативной. К прецедентным высказываниям относятся цитаты из текстов различного характера, а также пословицы» [2]. «Прецедентное имя — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [2].

Стратегия перевода прецедентных феноменов зависит от коммуникативной задачи. Чаще всего используются методы адаптации и отчуждения. В первом случае исходный иностранный текст приспособляется к ценностям принимающей культуры или мировой семиосферы, подбираются творческие эквиваленты или используется метод компенсации.

В случае с методом отчуждения переводчику важно сохранить культурную дистанцию, прецедентный текст либо не адаптируется для иностранного реципиента, либо переводится калькой.

В качестве примера использования в игре прецедентного имени можно привести название аудиосообщения — «Это не Вова — это Марио». Причина использования данного прецедентного имени раскрывается в содержании сообщения: техник комплекса говорит, что «Вова», которого ему привезли на починку, пророс изнутри мицелием. «Вовами» в игре неформально называют роботов-лаборантов ВОВ-А6. Герой видеоигры Super Mario Bros., вышедшей в 1985 году, по дороге находит грибы и съедает их для обретения суперспособностей, поэтому робота сравнивают с Марио. В англоязычной локализации сообщение называется так: «It's-a me, Vova!». Переводчики адаптировали название, используя актуальную для англоязычной культуры прецедентную фразу. На языке оригинала в игре Super Mario Bros. Марио выкрикивает

«It's-a me, Mario!»). Переводчики заменили «Mario» на «Vova», но отсылка будет понятна реципиентам. В случае с немецким переводом, мы видим игру слов: «Super Wowa Bros.» Прецедентным феноменом в данной адаптации является название игры Super Mario Bros., здесь, так же, как и в английской адаптации, имя собственное «Mario» заменили на «Wowa».

Разработчики игры Atomic Heart постарались добавить как можно больше отсылок на советскую и современную поп-культуру, чтобы заинтересовать отечественных пользователей. Локализовать игру, полностью адаптируя культурный код, не удалось, судя по отзывам иностранных пользователей. Исходя из вышеперечисленных примеров попыток интерпретации прецедентных текстов, в большинстве случаев переводчики передавали смысл прецедентных феноменов с помощью резистивного метода, используя буквальный перевод или полностью опуская данный элемент. Однако присутствуют примеры нахождения альтернативного прецедентного высказывания на языке культуры-реципиента. Узнавая их, пользователи получают большее удовольствие от процесса игры. Последнее переводческое решение является наиболее удачными, поэтому стоит придерживаться данной стратегии при локализации игр.

Список источников:

1. Караулов, Ю. Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука.
2. Красных, В. В., Гудков, Д. Б., Захаренко, И. В., Багаева, Д. В. (1997). Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. *Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология*, (3), 62–75.

Выражение концепта «честь» в китайских и русских песнях, стихотворениях и художественных произведениях

Ян Юнья

Российский университет дружбы народов

1772769719@qq.com

Научный руководитель: *Митрофанова Ирина Игоревна*, кандидат педагогических наук, РУДН

Expression of the concept “honour” in Chinese and Russian songs, poems and works of fiction

Yang Yunua

Peoples' Friendship University of Russia

Сегодня существует два основных подхода к интерпретации идей: когнитивно-лингвистический и лингвокультурный. В настоящее время категория концепта является одной из актуальных точек исследования российских ученых: концепт всесторонне изучается в сфере социологии, лингвокультурологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики.

Однако процесс утверждения термина «концепт» в российской науке не был последовательным. Так, впервые к нему обратились в начале XX века благодаря использованию в философских работах. В частности, С. А. Аскольдов стал первым русским философом, который начал использовать термин «концепт». По С. А. Аскольдову, концепт — это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2, с. 31]. К сожалению, идеи С. А. Аскольдова на несколько десятилетий были забыты. В научный оборот их уже в постсоветское время ввел (точнее, вернул) Д. С. Лихачев [13, с. 493–505].

Таким образом, в контексте лингвокультуры концепт как семантическая структура с культурными характеристиками является основной единицей культуры; кроме того, он является кристаллизацией культуры. Концепт возникает из культуры и как таковой отражает культурную идентичность народа, указывая на языковую картину мира, ценности народа, мировоззрение. Концепт также можно рассмотреть как важный лингвокультурологический и когнитивный феномен.

Стоит отметить, что в русских и китайских стихотворениях, песнях и художественных произведениях концепт «честь» играет важную роль. Рассмотрим на примерах:

Так в романе Мо Янь «Лягушки»:

我说象群贤侄你可别羡慕这个，金钱、美女都是过眼云烟，只有祖国、荣誉、家庭，才是最宝贵的。

«Я сказал племяннику Сянцюню, что нельзя завидовать этому: деньги, красивые женщины — это проплывающие облака; только родина, честь, семья — это самое ценное» [7].

Это говорит о том, что честь, родина и семья — вечные темы, имеющие особое значение для китайцев.

В романе Ву Чжолу «Сироты Азии»:

他父亲胡文卿说:«专门学校的教师,说来相当于昔日的进士或翰林,这是很大的荣誉»。

«Его отец, Ху Вэньцин, сказал: “Считается, что учитель в специальной школе — это аналог цзиньши или ханьлиня прошлых лет, что является большой честью”» [8]. Это говорит о том, что честь иногда связывают с карьерой в китайской лингвокультуре.

Примеры из газеты «Ежедневник народно-освободительной армии» показывают важность воинской чести:

崇尚荣誉的军队,才能一往无前、无坚不摧;崇尚荣誉的军人,才能中流击水、担当重任。

«Почетная армия, чтобы идти вперед, неуязвима; почетные солдаты, чтобы попасть в воду, берут на себя важные задачи».

荣誉是前进路上的“加油站”,能够鼓舞士气,激励我们闯过一个个难关、迈过一道道沟坎。

«Честь — это “заправка” на пути вперед, она может вдохновить на подвиги, мотивировать на преодоление трудного барьера, на преодоление канавы».

В стихотворении Г. Р. Державина «Теплой осени дыханье»:

«Власти мне Святыя
Иго то велели несть,
Все венцы суля земныя,
Титла, золото и честь».

В стихотворении М. И. Цветаевой: «...Сын казака, казак...»:

«— Нечего есть. — Честь.
— Не терять ни дня!»

Можно заметить сходства и различия в способах выражения концепта «честь» в китайских и русских произведениях. Он играет важную роль в языке и культуре обеих стран, например, в значении *敬意, 尊敬* — уважение и доброе имя *光荣*. Мы видим, что концепт «честь» для китайцев иногда связан с карьерой, а в русской лингвокультуре нет такого значения. Изучение и анализ концепта «честь» позволяет не только глубже понять языковые и культурные различия русского и китайского народов, исследовать общность и индивидуальность национальных культур, оценить неповторимое очарование национального духа, но и определить траекторию истории с помощью средств языка, исследовать духовное богатство, оставленное историей будущим поколениям, что в определенной степени будет способствовать межкультурной коммуникации.

Список источников:

1. 莫言著. 蛙[M]. 上海: 上海文艺出版社, 2012. Мо Янь. (2012). *Лягушка*. Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства.
2. 吴浊流著. 亚细亚的孤儿[M]. 北京: 人民文学出版社, 1986. У Туфу-лю. *Сироты Азии*. (1986). Пекин: Народная литература.
3. –用荣誉之光照亮奋进之路 - 求是网 (qstheory.cn) 解放军报 作者:毛善德 周燕虎. Шандэ, М., Яньху, Ч. (2022). Осветите дорогу прогресса светом чести. *PLA Daily*. URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2022-03/22/c_1128491698.htm.

4. Честь воинская. В *Военный энциклопедический словарь*. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=11697@morfDictionary>.
5. *Корпус китайского языка*. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/>.

ФИЛОСОФИЯ

The right to the freedom of movement in the context of Paul Virilio's concept of dromology

Аристова Марина Олеговна

Европейский университет в Санкт-Петербурге

maristaa132@gmail.com

Научный руководитель: *Шиповалова Лада Владимировна, доктор философских наук, ЕУСПб*

Aristova Marina

European University at St. Petersburg

“Dromos” in Greek means “avenue or race course”, the term dromology, which was introduced by French philosopher Paul Virilio in his work *Speed and Politics*, represents the functioning of world politics through the lens of velocity. According to this philosophical perspective, the history of the world could be viewed as a timeline of developments that increased the speed with which humanity operates. The power relations depend on the fact of holding the fastest means of movement. The most powerful military complex is the fastest one, the largest profit is gathered due to the smoothest logistics.

The use of speed in politics extends to the movement of human bodies, which is the main theme of this paper. The concept of dromology could be applied to explore the problem of refugees, illegal migrants and displaced people, especially those from third world countries who happened to be the subject of racism.

The government of population and managing the location of the “excluded” groups of people that are believed to threaten the health of the nation was already described by Michel Foucault. The principles of proliferation of refugee detention centers were also already explained by Italian philosopher Giorgio Agamben. But those frameworks are insufficient because they primarily consider the source of biopower to be coming from the nation-state, or in Agamben's term single sovereign power. It lacks the geopolitical perspective, global politics of speed that could explain how contemporary forms of international sovereignty intertwine with biopolitics and geophilosophy.

The point of integration could be found in the thought of Cameroonian philosopher Achille Mbembe who in his book *The Earthly Community* demonstrates how in the context of necropolitics (politics of death, a continuation of Foucault's concept of biopolitics) international forms of sovereignty exclude racialized bodies in third world countries from global movement. Contemporary necropower operates by creating different zones of temporality in which certain people are restricted in their mobility and bound to be deprived of the freedom of movement, whether displaced or enclosed within an economically poor area that is hard to move away from legally. As the world becomes racially segregated, Mbembe's political project includes the demand for factual implementation of the right to the freedom of movement.

The right to freedom of movement will be looked at from the perspective of French philosophers Jacques Rancière and Étienne Balibar who reinterpret Hannah Arendt's concept of the “right to have rights” and also assessed through Paul Virilio's concept of dromology.

Список источников:

1. Agamben, G. (1998). *Homo Sacer: Sovereign power and bare life*. Stanford: Stanford University Press.
2. Balibar, E. (2013). On the politics of human rights. *Constellations*, (1), 18–26.
3. Mbembe, A. (2021). *The Earthly Community. Coloniality of Infrastructure* (G. Walker, Trans.). E-Flux. URL: <https://www.e-flux.com/architecture/coloniality-infrastructure/410015/the-earthly-community/>.
4. Rancière, J. (2011). *The thinking of dissensus: politics and aesthetics*. London: Continuum.
5. Virilio, P., & Bratton, B. H. (2006). *Speed and politics*. Los Angeles: Semiotexte.

Narrative representations of urban identity

Ахметзянова Дина Наилевна

Национальный исследовательский университет ИТМО

dn.akhmetzyanova@gmail.com

Научный руководитель: *Горнова Галина Владимировна, доктор философских наук, ИТМО*

Akhmetzyanova Dina

ITMO University

The main focus of this study is analysis of the ways people create their urban identities in the modern world, and its philosophical meaning. The question which is addressed here is how we as human agents interact with urbanized living spaces as nonhuman agents, and how that affects us from the point of posthuman studies. Main method of research is qualitative analysis of academic and fictional sources, also it is based on narrative analysis of texts from different open sources about modern urban life and city planning concepts.

Our habitat is more than the source of material goods or a place to live; its transformation by humans leads to its appropriation as a symbol of power; symbolic appropriation of the environment leads to the formation of collective memory and to the production of local environmental identity, which is a vital part of our identity as a whole [1]. Ontological, economical, cultural meaning of the habitat is immeasurable, the city is considered as one of the greatest inventions of humankind for certain reasons. Therefore it is crucial to understand that historically the way we transform our living space and fetishise it is carried out specifically through narratives which are produced by social institutions and passed as rituals, norms, traditions. Rituals of everyday life, ways to organize the household, which are typical for a modern person who in many cases is a civilian, are also results of certain narratives being translated to people so there could exist a certain form of identity, ways to express it, ways to consume and share.

If narrative is an arch, identity is the space formed by it — it constantly changes due to technological development, and one of the main challenges of this process is finding a form that would create a space fitting for an answer to the question “who is human now”? It is important to rethink the meaning of the city as a part of a system where the process of interaction between involved agents circulates through narratives that different agents constantly consume and recreate. We can already observe how in the society of metadata, having digital forms of identity becomes a key factor for fulfilling many basic needs. Implementations of technologies and narratives of smart cities that should make our lives more comfortable started causing more complicated effects.

Through our digital shadows which interact with a digital shadow of our living space our very material bodies started losing their autonomies in new ways because they are reduced to functions, styles, tendencies by those who have more control over the living environment [3]. But probably rethinking everyone as similar “others” to each other would become a method of radical inclusion in a world where narratives are still treated as the main way of self-identification and communication between posthumans.

Список источников:

1. Muravyova, O. I., Litvina, S. A., & Bogomaz, S. A. (2015). Environmental identity: content of the concept. *Siberian psychological journal*, (58), 136–148.
2. Kuznetski, J. (2020). Transcorporeality: An interview with Stacy Alaimo. *Ecozon European Journal of Literature Culture and Environment*, 11(2), 137–146.
3. Kitchin, R., Cardullo, P., & Di Feliciano, C. (2019). Citizenship, Justice, and the Right to the Smart City. In R. Kitchin, P. Cardullo, C. Di Feliciano (Eds.), *The Right to the Smart City* (pp. 1–24). Leeds: Emerald Publishing Limited.

Культура народного смеха и светская религия: как государство модерна заменило карнавал цирком

Байков Михаил Денисович

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

baykoff.md@gmail.com

Научный руководитель: *Воронцов Сергей Александрович*, кандидат философских наук, ПСТГУ

The culture of popular laughter and secular religion: how the modern state replaced carnival with circus

Baikov Mikhail

Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities

Теорию смеховой культуры в своей работе «Творчество Франсуа Рабле...» [1] предложил М. М. Бахтин. Существующие в пространстве доктринальной религиозной серьезности народные массы средневековья выплескивали негативные ощущения и социальный протест через площадную жизнь, участвуя в ограниченных во времени карнавалах. Понимание карнавального мышления человека прошлого позволяет делать выводы и анализировать его глубинные переживания и убеждения. Изучение этих явлений позволяет почувствовать честное отношение людей к миру официоза и понять, как общество мыслит на самом деле.

В нашей работе мы стремимся проследить развитие карнавальной культуры, ее жизнь в секулярном пространстве XX века и реакцию правящего класса, выразившуюся в создании собственного нарративного симулякра [2], который мы называем циркизацией. Мы занимаемся рассмотрением этих процессов через призму изучения религии. Этот подход признается необходимым, поскольку изначально карнавал выступал в качестве оппозиции именно догматизированному церковному мировоззрению.

Бахтин отмечает, что смех жил в обществе с первобытных времен, был обязательной частью общения со священным, но со временем, по мере усложнения классовой системы, смех вышел из поля официальной культуры [1, с. 38]. Карнавальная культура — это некая опция, включенная в жизнь народной культуры, позволяющая легально заниматься недопустимыми в другое время вещами; момент, когда разрешено все, кроме насилия.

При рассмотрении источников, в частности книги Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» [3], становится очевидным, что карнавальное сознание позволяло народу высказывать недовольство происходящими в католической церкви процессами. Доводя до абсурда ситуации распущенности клира, народная культура декларировала неприемлемость чревоугодия, лени и сексуальной разнузданности. При этом карнавальный смех относился к грехам духовенства по-доброму, с истинно христианским милосердием.

С началом процесса секуляризации мир начал меняться. Расколдованный мир открыл народным массам ощущение отсутствия трансцендентной силы [4]. Вместе с этими мировоззренческими изменениям на смену традиционным религиям пришла религия политической сферы. Политическая элита активно начала использовать

религиозные нарративы для построения идеологии, обожествляющей государство и наделяющей нацию мессианскими целями. В XX веке это привело к кризисам и созданию тоталитарных режимов в Италии и Германии [5].

В этом мире карнавал продолжил свою жизнь: народная культура создавала анекдоты, высмеивала действия власти, доводя их до абсурда. Яркий карнавал мы можем видеть в политических интернет-мемах. Власть XX и XXI века не оставалась в стороне: используя технологии массовой пропаганды, она начала обращаться к формам смеха уже в своем исполнении. В отличие от тотальных институтов средневековья, которые существовали исключительно в парадигме серьезности, власть модерна сделала смех орудием своего контроля. Этот официальный жуткий смех мы и называем циркизацией.

Список источников:

1. Бахтин, М. М. (2021). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус.
2. Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляция* (А. Качалов, Пер.). М.: Рипол-классик, 2015.
3. Рабле, Ф. (1973). *Гаргантюа и Пантагрюэль* (Н. Любимов, Пер.). М.: Издательство «Художественная литература».
4. Вебер, М. (1990). Наука как призвание и профессия. В кн. Ю. Н. Давыдов (Ред.), *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
5. Gentile, E. (2001). *Le religioni della politica: Fra democrazie e totalitarismi*. Bari: Gius. Laterza & Figli.

Философии недостаточно: риторика как метод поиска истины

Варфоломеева Марьяна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Varfolomeevamaryana@yandex.ru

Philosophy is not enough: rhetoric as a method of searching for truth

Varfolomeeva Mariana

Saint Petersburg State University

Риторика часто рассматривается как теория убедительной речи, ее цель усматривается в эффективном воздействии, способном обращать слушателя в нужном направлении. Однако риторике можно рассматривать и как дисциплину, глобальной целью которой является поиск истины, а точнее создание условий для этой истины, которые находятся в языке. В тексте моего доклада раскрывается понимание риторики как метода построения языка определенным образом, в котором открывается для обнаружения нечто новое, еще не познанное. Основано это понимание на текстах Аристотеля («Риторика» [1], «Поэтика» [2]) и исследовании Нэнси Стрювер («Риторика, Модальность, Модерн» [3]). Цель моего доклада — доказать легитимность риторики как метода для поиска истины.

Такое прочтение риторики возникает в споре с философией, который возникает еще в античности. Философия в логическом смысле исходит из модальности необходимости, риторика же — из возможности. Разворачивается этот спор в пространстве текста, а, значит, неизбежен и разговор о логосе, его понимании. Представлены взгляды Платона, Исократа, Горгия и Гераклита.

Риторика как метод построения истины тесно связана с фигурой слушателя риторической речи, на патосы (страсти, аффекты) которого происходит воздействие ритором для убеждения в истинности.

Значительная часть доклада посвящена метафоре. Метафора в риторике выступает как языковая форма, которая подсвечивает то, что было скрыто. Аристотеля интересует само существо метафоры, ее принципы, то есть то, как функционирует переносное высказывание. Метафоры становятся необходимы, чтобы выразить невыразимое, преодолевая скудность языка. Важной метафорой для Аристотеля является медицинский термин катарсис, который поставил в герменевтический тупик не одно поколение исследователей, но который при этом бесспорно тесно связан с патосом, а значит и с воздействием на слушателя.

Таким образом, в докладе рассмотрены две стороны риторики: влияние на слушателя и поэтика в риторических приемах. Две эти стороны связываются с друг другом, очерчивая и аргументируя тему доклада.

Список источников:

1. Аристотель. (1978). Риторика. В кн. А. А. Тахо-Годи (Ред.), *Античные риторики* (с. 15–166). М.: Изд-во МГУ.
2. Аристотель. (1983). Поэтика. В кн. А. И. Доватур (Ред.), *Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4* (с. 645–680). М.: Мысль.

3. Struever, N. (2009). *Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago: The University of Chicago Press.

Оппозиции как метод анализа советского андеграунда

Великодняя Екатерина Максимовна

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
katerina.velikodniaya@yandex.ru

Научный руководитель: *Круглова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, УрФУ*

Oppositions as a method of analyzing the Soviet underground art

Velikodniaia Ekaterina

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

С тех пор как ризома утвердилась в качестве характеристики «современного сознания, в котором господствует плюрализм и уживаются эклектичные представления о мире» [1, с. 28], бинаризм был трактован как неадекватный современному состоянию культуры. Между тем есть как минимум три обстоятельства, позволяющие нам обращаться к бинарным оппозициям как методу анализа. Во-первых, бинаризм не предполагает радикального противопоставления, иерархии членов и обесценивания одного из полюсов оппозиции. Во-вторых, Леви-Стросс ограничивал применение данного метода обществами, способными «абсорбировать изменения, вызванные неким событием с минимум системных деформаций» [цит. по 2, с. 21], и рядом феноменов, к числу которых относятся мифы. В-третьих, оправданным применение метода бинарных оппозиций делает и сам предмет нашего исследования — советский андеграунд. С одной стороны, противопоставление официального искусства неофициальному вписывается в национальную мифологию двойничества [1], с другой стороны, художественный язык лучше всего отражает полярность картины мира, с третьей — советский андеграунд скорее отражает специфику общества модерна, нежели постмодерна.

Бинарные оппозиции объясняют структуру ритуала, однако ритуальная структура в тех или иных превращенных формах продолжает существовать и регулировать отношения между различными группами и субъектами культуры. Мы предлагаем обратиться к анализу Второго авангарда, направления советского андеграунда, с точки зрения ритуала, организующего контакт жизни и смерти.

Бинарная оппозиция «Первый авангард — советская власть — Второй авангард» репрезентируется как тернарная структура, в которой средний элемент предстает абсолютом [1] и задает контекст взаимоотношений крайних членов. Принципиальным моментом для функционирования бинарной оппозиции является наличие общего места, что проявляется, с одной стороны, в отсылке к усваиванию традиции авангарда начала XX века, с другой — в советской культуре как промежуточном звене.

Второй авангард вступает в оппозицию как с Первым авангардом, так и с абсолютом. Если Первый авангард в ожидании перемен советскую культуру порождает, то Второй через «образы памяти, “постмодернистской усталости” и археологическое понимание культуры, погребенной в ушедшие слои цивилизации», и указания «на “неизбежность осознания пределов культуры, ее кризисов и катастроф”» [3] нацелен на ее смерть. Поскольку чаще всего смерть воплощается метафорически в образе официальной культуры, то ее смерть постулирует жизнь. Мы находим подтверждение

этому у Гробмана: «Второй русский авангард существовал 30 лет и благополучно закончился вместе с советской властью; для чистоты восприятия назовем точную дату — 1987. Это был год агонии “империи зла”. История завязала смерть режима и культурную жизнь в один узелок» [4].

Основным «инструментом» победы над смертью является ее осмеяние. В этом смысле интересна риторика Э. Неизвестного относительно представителей власти, например, характеризуя официальную прессу, он говорит, что «ее тон — это тон климактерической разобиженной женщины, которую все обманули и оставили» [5, с. 7], тем самым ниспровергая ее статус.

Список источников:

1. Агранович, С. З., Саморукова, И. В. (2001). *Двойничество*. Самара: Самарский университет.
2. Энафф, М. (2010). *Клод Леви-Строс и структурная антропология*. СПб: Гуманитарная Академия.
3. Пацюков, В. (2000). Симметрия в пространстве ушедшего века: первый и второй русский авангард. *Художественный журнал Moscow Art Magazine*, (32). URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/82/article/1792>.
4. Гробман, М. (2007). Второй русский авангард. *Зеркало*, (29). URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2007/29/vtoroj-russkij-avangard.html>.
5. Неизвестный, Э. (1991). Катакомбная культура и власть. *Вопросы философии*, (10), 3–28.

Cultural industries and creative industries — the boundaries of concepts

Иванов Данила Алексеевич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

danila.ivanov001@gmail.com

Научный руководитель: *Верминенко Юлия Владимировна, доктор социологических наук, РГПУ им. А. И. Герцена*

Ivanov Danila

Herzen State Pedagogical University of Russia

The key terms were the terms “cultural industries” and “creative industries”. However, the essence of these concepts is still perceived differently by different structures. Moreover, sometimes quite similar structures use completely different terms in their activities. UNESCO documentation attempts to separate the terms “cultural” and “creative” industries (UNESCO 2006). The British classification in the 2016 edition uses the term “creative industries”. The European Commission (2013) uses the concept of “creative and cultural industries” [4]. As we can see, there is neither unity of terms nor unity of meanings.

For the first time the term “culture industry” was introduced by the German philosophers Max Horkheimer and Theodor Adorno. Great thinkers have analyzed these new terms through their connection with the channels of information dissemination, channels of communication — both cultural in general and interpersonal. In their opinion, the rails on which the train of Western societies stands lead to the fact that culture will become a thing. It will be sold and bought as a commodity on the market. And there is very little left to go to such a terrible destination. These authors did not see anything positive in such a movement. The rapid development of those same cultural industries leads, in their opinion, not only to a decrease in the importance and impoverishment of the product of creative activity, but also to a decrease in the personal qualities of the consumer of this product.

So cultural industries is a branch of the economy that specializes in the commercialization of artistic culture products. Creative industries is a branch of the economy that specializes in creating products of artistic culture for further commercial distribution.

Let us supplement the term system with certain definitions. Artistic culture is one of the spheres of culture that solves the problems of intellectual and sensory representation of being in artistic images, and various aspects of ensuring this activity. Commercialization is the activity of one person or organization which is aimed at making a profit in all possible ways.

It should be noted the terms “cultural industries” and “creative industries” are practically interchangeable. The concept of “cultural industries” refers more to cultural heritage and traditional types of creativity, and “creative industries” refers to applied creative practices, innovations and the generation of profits and jobs through the creation of intellectual property. This happens, first of all, when two terminological traditions collide. Despite this interweaving of meanings, “both definitions are contradictory in their essence” [1]. They require a deep, precise interdisciplinary approach. In this sense, culturological methods and approaches are most welcome here. In a complex and changing world, in conditions of constant challenges, society and science need precise definitions, clear and thoughtful terminology.

In conclusion, it is necessary to separate these concepts. Cultural industries are the process and result of commercial activity in the field of realizing the commercial potential of cultural products. Creative industries are the process and result of creating commercial cultural products.

Список источников:

1. Крамер, А. Ю. (2017). Концепт «культурных индустрий» и воспроизводство в культуре прессы как медиаиндустрии. *Международный журнал исследований культуры*, 1(26), 102–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kulturnyh-industriy-i-voisproizvodstvo-v-kulture-pressy-kak-mediaindustrii>.
2. Хезмондалш, Д. (2014). *Культурные индустрии* (И. Кушнарева, Пер.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
3. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения: Философские фрагменты*. М., СПб: Медиум, Ювента.
4. Banks, M., & O'Connor, J. (2009). Introduction: After the Creative Industries. *International Journal of Cultural Policy*, 15(4), 365–374.
5. *Department for Culture Media and Sport*. Website of the Department of Culture, Media and Sport of Great Britain. URL: www.gov.uk/government/publications/creative-industriesmapping-documents-1998.

К секулярному через сакральное: Шигабетдин Марджани и Мартин Лютер

Камалетдинов Амирхан Ракипович

Казанский (Приволжский) федеральный университет
razentikplus2333@gmail.com

Научный руководитель: *Ибрагимова Зульфия Зайтуновна*, кандидат философских наук, КФУ

Towards the secular through the sacred: Shigabutdin Marjani and Martin Luther

Kamaletdinov Amirkhan

Kazan (Volga region) Federal University

Секуляризация затронула весь цивилизованный мир. Возникает вопрос: все ли пути к секуляризации были одинаковы? Например, секуляризация в Европе связана с лютеранской реформацией. Характеризовать реформацию можно через лозунг, под которым шли тогда многие протестанты: «обратно к Писанию». Но известно также немало примеров такого «возвращения к Писанию» не только у христиан, но и у мусульман, например, у татарского богослова Шигабетдина Марджани. Наша цель — выяснить на основе опыта двух богословов, всегда ли «возвращаясь» мы, в конечном итоге, приходим к секуляризации.

Начнем со связи Мартина Лютера и секуляризации. В центре учения Лютера стоит «оправдание верой»: человек может лишь надеяться на спасение, людям остается только пассивно верить в искупление. Лютер приходит к этому благодаря анализу текста Библии [1, с. 15]. Появляется различие пассивной и активной (мирской) праведности. Такой вывод приводит к отрицанию церкви как института. Если это так, то единственным институтом, который обладает верховной властью, является власть светская. Таким образом, лютеранское «возвращение» приводит к отрицанию церковной власти, что ставит ее в подчиненное положение по отношению к власти государства. Граница между деяниями праведными и неправедными практически стирается, поскольку, согласно Лютеру, никакое деяние не способствует спасению. В такой ситуации отношение человека с Богом становится делом его личной веры, не связанной с его поведением в жизни.

В центре религиозных взглядов Шигабетдина Марджани стоит идея «очищения» ислама от многовековых наслоений [2, с. 12]. Но очищение веры — не полное отрицание традиции (таклида), а открытие «врат иджтихада (вынесение суждения)». Марджани стоит на позиции, что «врата» не могут быть закрыты вовсе, а такое ограничение методов решения богословских и правовых вопросов в религии есть не просто ошибка, а противоречие самому Корану и Сунне, которые указывают на необходимость периодического обновления.

Марджани считает важным включать в решение вопросов веры не только Писание, но и человеческий разум. Например, в «Назурат ал-Хакк» выносятся иджтихад на основе Корана и Сунны, но во время его изложения Марджани не высказывает мнения и не выносит категорических суждений, давая читателю самому прийти к итогу с помощью разума [2, с. 20].

Это есть точка схождения и различия двух богословов: людям дано право на самостоятельное понимание Писания, но Марджани отдает большое предпочтение разуму, что Лютер не приветствовал никоим образом. Судить же стоит по результатам: итогом лютеранской реформации стал упадок церкви как института. Провозглашение всех деяний равными размыли границу между сакральным и мирским. А у Марджани такой же путь не приводит к секуляризации, потому что в исламе нет института церкви, сакральное за ним не закреплено. А методы «очищения веры» были свойственны исламу с самого появления. Значит, «возвращение к Писанию» не является универсальным путем к секуляризации.

Список источников:

1. Скиннер, К. (2018). *Истоки современной политической мысли: 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации* (А. А. Яковлев, Пер.). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
2. Юзеев, А. (1997). *Марджани*. Казань: Изд-во «Иман».

Проблемы герменевтики музыкального произведения

Каюткин Денис Юрьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

dkayutkin@list.ru

Научный руководитель: *Прозументик Кирилл Витальевич, кандидат философских наук, НИУ ВШЭ*

Problems of hermeneutics of a musical composition

Kayutkin Denis

Saint Petersburg State University

Основную герменевтическую проблему музыки обнаружил Альбер Камю [2], назвав музыку мифом: музыка рождает образы, образы не звучат музыкой. В советской философии музыки можно заметить интересную параллель. Работа А. Ф. Лосева «Основной вопрос философии музыки» [3] и работа Л. А. Мазеля «Вопросы анализа музыки» [5] имеют одну и ту же цель — определить, что такое музыка.

Определяя, что нам является, когда мы слушаем музыку, А. Ф. Лосев отвергает множество принятых концепций: физическую, физиологическую, психологическую, историческую. Музыка — это не волна; это не работа барабанных перепонки; это не поток наших переживаний; это не изображение эпохи создания. В конечном счете А. Ф. Лосев приходит к идее, что музыка — это чистое становление.

Л. А. Мазель идет противоположным образом, он старается связать все проявления музыки в единое. Л. А. Мазель выступает против сущности музыки в качестве категории становления, так как различные исполнения могут по-разному передать одну и ту же музыку. Л. А. Мазель видит тематизацию музыки в объединении всех возможных ее проявлений, центрированных вокруг *ядра*. Ядро является местом герменевтической свободы слушателя.

При сопоставлении идей двух мыслителей мы натываемся на парадоксальный момент: два диалектических пути привели к двум противоположностям. Однако мы способны найти синтез, основываясь на античном учении о музыке.

Мусическое обозначает у Платона все, что следует правилам, и при этом находится в движении *образования* [4]. Музыка выражает постепенное становление *бытия-в-мире*. Однако нам открылась загадочная картина. Мир, взятый в скобках, все еще существует, и, что интересно, он весь пропитывается музыкой: деревья качаются в такт проигрываемой музыки, машины проезжают, следуя мелодии из наушников, и даже я сам начинаю идти в ритм песни. В этот же момент то ли музыка в голове, то ли *музыкальность окружающего мира* [3; 5] начинает навевать воспоминания. Музыка начинает выступать как миф. Она приносит нам образы, но сами предметы, всплывающие в музыке, не рожают музыкальности. Момент существования музыки как мифа мы назовем мусическим бытием.

По Аристотелю природа — это нечто ритмичное. Если статичные искусства создают в мире что-то, обладающее пропорциональностью в определенном месте, то смысл музыкального *πρᾶξις* в том, чтобы подчинить необходимую ритмию мира воле ритма исполнителя. Ритм в музыке «изымает себя из непрерывного бега моментов и предстает словно бы присутствием вневременного во времени». Всякая музыка в этом

смысле есть ἐλοχή — закрытие глаз на ритмичность бытия и схватывание его глубинного ритма. Еλοχή имеет значение «удержания» или «подвешивания», при этом имеет смысл «дара». В музыке ἐλοχή имеет третье значение, объединяющее два предыдущих: «я есть, в смысле “я присутствую, преобладаю, держу(сь)”» [1]. Музыка, если сводить ее к принципу μίμησις, отражает бытие-в-мире: «лишь в котором он [человек], может обрести себя как человека и быть способным к действию и познанию».

Список источников:

1. Агамбен, Дж. (2018). *Человек без содержания*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Камю, А. (1998). О музыке. В кн. *Сочинения. В 5 т. Т. 1*. Харьков: Фолио.
3. Лосев, А. Ф. (1991). *Философия. Мифология. Культура*. М.: Политиздат.
4. Лосев, А. Ф. (1960). *Античная музыкальная эстетика*. М.: Музгиз.
5. Мазель, Л. А. (1978). *Вопросы анализа музыки*. М.: Сов. композитор.

Experiment in modern science: a cluster approach

Крутько Дарья Юрьевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

krudaria@mail.ru

Научный руководитель: *Серкова Вера Анатольевна, доктор философских наук, СПбПУ*

Krutko Daria

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Experiment as one of the scientific methods is a problematic concept. It is a methodologically designed attempt to empirically obtain information (data) and to find out the conditions for confirming or disproving theories. Also, an experiment acts as a basis for new knowledge. Unlike observation, in an experiment there are factors that affect variables. Akhutin explains experiment as a method that does not simply operate with ideally constructed objects under given conditions, but as a method of cognition along with which the “cognizable” itself emerges. Also, experiment artificially changes phenomena. The fall of a stone in a given place becomes a new phenomenon — the movement of a sharpened mass in the void as a result of the action of different forces [1].

In a classical experiment it is important to have a control sample: if all citizens of the Russian Federation are given flu medication, this will be part of the experiment; if people are divided into groups and one group is given flu medication and the other a placebo, then you “get” an experiment. However, an experiment can also consist of simply investigating a previously unobservable situation without a definite hypothesis and “allowing oneself to be surprised” by the result. In this sense, an experiment is a preliminary operation with an unknown outcome. Experiments of this kind are conducted when the possibilities of research are expanded by using a more precise method of measurement, such as the Large Hadron Collider. Thus, an experiment as a scientific method has the following attributes: experimental setting or given conditions, possibility of measuring data and repeatability.

Yet experiment in different branches of knowledge is becoming quite different from the natural scientific method, which formed the basis of modern science and gave the first definition of experiment.

In order to identify the features of this new phenomenon “experiment”, we can use cluster analysis. Cluster as a decentralized and unifying mechanism allows science to be viewed as a whole and its methods to be viewed through clusters, since science does not have a preconceived concept but strives for internal consistency.

Experimentation can be viewed through clusters that constitute a separate category of sciences: the cluster of legal sciences, the cluster of biological sciences, etc. Depending on the subject matter of the science, the characteristics of the experiment will differ in the degree of relation to reality. In medical and legal sciences the status of reality is unambiguous, because in these sciences reality is present as objectively given. And in historical sciences the status of reality of the investigated objects depends on the chosen research setting.

Thus, the application of cluster analysis to the old concept of “experiment” allows us to identify a new feature of this concept — the relationship to the reality of the observed object.

Список источников:

1. Ахутин, А. В. (2012). Экспериментирующая мысль. История принципов физического эксперимента от античности до XVII века. В кн. Ахутин, А. В., *Эксперимент и природа* (с. 66–389). СПб: «Наука».
2. Денисова, Л. В. (2012). Система знания и модели классификации наук. *Научный вестник Омской академии МВД России*, 1(44), 60–64.
3. Оглезлев, В. В. (2019). Проблемы определения кластерных понятий. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (51), 70–78.

Призрак социальной критики

Мирзоев Карен Авакович

Санкт-Петербургский государственный университет

karen.mirzoev@mail.ru

Научный руководитель: *Шиповалова Лада Владимировна, доктор философских наук, СПбГУ*

The specter of social criticism

Mirzoev Karen

Saint Petersburg State University

Существует распространенная традиция критическую теорию хоронить в силу усталости от повторения одних и тех же сюжетов или утраты неких существенных оснований. Особенно в этом деле преуспели Б. Латур и П. Слотердайк. По-своему мы продолжим эту традицию, поскольку дальше речь пойдет о призраке социальной критики.

Как отмечает Ж. Деррида, явление призрака неслучайно, поскольку он имманентно присутствует как обратная сторона действительности. Его невозможно заставить замолчать, хотя он и бесплотен. Его речь «может быть, только если она уже есть; она может быть возможной, только тогда, когда остается “в может быть”» [2, с. 51]. Образ призрака негативен, он собирает в себе несогласованность, прерывистость, бессистемность, необходимые для возможности его ускользающей избыточности.

Взаимодействие с призраком всегда происходит в перспективе экзорцизма, однако изгонять призрака ответными проклятиями бессмысленно — нужно его воплощать, ему соответствовать или дальше терпеть его бесплотные упреки, уживаясь с ними при помощи работы скорби. Безусловно, про призрака можно забыть, но Деррида настаивает на том, что с ним нужно общаться. Призрак оказывается важным элементом самоопределения и даже самовоспроизводства общества, поэтому общение с ним открывает перспективу нового понимания истории и политики.

Бесплотный упрек из прошлого, открывающий перспективу нового настоящего, — призрак Маркса разделяет мессианский пафос Angelus Novus В. Бенямина: «Как известно, евреям запрещено пытаться узнать о будущем. При этом Тора и молитва учат их вспоминать. Это лишает для них будущее того волшебства, жертвами которого становятся те, кто задает вопросы предсказателям. Но от этого будущее не стало для евреев монотонным и пустым временем. Потому что каждая секунда в нем была той маленькой калиткой, через которую может войти Мессия» [1, с. 236]. Поэтому призрак всегда возвращает нас к проблеме экзорцизма, но не в форме успокаивающей протокольной констатации его смерти [2, с. 70], а в виде проблематизации самого его вечного возвращения, в понимании времени как его возвращения. Деррида замечает, что Маркс в начале «Капитала» определяет меновую стоимость в точности так же, как Гегель определял время в «Философии природы»: как «чувственно данное сверхчувственное» [2, с. 219]. В данном определении Гегель критиковал кантовский трансцендентализм, производя над одной из априорных форм чувственности своеобразный акт экзорцизма. Расколдованное время перестает быть пустой формой, оно обретает свое разумное содержание, оно темпорализируется. Экзорцизм, как мы

видим, не подразумевает простой констатации смерти — он возможен лишь при осуществлении призрака. Специфика гегелевской критики, вечно встраивающей, снимающей, а не исключаяющей, именно поэтому была так охотно перенята Марксом: парадоксальное осуществление призрака, соответствие ему является единственно возможным ответом на его немой упрек.

Список источников:

1. Беньямин, В. (2000). *Озарения*. М.: Мартис.
2. Деррида, Ж. (2006). *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал* (Б. Скуратов, Пер.). М.: Logos-altera; Esse homo.

Метамодернизм как новая эвристическая метка

Рустамов Роман Ровшанович

Российский государственный гидрометеорологический университет

mr.romanrust@gmail.com

Научный руководитель: *Нужная Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, РГГМУ*

Metamodernism as a new heuristic label

Rustamov Roman

Russian State Hydrometeorological University

В последние десятилетия многие теоретики литературы и культуры отмечали определенный поворот в структуре чувства и мысли. Известные исследователи постмодернизма отметили его несостоятельность (или по крайней мере неактуальность некоторых его аспектов) во времена четвертой стадии капитализма, невозможность воспринимать мир с постмодернистской холодностью и иронией после мировых потрясений и заговорили о постпостмодернизме. Одним из его вариантов выступил метамодернизм — особое направление, опирающееся на идею чувственности и искренности.

Целью исследования является определение места метамодернизма в современной философской и культурной парадигмах. Для этого рассматривается ряд теоретических работ, касающихся вопроса «конца» постмодернизма и манифестирующих появление нового философско-культурного течения — метамодернизма.

Так, известная канадская исследовательница постмодернизма Л. Хатчеон буквально обозначила его конец в 2002 году: «Давайте скажем прямо: он завершен» [1, р. 181]. Хатчеон приходит к мысли, что на восприятие людьми текста сильно повлияли глобализация и цифровизация мира и что эти изменения — первые знамена «того, что придет после постмодернизма» [1, р. 181].

С. Хикс в книге «Объясняя постмодернизм» пишет, что постмодернизм представлял собой «игру с ограниченным набором предпосылок» [2, с. 312] и отчасти изжил себя. Хикс отмечает, что «деструктивность современного искусства связана с общей тенденцией негативности, <...> зародившейся в модернизме» [2, 314], и что необходимо отойти от этой концепции: «пора двигаться дальше» [2, с. 315].

Одной из значимых работ, обозначивших изменения в культуре, считается эссе Д.-Ф. Уоллеса [3], в котором писатель рассматривает влияние телевидения на творческий метод американских писателей. Критикуя холодную иронию постмодернизма, Уоллес считает, что революцию в философии и искусстве могут устроить только «анти-мятежники», которые «посмеют отойти от ироничного взгляда» [3, р. 192]. Как отмечает А. Павлов, заслуга Уоллеса заключалась в том, что он одним из первых выразил «усталость от иронии постмодерна и раскритиковал американскую культуру за доминировавший в ней сарказм» [4, с. 12]. Павлов также отмечает, что с творчеством Уоллеса в академических кругах тесно связано понятие постиронии, характерное для метамодернизма.

Непосредственно термин «метамодернизм», на который мы опираемся в исследовании, ввели Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер, в 2010 году опубликовав статью

«Заметки о метамодернизме» [5]. Павлов называет эту статью амбициозным текстом, предлагающим «новый язык описания нашего времени» [4, с. 2] и всерьез выдвигающим идею метамодернизма на обсуждение в академических кругах.

По результатам исследования были выведены ключевые индикаторы метамодернизма, проведен его сравнительный анализ с постмодернизмом, выявлены их сходства и различия. На основе анализа корпуса текстов решается вопрос о релевантности метамодернизма как современного течения, претендующего на то, чтобы заменить постмодернизм.

Список источников:

1. Hutcheon, L. (2002). *The Politics of Postmodernism*. N. Y., L.: Routledge.
2. Хикс, С. (2022). *Объясняя постмодернизм*. М.: РИПОЛ классик.
3. Wallace, D. F. (1993). E Unibus Pluram: Television and U. S. Fiction. *Review of Contemporary Fiction*, 13(2), 151–194.
4. Павлов, А. (2018). Образы современности в XXI веке: метамодернизм. *Логос*, 28(6), 1–19.
5. Vermeulen, T., & van den Akker, R. (2010). Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, (2), 1–14.

Концепт смерти в абстрактном искусстве: антропологические очертания

Сацукевич Анна Игоревна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

AU10029@yandex.ru

Научный руководитель: *Ростова Наталья Николаевна, доктор философских наук, МГУ им. М. В. Ломоносова*

The concept of death in abstract art: anthropological outlines

Satsukevich Anna

M. V. Lomonosov Moscow State University

Тема смерти достаточно распространена в междисциплинарном дискурсе. Рассматриваемые нами феномены смерти и абстрактного искусства создают плодотворную почву для антропологических изысканий в форме детального рассмотрения человека. Так как данные явления имеют специфический междисциплинарный характер, то и подход также обязан прописываться с разных сторон. На настоящее время исследование вмещает в себя симбиоз психиатрического, психологического, философского и культурно-социального определения.

Смерть фигурирует в абстрактном искусстве очень интересно. Так как исторически абстрактное искусство идет после предшествующего ему другого направления, можно говорить о том, что любой переход будет являться символом конца или смерти. Получается, мы имеем возможность анализировать абстракционизм как течение, которое по логике также должно иметь свое завершение. Также можно говорить о данном дискурсе, где смерть является содержанием, то есть фигурирование смерти в искусстве. А также где смерть получается формой — смертью искусства или в конкретном случае смертью абстракционизма. В большинстве случаев проблема смерти разрешается через социокультурную призму, в которой происходит формирование социальных обозначений для личности человека. Основное обозначение интересующего нас понятия происходит в двух направлениях: в виде человека и социума. Человек выступает в роли связующего, а смерть — главным источником определения. При таком раскладе проблема смерти будет лежать в социальной плоскости, где ответы будут находиться через социальную верификацию.

Но кроме этого существуют тенденции, которые носят имманентный характер. Определение и другие свойства смерти рассматриваются в иммерсивной плоскости самого человека. Тем самым круг возможностей определения и интерпретации локализуется вокруг человека вне социального ресурса. Смерть, которая несет в себе определение в форме соотносимости только или в основном через внутренние качества, имеет свое онтологическое право, где внешние признаки выходят за рамку формирования основного понятия. Таким образом, перед нами появляются если не проблемы, то основные смысловые самореферентные точки. Они могут показывать свободный характер определяемости. Когда мы говорим о проблемах смерти и абстрактного искусства, мы находимся не только в рамках вопросов определения, хотя на наш взгляд это должен быть основной фактор осмысления, но и во второстепенных качествах, дополняющих искомый дискурс.

Список источников:

1. Де Паскале, Э. (2008). *Смерть и воскресение в произведениях изобразительного искусства*. М.: Омега.
2. Кандинский, В. В. О духовном в искусстве
3. Витальность искусства: подходы к исследованию. (2021). *Художественная культура*, (1), 304–353.

Метафора в текстах Сёрена Киркегора: стилистический прием или метод философствования?

Экрогильская Александра Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет

ekrogulskaya@gmail.com

Научный руководитель: *Гурова Елена Александровна, кандидат филологических наук, СПбГУ*

Metaphor in Søren Kierkegaard's works: stylistic device or philosophizing method?

Ekrogulskaja Aleksandra

Saint Petersburg State University

В данном докладе будет представлена классификация тех художественных приемов, которые использует датский философ Сёрен Киркегор в своих работах «Болезнь к смерти» [1] и «Повторение» [2]. Речь пойдет о таких фигурах речи, как метафора и сравнение.

Данная классификация возникла в результате перевода и анализа этих трактатов; их внимательное изучение показало, что эти стилистические приемы не всегда являются лишь средствами выражения, призванными украсить или разнообразить текст, а зачастую представляют собой неотъемлемую часть философского мышления Киркегора, для которого свойственна образность и конкретность. Многие метафоры и сравнения, используемые этим автором, либо сами являются термином (например, библейская метафора «болезнь к смерти» — это основное понятие одноименного трактата), либо призваны дать более точное определение. Киркегор упрекает современных философов в абстрактном мышлении, оторванном от реальности, и для изложения своих идей избирает образный язык, изобилующий конкретными сравнениями, поскольку видит своей задачей рассмотрение реальных проблем человеческой жизни.

Данная классификация построена на разделении художественных приемов не по их типу, а по их семантике. Каждая группа приемов представляет собой «семантическое поле», из которого Киркегор черпал метафоры и сравнения для более точного и одновременно более образного описания своих взглядов. Такой подход позволяет увидеть некую эстетическую закономерность в произведениях философа. Образы, к которым обращался Киркегор, не случайны; об этом говорит частая повторяемость схожих или даже одних и тех же метафор и сравнений, из чего можно сделать вывод о том, что многие из них являются неотъемлемой частью его мировоззрения, его картины мира, его мыслей, которые он и стремился передать с помощью этих художественных приемов.

Задача данной классификации — через мир художественных образов приблизиться к мысли философа. А также продемонстрировать, каким образом Киркегор использует метафоры и сравнения в разных произведениях, какова функция этих художественных приемов, и меняется ли она в зависимости от тематики и стилистики произведения.

Для этих целей было выбрано две работы философа, отличные по стилю и жанру. Если одна из них, «Болезнь к смерти», скорее подходит под определение «философский

трактат», то вторую, «Повторение», уместнее всего назвать «романтическим произведением», поскольку оно ближе всего соответствует тому, к чему стремились йенские романтики — к синтезу философии и литературы (поэзии).

На примере этих двух работ мы видим, как по-разному Киркегор использует одни и те же художественные приемы. Можно сказать, что функция метафор и сравнений соответствует жанру проведения. В философских текстах их функция — дать более точное философское определение (соответственно, мы можем говорить о философской метафоре). В текстах, которые представляют собой смесь художественного и философского, они могут исполнять как художественную, так и философскую функцию.

Список источников:

1. Kierkegaard, S. (2006). Sygdommen til Døden. In *Søren Kierkegaards Skrifter. Bd. II*. Søren Kierkegaard Forskningscenteret. URL: <https://tekster.kb.dk/text/sks-sd-txt-root>.
2. Kierkegaard, S. (1997). Gjentagelsen. In *Søren Kierkegaards Skrifter. Bd. 4*. Søren Kierkegaard Forskningscenteret. URL: <https://tekster.kb.dk/text/sks-g-txt-root>.

В защиту безутешности

Ягин Иван Петрович

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина
ivjagn@gmail.com

Научный руководитель: *Круглова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, УрФУ*

In defence of inconsolability

Yagin Ivan

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

Славой Жижек утверждает, что меланхолия — это ошибка, в которой *object a* воспринимается как утрата (*loss*), в то время как он является конститутивной нехваткой (*lack*) [1]. Жижек критикует оправдание меланхолии, так как, по его мнению, сверхчувственным объектом пытаются завладеть в страсти, абсолютизируют материальный объект, а так как материя гниет, этим объектом можно владеть лишь как утраченным: «Отказ меланхолика завершить работу скорби превращается в свою противоположность, фальшивый спектакль чрезмерного, наигранного горевания по объекту, который еще даже не потерян» [1, р. 661]. Жижек берет концепцию меланхолии Джорджо Агамбена, но ошибочно уравнивает ее последствия с романтической печалью о красивом прошлом или с цинизмом как способом участвовать в идеологии.

Меланхолик остается верным тому экстрас, что остается от всех призрачных образов — *object a*. Для этого он пытается разрушить то, что видится как преграда, — это, воображаемое и символическое [2]. Здесь обнаруживается кантовская сторона: желание, которое не просто скользит от одной легальности/нелегальности к другой, имеющей патологический *Triebfeder* из эгоизма, а желание, ищущее объект-причину (*object-cause*), *echte Triebfeder*, чистый драйв практического разума.

Появляется вопрос творчества — этического — свободного субъекта, создающего *ex nihilo*: «Каждый творческий акт пытается ухватить нечто, что является невообразимым до акта своего творения, нечто за-пределом-сигнификации. Однако поскольку символический порядок принципиально неполон, любой объект творения не будет полностью воплощать первородное реальное. Он может выступать в качестве заменителя, который хоть и имеет огромную культурную ценность, тем не менее не может закрыть пропасть между символическим и реальным. Эта внутренняя ограниченность символического диктует измерение отчуждения в каждой форме творчества» [2, р. 147]. Вопреки позиции Жижека, где меланхолия — это тупик, позиция Агамбена указывает на творческую силу меланхолии, которая в кантовском духе становится безразличной к счастью: «[Она] как амбициозный творческий процесс, который нацелен на трансформацию того, что никогда не существовало, в то, что ретроспективно недостижимо как утраченный объект. Это процесс, что хочет открыть пространство для существования несуществующего с помощью творческого конструирования психической сцены (сцены меланхолии), в которой то, что было лишь объектом мысли и воображения, приобретает «фантазмагорическую реальность» объекта, который был утерян и теперь оплакивается» [3, р. 20].

Если современная политическая мысль характеризуется кризисом фантазии (ставшим уже клише «проще представить конец мира, чем конец капитализма»), не кладет ли меланхолик свою жизнь на то, чтобы, оплакивая неизвестное будущее, которое он потерял, придумать это самое будущее? Вход в иной мир словно прыжок из окна через эго, мы не узнаем себя в зеркале: «либо есть привычная и домашняя Я, либо есть чуждое отражение монструозной Она — Антигоны-будущего».

Список источников:

1. Žižek, S. (2000). Melancholy and the Act. *Critical Inquiry*, 26(4), 657–681.
2. Brenner, L. (2022). Excessive creativity in melancholia. In D. Hook, & S. Vanheule (Eds.), *Lacan on Depression and Melancholia* (1st ed., pp. 137–156). New York, Oxon: Routledge.
3. Agamben, G. (1993). *Stanzas: Word and Phantasm in Western Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

GAME STUDIES

Онтология видеоигр. Ретроспектива, проблемы и дальнейшие шаги

Абу Махади Амир Мохаммедович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

abu.amir@mail.ru

Научный руководитель: *Очеретяный Константин Алексеевич, кандидат философских наук, СПбГУ*

Ontology of video games. A retrospective, challenges and further steps

Abu Makhadi Amir

National Research University Higher School of Economics

Вопрос об онтологии видеоигр является крайне важным в истории game studies. Одним из первых в академическом сообществе его обозначил Гонсало Фраска [1] в 1999 году, когда предложил сформировать дисциплину людология, которая подобно нарратологии позволила бы определить объект исследования (видеоигру) и некоторый теоретический базис, то есть набор теорий и четких определений, позволивших бы видеоиграм получить более серьезный академический статус. В том же 1999 году Доуг Черч [2] пишет работу о формальных абстрактных инструментах геймдизайна, в которой он призывает разработчиков видеоигр сформировать некоторый вокабуляр и набор универсальных инструментов геймдизайна, подобно тому как это сделал архитектор и урбанист Кристофер Александер в книге «Язык шаблонов» [3]. Реагируя на эту работу, геймдизайнеры начали кропотливо работать над своим языком шаблонов для видеоигр. Таким образом, формируются две традиции: создание паттернов геймдизайна и фреймворков, которые будут интересны исследователям с 1999 по 2009 год. Эта дискуссия позволяет укрепить академический статус игры и способствует появлению фундаментальных трудов по геймдизайну. Однако фреймворки и паттерны геймдизайна остались маргинальной областью, которая была заброшена исследователями, за исключением редких попыток продолжить исследования, таких как проект метаонтологической модели игры Орсета и Грабарчук [4].

Свет на проблему этих исследований проливает Ян Богост [5], который в 2009 году обращает внимание на то, что исследователи видеоигр используют некорректную онтологическую оптику, предполагающую рассмотрение видеоигры как некоторой детерминированной онтологии. Для демонстрации этого Богост предлагает нам взглянуть на игру E.T. с самых разных точек зрения и выяснить, что они абсолютно несопоставимы: «Нет никакого “реального” E.T., будь то структура, описание, события нарратива или продуцирующий их код, равно как и нечто среднее» [5].

Именно это утверждение и проливает свет на проблематику: если нет никакой «реальной» игры, то что же разрабатывают геймдизайнеры и изучают исследователи? Ян Богост называет видеоигры бардаком (a mess), обозначая онтологический поворот в исследовании видеоигр. Вместо формализма Богост предлагает концепцию, в которой упор делается на плоскую онтологию, то есть все аспекты игры имеют равное значение. Такой подход отчасти дискредитирует работу, проделанную исследователями видеоигр за 10 лет.

Задача данного доклада — возродить интерес к теме онтологии видеоигр у исследователей. Для этого в рамках доклада будет подробно продемонстрирована

история развития концепций фреймворков и паттернов геймдизайна, в том числе указаны основные интеллектуальные шаги авторов, которые писали работы на эти темы. Кроме того, в рамках доклада будут формализованы проблемы исследований онтологии видеоигр с учетом концепции «бардака» Яна Богоста, а также предложены дальнейшие шаги, которые исследователи видеоигр могут совершить в области онтологии видеоигр.

Список источников:

1. Frasca, G. (1999). *Ludology meets narratology: Similitude and differences between (video) games and narrative*. Ludology. org. URL: <https://ludology.typepad.com/weblog/articles/ludology.htm>.
2. Church, D. (1999). *Formal abstract design tools*. Gamasutra. URL: <https://www.gamedeveloper.com/design/formal-abstract-design-tools>.
3. Alexander, C. (1977). *A pattern language: towns, buildings, construction*. Oxford University Press.
4. Aarseth, E., & Grabarczyk, P. (2018). An Ontological Meta-Model for Game Research. In *Proceedings of the 2018 DiGRA International Conference: The Game is the Message*.
5. Bogost, I. (2009). *Videogames are a Mess*. URL: https://bogost.com/writing/videogames_are_a_mess/.

Aesthetic experience of adventure video games: can video games be a source of genuine aesthetic pleasure?

Берейя Саид Аднанович

Санкт-Петербургский государственный университет

s.bereiya@gmail.com

Bereiya Said

Saint Petersburg State University

In game studies today, we see how games of various genres are subjected to the analysis as to whether they are art or not. Sometimes, it is even hard to pose the question without facing a strong disapproval from authoritative figures and critics declaring that videogames are incapable of the same kind and degree of aesthetic pleasure we derive from traditional fine arts [1]. As we shall see, arguments put forward usually suffer from what I will call a comparative fallacy.

On the other hand, in a limited number of tentative attempts to tackle the question [1; 2], researches were rather elusive in analyzing the way video games affect us in personal encounters, and even less so the objective value, if any, video games bring to our lives and culture. So a cluster theory or definitions of art employed in those studies become doubtful methods.

Finally, these approaches push us closely to a postmodern thinking postulating that art could be anything depending on your criteria. And what is left of art if a taste is discarded in favor of every momentary sentimentality?

It is in this hardly satisfactory context that I propose a practical approach in which I, first, comply a list of the ways art affects us in personal encounters; second, show how these features are present in an adventure game; and third, make a critical assessment of the aesthetic value, if any, the chosen video game produces.

The adventure games are selected as an object of the research because this genre has recently experienced a wave of highly acclaimed projects. For empirical material, I use a *Plague Tale* series (2019–2022), consisting of *A Plague Tale: Innocence*, and its sequel *A Plague Tale: Requiem*.

The objective is to test 2 hypotheses regarding adventure video games' status as art: (1) some adventure videogames can be as aesthetically rich as fine arts, and (2) some adventure videogames provide an aesthetic value unsubstitutable by any other art form.

The expected result is the affirmation/rejection of hypotheses based on a case study.

As for methods and material, I turn to the works of two, in my view, prominent aesthetic writings of our time: that of Roger Scruton [3] and Iain McGilchrist [4]. The works focus on experiencing beauty in the first-person, rather than a conceptual theory. Thus, the key outtakes as to what and how art invokes in us as we experience it would constitute a list that I apply to the case study.

For a case study of *Plague Tale*, I collected reviews, open-source analyses from players, interviews from game developers, Asobo Studio, and annual video game conference The Game Awards. Moreover, I myself finished the video game, adding a personal experience to the material.

In the closing evaluative part, even if we do not affirm the selected game to have genuine aesthetic qualities of art, we still may benefit by analyzing the value of so-called failed arts.

Список источников:

1. Wolf, M. J. P., & Perron, B. (Eds.). (2023). *The Routledge Companion to Video Game Studies* (2nd ed.). New York, Abingdon: Routledge.
2. Manono, F., Mugubi, J., & Situma, E. (2023). NARRATIVE DISPOSITIONS IN MODERN VIDEO GAMES. *African Journal of Emerging Issues (AJOEI)*, 5(12), 39–56.
3. Scruton, R. (2011). *Beauty: A Very Short Introduction*. Oxford, New York: Oxford University Press.
4. McGilchrist, I. (2023). Recovering the sacred, recovering the soul. *Pari Perspectives*, (15), 11–21.

Видеоигры как новый вид искусства и понимания философии на примере *Death Stranding*

Веденеев Максим Викторович

Воронежский государственный университет

vedamax@mail.ru

Научный руководитель: *Ищенко Елена Николаевна, доктор философских наук, ВГУ*

Video games as a new form of art and understanding of philosophy using the example of

Death Stranding

Vedeneev Maxim

Voronezh State University

Еще в эпоху предэллинизма Аристотель писал, что искусство способно довести человека до катарсиса, оно воздействует на наши чувства и мозг, заставляя их действовать. Но у любого вида искусства, будь то музыка, театр или кино, нет важных элементов, чтобы гарантированно заставить человека действовать. Там нет правил и порядка, которые необходимо соблюдать, нет ритуалов, нет игры. Проблема заключается в том, что человек не способен осознавать каждую секунду своей жизни и свои действия. Повторяемые действия или похожие сценарии мозг решает автоматически, не проживая их по-настоящему, поскольку именно осознанные действия нам помогают не просто знать, а понимать, не просто существовать, а жить. Наслаждаясь каким-нибудь видом искусства, которое повествует о событиях, еще не пережитых наблюдателем, человек может не понять произведение (также чувства об этих событиях могут находиться глубоко в бессознательном). Все дело в том, что хоть и искусство — это игра, в этой игре зритель является всего лишь наблюдателем, он никак физически в ней не участвует, он не действует осознанно. Именно поэтому в племенах были обряды посвящения и различные ритуалы, эти игры помогали понять мировоззрение определенного племени или понять сам мир. И я думаю, что одна из особенностей философии в том, что она находится на стыке науки и искусства, и, чтобы полностью понять ее, нужно ее прожить, увидеть мир глазами конкретного философа.

Именно видеоигры решают эту проблему. В структуру видеоигры включены другие виды искусства, а именно: кино (путем создания роликов с реальными актерами), музыка (под видеоигры часто пишут композиции), художественная литература (для мира видеоигры часто пишут небольшие книги и поэзию), изобразительное искусство (миры, в которых происходят действия игр создаются вручную, словно ожившие картины). Они помогают пережить какой-то важный аспект жизни, причем не просто пережить, а пережить под определенным взглядом, благодаря системе и правилам, которые игрок должен соблюдать. И они заставляют игрока постоянно быть осознанным, постоянно следить за происходящим, путем различных целей и задач, что игрок должен выполнять. Это могут быть абсолютно типичные вещи для нашей жизни, такие как вождение, собирательство, диалог или даже обычная ходьба, но это помогает мозгу быть постоянно сконцентрированным. Один из примеров — это игра *Death Stranding*, в ней поднимается тема экзистенциального одиночества. Большую часть игры нужно в одиночестве ходить из одной точки в другую, доставлять

посылки, пробираясь к цели, будучи единственным живым среди мертвецов (остальные живые люди находятся в бункерах и связываются с друг другом только через голограммы или с помощью радиосвязи). Именно с помощью этого создается ощущение экзистенциального одиночества, между людьми нет настоящей человеческой связи, все вокруг неживое, в буквальном и переносном смысле. Также игра крайне интересно решает проблему этого одиночества: постройки могут перейти другому игроку в его мир и помочь ему.

Список источников:

1. Хёзинга, Й. (2022). *Ното ludens. Человек играющий*. СПб: Азбука.
2. Фромм, Э. (2022). *Искусство любить*. М.: АСТ.

Патафизический юмор в серии игр *Hylics*

Жатин Федор Сергеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

fszhatin@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Кириченко Владислав Владимирович*, кандидат филологических наук, НИУ ВШЭ

Pataphysical humour in *Hylics* game series

Zhatin Fyodor

National Research University Higher School of Economics

Проблема юмора в компьютерных играх часто поднималась исследователями. Многие из их сходятся во мнении, что юмор — это многофункциональный инструмент, который удерживает игроков в игровом процессе и позволяет лучше понять сюжет. Работа направлена на анализ довольно своеобразного проекта *Hylics*. Несмотря на популярность среди игрового сообщества, особого внимания исследователей видеоигра не привлекла. Созданная Мэйсоном Линдротом в *Gamemaker Studio*, игра снискала признание не только среди геймеров, но и среди критиков и была выставлена в музее искусств в Сиэтле. Опираясь на предыдущие исследования юмора и *Hylics*, мы планируем дать обширный обзор «комического» в играх, объяснить, что такое «патафизический» юмор, и проанализировать *Hylics* и *Hylics 2* в его рамках. Также одна из целей этого доклада — приоткрыть завесу в междисциплинарные исследования не только компьютерных игр, но и произведений сюрреалистического искусства в целом.

В уже имеющихся исследованиях юмора в компьютерных играх рассматривались функции, виды, влияние комического на играющего. Анне-Мари Грюнроос решила классифицировать юмор в 3 теории: «superiority theory» (теория превосходства), «relief theory» (теория облегчения), «incongruity theory» (теория несоответствия) [1, с. 19]. В дальнейшем эта работа снова будет рассмотрена, когда будут освещены основные функции юмора в компьютерных играх.

Однако есть франшиза, которую нельзя проанализировать только в свете имеющихся теорий. Серия игр Мэйсона Линдрота *Hylics*, называющая себя «развлекательной программой с легкими элементами JRPG» (recreational program with light JRPG elements), не использует традиционные понятия юмора. Вместо этого она подает довольно нетривиальный сюжет с помощью текучего визуального стиля и несуразной манеры речи героев. Предполагается, что возможно провести анализ юмора и его функций за счет патафизических теорий, раскрытых в книге Эндрю Хьюгилла «Патафизика. Беспольный Путеводитель». Главными целями нашей работы являются: 1) обзор главных особенностей юмора в компьютерных играх на основе имеющихся работ, 2) обзор основных теорий патафизического юмора, 3) анализ *Hylics* и *Hylics 2* в контексте рассмотренных выше работ.

Как уже было сказано выше, будет проведен краткий анализ существующих исследований по теме вариаций юмора в компьютерных играх. Также юмору будет полностью посвящена первая сугубо описательная часть доклада. Далее на основании исследований Эндрю Хьюгилла будет описано понятие «патафизического юмора» и его

проникновение в компьютерные игры (в сборнике также учитывается переход патафизики и в другие сферы искусства, например, в литературу, музыку и кинематограф [3, с. 129]). В заключении выступления станет ясно, что «карикатурность», используемая в *Huylis* хоть и несуразна, но все равно задает серьезный вопрос. Также благодаря юмору можно придумать потенциальную трактовку игровой франшизы.

Список источников:

1. Grönroos, A.-M. (2013). *Humour in Video Games: Play, Comedy, and Mischief* [Master's Thesis, Aalto University].
2. Kallio, O., & Masoodian, M. (2018). Comedy in the Ludonarrative of Video Games. In E. Clua, L. Roque, A. Lugmayr, & P. Tuomi (Eds.), *Entertainment Computing — ICEC 2018* (pp. 115–1126). Cham: Springer.
3. Хьюгил, Э. (2017). *Патафизика. Бесплезный путевооителъ* (В. Саовский, Пер.). Гилея.

Конструирование опыта сакрального в видеоиграх

Карпова Мила Евгеньевна, Стрелец Андрей Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

karpovame@list.ru, andreystrelets.17@gmail.com

Научный руководитель: *Пащенко Марк Олегович, НИУ ВШЭ*

Creating experience of the sacred in video games

Karpova Mila, Strelets Andrey

National Research University Higher School of Economics

Возможна ли передача религиозного опыта через видеоигры?

Цель нашего исследования — поиск способов передачи религиозного опыта через видеоигры с учетом внутриигровой репрезентации религиозных сообществ.

Чаще всего разработчики видеоигр используют религию только как часть сеттинга [2], примером чему служит недавно вышедшая *Baldur's Gate 3* (2023). Нам стало интересно, возможно ли использование религии для выстраивания уникального опыта, а не только для создания внутриигрового мира.

Задачи нашего исследования — 1) исследовать способы передачи и конструирования религиозного опыта, 2) проанализировать игры с религиозными сообществами на предмет священного, 3) найти примеры подтверждения или опровержения исследовательского вопроса.

Сложность исследования заключается в субъективности религиозного опыта, поэтому для его изучения мы обращаемся к феноменологии религии, которая опирается на чувственные переживания человека. Теоретической основой исследования стали труды Р. Отто.

Для составления собственной классификации религиозных сообществ мы проанализировали не только видеоигровые произведения, где религия стала основной темой, но и те, в которых этот конструкт лишь дополнял мир игры или ее повествование. Для этого мы выделили черты, которые располагают к религиозному опыту. Для того чтобы примеры не ограничивались только присутствием в них религии, мы взяли в подборку и те проекты, где нет четкой репрезентации веры, но они, исходя из анализа феноменологии, вызывают стимулы, которые приближают к переживанию религиозного опыта.

Религиозный опыт — особое чувство присутствия божественного или связи человека со священным. Священное — то, что способно привести к переживанию божественного [4]. К работам Отто мы обращаемся, поскольку он работал с этими понятиями. В книге «Священное» Отто говорит о священном, как о рациональном, но для того чтобы исследовать чувства, он выделяет в нем иррациональную часть, нуминозное, которая отвечает за интенсивное переживание [1].

Для данного исследования труд Отто особенно интересен, так как феноменолог утверждает, что чувство нуминозного можно пробудить при помощи сходного с ним чувства, например, через возвышенное [3].

Другое предположение Отто, которое мы используем для исследования — это то, что чувства священного изначально не существовало. Было лишь иррациональное

нуминозное (первобытный религиозный ужас), которое постепенно развивалось (страх богов) и в итоге стало священным (страх Божий) [1].

Попытка вызвать нуминозное у игрока может привести к переживанию религиозного опыта в игровом медиуме. Мы рассматриваем конструирование религиозного опыта в играх в таких сферах разработки, как game, narrative, sound, level и art design.

Список источников:

1. Отто, Р. (2008). *Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным* (А. М. Руткевич, Пер.). СПб: АНО «Изд-во С.-Петербур. ун-та».
2. Campbell, H. A., Wagner, R., Luft, S., Gregory, R., Grieve, G. P., & Zeiler, X. (2016). Gaming Religionworlds: Why Religious Studies Should Pay Attention to Religion in Gaming. *Journal of the American Academy of Religion*, 84(3), 641–664.
3. Егорова, И. (2017). Разволшебствование мира и чувство священного трепета. *Философская антропология*, 3(1), 46–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvolshebstvovanie-mira-i-chuvstvo-svyaschennogo-trepeta>.
4. Мак-Ким, Д. К. (2004). *Вестминстерский словарь теологических терминов*. М.: Республика.

Особенности функционирования нарратива в формировании связи типа «персонаж — игрок» в играх с несколькими сюжетно-временными линиями на материале *Syberia: The World Before*

Кукреш Вероника Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

vakukresh@mail.ru

Features of the functioning of narrative in the formation of a character-player connection in games with several plot-time lines based on the material of *Syberia: The World Before*

Kukresh Veronika

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

Выстраивание эмоциональной связи между игроком и его игровым аватаром, несомненно, является одной из основных задач создателей игры и напрямую влияет на ее успех после выпуска. В своем исследовании, посвященном социальной типологии отношений между игроком и аватаром, Бэнкс отмечает, что «нарратив может быть ключевым фактором в формировании чувства более глубокой эмоциональной близости и восприятия того, что аватары существуют независимо» [1]. Однако с развитием компьютерных технологий и ростом потребностей потребителя компании, выпускающие игры, ищут новые способы привлечь аудиторию. Одним из таких способов стало усложнение игрового нарратива благодаря включению в игру нескольких временных линий или существующих одновременно топосов, в каждом из которых разворачивается собственный сюжет. В своем докладе я хочу рассмотреть особенности использования нарратива в формировании связи «игрок — аватар» в таких играх на примере *Syberia: The World Before*, разработанной французскими студиями Koalabs и Microids Studio Paris.

Опираясь на существующие исследования в области игрового нарратива, я определяю, какие нарративные стратегии применяют разработчики в играх с несколькими пространственно-временными линиями (и несколькими фокальными персонажами, соответственно), а также анализирую, как эти нарративные стратегии работают в контексте формирования связи между игроком и персонажем.

В первой, небольшой и теоретической, части доклада я планирую рассказать о предыдущих исследованиях в области, а также представить некоторые собственные идеи. Далее я разберу нарративные приемы, которые используют разработчики игры *Syberia: The World Before*, в том числе для связи двух временных линий сюжетно. В конце доклада представлю собственные выводы о том, как использованные стратегии влияют на пользовательский опыт, и работают ли они на формирование связи «игрок — аватар».

В заключении станет ясно, что во многом на формирование эмоциональной связи между игроком и аватаром влияет использование почти что детективного нарратива. Пэклонс и Тратсерт в своем исследовании отмечают, что «история раскрытия дела обычно рассказывается в хронологическом порядке, а история о преступлении

рассказывается анахронологически, путем поиска улик» [2]. Однако в *Syberia* нарратив построен иначе: игрок видит и прошлое («преступление»), и настоящее («расследование») хронологически, благодаря чему выстраивается более сильная эмоциональная связь с фокальными персонажами. Обе временные линии игры ведут игрока к одному — разгадыванию загадки и нахождению «недостающего лора» игры, без которого невозможно полное понимание всех произошедших событий и мотивации героев.

Список источников:

1. Banks, J. (2015). Object, Me, Symbiote, Other: A social typology of player-avatar relationships. *First Monday*, 20(2). URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5433/4208>.
2. Paklons, A., & Tratsaert, A. (2021). The Cryptographic Narrative in Video Games: The Player as Detective. In A. Masschelein, F. Mussnug, & J. Rushworth (Eds.), *Mediating Vulnerability: Comparative Approaches and Questions of Genre* (pp. 168–84). UCL Press.

Хоровая идентичность расщепленной личности, раздробленного общества и мира изолированных цивилизаций и политических концепций в *Disco Elysium*

Лубянов Георгий Константинович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

gklubyanov@edu.hse.ru

Choral identity of a split personality, a fragmented society and a world of isolated civilizations and political concepts in *Disco Elysium*

Lubyanov Georgii

National Research University Higher School of Economics — Saint Petersburg

В исследовании присущая видеоигре *Disco Elysium*, выпущенной студией ZA/UM, открытая заинтересованность в политическом самосознании человека и искренней репрезентации интимных, внутриличностных, противоречивых и мрачных элементов «человеческого состояния» является отправной точкой для сопоставления современного произведения с корпусом представлений и теоретических предположений об искусстве античности.

Как в своей статье об «Эдипе-царе» отмечал Николай Павлович Гринцер, «количество политических прочтений различных текстов античной драмы в последнее время очевидно увеличилось» [1, с. 77]. В данной работе взгляд на античную трагедию как на произведение, активно вовлеченное в политический дискурс, транспонируется на медиум видеоигр. Помимо этого, выдвигается предположение, что резонирующее с современным обществом честное изображение внутреннего состояния человека в многоголосом мире является не самоцелью, а инструментом, с помощью которого достигается погружение игрока в мир *Disco Elysium* и политизированный модус восприятия. Политическая функция постановок в античном обществе соотносится с интерактивной составляющей медиума видеоигр и репрезентации воли и взглядов игрока в художественном мире через фигуру управляемого протагониста, взаимодействующего с «хором».

Производится анализ поэтики *Disco Elysium*, в ходе которого в тексте выделяются 3 структурных уровня-«трагедии»: индивидуально-психологический, общественно-бытовой и идеологически-политический. В каждом из выделенных уровней воспроизводится траектория протагониста и описывается система персонажей и структура соответствующего уровню «хора»: разъединенные элементы личности протагониста; обитатели игрового мира, не задействованные напрямую драматургией центральной сюжетной линии; группировки разных направлений идеологического компаса, агитирующие протагониста, а через него и игрока. Присущий тексту игры юмор рассматривается в рамках доклада как комедия, следующая вплотную за тремя трагедиями, которые вместе формируют единое высказывание.

Визуальный стиль, тяготеющий к почти скетчевому характеру в изображении простых людей и граничащий с сюрреализмом при отображении мыслей или абстрактных концептов, которым дан голос, рассматривается в парадигме, очерченной Александром Степановым в книге «Театр эллинского искусства»: аватара персонажа,

однажды заданная, становится его маской, иконографическим типажом [2, с. 24], который в отличии от статичных изобразительных искусств все же сохраняет минимальный динамизм.

Список источников:

1. Гринцер, Н. П. (2017). Политический смысл «Эдипа-царя»: нужен ли ответ на вечный вопрос? *Шаги/Steps*, 3(4), 76–92.
2. Степанов, А. (2023). *Театр эллинского искусства*. М.: Новое Литературное Обозрение.

Сопереживание противникам в видеоиграх: роль персонификации

Осинцева Дарья Юрьевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

dyuosintseva@edu.hse.ru

Научный руководитель: *Фомин Илья Владимирович, НИУ ВШЭ*

Compassion for opponents in video games: the role of personification

Osintseva Daria

National Research University Higher School of Economics

Видеоигры уже давно стали привычными интерактивными развлечениями, но в обществе все еще активна дискуссия по поводу того, как они вызывают насилие. «Жестокие» видеоигры и их влияние часто вызывают споры как среди исследователей, так и среди общественности. Такое происходит из-за того, что во многих видеоиграх присутствуют противники, которые встают на пути у игрока и которых зачастую ему предстоит нейтрализовать (убить, избить до потери сознания и т. д.), используя насилие. Но в некоторых видеоиграх разработчики намеренно пытаются создать эффект сопереживания противникам, сделать их более человечными и вызвать эмпатию к ним. Таким образом, они ставят вопрос еще и о неэтичности насилия. В данном докладе будет исследован феномен персонификации и то, как разработчики видеоигр используют его для того, чтобы склонить игрока к сопереживанию противникам и более пацифистскому прохождению.

Люди воспринимают различных виртуальных агентов (в том числе персонажей видеоигр) как себе подобных, наделяют их человеческими чертами, т. е. антропоморфизируют [1]. Это относится и к главному герою (аватару игрока), и к неиграбельным персонажам, в том числе противникам. При этом в видеоиграх часто встречается большое количество насилия и убийств, так как во многих жанрах механика боя являются ключевыми для жанров (шутеры, RPG). Из-за обилия насилия происходит десенситизация к нему, т. е. понижение чувствительности [2]. Игрок может эмоционально привязаться к неигровым персонажам, если у них хорошо прописан характер [3]. Но для эмоциональной привязанности нужно определенное время. Такое может сработать с главным антагонистом или мини-боссами, которые появляются в игре как игровые противники нечасто, но каждое их появление является важной частью повествования. Однако многие «рядовые» противники в видеоиграх выполняют роль мишеней, игрок редко наделяет их личностными чертами. Разработчикам не удастся прописать характер врагам, которые, например, появляются «волнами», так как их слишком много. Для того чтобы игроки сопереживали противникам, их можно наделять такими человеческими чертами (персонифицировать), которые не требуют раскрытия характера. Например, если игрок будет наблюдать взаимодействия противников, правдоподобные эмоциональные реакции на насилие и т. п. В докладе будут разобраны подобные аспекты персонификации, а также их влияние на опыт игрока. Эмпирическую базу исследования составили следующие видеоигры: *Dishonored 1, 2 (2012, 2016); The Last of Us: Part II; Horizon: Forbidden West.*

Список источников:

1. Koike, M., & Loughnan, S. (2021). Virtual relationships: Anthropomorphism in the digital age. *Social and Personality Psychology Compass*, 15(6).
2. Carnagey, N. L., Anderson, C. A., & Bushman, B. J. (2007). The effect of video game violence on physiological desensitization to real-life violence. *Journal of Experimental Social Psychology*, 43(3), 489–496.
3. Ravenet, B., Pecune, F., Chollet, M., & Pelachaud, C. (2016). Emotion and Attitude Modeling for Non-player Characters. In K. Karpouzis, G. Yannakakis (Eds.), *Emotion in Games* (pp. 139–154). Cham: Springer.

Типология и анализ коннотативных свойств визуальных элементов в 2D-играх

Русакова Ирина Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

murmupa.games@gmail.com

Научный руководитель: *Пащенко Марк Олегович, НИУ ВШЭ*

Typology and analysis of connotative properties of visual elements in 2D games

Rusakova Irina

National Research University Higher School of Economics

Хотя доля 2D-игр на мировом рынке значительно меньше доли 3D-игр, проекты с рисованной графикой все еще находят свою аудиторию. Достоинство 2D-стиля заключается в дешевизне и скорости разработки в связи с более простым уровнем технических задач, а также компактности проекта, упрощающей его использование в мобильной среде.

2D-графика — метод для выражения взглядов автора, а через них эмоционального опыта, конструирование которого является задачей видеоигры в целом. Таким образом, можно обратиться к понятиям коннотата и денотата — значениям, обладающим разной степенью выраженности в знаке.

Денотат — явный смысл означающего, понятный из опыта восприятия знака [1]. При этом коннотат — скрытый символический, эмоционально окрашенный или ситуативный смысл знака [2]. Можно сказать, что реалистичная 3D-графика в основном воплощает денотативные смыслы, в то время как 2D-графика находится в поле коннотативных смыслов, сообщаемых визуальными метафорами авторского стиля.

Анализ игровой графики не является уникальной темой, так как отдельные авторы уже обращались к этим вопросам, например, работа Май Нгуен «Основы игровой 2D-графики» посвящена принципам работы с двухмерной графикой [3]. В анализе графики игр также часто применяют семиотический подход с целью выявить возможные смыслы в проекте, как в исследованиях «Социально-семиотический подход к визуальному анализу двухмерных игр: инструментарий» Андре Матумото и Пауло Гонсалвеса-Сегундо [4], а также «Символизм в играх» Йонны Гронлунд и Касры Калами [5].

В сфере академического геймдизайна наблюдается недостаток фокуса на комплексных сочетаниях смысловых и визуальных величин. При этом отмечается интерес к узкоспециализированным приемам, что не дает обзорного представления о типах деления графических элементов по категориям на основе семиотического метода. Это исследование стремится стать теоретическим пособием для геймдизайнеров с потенциалом практического применения при разработке 2D-видеоигры.

Задача этого исследования — построение многоуровневой классификации визуальных элементов игры и их коннотативных значений по типам в соответствии со способами образования символических значений. Составным уровнем типологии является описание классов визуальных элементов по принципу разнородности их коннотативного потенциала, то есть совмещение систематизированных знаний об

объекте исследования, 2D-графике в видеоиграх, и о предмете исследования — коннотативных свойствах означающего, визуальной части игры.

Типология графических элементов основана на достижениях и теоретических изысканиях графического дизайна, выделяющих основные принципы конструкции изображения. Основным методом исследования стал семиотический подход, в том числе знания о знаках и их свойствах, с привлечением теоретических источников. Еще один прием — обращение к 2D-видеоиграм в качестве примеров описываемых теоретических явлений и с целью подтверждения выдвигаемых гипотез.

Список источников:

1. Frege, G. (2009). On Sense And Reference. In B. Darragh, & M. Kolbel (Eds.), *Arguing About Language* (pp. 36–56). New York: Routledge.
2. Ельмслев, Л. (2006). *Пролегомены к теории языка*. М.: КомКнига.
3. Nguyen, M. (2021). *Fundamentals of 2D Game Art* [Bachelor Thesis in Business Information Technology, Kajaani University of Applied Sciences].
4. Matumoto, A., & Goncalves-Segundo, P. (2022). Towards a social-semiotic approach to visual analysis of two-dimensional games: a toolkit. *Texts Livre, 15*. URL: <https://periodicos.ufmg.br/index.php/textolivres/article/view/39398/31422>.
5. Gronlund, J., & Kalami, K. (2013). Symbolism in Games [Bachelor Thesis in Media Technology, Blekinge Institute of Technology].

Разработка рекомендаций по визуальной доступности для видеоигр и их влияние на опыт пользователей без нарушений зрения

Цибизова Валерия Сергеевна

Университет ИТМО

tsibizova.val@gmail.com

Научный руководитель: *Джумагулова Алена Федоровна, кандидат психологических наук, ИТМО*

Development of visual accessibility recommendations and impact of visual accessibility on experience of users without visual impairments

Tsibizova Valeria

ITMO University

Доступность видеоигр — это развивающееся и набирающее популярность направление исследований, однако все еще существует относительно небольшое количество проверенных источников и методов, имеющих подтвержденную эффективность. Кроме того, частным аргументом среди разработчиков против внедрения доступности в коммерческие игровые продукты является потенциально малое количество потребителей, для которых она окажется актуальной или полезной. Эти факторы в свою очередь влияют на возможности дальнейшего развития сферы игровой доступности, что имеет негативные последствия [1].

В сфере веб-доступности существуют исследования о влиянии соблюдения WCAG 2.0 на опыт зрячих пользователей [2], показывающие неоднозначные результаты. При внедрении элементов доступности некоторые юзабилити-метрики улучшались, а другие, наоборот, падали, из-за чего можно говорить о существовании эффекта, оказываемого элементами доступности и на опыт пользователей без нарушений зрения. На основе этого было решено провести исследование для определения влияния элементов визуальной доступности на опыт полностью зрячих игроков.

Целью эксперимента было исследовать влияние элементов доступности на опыт и результаты взаимодействия с игровым прототипом пользователей без нарушений зрения. В ходе исследования 48 людям в возрасте от 17 до 24 лет с различным предыдущим игровым опытом была случайным образом предложена одна из двух версий прототипа, различающихся степенью визуальной доступности в соответствии с Game Accessibility Guidelines [3]. Респондентам предлагалось выполнить ряд заданий, связанных с навигацией в игровом интерфейсе и ориентацией в 3D-среде, после производилась оценка пользовательского опыта с помощью опросника UMUX. Затем респондентам предлагалось ознакомиться с противоположной версией прототипа и выбрать одну из них как предпочтительную.

Результаты проведенного исследования показали, что в результате пользователи в среднем допускали меньше ошибок (3.79 ± 0.6 для версии с более высокой степенью визуальной доступности; 5.08 ± 1.35 для версии с низкой степенью визуальной доступности) и быстрее справлялись с поставленными задачами (350 ± 5 сек. для версии с более высокой степенью визуальной доступности; 440 ± 1.3 сек. для версии с низкой степенью визуальной доступности), однако при этом многие респонденты не

могли выявить каких-либо функциональных различий между версиями и назвать одну из них удобнее другой.

В рамках доклада планируется представить результаты исследования, сделать выводы о влиянии визуальной доступности в играх на опыт зрячих пользователей на основе статистического анализа данных, а также рассмотреть их связь с полученными от респондентов отзывами об опыте взаимодействия.

Список источников:

1. Archambault, D., Ossmann, R., Gaudy, T., & Miesenberger, K. (2007). Computer games and visually impaired people.
2. Neely, E. (2017). No player is ideal: why video game designers cannot ethically ignore players' real-world identities. *ACM SIGCAS Computers and Society*, 47(3), 98–111.
3. Ossmann, R., Archambault, D., & Miesenberger, K. (2008). Accessibility Issues in Game-Like Interfaces. In K. Miesenberger, J. Klaus, W. Zagler, & A. Karshmer (Eds.), *Computers Helping People with Special Needs* (pp. 601–604). Berlin, Heidelberg: Springer.

Дизайн нарративно-ориентированного геймплея: примеры и паттерны

Чекуха Эдуард Николаевич, Селихова Алиса Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
eduard.chekukha@mail.ru, alisa.selikhova@gmail.com

Научный руководитель: *Пащенко Марк Олегович, НИУ ВШЭ*

Narrative-oriented gameplay design: examples and patterns

Chekukha Eduard, Selikhova Alisa

National Research University Higher School of Economics

Видеоигры — это иммерсивные медиумы для рассказа историй, а их миры — невероятно комплексные [1, р. 23]. Практически любая онтологическая модель видеоигр выделяет в качестве составных ее частей заложенную в видеоигру историю, детали миростроения и, конечно же, игровые механики. Как и части любой другой системы, они взаимодействуют друг с другом и вместе формируют мир видеоигры.

Получаемый игроком опыт складывается из восприятия всех этих аспектов. Соответственно, восприятие заложенной в игру истории и конструируемого геймдизайнерами опыта напрямую зависит от того, как эти аспекты соединяются воедино.

Как отмечено в трудах Тамер Табета [2, р. 19], повествовательные элементы в игровых нарративах нестатичны, и, кроме того, могут быть изменены самим игроком, что делает их непредсказуемыми. Из-за этого геймдизайнеры вынуждены с особой тщательностью проектировать планируемый опыт, стараясь объединить элементы игрового процесса и сторителлинга.

В свою очередь неаккуратный подход может привести к нарушению целостности опыта и появлению лудонарративного диссонанса, что негативно влияет на впечатления от видеоигрового процесса. И хотя связь нарратива и геймплея уже затрагивалась в рамках исследований и лабораторий практиков из индустрии, существующие работы скорее анализируют конкретные кейсы, нежели систематизируют виды ошибок создания нарративно-ориентированного геймплея и предлагают свои варианты их решения.

Цель нашего исследования — выявить устойчивые паттерны, которые геймдизайнеры используют, чтобы сильнее погружать игрока в повествование, а также предложить свои верхнеуровневые дизайнерские решения для усиления связи между геймплеем и рассказываемой в видеоигре истории. На основании исследования мы также планируем сформулировать методику нарративного производства с использованием геймдизайнерского документа.

Для выявления паттернов мы разработали методику всестороннего анализа связи нарратива с геймплеем в видеоиграх. Используя работы Генри Дженкинса о видах видеоигрового сторителлинга и архитектуре нарративного дизайна в видеоиграх, а также анализируя нарративные абстракции, мы определяем качество связи выбранной игровой механики с нарративом.

Результаты проведенного исследования будут сведены в определенного вида пособие, которое может быть использовано геймдизайнерами и нарративными

дизайнерами на стадии раннего препродакшена игры. Оно позволит им без глубокого анализа похожих игр сразу определить спектр возможных кор-механик. Также использование этого исследования позволит избежать ненамеренного лудонарративного диссонанса.

Список источников:

1. Jenkins, H. (2002). *Game Design as Narrative Architecture*.
2. Thabet, T. (2008). Narrative Methodology in Computer Game Studies. *Boitata*, 3(6), 15–22.